

ООО Издательский дом «ХОРС»

**ОБЩЕСТВО:
философия, история, культура**

Научный журнал

www.dom-hors.ru

№ 6 (98)

2022

Publishing House HORS LLC

**SOCIETY:
Philosophy, History, Culture**

Scientific Journal

www.dom-hors.ru

No. 6 (98)

2022

ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

2022, № 6 (98)
Основан в 2011 г.

Научный журнал «Общество: философия, история, культура» включен в Перечень рецензируемых научных изданий от 01.12.2015 г., в соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28.12.2018 г. № 90-р входит в Перечень рецензируемых изданий по следующим научным специальностям: по философским (5.7.1, 5.7.2, 5.7.3, 5.7.4, 5.7.5, 5.7.6, 5.7.7, 5.7.8, 5.7.9), историческим наукам (5.6.1, 5.6.2, 5.6.5, 5.6.6, 5.6.7), культурологии (24.00.01 (филос.), 24.00.01 (культ.), 5.10.2 (культ.)).

Журнал «Общество: философия, история, культура» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 15.03.2011 г. Номер свидетельства ПИ № ФС77-44190.

Журнал «Общество: философия, история, культура» зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования. Лицензионный договор с ООО «НЭБ» № 62-03/2011R от 23.03.2011 г. на включение информации об опубликованных статьях в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал входит в следующие международные базы данных: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Шалин Виктор Викторович, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, член-корреспондент Российской академии гуманитарных наук,

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

– по философским наукам:

Ашхамахова Асиет Аскеровна, доктор философских наук, доцент, преподаватель подготовительного отделения для иностранных граждан Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, Бараш Любовь Александровна, кандидат философских наук, преподаватель Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов,

Бетильмерзаева Марет Муслимовна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета, профессор кафедры философии Чеченского государственного университета,

Гараева Галина Фаизовна, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия,

Голенкова Зинаида Тихоновна, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, почетный доктор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,

Горохов Павел Александрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Гурьянов Алексей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета,

Думинская Марина Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-экономического образования и философии Сургутского государственного педагогического университета,

Иванов Андрей Анатольевич, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры философии и истории Сибирского университета потребительской кооперации,

Иливицкая Лариса Геннадьевна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации,

Кириллов Герман Михайлович, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации» Пензенского государственного университета,

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области,

Макулин Артем Владимирович, доктор философских наук, доцент, директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова,

Малкина Светлана Михайловна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,

Манжуева Оксана Михайловна, доктор философских наук, доцент, преподаватель специальных дисциплин Бурятского республиканского многопрофильного техникума инновационных технологий,

Морозов Илья Леонидович, доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Мусийчук Мария Владимировна, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент по кафедре общей психологии, профессор кафедры психологии Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова,

Огородников Александр Юрьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Попов Виталий Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
Пронькина Анна Владимировна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,
Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН,
Сергодеева Елена Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета,
Соловьева Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого в г. Серпухове,
Солопов Олег Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры правовых дисциплин, доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого,
Хоружая Светлана Владимировна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, начальник учебно-методического управления Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Черникова Валентина Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой общенаучных дисциплин, начальник отдела науки и аспирантуры Института Дружбы народов Кавказа,
Шахматова Елена Васильевна, доктор философских наук, кандидат искусствоведения, доцент, начальник научного отдела Российского института театрального искусства – ГИТИС,

– по историческим наукам:

Амосова Алиса Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Анисимов Александр Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России XX–XXI вв. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета Воронежского государственного университета,
Клочков Виктор Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета,
Коршунова Надежда Владимировна, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета,
Кцоева Султана Гильмидиновна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального научного центра Владикавказский научный центр Российской академии наук, профессор кафедры всеобщей истории Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова,
Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Молзинский Владимир Владимирович, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, декан факультета музыкального искусства эстрады Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной, научной и воспитательной работе филиала Российского государственного института сценических искусств в Кемерово – Сибирской высшей школы театрального и музыкального искусства,
Петрунина Жанна Валерьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета,
Романов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета,
Салчинкина Ангелина Ростиславовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Сивцева Саассылана Иннокентьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, обществознания и политологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
Синдеев Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук,
Скипина Ирина Васильевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета,
Сулейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук,

Сушкова Юлия Николаевна, доктор исторических наук, доцент, декан юридического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,
Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Федирко Оксана Петровна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Фоменко Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук,
Шарифов Рахмонали Ятимович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таджикского национального университета,
Юсупова Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук,

– по культурологии:

Абдулаева Медина Шамильевна, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент по кафедре теории и истории музыки, директор Института культуры и искусства Дагестанского государственного педагогического университета,
Амосова Алиса Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Бетильмерзаева Марет Мусламовна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета, профессор кафедры философии Чеченского государственного университета,
Горобец Светлана Владимировна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор кафедры фортепиано, ученый секретарь ученого совета Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Иливицкая Лариса Геннадьевна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Каткова Кристина Федоровна, кандидат культурологии, доцент кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры, старший научный сотрудник Музейно-выставочного центра, г. Санкт-Петербург,
Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Пронькина Анна Владимировна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,
Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства, директор Института художественного образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,
Терещенко Елена Юрьевна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой искусств и дизайна Мурманского арктического государственного университета,
Тищенко Наталья Викторовна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.,
Хоружая Светлана Владимировна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, начальник учебно-методического управления Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абрамян Ваграм Геворгович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры управления, бизнеса и туризма Российско-Армянского (Славянского) университета, профессор кафедры управления и бизнеса Ереванского государственного университета (Республика Армения),
Буквич Райко, доктор экономических наук (Республика Сербия),
Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета, заслуженный юрист Республики Армения,
Гао Тяньмин, кандидат экономических наук, профессор, директор Центра исследования России, директор Центра синей экономики Арктики Института экономики и управления Харбинского инженерного университета (КНР),
Ерохин Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент Института экономики и менеджмента Харбинского инженерного университета (КНР),
Карапетян Владимир Севанович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой дошкольной педагогики и методик Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна, действительный член Международной академии психологических наук (Россия), Corresponding Member Armenian Philosophical Academy, (Республика Армения),
Кюскиева-Арабска Екатерина Димитрова, кандидат социологических наук, PhD in Administration and Management, доцент, вице-декан факультета экономики и менеджмента, руководитель отдела национальных и международных проектов и секретарь научного совета Высшего училища агробизнеса и регионального развития, президент Академии инноваций и устойчивости, Пловдив (Республика Болгария),

Няголова Марияна Димитрова, кандидат психологических наук, доцент истории психологии, преподаватель кафедры психологии Велико-Тырновского университета им. святых Кирилла и Мефодия (Республика Болгария),
Пиризода Джалил Сафар, доктор экономических наук, профессор, академик Института экономики и системного анализа развития сельского хозяйства Таджикской академии сельскохозяйственных наук (Республика Таджикистан),
Погосян Геворк Арамович, академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, научный руководитель Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Республика Армения),
Сандоян Эдвард Мартинович, доктор экономических наук РФ и РА, профессор, директор Института экономики и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета (Республика Армения),
Тодев Илия Тосков, доктор исторических наук, профессор Института исторических исследований Болгарской академии наук (Республика Болгария),
Ханов Талгат Ахматиевич, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института экономических и правовых исследований Карагандинского университета Казпотребсоюза (Республика Казахстан),
Хопёрская Лариса Львовна, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор, директор Центра евразийских исследований кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета (Киргизская Республика),
Христозова Галя Михайлова, доктор педагогических наук, профессор, ректор Бургасского свободного университета (Республика Болгария),
Цвиркун Виктор Иванович, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, Doctor Honoris Causa, чрезвычайный и полномочный посол Республики Молдова в государстве Катар (Республика Молдова),
Шебеко Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методик дошкольного образования Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (Республика Беларусь).

РЕДАКЦИЯ:

ДИРЕКТОР ООО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ХОРС»:

Харсеева Виктория Леонидовна, кандидат социологических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА:

Дюжева Мария Павловна

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Угулава Кристина Геннадьевна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Измайлова Анастасия Андреевна

РЕДАКТОРЫ:

Невзорова Наталья Викторовна
Сергейчик Людмила Ивановна
Ситникова Ольга Валериевна
Суркова Екатерина Сергеевна
Тюлюкова Мария Олеговна
Щеглова Ирина Борисовна

ПЕРЕВОДЧИКИ:

Аракелян Нина Сергеевна
Невзорова Наталья Викторовна
Сергейчик Людмила Ивановна
Ханмамедова Виктория Рамизовна

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО Издательский дом «ХОРС»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

SOCIETY: PHILOSOPHY, HISTORY, CULTURE

**2022, No. 6 (98)
Founded in 2011**

Society: Philosophy, History, Culture is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Publications as of December 01, 2015. According to the Decree of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 90-p as of December 28, 2018, the scientific journal is peer-reviewed in the following science-related fields: philosophical, cultural, historical sciences.

The journal "Society: Philosophy, History, Culture" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on March 15, 2011. It has Registration Certificate ПИ № ФС 77-44190.

The journal "Society: Philosophy, History, Culture" is registered in Russian Science Citation Index. It has Licensed Agreement with NEB LLC No. 62-03/2011R of March 23, 2011 on the Inclusion of the Information about Published Articles in the System of the Russian Science Citation Index.

The journal is included in the following international databases: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

CHIEF EDITOR:

Shalin Viktor Viktorovich, D.Phil., PhD in Education Science, Professor, Head of the Social and Cultural Sciences Department, Kuban State Agrarian University, Corresponding Member of the Russian Academy of Humanities,

EDITORIAL BOARD:

– philosophical sciences:

Ashkhamakhova Asiet Askerovna, D.Phil., Associate Professor, Lecturer of Preparatory Department for Foreign Citizens, Kuban State Agrarian University,

Barash Lyubov Aleksandrovna, PhD, Lecturer, Sochi branch of Peoples' Friendship University of Russia,
Betilmerzaeva Maret Muslamovna, D.Phil., Associate Professor, Interim Head of the Department of Philosophy, Political and Social Sciences, Chechen State Pedagogical University, Professor, Philosophy Department, Chechen State University,

Garaeva Galina Faizovna, D.Phil., Professor, Deputy Director for Science, North Caucasus branch of Russian State University of Justice,

Golenkova Zinaida Tikhonovna, Honored Scientist of the Russian Federation, D.Phil., Professor, Honored Dr., Head of the Centre for the Studies of Social Structure and Stratification, The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

Gorokhov Pavel Aleksandrovich, D.Phil., Professor, Department of Humanities, Social and Economic Sciences, Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Guryanov Alexey Sergeevich, D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Philosophy and Media Communications Department, Kazan State Energy University,

Duminskaya Marina Viktorovna, D.Phil., Professor, Department of Social and Economic Education and Philosophy, Surgut State Teacher's Training University,

Ivanov Andrey Anatolyevich, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Professor, Philosophy and History Department, Siberian University of Consumer Cooperation,

Ilivitskaya Larisa Gennadyevna, D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy and Cultural Studies Department, Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,

Kirillov German Mikhaylovich, D.Phil., Associate Professor, Philosophy and Social Communication Department, Penza State University,

Kotlyarova Viktoriya Valentinovna, D.Phil., Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Institute of Service and Business, branch of Don State Technical University in Shakhty, Rostov Region,

Makulin Artyom Vladimirovich, D.Phil., Associate Professor, Head of the Humanities Department, Northern State Medical University,

Malkina Svetlana Mikhaylovna, D.Phil., Professor, Theoretical and Social Philosophy Department, Saratov State University,

Manzhueva Oksana Mikhaylovna, D.Phil., Associate Professor, Special Subjects Teacher, Innovation Technologies Multidisciplinary College of the Republic of Buryatia,

Musiychuk Maria Vladimirovna, D.Phil., PhD in Education Science, Associate Professor, General Psychology Department, Professor, Psychology Department, Institute for the Humanities, Magnitogorsk State Technical University,

Morozov Ilya Leonidovich, D.Phil. in Political Science, PhD, Associate Professor, Professor, Public Administration and Management Department, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (RANEPA),

Ogorodnikov Aleksandr Yurievich, D.Phil., Professor, Philosophy and Sociology Department, Kutafin Moscow State Law University,

Popov Vitaliy Vladimirovich, D.Phil., Professor, Theory and Philosophy of Law Department, Chekhov Institute of Taganrog (branch) of Rostov State University of Economics,

- Pronkina Anna Vladimirovna, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Professor, Cultural Studies Department, Ryazan State University, Professor, Department of Philosophy and History, Academy of the Federal Penal Correction Service of Russia,
- Ryazanova Svetlana Vladimirovna, D.Phil., Associate Professor, Leading Research Fellow, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
- Sergodeeva Elena Aleksandrovna, D.Phil., Professor, Philosophy Department, North Caucasus Federal University,
- Solovyeva Lyudmila Nikolayevna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities of the Branch of the Peter the Great Military Academy of the Russian Strategic Missile Forces in the city of Serpukhov,
- Solopov Oleg Viktorovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Associate Professor of History and Archaeology Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
- Khoruzhaya Svetlana Vladimirovna, D.Phil., PhD in Social Science, Professor, History and Political Science Department, Head of the Educational Department, Kuban State Agrarian University,
- Chernikova Valentina Evgenyevna, D.Phil., Professor, Philosophy Department, North Caucasus Federal University,
- Shakhmatova Elena Vasilyevna, D.Phil., PhD in Art History, Associate Professor, Head of the Research Department, Russian Institute of Theater Arts,
- historical sciences:**
- Amosova Alisa Anatolevna, PhD in History, Associate Professor, Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University,
- Anisimov Aleksandr Leonidovich, D.Phil. in History, Professor, Department of Humanities, Social and Economic Sciences, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
- Grishaeva Lidia Evgenyevna, D.Phil. in History, Professor, Department for Russian History of the XX–XXI Centuries, Lomonosov Moscow State University,
- Kirchanov Maksim Valeryevich, D.Phil. in History, Associate Professor, Regional Studies and Foreign Countries' Economy Department, Voronezh State University,
- Klochov Viktor Viktorovich, D.Phil. in History, Associate Professor, Associate Professor of Sociology, History and Political Science Department, Institute of Management in Economic, Environmental and Social Systems, Southern Federal University,
- Korshunova Nadezhda Vladimirovna, D.Phil. in History, Associate Professor, Dean of the School of History, Southern Ural State University of Humanities and Education Science,
- Ktsoeva Sultana Gilmidinovna, D.Phil. in History, Senior Research Fellow, Ethnology Department, North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies – branch of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Professor, World History Department, North Ossetian State University,
- Mastenitsa Elena Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor, Head of the Museology and Cultural Heritage Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,
- Mozlinsky Vladimir Vladimirovich, D.Phil. in History, PhD in Art History, Dean of the Department of Music Variety Arts, St. Petersburg State University of Culture,
- Nasonov Aleksandr Aleksandrovich, PhD in History, Associate Professor, Deputy Director for Academic, Scientific and Educational Work, Branch of the Russian State Institute of Performing Arts in Kemerovo – Siberian Higher School of Theatre and Musical Art,
- Petrulina Zhanna Valeryanovna, D.Phil. in History, Professor, Head of the Department "History and Cultural Studies", Komsomolsk-on-Amur State University,
- Romanov Valeriy Vasilyevich, D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Theory and History of State and Law Department, Ulyanovsk State University,
- Salchinkina Angelina Rostislavovna, PhD in History, Associate Professor, Department of History and Political Science, Kuban State Agrarian University,
- Sivtseva Saassylana Innokentyevna, D.Phil. in History, Professor, History, Social Studies and Political Science Department, North-Eastern Federal University,
- Sindeev Aleksey Aleksandrovich, D.Phil. in History, Professor, Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
- Skipina Irina Vasilyevna, D.Phil. in History, Professor, Document Science and Records Management Department, School of Social Science and Humanities, Tyumen State University,
- Suleymanova Rima Nugamanovna, D.Phil. in History, Chief Research Fellow, Professor, Head of the Department of Contemporary History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
- Sushkova Yulia Nikolaevna, D.Phil. in History, Associate Professor, Dean of the Law Department, Ogarev Mordovia State University,
- Uporov Ivan Vladimirovich, D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Constitutional and Administrative Law Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
- Fedirko Oksana Petrovna, D.Phil. in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences,
- Fomenko Vladimir Aleksandrovich, PhD in History, Associate Professor, Senior Research Fellow, Ancient History and Archeology Sector, Institute for the Humanities Research, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
- Sharifov Rakhmonali Yatimovich, D.Phil. in History, Associate Professor, Head of the School of History, Tajik National University,

Yusupova Tatiana Ivanovna, D.Phil. in History, Leading Research Fellow, St. Petersburg branch of Institute of the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences,

– cultural sciences:

Abdulaeva Medina Shamilyevna, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in History, Associate Professor, Music Theory and History Department, Head of the Institution of Culture and Arts, Dagestan State Pedagogical University, Amosova Alisa Anatolevna, PhD in History, Associate Professor, Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University,

Betilmerzaeva Maret Muslamovna, D.Phil., Associate Professor, Interim Head of the Department of Philosophy, Political and Social Sciences, Chechen State Pedagogical University, Professor, Philosophy Department, Chechen State University,

Gorobets Svetlana Vladimirovna, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in Education Science, Associate Professor, Piano Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,

Ilivitskaya Larisa Gennadyevna, D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy and Cultural Studies Department, Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,

Katkova Kristina Fedorovna, PhD in Cultural Science, Senior Lecturer, Museology and Cultural Heritage Department, St. Petersburg State Institute of Culture, Senior Research Fellow, Museum and Exhibition Center, St. Petersburg,

Mastenitsa Elena Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor, Head of the Museology and Cultural Heritage Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,

Pronkina Anna Vladimirovna, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Professor, Cultural Studies Department, Ryazan State University,

Sapanzha Olga Sergeyevna, D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Department of Art Studies and Pedagogics of Art, Acting Director of the Institute of Art Education, Herzen State Pedagogical University of Russia,

Tereshchenko Elena Yuryevna, D.Phil. in Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Arts and Design Department, Murmansk Arctic State University,

Tishchenko Natalia Viktorovna, D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Head of the Philosophy Department, Saratov State Technical University,

Khoruzhaya Svetlana Vladimirovna, D.Phil., PhD in Social Science, Professor, History and Political Science Department, Head of the Educational Department, Kuban State Agrarian University,

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Abrahamyan Vagran Gevorgovich, D.Phil. in Economics, PhD in Engineering, Professor, Management, Business and Tourism Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Professor, Management and Business Department, Yerevan State University (Republic of Armenia),

Bukvich Rayko, D.Phil. in Economics (the Republic of Serbia),

Gambaryan Artur Sirekanovich, LL.D, Professor, Head of the Theory of Law and Constitutional Law Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Honored Lawyer of the Republic of Armenia (Republic of Armenia),

Gao Tianming, PhD in Economics, Professor, Director of the Center of Russian Research, Director of the Center of Blue Economy, Arctic, Institute of Economics and Management, Harbin University of Engineering (PRC),

Erokhin Vasily Leonidovich, PhD in Economics, Associate Professor, School of Economics and Management, Harbin Engineering University (PRC),

Karapetyan Vladimir Sevanovich, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Pre-school Psychology and Techniques Department, Armenian State Pedagogical University, Member of the International Academy of Psychological Sciences (Russia), Corresponding Member Armenian Philosophical Academy, (the Republic of Armenia),

Kyuskieva-Arabska Ekaterina Dimitrova, PhD in Sociology, PhD in Administration and Management, Associate Professor, Vice-Dean, Faculty of Economics and Management, Head of the National and International Projects Department, Secretary of the Academic Board, University of Agribusiness and Rural Development, President, Innovations and Sustainability Academy, Plovdiv (the Republic of Bulgaria),

Nyagolova Mariyana Dimitrova, PhD in Psychology, Associate Professor of History of Psychology, Lecturer, Psychology Department, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo (Republic of Bulgaria),

Pirizoda Jalil Safar, D.Phil. in Economics, Professor, Academician, Institute of Economics and System Analysis of Agricultural Development, Tajik Academy of Agricultural Sciences (the Republic of Tajikistan),

Pogosyan Gevorg Aramovich, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, D.Phil. in Social Science, PhD, Professor, Academic Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (the Republic of Armenia),

Sandoyan Edward Martini, D.Phil. in Economics in the Russian Federation and the Republic of Armenia, Professor, Director of the Institute of Economics and Business, Russian-Armenian (Slavonic) University (Republic of Armenia),

Todev Ilija Toskov, D.Phil. in History, Professor, Institute for Historical Studies of the Bulgarian Academy of Sciences (the Republic of Bulgaria),

Khanov Talgat Akhmatzиеvich, LL.D, Professor, Director, Research Institute of Economic and Legal Studies, Karaganda University of Kazpotreboysuz (the Republic of Kazakhstan),

Khopyorskaya Larisa Lvovna, D.Phil. in Political Science, PhD, Professor, Director of the Centre for Eurasian Studies, Professor, International Relations Department, Kyrgyz Russian Slavic University (The Kyrgyz Republic),

Hristozova Galya Mikhaylovna, Dr hab., Professor, Rector, Burgas Free University (the Republic of Bulgaria),

Tsvirkun Viktor Ivanovich, D.Phil. in History, D.Phil. in Education Science, Professor, Doctor Honoris Causa, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Moldova in the State of Qatar (Republic of Moldova),

Shebeko Valentina Nikolaevna, D.Phil. in Education Science, Professor, Pre-School Education Techniques Department, Belarusian State Pedagogical University (the Republic of Belarus).

EDITORIAL STAFF:

DIRECTOR OF PUBLISHING HOUSE HORS LLC:

Kharseeva Viktoria Leonidovna, PhD in Social Science

DEPUTY DIRECTOR:

Dyuzheva Maria Pavlovna

MANAGING EDITOR:

Ugulava Kristina Gennadiyevna

EXECUTIVE EDITOR:

Izmailova Anastasiia Andreevna

EDITORS:

Nevzorova Natalya Viktorovna

Sergeichik Lyudmila Ivanovna

Sitnikova Olga Valeryevna

Surkova Ekaterina Sergeevna

Tyulyukova Maria Olegovna

Shcheglova Irina Borisovna

TRANSLATORS:

Arakelyan Nina Sergeevna

Nevzorova Natalya Viktorovna

Sergeichik Lyudmila Ivanovna

Khanmamedova Victoria Ramizovna

FOUNDER:

Publishing House HORS LLC

PUBLISHER'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.

tel. +7 988 234-44-80

Electronic address: mail@dom-hors.ru

EDITORIAL BOARD'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.

tel. +7 988 234-44-80

Electronic address: mail@dom-hors.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

ФИЛОСОФИЯ.....	14	PHILOSOPHY
Крюков В.В.		Kryukov, V.V.
Бог как этимон и феномен	14	God as an Etymon and Phenomenon
Афанасенко Я.А.		Afanasenko, Ya.A.
Опыт приближения к семиотическому измерению метафизики фильма «Солярис» А. Тарковского	18	The Experience of Approximation to the Semiotic Dimension of Metaphysics of A. Tarkovsky's "Solaris" Film
Муратова И.А.		Muratova, I.A.
Основные принципы и характерные черты имиджа человека постмодернистского типа	28	Basic Principles and Features of the Postmodern Person Image
Сидоренко Н.С., Куликова Т.А., Куликов М.В.		Sidorenko, N.S., Kulikova, T.A., Kulikov, M.V.
К вопросу о религиозной функциональности в трудах классиков религиоведения	32	On the Question of Religious Functionality in the Works of the Religious Scholar Classics
Урядова В.В., Ерохина Л.Д.		Uryadova, V.V., Erokhina, L.D.
Учение о человеке святителя Луки Войно-Ясенецкого (философский анализ)	40	Anthropocentrism by St Luke Voyno-Yasenetsky (Philosophical Analysis)
Яковлева Е.В.		Yakovleva, E.V.
Формально-логический и исторический подходы как парадигмы философско-научного дискурса	45	Formal-logical and Historical Approaches as Paradigms of Philosophical-scientific Discourse
Амосов Н.В.		Amosov, N.V.
Языковая реализация мессианской модели в компьютерной игре Starcraft: Brood War	50	Linguistic Realization of the Messianic Model in Starcraft: Brood War
Владимиров П.В.		Vladimirov, P.V.
Вопрос об отношении философии Гегеля к религии в диалектическом материализме конца XIX – первой половины XX века	55	On the Question of Hegel's Philosophical Relationship to Religious Beliefs in the Dialectical Materialism of the Late XIX – First Half of the XX Century
Румбина Д.И.		Rumbina, D.I.
Онтологические основания эстетического развития в философии Античности	61	Ontological Foundations of Aesthetic Development in the Philosophy of Antiquity
Свиридова П.М.		Sviridova, P.M.
О законе достаточного основания: Лейбниц, Кант, Шопенгауэр	65	On the Law of Sufficient Reason: Leibniz, Kant, Schopenhauer
Тарамова М.С.		Taramova, M.S.
Проблема совести в произведениях Ф.М. Достоевского	72	The Problem of Conscience in the Works of F.M. Dostoevsky
Хвощевская И.В.		Khvoshchevskaya, I.V.
Значение исторического факта как элемента самобытности России	76	The Significance of a Historical Fact as an Element of Russia's Identity
Балакирева С.Ю.		Balakireva, S.Yu.
Социальное проектирование как механизм построения эффективной системы местного самоуправления	80	Social Design as a Mechanism of Building an Effective System of Local Self-government
Борисенко Н.Н.		Borisenko, N.N.
Трансформация образа Германии как «Другого» в коммуникативной стратегии региональной прессы времен Великой Отечественной войны.....	84	Transformation of the Image of Germany as the "Other" in the Communicative Strategy of the Regional Press During the Great Patriotic War
Григорьева Т.Е.		Grigorieva, T.E.
Идентичность в дискурсе немецкоязычных памятников литературы до XIII века: философско-культурологический контекст	88	Identity in the Discourse of German Literature Before the XIII Century: Philosophical and Cultural Contexts

Ескина С.А.	Eskina, S.A.
Онтологические интенции понимания рефлексии в классической философии.....	The Ontological Intentions for Understanding of Reflection in Classical Philosophy
94	
Крылов В.К.	Krylov, V.K.
Дискурсивные и методологические ограничения исследований управления творческими процессами	Discursive and Methodological Limitations of Creative Process Management Research
100	
Хун Чжао, Миронов Д.Г.	Zhao Hong, Mironov, D.G.
Ценностный анализ и современное значение марксистского взгляда на свободу	The Value Analysis and Contemporary Meaning of Marxist View of Freedom
104	
ИСТОРИЯ	HISTORY
Клочков В.В., Назарова В.С.	Klochkov, V.V., Nazarova, V.S.
Сэр Роберт Пиль (1788–1850): штрихи к портрету «консервативного реформатора» (часть 2, 1829–1850)	Sir Robert Peel (1788–1850): Strokes on a Portrait of «Conservative Reformer» (Part 2, 1829–1850)
111	
Коршунова Н.В., Литвинов Д.А.	Korshunova, N.V., Litvinov, D.A.
Охрана судов заграничного плавания пограничными войсками Дальнего Востока в период Второй мировой войны	Protection of Overseas Ships by Border Guards of the Far East During the Second World War
117	
Сулейманова Р.Н.	Suleimanova, R.N.
«Не подаяние нужно, а организованная помощь»: создание специальных органов по защите детства в Башкирии в 1920-е годы.....	“Not alms are Needed, But Organized Assistance”: The Creation of Special Bodies for the Protection of Childhood in Bashkiria in the 1920s
123	
Фионова Л.Р., Катышева М.А.	Fionova, L.R., Katysheva, M.A.
Оформление сведений о заключении брака в историческом аспекте	Documentation of a Marriage Record in Historical Perspective
129	
Воронцов В.Н., Ковригина И.А.	Vorontsov, V.N., Kovrigina, I.A.
Будни партийного контроля в Советской армии (на материалах Восточной Сибири 1945–1953 гг.)	Everyday Life of Party Control in the Soviet Army (On Materials from Eastern Siberia in 1945–1953)
136	
Гехт А.Б.	Gekht, A.B.
Ранние страницы истории семьи Валленберг (конец XVII – начало XIX вв.)	Early Pages of the Wallenberg Family History (Late XVII – Early XIX Centuries)
141	
Игнатьева Л.Н.	Ignatyeva, L.N.
Миграционная политика Казахстана (90-е гг. XX в. – начало XXI в.)	The Migration Policy of Kazakhstan (Late XX – The Beginning of XXI Century)
146	
Кадымова Р.Р.	Kadymova, R.R.
Концепция общественно-правового статуса женщин в трудах З. Кадыри: вызовы времени и возможности	The Concept of the Social and Legal Status of Women in the Works of Z. Kadyri: Challenges of the Time and Opportunities
152	
Молчанова Е.Г.	Molchanova, E.G.
Деятельность фирмы «Кунст и Альберс» на Дальнем Востоке в периоды политической нестабильности	The Activities of the Company “Kunst and Albers” in the Far East During Periods of Political Instability
157	
Редькова И.С.	Redkova, I.S.
Духовные и мирские аспекты жизни кёльнского духовенства в начале XIII в.	Between Spiritual and Secular: The Clergy of Cologne in the XIII Century
162	
Рыбалкин А.Н.	Rybalkin, A.N.
Сирийское направление российской внешней политики (2012–2018 гг.): историография проблемы	Syrian Direction of Russian Foreign Policy (2012–2018): Historiography of the Problem
167	

Сушков А.В.

За кем придут корабли?

Узник колымских лагерей Валерий Синяков .... 175 .... Prisoner of the Kolyma camps Valery Sinyakov

Чернова Н.В., Макарова Н.Н.Стенная печать в контексте развития
смеховых практик

на Магнитогорском металлургическом

комбинате в 1930-е гг. .... 182 ..... and Steel Works in the 1930s

Шалаева С.С., Колоярцева Е.А.Отражение исторической наукой ценностных
основ государственности советского периода
середины 1950–1960-х годов..... 187**Shalaeva, S.S., Koloyartseva, E.A.**Historical Scholarship's Reflection
of the Value Bases of Soviet Statehood
in the Mid-1950–1960s**Бертош А.А.**

Особенности использования

историко-культурного потенциала

Кольского Севера в туристско-экскурсионной

деятельности (1920–1930 гг.) ..... 193 ..... and Excursion Activities (1920–1930s)

КУЛЬТУРА ..... 200**Каменец А.В., Алексеева М.Ю.**

Глобалистская прогностика

в романе Дж. Оруэлла «1984».

Культурологический анализ..... 200 ..... The Culturological Analysis

CULTURE**Kamenets, A.V., Alekseeva, M.Yu.**The Globalist Prognostics
in the Novel «1984» by George Orwell.**Мальцева Е.А.**

Образ железной дороги

как воплощение

идей технизма и антитехнизма

(XIX – начало XX в.)..... 206 ..... (The XIX – Early XX Centuries)

Maltseva, E.A. The Art Image of the Railway
as the Embodiment of the Ideas
of Technicism and Antitechnicism**Данилова А.И.**

Репрезентация русского гостеприимства

в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» ..... 211 ..... in N.V. Gogol's Poem "Dead Souls"

Danilova, A.I. Representation of Russian Hospitality
in N.V. Gogol's Poem "Dead Souls"**Епифанова А.Г.**

Актуальные аспекты дизайн-деятельности

в коммуникационном пространстве

визуальной айдентики современных

российских образовательных журналов..... 215 ..... of Modern Russian Educational Journals

Epifanova, A.G. Actual Aspects of Design Activity
in the Communication Space
of Visual Identity**Ван Цзы, Малинина Н.Л.**

К вопросу об устойчивости

гастрономической картины мира Китая ..... 222 ..... Gastronomic Worldview

Wang Tzu, Malinina, N.L. On the Issue of China's Sustainable
Gastronomic Worldview**Дмитриева Е.Д.**

Понятие и структура

вещественной культуры образования ..... 226 ..... of the Material Culture of Education

Dmitrieva, E.D. The Concept and Structure
of the Material Culture of Education**Климов Я.И.**

Феноменология кино:

визуальный поворот и кризис содержания..... 232 ..... Visual Turn and Crisis of Content

Klimov, Ya.I. Phenomenology of Cinema:
Visual Turn and Crisis of Content**Кортнева В.Д.**

Эволюция государственного регулирования

эгалитарных семейных отношений ..... 236 ..... of Egalitarian Family Relations

Kortneva, V.D. The Evolution of State Regulation
of Egalitarian Family Relations**Курниаван И.Дж.**

Анализ картины

«Продавец домашней птицы»

индонезийского художника Хендры Гунавана ..... 240 ..... Hendra Gunawan

Kurniawan, I.J. Analysis of the Painting "Poultry Seller"
by the Indonesian Artist
Hendra Gunawan**Федоров И.М.**

Современная российская религиозная мода

через призму секулярности

и контрсекулярности..... 244 ..... and Counter-secularity

Fedorov, I.M. Modern Russian Religious Fashion
Through the Prism of Secularity

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 14–17.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 14–17.

Научная статья

УДК 141.4

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.1>

Бог как этимон и феномен

Виктор Васильевич Крюков

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия,
krukovzav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5422-3379>

Аннотация. Идея Бога актуальна в силу того факта, что она не является архаичным феноменом, но существует в наше время и внедрена в массовое сознание современного общества. Цель данного исследования – стремление определить специфику религии как формы мировоззрения. Задачи: охарактеризовать веру в Бога как древнейшую тему общественного сознания и ее место среди форм гражданской идеологии; показать, что идея Бога существует и в современной духовной культуре общества в виде множества религиозных конфессий; отметить, что духовный характер имеют многочисленные сюжеты, циркулирующие в социальных сетях. В качестве инструментов в данной работе используются диалектический метод мышления, аксиологический анализ и герменевтическая интерпретация. Новизна предлагаемой версии состоит в попытке показать, что идея Бога не сводится исключительно к сакральному и мистическому аспекту, но имеет вполне реалистическую основу и доступна научному пониманию. В статье показано, что Бог присутствует в бытии, но не как физическая реальность, а как духовный феномен, имеющий идеальное выражение и представленный человеку в виртуальных формах. Человек, согласно манифесту гуманиста Пико делла Мирандолы, есть наместник Бога на земле и поэтому творец, а значит он есть образ и подобие Божие на Земле. И наоборот: в теории отчуждения Людвиг Фейербаха Бог есть духовное выражение человеческой сущности, идея человека, вознесенная на небо.

Ключевые слова: Бог, вера, сверхъестественное, идеальное, София

Для цитирования: Крюков В.В. Бог как этимон и феномен // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 14–17. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.1>.

Original article

God as an Etymon and Phenomenon

Victor V. Kryukov

Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia,
krukovzav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5422-3379>

Abstract. The idea of God is relevant due to the fact that it is not an archaic phenomenon, but exists now and is embedded in the mass consciousness of modern society. The purpose of this study is to determine the specifics of religion as a form of worldview. There are three aims: to characterize faith in God as the oldest topic of public consciousness and its place among the forms of civic ideology; to show that the idea of God exists in the modern spiritual culture of society in the form of many religious denominations; to note that numerous stories circulating in social networks have a spiritual character. The dialectical method of thinking, axiological analysis and hermeneutic interpretation are used as tools in this study. The novelty of the proposed version consists in an attempt to show that the idea of God is not limited exclusively to the sacred and mystical aspect, but has a completely realistic basis and is accessible to scientific understanding. The author shows that God is present in existence, but not as a physical reality, but as a spiritual phenomenon that has an ideal expression and is presented to a person in virtual forms. A man, according to the manifesto of the humanist Pico della Mirandola, is the vicar of God on earth and therefore the creator, which means that he is the image of God on Earth. Vice versa: in Ludwig Feuerbach's theory of alienation, God is the spiritual expression of human essence, the idea of man ascended to heaven.

Keywords: God, faith, supernatural, perfect, Sophia

For citation: Kryukov, V.V. (2022) God as an Etymon and Phenomenon. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 14–17. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.1](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.1) (In Russian).

Введение. В начале изложения определимся с этимологией терминов. Слово *этимон* восходит к древнегреческому *ἔτιμον* (этимон), что означает «истинный смысл» или «ощущение истины». Этимон противоположен *феномену* (φαινόμενον – явное), то есть сущность – видимость.

В мировоззрении в качестве его элементов фигурируют четыре предмета осмысления, различающиеся по способу существования некоторой части реальности:

– природа, у которой *естественный* способ существования;
 – социальная реальность, у которой *искусственный* способ существования;
 – Бог, у которого *сверхъестественный* способ существования;
 – человек, способ существования которого *синтетический*, поскольку он интегрирует и комбинаторно включает в себя все три предыдущих.

Идея Бога – это представление о потустороннем мире и мистических сущностях, которые *суть* не от мира сего. Сверхъестественное – это все, что противоположно природе и возможно лишь как нарушение ее законов, а Бог есть начало вечное и вездесущее, всемогущее и всеведущее, всеблагое и совершенное – асимптота бытия.

Аллюзии. Классик философии XIX века Людвиг Фейербах создал теорию отчуждения, в которой утверждал, что Бог есть ни что иное как идеал человека. *Идеал* – это та воображаемая ипостась, к которой стремится человек, наращивая свое могущество, знание, добросердечие и продлевая собственное существование. Но во всем этом человек ограничен, обладает всем лишь частично. Бог же имеет эти качества во всей полноте. Именно поэтому любая религия утверждает, что Бог сотворил человека по образу, но только *подобию* своему.

Бог существует, но не как тело из плоти и крови, не *физически*, а как *идея*, имплицитно, неявно присутствующая в бытии и явно в сознании и поведении людей. Бог *есть*! Но он есть не таким же способом, как мы или созданные нами искусственные вещи, и не таким, каковы явления естественной природной среды. По своему существованию Бог – это духовный феномен, это образ, выраженный в знаковой форме¹ и содержащийся в опредмеченных тем или иным способом мыслях и чувствах людей (Крюков (1), 2009; Крюков (2), 2009).

Вера есть мировоззренческая установка сознания, выражающая убежденность человека в истинности или святости определенных представлений о мире. Вера предполагает принятие таких представлений как самоочевидных, независимо от их обоснованности. Вера может быть и рациональной. Это доверие к тем или иным парадигмам: *аксиомам* науки, личностям, признанным *авторитетами*. «Религиозная вера основана на *откровении*, иррациональной убежденности в святости религиозного вероучения, на безусловном поклонении всему, что связано с *Богом*» (Крюков, 2018:185–186).

Философы объясняют религиозную веру бессилием людей в процессе их взаимодействия с природной и социальной средой и потребностью в компенсации этого бессилия, в восполнении их отчужденного бытия иллюзорным потусторонним миром, соответствующим их ценностным установкам. По выражению древнеримского поэта Стация «*primus in orbe deos fecit timor*» – «страх – вот кто первым богов сотворил» (Крюков, 2018:186). Теология признает религиозную веру неотъемлемым свойством человеческой души или же *благодатью*, даруемой Богом.

Духовные феномены не исчерпываются религиозной мистикой. Они как образы, *идеи* и *идеалы* – многообразно представлены в искусстве. Вот скажем: Чебурашка существует? А крокодил Гена? Мягкие игрушки на свете есть, крокодилы тоже, но они не разговаривают и не играют на гармошке, а вот в книгах Эдуарда Успенского и снятым по ним мультфильмах эти персонажи *есть*, и они прекрасно знакомы и детям, и взрослым. То, что разговаривает дядя Федор или почтальон Печкин, не удивляет, а вот то, что с ними беседуют и переживают приключения кот Матроскин и пес Шарик – уже сказка. «Эти существа и воображаемые события суть явления *виртуальной реальности*, порожденной творческой фантазией человека с использованием знаковых форм в виде речи, текстов и изображений» (Крюков, 2011; Крюков, 2014). Это искусственные создания, сотворенные искусно и поэтому правдоподобно. Однако ведь никто и не призывает верить в реальность существования *симулякров*, дубликатов и подражаний. Но их носители вполне вещественны, хотя телесное воплощение образов вторично и даже безразлично.

Душа человека как образ Божий тоже *не явлена*, не видима глазами, но в том, что она есть, не сомневается никто. Внутренний мир человека лишь в очень малой степени выражается внешне: в мимике, взгляде, жестах, в стиле одежды и манере поведения. В полноте своего содержания душа человека раскрывается в *общении*. Мудрый Сократ, вступая в беседу с человеком, предлагал: «Заговори, чтобы я тебя увидел!». Изначально «общение предшествует формированию человеческой личности... и, выражаясь категориально, является субстанцией личности» (Крюков, 2016).

Кроме того, у человека есть такие свойства, которые не воспитаны семьей или школой. Мы называем это словами Дар божий, одаренность, талант, гений. Проявлением божественного духа выступает такое высшее качество разума, как мудрость. *София* (др.-греч. *σοφία* – мастерство) – мифологема античной философии о смысловой наполненности и устроенности вещей.

¹ Панов Е.Н. Знаки, символы, языки. М., 1983. 248 с.; Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. 312 с.; Пирс Ч.С. Икона, индекс, символ // Ч.С. Пирс Избранные философские произведения. М., 2000. С. 200–222.

В религиозном мировоззрении – олицетворенная мудрость Бога. «На православной иконе “Святая София” изображено здание в виде храма и стоящая в нем Богоматерь в хитоне, с покрывалом на голове, под сенью, поддерживаемой семью столпами. Руки и ладони Ее распростерты, а стопы утверждены на серповидной луне. На хитоне восседает Предвечный Младенец, благословляющий правой рукой, в левой имеющий державу. На карнизе сени начертаны слова “Премудрость созда Себе Дом и утверди столпов семь”» (Крюков, 2018:203).

Результаты. Ценность знаний и умений выражается словом «философия» (др.-греч. *φιλοσοφία* – от *φιλέω* – люблю и *σοφία* – мудрость), которая и есть предметное выражение Божественной благодати. Мудрость есть истина. Глубокий смысл заложен в славянской этимологии понятия: слово *истина* происходит от древнеславянского слова *естина*, которое означает *то, что есть* и с чем ничего не поделаешь и должно только смириться.

Истина – это «свобода от иллюзий воображения и признание приоритета суровой реальности» (Крюков, 2018:195). Определение истины было дано Аристотелем и пересказано Исааком Израильянином. Оно гласит, что истина есть *интенциональное*, то есть уверенное согласие интеллекта с реальной действительностью или соответствие ей как *адекватность вещам* (лат. *conformitas seu adaequatio intentionalis intellectus cum re*).

В древней Греции противопоставлялись один другому *космос* и *хаос*. Хаосом называлась толпа на рынке, а космосом – порядок военного строя, шеренги фаланги. Слово «космос» переводится еще и как «красота», которая, по версии Пифагора, является в стройности и порядке, есть симметрия и гармония, и, значит, космос – это строй и ряды! Отсюда наше современное слово «косметика» – то, чем мы пытаемся *урядить* свою растрепанную внешность, *устроить* привлекательный имидж, улучшить *видимость*.

Мудрость – это упорядоченный, стройный ум, и, следовательно, ум красивый и привлекательный. «Если же при этом он оригинальный, острый, как у Диогена, или глубокий, как у Сократа, то такой ум вообще подобен небесному Космосу – образцу и совершенству всякого порядка и красоты. И поэтому так же, как душой каждый человек стремится к небу, мыслями своими он тянется к яркому и совершенному интеллекту мудрого Учителя» (Крюков, 2018:20–22).

Заключение. Верим ли мы в жизнь после смерти? В биологическом аспекте – конечно, нет. Живое тело не приспособлено к долговечности хотя бы на том основании, что все ткани нашего организма обновляются с различными временными интервалами, в среднем каждые семь лет. В этом смысле даже возможное клонирование не даст ничего, кроме внешнего подобия без информационного наполнения, а записать содержание психики в компьютер в цифровой форме можно лишь отчасти: возможно кодирование интеллектуальных компонентов, но как подступиться к эмоциональным и особенно неосознаваемым слоям переживаний – пока не представляет себе никто. Цифровая копия души, как в древнегреческом Тартаре, будет бесплотной тенью, которая ничего не помнит, ничего не чувствует и никого не желает.

В отличие от плоти душа более долговечна, поскольку информация может переписываться с одного материального носителя на другой. Так, мелодию песенки можно пропеть голосом, просвистеть губами, сыграть на любом музыкальном инструменте или создать нотную, механическую или магнитную запись. У мелодии нет своего единственного тела, но она оживет в любом звучании, будь то флейта или труба, пианино или орган, виниловый диск или магнитная кассета. Так и человек: он должен вложить душу во что-нибудь с большим сроком существования: написать книгу, построить дом, посадить дерево, воспитать сына, оставить после себя созданные руками вещи, особенно если это шедевры, тексты и образы, научные или художественные ценности.

Наконец человек, в зависимости от *кармы*, весомости деяний, долго или коротко, но остается в памяти людей, которые его любили, которые ему обязаны жизнью или добром и благополучием. Жизнь *была*, если за спиной толпятся прекрасные творения, любящие люди, добрые друзья, благодарные ученики. И ее *не было*, если на смертном одре вспомнить действительно ценного в своей жизни нечего и не окажется рядом никого, кто бы заплакал от горя или утешил в последний миг. Тогда умирать страшно, думать о себе горько, а душу заполняет отчаяние. К жизни души после смерти тела есть только один путь: делать добро, вещественное, а еще лучше – духовное, способное воплощаться и тиражироваться многократно.

Список источников:

- Крюков В.В. (1) Общение как субстанция личности // Личность в диалоге: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., Хабаровск, 17–18 февр. 2009 г. Хабаровск, 2009. С. 122–128.
- Крюков В.В. (2) Общение как континуум существования личности // Идеи и идеалы. 2009. № 2. С. 40–45.
- Крюков В.В. Диахрония, виртуальность и модальная онтология // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1. № 3. С. 27–38.
- Крюков В.В. Сумма аксиологии: монография. Новосибирск, 2018. 207 с.
- Kryukov V. Virtual reality in the space of a person // Canadian Journal of Science, Education and Culture. 2014. Vol. 2. № 1(5). P. 513–517.
- Kryukov V. Language as a sing system and a value of communication // The USA Journal of Applied Sciences. 2016. № 3. P. 36–40.

References:

- Kryukov, V.V. (1) (2009) Obshcheniye kak substantsiya lichnosti [Communication as a substance of personality]. In: Lichnost' v dialogue: sb. nauch. tr. po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Personality in dialogue: collection of scientific works based on the materials of the International scientific and practical conference]. Khabarovsk: Izd-vo DVGGU. P. 122–128. (In Russian)
- Kryukov, V.V. (2) (2009) Communication as continuum of existence of the personality. *Ideas and Ideals*. (2). 40–45. (In Russian)
- Kryukov, V.V. (2011) Diachrony, virtuality, and modal ontology. *Ideas and Ideals*. (1:3). 27–38. (In Russian)
- Kryukov, V.V. (2018) *Axiology Sum: monograph*. Novosibirsk: NSTU Publisher. (In Russian)
- Kryukov, V. (2014) Virtual reality in the space of a person. *Canadian Journal of Science, Education and Culture*. (1:2). 513–517.
- Kryukov, V. (2016) Language as a sing system and a value of communication. *The USA Journal of Applied Sciences*. (3). 36–40.

Информация об авторе

В.В. Крюков – доктор философских наук, профессор, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=715508.

Information about the author

V.V. Kryukov – D.Phil., Professor, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=715508.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 18–27.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 18–27.

Научная статья
УДК 140.8:791.43/45
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.2>

Опыт приближения к семиотическому измерению метафизики фильма «Солярис» А. Тарковского

Яна Александровна Афанасенко

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
blyambimbombam@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования являются средства киноязыка фильма «Солярис». Цель исследования: показать, как с помощью анализа средств киноязыка, можно обнаружить неочевидное авторское сообщение. Задачи: выявить связь между философским и семиотическим подходом; охарактеризовать особенность семиотического подхода к анализу фильма; дать вариант семиотического анализа основных средств киноязыка фильма «Солярис». Авторское сообщение в фильме «Солярис» – это идея вечности и красоты земных ценностей (Земля, дом, семья, любовь), это идея греха и его искупления, это идея ответственности человека перед неизвестным, с которым он вступает в контакт, перед близкими и самим собой. Применение семиотического подхода в анализе авторских фильмов это возможность по-новому, языком кинематографа актуализировать антропологическую проблематику, связывающую зрителя не только с авторским сообщением, но и с его собственной духовной реальностью.

Ключевые слова: экзистенция, символические формы культуры, языки культуры, семиотический подход, символ, знак, сообщение, звук, цвет, деталь кадра

Для цитирования: Афанасенко Я.А. Опыт приближения к семиотическому измерению метафизики фильма «Солярис» А. Тарковского // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 18–27. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.2>.

Original article

The Experience of Approximation to the Semiotic Dimension of Metaphysics of A. Tarkovsky's "Solaris" Film

Yana A. Afanasenko

Perm State National Research University, Perm, Russia,
blyambimbombam@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the means of cinema language of the film "Solaris". The purpose of the study: to show how, by analyzing the means of cinema language, one can find an unobvious author's message. Tasks: to identify the relationship between the philosophical and semiotic approach; to characterize the peculiarity of the semiotic approach to the analysis of the film; to give a variant of the semiotic analysis of the main means of cinema language of the film "Solaris". The author's message in the Solaris film is the idea of eternity and beauty of earthly values (Earth, home, family, love), this is the idea of sin and its atonement, this is the idea of a person's responsibility to the unknown, with whom he comes into contact, to relatives and himself by myself. The use of a semiotic approach in the analysis of auteur films is an opportunity, in a new way, in the language of cinema, to actualize anthropological issues that connect the viewer not only with the author's message, but also with his own spiritual reality.

Keywords: existence, symbolic forms of culture, languages of culture, semiotic approach, symbol, sign, message, sound, color, frame detail

For citation: Afanasenko, Ya. A. (2022) The Experience of Approximation to the Semiotic Dimension of Metaphysics of A. Tarkovsky's "Solaris" Film. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 18–27. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.2](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.2) (In Russian).

Философское постижение человека, вопросы о его сущности и смысле бытия, связанные с историей его самосознания, может быть, согласно М. Шелеру (Шелер, 1993), присущим каждой эпохе, т. е. всевременным, а может, если опираться на рассуждения М. Бубера, быть выражением экзистенциального самочувствия человека, остроты переживаемого им одиночества и неустроенности, что свойственно далеко не каждому времени, а только необжитому и неблагополучному: «В истории человеческого духа я различаю эпохи обустроенности (Behaustheit) и бездомности (Hauslosigkeit). В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной как дома, в эпоху

бездомности – как в диком поле, где и колышка для палатки не найти. В первую эпоху антропологическая мысль – лишь часть космологии, в другую – приобретает особую глубину, а вместе с ней и самостоятельность» (Бубер, 1995: 3). «Солярис» А. Тарковского – фильм об обретении Дома: это дом, который построил отец Криса в память о доме деда, это память о родительском доме, которую Крис несет в себе и которая включает и воду, и водоросли, и деревья, и любовь, и шорох листьев в шумящих полосках бумаги, приклеенных к вентилятору на станции, и, конечно, это Земля, земное, то, что делает человека человеком.

Философско-антропологическое мышление, ставящее вопросы о смысле существования на профессиональном уровне, является уделом немногих, но экзистенциальная проблематика не ограничена подобными рамками, и в современном мире, все более дегуманизирующемся и технократизирующемся, возвещающем устами Ж. Бодрийяра о конце антропологии, «которая тайным образом конфискована машинами и новейшими технологиями» (Бодрийяр, 2000: 8), она оказывается путеводной нитью, могущей вернуть человека к себе, к его индивидуальному смыслу и чувству жизни.

В работе «Человек в поисках смысла» В. Франкл пишет: «Мы уже говорили, что быть человеком – это значит быть осознающим и ответственным. Человеческая ответственность всегда оказывается ответственностью за реализацию тех или иных ценностей – причем реализацию не только “вечных”, непреходящих, но и “ситуативных” ценностей (по Шелеру)» (Франкл, 1990: 19). В «Солярисе» тема ответственности имеет разные измерения. Это и ответственность вышедшего в Космос человека перед неизвестным, которое, выражаясь словами отца Криса, может быть очень хрупко. И тем не менее, несмотря на хрупкость, Солярис все-таки был подвергнут жесткому излучению. Это ответственность человека за свои реакции в общении с неизвестным, с «гостями». И вместе с тем это ответственность за решение внутреннего конфликта, имеющего отношение к совести.

По Франклу, человек может отказаться от ответственности и не реализовывать присущие исключительно его жизни «ситуативные» и вечные ценности, которые оказываются не только требованием, но и благословением в случае их осуществления. Поступая так, человек отказывается от возможности быть человеком. Следствием такого выбора становятся самоотчуждение, апатия и духовное ооченение.

Однако если человек все же берет на себя ответственность за реализацию собственной жизненной задачи, в какой-то степени находит ответ на вопрос о смысле своего бытия, – это может поставить перед ним еще больше вопросов, обнажая беспредельность и вариативность антропологической проблематики, неиссякаемость антропологических образов в общечеловеческой культуре. Существенная часть этих образов имеет истоком мифологические, религиозные и философские традиции.

В современном мире одним из таких направляющих философское самопонимание человеческих образов является предложенный Э. Кассирером *animal symbolicum*, более точно характеризующий природу человека, нежели *animal rationale*, и являющийся, по нашему мнению, альтернативой провозглашающему конец человечества трансгуманизму с его вариациями появления постчеловека: киборга, клона, мутанта, человека-машины. «Солярис» Тарковского о человеке и о человечестве, о том шаге, который оно еще не сделало, и, если не сделает, то проект трансгуманизма, на наш взгляд, окажется более чем реальным. Вот, что говорит об этом шаге Тарковский: «Мне кажется, что человечество дошло в своем прогрессе, в процессе познания до такого порога, когда от него требуется не только здравый смысл и не только традиционная форма восприятия действительности. Сейчас от человека требуется перейти на более высокий нравственный уровень. То есть необходимо понять, что духовный мир человека, его внутренняя конституция должны же когда-то начать играть решающую роль в общении между людьми. В соответствии с развитием деятельности материальной... Это два параллельные движения потребуют уравновесить друг друга... И я считаю, что рано или поздно... я не знаю – существование какой-то целой научной проблемы и ее решение будет зависеть от душевных качеств человека... Иначе это приведет к страшным духовным срывам»¹.

Согласно Кассиреру, рациональный человек ограничен биологическими и практическими интересами, его жизнь лишена доступа к «идеальному миру», который, как кристалл, открывается разными гранями: языком, мифом и религией, философией, наукой, искусством. Такого человека Кассирер уподобляет узнику платоновой пещеры, несвободному в своем бытии и лишен-

¹ Тарковский А. Пояснения к фильму «Солярис» (выступление перед зрителями; Восточный Берлин, март 1973 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tarkovskiy.su/texty/Tarkovskiy/Solaris02.html> (дата обращения: 02.05.2022).

ному возможности построить собственный «идеальный мир». Разделяя это утверждение, мы добавим, что лишенная символической сущности жизнь замыкает человека на повседневной реальности, потребительской в сегодняшней своей сути и отчуждающей человека от присущих только ему индивидуальных ценностей, вечных и ситуативных. Она говорит с ним на языке знаков рекламы, предлагает отвечающую модным тенденциям симуляцию жизни, превращая человеческое существование если не в симулякр, то в лишенное личного содержания, смысла бытие.

Символ же, имея прямое отношение к идеальному миру, напротив, открывает человеку смысл. Обогащая жизнь символическим культурным содержанием, он устанавливает связь с душой, сознанием и бессознательным человека, позволяя ей обрести свой уникальный голос в культуре, говорить на ее языках.

Языки культуры, или знаково-символические системы, становятся в данном случае как проводниками индивидуальных смыслов, так и сообщают другим нечто, обретающее в идеальной реальности надындивидуальный характер и в силу этого могущее стать созвучным многим людям по причине обретенной универсальности.

Следуя логике Кассирера, отнесшего к символическим формам культуры наряду с религией, философией и наукой искусство, мы ограничим знаково-символические системы сферой художественного творчества (кино, музыка, фотография, архитектура, танец и др.). Однако при этом отметим, что не всякое искусство обладает той силой воздействия на человека, которая, по словам Ю. Лотмана, заполняет не только ячейки его памяти, но и перестраивает структуру его личности. По-разному реализуя экзистенциальную потребность в символическом смысле, люди обращаются к произведениям искусства еще и потому, что оно, по словам Кассирера, «один из путей, ведущих к объективной точке зрения на вещи и человеческую жизнь; это не подражание реальности, а ее открытие» (Кассирер, 1998: 608–609). С другой стороны, такое искусство представляет собой «истинное проявление нашей внутренней жизни» (Кассирер, 1998: 639). Открывая для себя реальность, человек не просто приобщается к символическому смыслу, он, согласно Кассиреру, последовательно самоосвобождается и создает собственный идеальный мир. В этом мире идеи и ценности, сопряженные с определенным идеалом, играют конституирующую роль и оказывают влияние как на творца, так и на того, кто воспринимает его творение.

Как ухватить эту символическую составляющую влияния искусства на человека? Через изучение каких механизмов воздействия можно выйти к авторским смыслам, заложенным в произведении, но не всегда очевидным? Эти вопросы с неизбежностью вводят нас в пространство коммуникации, где авторское сообщение оказывается в фокусе внимания и должно быть расшифровано, а произведение искусства рассматривается как коммуникативный акт, в котором проблема понимания, освоение авторских смыслов, выходит на первый план.

Отношение к творчеству А. Тарковского неоднозначно: для одних он гений, а его фильмы – шедевры, для других неинтересен, нуден, непонятен и чужд. На наш взгляд, проблема понимания его насквозь символических фильмов решаема, однако ощущение чуждости все же может остаться, если нет соответствующего экзистенциального запроса. Этот запрос не обязательно осознаваем. Но когда он есть, авторское сообщение вряд ли останется без внимания: что-то да обязательно зацепит и, прежде всего, на эмоциональном уровне. Как пишет Ю. Лотман, «все, что мы замечаем во время демонстрации фильма, все, что нас волнует, на нас действует, – имеет значение. Научиться понимать эти значения столько же необходимо, как для того, кто хочет понимать классический балет, симфоническую музыку или любое другое – в достаточной мере сложное и имеющее традицию – искусство, необходимо овладеть системой его значений» (Лотман, 1073: 12). В этом, по мнению Ю. Лотмана, состоит сущность и задача семиотического подхода к фильму. Именно семиотический подход позволяет выявить механизм воздействия кинотекста на человека, где центральную роль играет значение, или на языке семиотики – означаемое, обнаруживаемое с помощью означающих.

Сразу отметим, что существуют разные семиотические подходы к анализу кино. Концептуальное отличие в этом вопросе Р. Барта от Ю. Лотмана, например, состоит в том, что для первого киносемиология не имеет никакого отношения к символической, она является семиологией аналогий: «Наша киносемиология не опирается ни на какой код; она изначально рассматривает зрителя как бескультурного и стремится предъявить ему полную имитацию означаемого... Кинематографист обречен воссоздавать «псевдо-физис»; он волен умножать означающие, но не делать их редкими или абстрактными; у него нет права ни на символ, ни на знак (в смысле немотивированности) – только на «аналог»» (Барт, 2003: 198–199).

Семиотический подход Лотмана, напротив, предполагает думающего, понимающего зрителя, причем важнейшим условием понимания становится освоение киноязыка, дающего представление о кино как процессе познания жизни. Вот что он пишет: «Только поняв язык кино, мы

убедимся, что оно представляет собой не рабскую бездумную копию жизни, а активное воссоздание, в котором сходства и отличия складываются в единый, напряженный – порой драматический – процесс познания жизни» (Лотман, 1973: 2). Не зная киноязык, зритель не сможет включиться в этот процесс познания и, не понимая закодированного автором сообщения, заскучает.

Также в семиотической системе Лотмана наличествует структурная позиция, именуемая «символ»: «Наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило культурно более ценного, содержания» (Лотман, 1992: 191). Понимание символа Лотманом созвучно кассиреровскому. И в то же время оно имеет прямое отношение к отечественному культурному контексту, т. к., по словам ученого, соотносится с интуитивно данными нам собственным культурным опытом представлениями.

Ценностный аспект является у Лотмана важной частью семиотического подхода, он сопряжен с символическим содержанием текста. Ценность этой информации обусловлена свободным выбором мастера, превращающего образы мира в знаки и таким образом создающего иную органику жизни: «...то, что в объекте обусловлено автоматизмом связей материального мира, в искусстве становится результатом свободного выбора художника и тем самым приобретает ценность информации» (Лотман, 1973: 4).

Опираясь на труды Ю.М. Лотмана «Семиотика культуры и понятие текста», «Семиотика кино и проблемы киноэстетики», «Символ в системе культуры», наметим основные, имеющие отношение к символической реальности положения семиотического подхода и предложим версию семиотического анализа одного из самых метафизичных (экзистенциально-нравственная проблематика), религиозных (хоральная прелюдия И.-С. Баха, «Троица» А. Рублева) и одновременно научных («Безгранично ли познание и должно ли оно опираться на нравственность?») по своей проблематике фильмов А. Тарковского – «Солярис».

В работе «Семиотика культуры и понятия текста» представляют интерес два момента: определение текста и характеристика социально-коммуникативной функции текста. Понимание текста как сообщения, которое как минимум должно быть дважды закодировано, т. е. принадлежать разным языкам, содержащим многообразные коды, дает доступ к символическому ресурсу, если таковой имеется. Специфика социально-коммуникативной функции состоит в значимости авторского сообщения и роли культурной традиции.

Наличие сообщения, устанавливающего связь между адресантом и адресатом, является, на наш взгляд, объектом семиотического анализа кино. С этой точки зрения «Солярис» представляет собой, в первую очередь, авторское сообщение. Это означает, что понимание фильма не может быть тотально произвольным, не учитывающим авторский контекст. Здесь авторские значения являются ориентирами, которые позволяют прочесть сообщение. В нашем случае – через означающие: музыку и шумы, живопись и природу, цвет и детали кадра.

Что касается обусловленности сообщения культурной традицией, с которой аудитория входит в общение, то, на наш взгляд, идентифицировать ту или иную культурную традицию можно, если адресат имеет хоть какое-то представление о символических формах культуры, например, в кассиреровском или ином их освещении. «Солярис» насыщен ссылками на религиозную, художественную, научную, философскую традиции. Понимание того, в каких традиционных контекстах бытует означающее помогает адекватному постижению означаемого. Так, в сцене, где Хари и Крис остаются в библиотеке, детали картины «Охотники на снегу» Брейгеля в начале сопровождаются космическими и земными шумами, а затем – звуками Хоральной прелюдии И.-С. Баха. Эти шумы и музыка передают сообщение о ценностях земной жизни – Земле, доме, любви, – которые в таком надмирном музыкальном окружении кодируются как вечные.

По Лотману, функция текста призвана обслуживать определенные потребности того, кто создает этот текст. Потребность высказаться, вписать свое сообщение в культурный ареал, донести его до адресата, является, по-нашему мнению, потребностью любого творца. В труде Х.В. Янсон, Янсон Энтони Ф. «Основы истории искусств» дается интересное объяснение этому феномену: творческий процесс не закончен, пока произведение не увидит зритель. Вот, что мы читаем: «Но творческий процесс включает в себя необходимый завершающий этап: произведение искусства должны увидеть и оценить зрители – лишь тогда его рождение можно будет считать состоявшимся. Для художника недостаточно удовлетворить самого себя: он хочет видеть реакцию других» (Янсон, 1996: 14). Иначе говоря, для того чтобы нечто в сфере искусства начало бытийствовать, необходим сторонний наблюдатель.

Мы разделяем суждение Ю.М. Лотмана о том, что именно искусство «с его принципиальной многозначностью, в принципе, порождает только тексты» (Лотман, 1992: 137). И утверждаем, что фильм «Солярис» обладает высочайшей степенью текстового значения, предельно насыщен ин-

формацией и в силу этого действительно является произведением искусства, культурным текстом, уже по самой своей природе имеющим признаки и ценности, и истинности. Ему присуща та самая дополнительная, требуемая художественной культурой выраженность, которая осуществляется средствами киноязыка. Именно средства киноязыка, любая единица текста (зрительно-образная, графическая, звуковая), являются, на наш взгляд, предметом семиотического анализа. Но исследуются они не сами по себе, а как механизм воздействия на зрителя.

Искусство начинается с того, что художник имеет огромное количество возможностей выбора, как отобразить объект. На языке семиотики это означает, что все, что мы видим в «Солярисе», неслучайно, и кадры, и предметы в них – все является частью одного обширного повествования о чем-то очень важном для режиссера.

Начнем с анализа тех средств киноязыка, с помощью которых достигается правдивость изображаемого.

Тихое журчание воды, размеренно колышущиеся в ней водоросли, трава, окружающая главного героя в начале фильма, с семиотической точки зрения обязательно несут в себе важную информацию, закодированное сообщение. Это не просто вода, водоросли и трава, особенно если учесть кольцевую специфику повествования, когда в последних кадрах режиссер вновь возвращается к знакомому пейзажу, – это особая атмосфера, это знак, отсылающий к некоему символическому содержанию, разгадать которое можно, последовательно разбирая транслируемое сообщение.

В данном случае естественный пейзаж, как и все, что в дальнейшем появляется в кадрах, является результатом сознательного творческого акта художника. Даже звуки природы здесь – творение Э. Артемьева, а не механически воспроизведенный естественный природный фон. Вот, что вспоминает о Тарковском Э. Артемьев: «Он говорил затем, что кино пока не имеет своего языка, что кино – это просто чистая пленка и время. Короче, долго и хорошо рассказывал, как ему не нужна киномузыка – все эти увертюры, главные темы, лирические песни... “Только атмосфера, только организация звуков и шумов... Читай сценарий, смотри отснятый материал и попытайся определить, в каких местах нужна музыка. А я потом тебе скажу, где считаю ее действительно необходимой”»¹.

Подчиняя своему замыслу звук и цвет, режиссер также освобождает их от технического автоматизма и превращает не просто в художественные средства, а в механизм воздействия на зрителя. И цвет, и звук становятся художественно мотивированными и обусловленными как выбором режиссера, так и предшествующим художественным опытом, типами художественных кодов, когда, например, многоцветие, красота, жизненное богатство земной реальности передается в «Солярисе» цветной пленкой.

Еще один любопытный нюанс, правдоподобие повествования, несмотря на то что фильм формально относится к научно-фантастическому жанру, достигается с помощью монтажа черно-белых и цветных кадров. На наш взгляд, Тарковский сознательно усложняет киноповествование, вводя черно-белые кадры с историей пилота Анри Бертон. Являясь отсылкой к заэкранной реальности, эти кадры обнаруживают объективность происходящего, оказываются хроникой, документальным сообщением о событиях на Солярисе, побуждая зрителя переживать настоящую всего: и экранного, и заэкранного повествования. По сути, то, что мы наблюдаем в этой смене кадров, есть ни что иное, как сообщение о том, что видимое на экране имеет самое отдаленное отношение к фантастике, напротив, именно земная реальность, бытие человека, его экзистенция выходят на первый план.

Показания Бертон – это ложь или правда? Еще одна особенность монтажа цветных и черно-белых кадров состоит в том, что он, отделяя сюжетное повествование, относящееся к Крису, от заэкранного, документального, связанного с отчетом Бертон о полете над Солярисом, создает напряжение, нерв между скептически настроенным по отношению к соляристике Крисом и видевшем нечто на Солярисе, но не знающим, что с этим увиденным делать, Бертоном. Да, он что-то видел, но пленку, которую он предъявил в качестве свидетельства – еще одна отсылка к заэкранной, объективной, реальности и усиление ее значения, – оказалась бездоказательной. «Содержание галлюцинаторного комплекса», почти ничему не соответствующие, – так были оценены сообщения Бертон.

Перейдем к следующей важной для понимания сюжета фильма с точки зрения семиотического анализа детали. Когда Берто, волнуясь, рассказывает о своем полете над Солярисом, на

¹ Петров А. Эдуард Артемьев и Андрей Тарковский («Музыка в фильме мне не нужна...») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edwardartemiev.ru/site/edwardartemiev/kazdyj-celovek-vselennaa-intervyu-stati/arkadij-petrov-e-artemiev-i-andrej-tarkovskij-muzyka-v-filme-mne-ne-nuzna> (дата обращения: 02.05.2022).

стене за ним мы видим изображения Циолковского и Гагарина. В один из моментов он оборачивается и продолжает рассказ, но людей, к которым он обращается, мы не видим, зато видим Циолковского и Гагарина. Эта зрительно-образная единица текста может быть понята, с одной стороны, как обращение к свидетелям, которые не дадут соврать, с другой – как линия преемственности между реально существующими людьми, имеющими отношение к Космосу. Гагарин первым вышел в Космос, Бертон – первый, с кем эта иная форма жизни вошла в контакт. А вот Циолковский, настаивая одним из первых на необходимости освоения Космоса, – и здесь переключка с мыслями Тарковского – также указывал на значение нравственности: «человечеству предстоит... идти вперед и прогрессировать – в отношении тела, ума, нравственности, познания и технического могущества» (Циолковский, 1993: 278).

Бертон похож на птицу в клетке – очередной кинознак («птицы в клетке»), появляющийся в беседе Бертон с отцом Криса и фиксируемый на доли минуты, когда он стоит у окна, – также несвободен. Ничто не случайно в фильме, и зрительно-образный, графический и звуковой ряд сообщают о его героях очень многое.

Бесконечное шоссе, по которому едет Бертон, то ныряющее в тоннель, то выносящее его машину на такую же сжатую зданием мегаполиса поверхность, шум колес, металлические, скрежежущие, нарастающие хаотично и вклинивающиеся в него звуки, – все это является выражением внутреннего, напряженного, эмоционально «неживого» по контрасту с природным окружением его друга, отца Криса, состояния Бертон, так и не покинувшего его после злополучного рапорта и Встречи с сыном погибшего, сыгравшей, если учесть нравственный характер проблематики фильма, роковую роль в его дальнейшей жизни.

Фильм начинается музыкой И.-С. Баха. То, что в отношении фильма «Чувство» Лукино Висконти обозначил Лотман, применимо и к фильму «Солярис». Перефразируя Лотмана, можно сказать, что музыкальная атмосфера «становится системой, в которой кодируются характеры героев, сюжет». От себя добавим, что кодируются не только они, но и название фильма, и имя автора, по роману которого фильм был снят, и имена сценаристов, и всех, принявших участие в создании фильма, включая, конечно же, имена актеров, идущие в титрах в самом начале фаминорной хоральной прелюдии.

Что именно кодируется, а значит, имеет прямое отношение к символическому контексту, создает атмосферу фильма, рассмотрим дальше.

Хоральная прелюдия фа минор BWV 639 для органа была написана Бахом на тему хорала «К тебе взываю, Господи Иисусе Христе». Можно, конечно, утверждать, что восприятие произведений Баха в светской культуре вышло за пределы религиозной интерпретации, стало лирикой, однако три факта не позволяют этого сделать по отношению к «Солярису». Первый факт – Тарковский был человеком верующим, следовательно, наименее вероятно, что содержание хорала и его музыкальная обработка остались бы в плоскости лирики и не подняли религиозный контекст. Второй факт – Бах был любимым композитором Тарковского, чья музыка, по его словам, выражала Вечность. Тарковский как-то заявил: «...вообще-то мне музыка в фильме не нужна, мне нужны шумы природы... Я мечтаю снять фильм без музыки. Музыка мне нужна лишь в тех моментах, когда нет средств, чтобы языком кино это вытянуть»¹. Чем не семиотическая составляющая фильма? И третье – «Солярис» получил премию протестантской и католической церковью за божественное начало в фильме.

Что «вытягивает» музыка Баха? Обратимся к хоралу. Если придерживаться музыкальной классической традиции, нужно иметь в виду, что назначение прелюдии – напомнить прихожанам мелодию хорала и создать возвышенное и молитвенное настроение. Неторопливый, размеренный темп прелюдии словно замедляет течение времени, создает особую атмосферу, в которой устанавливается связь с Богом, осуществляется общение с ним.

Хорал «Ich ruf' zu dir, Herr Jesu Christ» был написан Иоганном Агриколой около 1529 г. Его полный текст, и это очень важно для понимания «вытягиваемого» смысла, таков: «К тебе взываю, Господи Иисусе Христе! Прошу, услышь мои мольбы, Даруй мне благодать Твою, Не дай мне пасть духом, Истинной веры, Господи, молю. Даруй мне, Господи, истинной веры. Чтобы я жил для Тебя, Помогал ближнему, И нес слово Твое»². О чем этот текст? Он о просящем обращении к Богу, испытаниях души, необходимости в этих испытаниях веры, служении Богу и ближнему. Космическая станция на Солярисе – это пространство испытаний, искушений, нравственного вы-

¹ Кофьрин Н. Солярис – мир гения Андрея Тарковского. [Электронный ресурс]. URL: <https://subscribe.ru/group/1000-geniev-mir-vne-shablonov/5825222/> (дата обращения: 02.05.2022).

² И.С. Бах – Э. Артемьев. Земля («Солярис») [Электронный ресурс]. URL: <https://iskusstvo-zvuka.livejournal.com/127727.html> (дата обращения 02.05.2022).

бора, и музыка Баха являет все это содержание, обозначенное в названии «К Тебе взываю, Господи Иисусе Христе». Именно эту мысль Бах выражает на языке звуков, мелодии, и она лейтмотивом проходит через весь фильм, закольцовывая его сюжет.

В обработке Э. Артемьева мелодия хораля также передает богатую эмоциональную насыщенность и глубину, являясь «одним из воплощений вневременной баховской концепции – блуждания по мирам потерянной (греховной) души»¹. Ткань произведения включает три голоса, каждый из которых символичен. Тихий бас символизирует течение времени, бренность, мимолетность всего существующего, пусть и прекрасного, – домашняя съемка, где родители Криса и сам Крис, и Хари в окружении завораживающих пейзажей. Верхний голос, передающий тему хораля, – это одинокий, находящийся за пределами чувственности, страстей, моральных оценок и выборов, голос, взывающий к Богу, голос измученного страданиями, опустошенного их предельностью сердца. И навевающий вечный сон успокаивающий и оставляющий все земное средний голос прелюдии. Единство этих трех голосов-символов – Времени, отрешенной от земного молитвенной просьбы и Вечности – является кодом, понимание которого объясняет поведение не только главного героя, но и многих персонажей киноповествования, и это понимание также вбирает в себя людей, благодаря которым фильм появился. Здесь словно размывается, исчезает граница между миром условным, искусством, и реальностью, и главные герои, и создатели, и актеры фильма оказываются в одной системе духовных координат, где все они – одинокие на своем пути к покаянию и искуплению души, если и открывающиеся Богу ли, Солярису, то без надежды на чудо и безвозвратно в прямом и в переносном смысле, как это сделал Крис.

В конце фильма прелюдия прирастает новым смыслом. В нее вплетаются металлические, космические звуки, символизирующие Солярис. И когда мы вновь видим водоросли, Криса, стоящего меж голых деревьев у застывшего озера, отца в доме, не замечающего падающих на него сверху струй воды, и снова – Криса, в изнеможении прильнувшего к окну, видим лежащий перед ним тот самый, обросший собственной символикой и ставший семиотическим знаком, кейс из-под шприцов, когда мы наблюдаем образ стоящего перед отцом на коленях сына, образ, отсылающий к Рембрандту и еще дальше – к библейской притче о блудном сыне, – именно благодаря этим инородным, пугающим своей какофонией звукам, мы понимаем, что происходит. Крис остался на Солярисе искупать вину перед отцом. И наблюдая то ли облака, то ли туман, застилающий землю, поднимающийся над ней, изменения земли, превращающейся в островок на поверхности огромного неведомого океана, мы понимаем, что путь покаяния и искупления может быть бесконечен.

Борьба за достоверность, доверие к экрану, о которой писал Лотман, связана не только с цветом и звуком, нас может тронуть любая деталь в кадре, а у Тарковского они все имеют значение, и тем самым вызвать доверие. Кадр как сообщение и деталь кадра, говорящая нечто о герое или ситуации, – все это также необходимо прочесть и понять, иначе коммуникация не состоится. Повторяемость и величина детали, ее центральное положение в кадре – вот на что мы бы обратили внимание в ходе нашего семиотического анализа. Водоросли в кадре крупным планом, лицо Матери на фото крупным планом, лицо Хари на фото крупным планом, детали картины П. Брейгеля «Охотники на снегу» и их переключки с деталями домашнего видео, гравюра «Дон Кихот и Санчо Панса», Ухо в каюте Снаута и Ухо Кельвина в конце фильма – их величина здесь действительно свидетельствует о важности детали. Библейское «кто имеет уши слышать, да слышит!» – невольно приходит на ум, когда Крис размышляет о конце жизни, тайне смерти, любви, а в кадре мы видим огромное во весь экран его ухо. Лотман пишет: «...при превращении безграничного пространства в кадр изображения становятся знаками и могут обозначать не только то, зримыми отображениями чего они являются...» (Лотман, 1973: 9).

Что же означает эта коробочка, кейс для шприцов – деталь, кинознак, красной нитью, проходящий через весь фильм? В статье «Проблема значения в кино» Барт акцентирует внимание на особой плотности знаков, которой отличаются начало фильма и его конец, особенно последний кадр. Это связано, например, с тем, что «начало фильма обладает интенсивной объяснительной функцией», и пейзаж, и музыка, и жесты, будучи носителями означаемого, могут быть выразителями некоей идеи, того, что «находится вне фильма и должно быть актуализировано в нем» (Барт, 2003: 198). Кейс актуализирует ситуацию в жизни Криса, которая случилась вне киноповествования, но оказала огромное влияние на содержание сюжета.

Эта ситуация связана со ссорой между Крисом и Хари, ее самоубийством, когда в качестве орудия смерти она использовала шприц с препаратом из коробочки, оставленной Крисом в холодильнике. Действие этого препарата Крис объяснил в свое время Хари. Хари дала понять Крису,

¹ Хоральная прелюдия фа минор И.С. Баха. Прелюдия фа минорспоры с неверующими друзьями». URL: <https://labelitk.ru/makeup/horalnaya-prelyudiya-fa-minor-i-s-baha-prelyudiya-fa-minorspori/> (дата обращения 26.05.2022).

что убьет себя. Где-то в глубине души Крис знал, что это правда, но не остановил ее, сочтя возвращение за малодушие, а когда все-таки не выдержал и приехал, было уже поздно. На руке был след от укола.

Сообщение, связанное с кейсом, представляет собой тщательно выстроенный знаковый процесс, и значение детали здесь не маргинально, как пишет Барт, а занимает центральное место в повествовании. Мы наблюдаем кейс как минимум пять раз.

В начале фильма, когда Крис стоит в окружении трав и о чем-то думает, держа его в левой руке. При этом кейс закрыт. Дальше он уносит его с собой. Мы пока не знаем, что это за коробочка, да и не факт, что обращаем на нее внимание. Просто она есть, и Крис почему-то не расстается с ней, прощаясь с Землей.

Второй раз, когда Хари впервые появляется на станции и ищет туфли в рюкзаке Криса. Мы слышим металлический звук падающего предмета, и дальше в кадре, в центре – фото Хари и рядом, также крупным планом, кейс из-под шприцов с уже полуоткрытой крышкой, словно ящик Пандоры, содержащий некую тайну, имеющую прямое отношение к Хари. Вспомогательная, играющая в паре с кейсом деталь, – порванное на плече платье, которое в дальнейшем откроет след от укола.

В третий раз мы видим кейс, когда Хари ушла, добровольно ради Криса подвергла себя аннигиляции. Но и Крис до того, как жар накрыл его, открывает для себя истину: возможно, все они здесь, на Солярисе, для того чтобы впервые ощутить людей как повод для любви. Потому что до сего дня Земля и человечество были попросту недоступны для любви, а ведь людей так мало в этом необозримом космическом пространстве. «Стыд, – говорит Крис, – вот чувство, которое, спасет человечество».

Закрытый кейс с каплями воды лежит на кресле. Рядом с ним стоит кувшин, из которого мать Криса, пока он был в забытии, смывала с него грязь. В это время Крис плачет, и мы понимаем, что омовение – еще один знак, традиционное значение которого очищение и связанное с ним в контексте фильма прощение. Хари ушла, и капли воды на кейсе могут также символизировать прощение.

В четвертый раз мы обнаруживаем кейс в центре кадра стоящим на окне после слов Криса о том, что ему остается только ждать: «Чего ждать? Не знаю. Новых чудес?..». Возвращение на Землю вряд ли возможно, т. к. он уже не сможет отдаться новым интересам и знакомствам до конца. Надежды на возвращение Хари тоже нет. Но отказаться ради пусть даже воображаемой возможности контакта с Океаном, которому земная раса десятки лет пытается протянуть ниточку понимания, Крис не вправе. И вот, после слов о чудесах, мы вновь видим кейс, не просто кейс: вся в каплях воды крышка откинута, и из коробочки торчат маленькие зеленые всходы. На наш взгляд, они символизируют и Землю, и преображение Криса. Это уже не тот «бухгалтер», как назвал его однажды в сердцах отец, это ожившая душа, одинокий странник, продолжающий свой путь уже в совсем ином мире и уносящий память о Земле с собой. И словно в подтверждение этому звучит Бах.

И последний, пятый раз, кейс появляется, когда Крис возвращается домой. Внутри дома, в комнате лется вода на лежащие на подоконнике книги, закрытый кейс из-под шприцов. И кейс, и Крис находятся в центре кадра. Крис видит отца. И мы понимаем, что, переключаясь из одной болезненной для Криса ситуации, связанной с Хари, в другую, где важными оказываются его отношения с отцом, кейс становится символом, с одной стороны, греха, не проговоренного, сокрытого, с другой – метафизической Тайны, в которой есть место вряд ли возможным без мук совести страданиям, стыду, любви, грядущему покаянию и очищению.

Мы уже не раз обращали внимание на то, что кинематографическое повествование коммуникативно по своей природе. Лотман пишет: «...кино по самой своей сути – синтез двух повествовательных тенденций – изобразительной («движущаяся живопись») и словесной» (Лотман, 1973:11). Это означает, что киноповествование содержит в себе «ключи», помогающие лучшему его пониманию. К таким «ключам» относятся слово или письмо в изобразительной функции, предметы со словами (например, огромное количество книг в разных эпизодах отсылает к книжной, элитарной культуре, носителями которой являются герои фильма) и фотография, картина, приобретающая свойства слова (например, картины Брейгеля как гимн Земле, постоянное напоминание о ней как о Доме, обжитом и уютном).

Размышляя о внетекстовых связях, историко-культурном контексте фильма, стоит отметить, что Тарковский творил в эпоху, когда атеистическая идеология, материалистическая философия, вера в научно-технический прогресс и разум человека определяли бытие советского человека. Киноязык «Соляриса» ставит под сомнение существующую общественную парадигму научного познания и определения человека исключительно как рационального существа. «Проклятые вечные вопросы», которыми задаются герои фильма, а если не задаются, то невольно оказываются и перед ними, и перед необходимостью так или иначе отвечать на них, – следствие не только утраты чувства

космического, о котором говорит Снаут, но и проявление экзистенции человека, непрекращающегося поиска смысла своего существования. И когда Крис спрашивает: «Послушай, Снаут, за что Он нас так мучает?» – это тоже поиск индивидуального смысла, пусть и остающийся без ответа.

Семиотическое измерение «Соляриса» – это молчаливая, в виде предметов, и звучащая, природно и хорально, Вселенная знаков. Наше приближение к ней – это знакомство с языками А. Тарковского, Э. Артемьева, И.-С. Баха, П. Брейгеля, А. Рублева, языками, отсылающими к символическим значениям, постижение которых позволяет лучше понять, что именно хотел сказать автор своим произведением. «Солярис» – менее всего фантастика и более всего исследование движений души человека в наиболее непростые для него моменты жизни. Это обретение ценностного отношения к Земле, близким, человечеству, которое стало возможным если не через чувство космического, то через призму космического масштаба, заданного Солярисом. «Солярис» – это фильм о нас, и если он находит у кого-то отклик и понимание, значит, Вселенная Соляриса чуть-чуть приоткрылась, и движение в ней, понимание ее и самопонимание – процесс, позволяющий во временном, земном бытии открыть вечные, значимые для человека смыслы.

Список источников:

- Барт Р. Проблема значения в кино / в сб. Барт. Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры [Электронный ресурс]. Подгот. по печ. изд. М., 2003. 512 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-sistema_modu.pdf (дата обращения: 02.05.2022).
- Бодрийяр Ж. Америка [Электронный ресурс]. Подгот. по печ. изд. СПб., 2000. 203 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=108289&p=8> (дата обращения: 02.05.2022).
- Бубер М. Проблема человека [Электронный ресурс]. Подгот. по печ. изд. М., 1995. 464 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=196660&p=3> (дата обращения: 02.05.2022).
- Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. 784 с.
- Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики [Электронный ресурс]. Подгот. по печ. изд. Таллин, 1973. 135 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=134093&p=1> (дата обращения: 02.05.2022).
- Лотман Ю. М. Символ в системе культуры [Электронный ресурс]. Подгот. по печ. изд. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. Т.1. Таллинн, 1992. С. 191–199. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm#_Toc509600941 (дата обращения: 02.05.2022).
- Лотман Ю. М. Текст и функция [Электронный ресурс]. Подгот. по печ. изд. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. Т.1. Таллинн, 1992. С.133–141. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm#_Toc509600941 (дата обращения: 02.05.2022).
- Франкл В. Человек в поисках смысла [Электронный ресурс]. Подгот. по печ. изд. М., 1990. 372 с. URL: <https://www.rulit.me/books/chelovek-v-poiskah-smysla-read-6849-19.html> (дата обращения: 02.05.2022).
- Циолковский К.Э. Космическая философия / в сб. Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. С. 278–281.
- Шелер М. Человек и история // THESIS. 1993, № 3. С. 132–154.
- Янсон Х.В., Янсон Э.Ф. Основы истории искусств [Электронный ресурс]. Подгот. по печ. изд. СПб., 1996. 514 с. URL: <https://bookree.org/reader?file=674253&pg=14> (дата обращения: 02.05.2022).

References:

- Bart, R. (2003) Problema znacheniya v kino/ v sb. Bart. R. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury [The problem of meaning in cinema]. Podgot. po pechatnomu izd. Moscow. 512 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-sistema_modu.pdf (accessed: 02.05.2022) (in Russian).
- Baudrillard, J. (2000) America. Podgot. po pechatnomu izd. Saint-Petersburg. 203 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=108289&p=8> (accessed: 02.05.2022) (in Russian).
- Buber, M. (1995) Problema cheloveka [The human problem]. Podgot. po pechatnomu izd. Moscow. 464 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=196660&p=3> (accessed: 02.05.2022) (in Russian).
- Cassirer, E. (1998) Izbrannoe. Opyt o cheloveke [Selected works. Experience about a human]. Moscow. 784 p. (In Russian).
- Ciolkovskij, K.E. Kosmicheskaya filosofiya [Cosmic philosophy] / v sb. Russkij kosmizm: Antologiya filosofskoj mysli. Moscow, 1993. P. 278–281. (in Russian).
- Lotman, Yu.M. (1973) Semiotika kino i problemy kinoe`stetiki [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Podgot. po pechatnomu izd. Tallin. 135 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=134093&p=1> (accessed: 02.05.2022) (in Russian).
- Lotman, Yu.M. (1992) Simvol v sisteme kultury [Symbol in the system of culture]. Podgot. po pechatnomu izd. Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i v 3 t. T.1. Tallinn. P. 191–199. Available at: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm#_Toc509600941 (accessed: 02.05.2022) (in Russian).
- Lotman, Yu.M. (1992) Tekst i funkciya [Text and function]. Podgot. po pechatnomu izd. Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i v 3 t. T.1. Tallinn. P.133–141. Available at: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm#_Toc509600941 (accessed: 02.05.2022) (in Russian).
- Frankl, V. (1990) Chelovek v poiskax smysla. [Man's search for meaning]. Podgot. po pechatnomu izd. Moscow. 372 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/chelovek-v-poiskah-smysla-read-6849-19.html> (accessed: 02.05.2022) (in Russian).
- Sheler, M. (1993) Chelovek i istoriya [Man and History]. THESIS, 1993, № 3. Available at: https://ig-iti.hse.ru/data/987/313/1234/3_1_Shel.pdf (accessed: 02.05.2022) (in Russian).
- Yanson, X.V., Yanson, E.F. (1996) Osnovy istorii iskusstv [Fundamentals of art history]. Podgot. po pechatnomu izd. Saint-Petersburg. 514 p. Available at: <https://bookree.org/reader?file=674253&pg=14> (accessed: 02.05.2022) (in Russian).

Информация об авторе

Я.А. Афанасенко – кандидат философских наук, доцент, преподаватель кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=967988.

Information about the author

Ya.A. Afanasenko – PhD in Philosophy, Associate Professor, Lecturer, Perm State National Research University, Perm, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=967988.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 28–31.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 28–31.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.3>

Основные принципы и характерные черты имиджа человека постмодернистского типа

Ирина Анатольевна Муратова

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия, muratovaia@tyuiu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу постсовременных основных ориентиров в практике формирования имиджа человека, которые вызваны распространением симуляции, влиянием игрового принципа на множество сфер социальной жизни, манипуляциями общественным сознанием, ироническим отношением к серьёзному, виртуализацией. Рассматривается ситуация приоритета постмодернистских принципов в пространстве персональной самопрезентации, идентификации посредством имиджа. Исследуется манипулятивный механизм в контексте имиджевых практик, где человек как персона должен быть производимым, потребляемым, рентабельным. Автор анализирует основные ориентиры современного имиджмейкинга как практики, порождающей социально-гуманитарные риски, вызванные разрушением традиционных норм и симуляционной свободой выбора.

Ключевые слова: имидж, политический имиджмейкинг, симуляция свободы, манипуляция, пародия, гиперреальность, кубизм, шоу-индустрия, интернет-ресурсы

Для цитирования: Муратова И.А. Основные принципы и характерные черты имиджа человека постмодернистского типа // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 28–31. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.3>.

Original article

Basic Principles and Features of the Postmodern Person Image

Irina A. Muratova

Tyumen industrial University, Tyumen, Russia, muratovaia@tyuiu.ru

Abstract. The author analyzes basic postmodern guidelines in the practice of forming a person's image, which are caused by the spread of simulation, the influence of the game principle on many spheres of social life, manipulation of public consciousness, ironic attitude to the serious, virtualization. The author considers the situation of priority of postmodern principles in the space of personal self-presentation, identification through image. The manipulative mechanism is investigated in the context of image practices, where a person should be produced, consumed, and profitable. The author analyzes the main guidelines of modern image making as a practice that generates social and humanitarian risks caused by the destruction of traditional norms and simulated freedom of choice.

Keywords: image, political image making, simulation of freedom, manipulation, psychology, hyperreality, cubism, show industry, Internet resources

For citation: Muratova, I.A. (2022) Basic Principles and Features of the Postmodern Person Image. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 28–31. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.3](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.3) (In Russian).

С середины XX в. в большинстве европейских и некоторых восточных странах произошли существенные изменения, в результате которых утвердились новые принципы формирования имиджа человека. Сегодня он включает в себя характеристики множества идентификационных аспектов, отражающих маргинальность, ризомность и эклектизм современной социальной реальности.

Проблемы постсовременного имиджа человека и его функционирования затрагивают глобальную сферу, так как касаются аспектов самоопределения, тождественности, где на первый план выходит интенциональная, глубоко эмоциональная, внутренне волнующая реакция современника на окружающую его реальность. В таких условиях дихотомия индивидуального и общественного, элитарного и массового снимается, противоположности сливаются, переходят одна в другую. Имидж постсовременного человека подобен описанию Б.Х. Леви: «тело без органов – яйцо: оно пересечено осями и порогами, широтами, долготами, геодезическими, оно пересечено градиентами, обозначающими становления и переходы, назначения того, кто в нем развивается».

Ничто здесь не репрезентативно, но все живое и пережитое:... ничего, кроме полос интенсивностей» (Lévy, 2010: 21). Модусы всеобщей обратимости, ризомности, маргинальности, эклектизма, шизоидности становятся центральными в формировании имиджа.

Так, в контексте постмодернистских представлений имидж порождается стратегией «диалога с хаосом», его символом является ризома. В таком хаотичном, не иерархичном и децентрированном образе наиболее возможным и приемлемым способом тождественности и непрерывности «Я» в «бессмысленном» дискурсе становится игра. Игра приобретает характер тотального и становится одним из главных имиджевых принципов, особенно в молодёжной среде. Л.Т. Ретюнских обозначила данное явление возникновения игры во всех сферах бытия играизацией (Ретюнских, 2002).

Конечно, игровой элемент в организации внешнего образа не является новым изобретением, продуктом лишь эпохи постмодернизма. Так, на протяжении всего исторического существования человека игра была неотъемлемой частью его жизни. Любая культура разыгрывалась, представляя собой театрализованное действие. Но в современной реальности происходит тотальное утверждение нового ориентира идентификации человека посредством имиджа – игровое отношение к своей внешности, к имиджевым характеристикам других людей и ко всему окружающему. Возможно, это единственный способ симуляционного, обманного снятия трагического и напряженного накала. Игра для нашего современника – альтернативная реальность, которую он создает сам.

В постмодернистском типе имиджа игра направлена на духовно-раскрепощенное сознание, на приобретение мнимой свободы, которая выражается в отречении от любой власти, начиная с относительных стилевых оснований и заканчивая традиционными предписаниями этикета, правилами гармоничного образа. Это отличает игровой принцип современного имиджа от внешней самопрезентации людей предыдущих эпох, где существовало различие подлинного и ложного, правды и вымысла, гармонии и разобщенности.

Доминирующими основаниями игрового принципа построения имиджа в постмодернизме является эпатаж, противоречивость, контрастность, провокация, развлекательность. Основная цель – шокировать, смутить, доставить наслаждение, обеспечить релаксацию, расслабление. При этом естественное желание человека быть, а не казаться, включаться в подлинное бытие сегодня часто игнорируется.

Сегодня имидж во многом определяется другим постмодернистским принципом – принципом иронии. Комическое занимает центральное место во внешнем облике и в поведении современника, становится смыслообразующим фактором. Ж. Липовецки в книге «Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме» называет современное общество «юмористическим»: «оно целиком создано в рамках процесса, цель которого – покончить с противопоставлением – до этого четким – серьезного и несерьезного» (Липовецки, 2001).

В имиджах современных людей, включенных в различные сферы: эстетические, социальные, политические, информационные и т. д., – можно наблюдать воспроизводство и повторение так называемой «комической ситуации» (Кузнецова, 2020).

Сегодня моделируется новый тип самопрезентации, самоопределения – от юмористического к ироническому, новая метафизика – от трансцендентной глубины к внешней поверхности. Принципиально устраняется поиск целостности личности, тождественности, непрерывности «Я», их объявляют либо несуществующими, либо ложными знаками, симулякрами.

Симуляция, используемая в процессе самопрезентации, выступает как сущностное, системообразующее качество имиджа постсовременного человека, его основополагающая характеристика. Она отделяет постсовременную идентификационную практику от практики предшествующих эпох, где симулятивная реальность не являлась единственно подлинной реальностью. Симуляция – это понятие постмодернистской философии, фиксирующее феномен тотальной семиотизации бытия вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самодостаточной реальности.

Распространение симуляционных ориентиров повлияло на актуализацию в современном обществе имиджмейкинга – новой социальной практики по формированию благоприятного персонального образа. Как и все информационные технологии XXI в., имиджмейкинг, по нашему мнению, обладает симуляционной природой. Состояние современной имиджевой системы аналогично описанию природы симулякра в теории Ж. Бодрийяра: «симулякр перестаёт что-либо репрезентировать и лишь раскрывает себя как чистый, бесстрастный, властительный образ, стирающий грань между реальным существом и мифом» (Бодрийяр, 1992).

Ярким примером ориентации на симуляционный аспект является политический имидж, который проявляет себя не только в предоставлении информации о том, каков политик сегодня, но и о том, каким он был в прошлом.

Так, симулякр – знаком, подменяющим реальность, – становится не только внешний облик политика, его мимика, жестикуляция, манера держаться, но и его биография. Имиджмейкеры довольно тщательно корректируют форму её подачи. Они усиливают те моменты жизни политика, которые легко и естественно ложатся в выбранную легенду, а нестыкующиеся части и спорные моменты убирают или подвергают трансформации, представив их в выгодном свете.

Допустим, на заре перестройки кандидату пришлось посетить места не столь отдаленные (например, по экономической статье – он занимался спекуляцией или организовал подпольное производство нижнего белья). Этот факт биографии можно позитивно обыграть, представив нашего героя в качестве борца за экономическую свободу с тоталитарным режимом. Это позволит дополнительно подчеркнуть его положительные качества, укрепляющие ядро имиджа: предприимчивость, инициативность (первым в городе, «с нуля» создал новое производство), смелость (не побоялся запретов), забота о людях (создал новые рабочие места, помогал обездоленным и т. д.), его непреклонность (после выхода на свободу восстановил производство) и т. д. В итоге, даже если конкуренты захотят очернить нашего героя («он сидел», «криминал идет во власть» и т. д.), то эта информация ляжет на уже внедренные ранее в сознание избирателей позитивные образы и не окажет своего разрушающего действия (Каневская, 2020; Демидова, 2021).

Так, имидж современного политика является симуляционным аспектом его идентичности, который не имеет отношения к реальному человеку, его обязанность – максимально воздействовать на сознание общественности, соблазнить своей привлекательностью, сделав из простого человека человека-легенду.

В рамках современного социально-гуманитарного дискурса получило распространение понятие «виртуальный имидж», используемое для описания феномена самоопределения личности в пространстве СМИ или компьютерной техники.

Виртуальный имидж можно сравнить с явлением, объединяющим, с одной стороны, отсутствие онтологической основы, а с другой, эмпирическую достоверность. Это миражи, галлюцинации, образы наркотического опьянения, безумия, разного рода видения. Виртуальный имидж ассоциируется с «эффектом бабочки» системы, меняющей все свои параметры, с процессом балансирования на грани, который поддерживается режимом актуализации хаотического состояния.

Если в рамках традиционного имиджа всегда существовала практика отражения реальных черт, качеств, удвоения феноменов мира в виде образа, иногда и не скрывающего от человека наличия обмана, то виртуальный имидж, основанный на современных технологиях, воспроизводит иллюзию формирования персонального образа. Пользователь компьютера может отождествлять себя с творцом, богом, создающим объекты своих замыслов, желаний. Но данную мнимость развенчивает одно обстоятельство – программа, которую использует «демиург», запущена не им, а некой иной силой. Поэтому пользователь, ощущая себя творцом, в действительности же выступает в роли марионетки. Он «рождается в потребляемых им состояниях и возрождается в каждом состоянии» (French Embassy..., 2009).

Пространство виртуальной самопрезентации функционирует по принципам маргинальности, поверхности, единства реальности и иллюзии, вымысла и реальности. Они способствуют формированию определенного защитного механизма и создают симуляционное, игровое, юмористическое настроение. Виртуальные маски становятся актуальными и востребованными в современном обществе. Скрываясь под ними, можно свободно общаться, любить, ненавидеть, расставаться, встречаться, начинать новую жизнь с новой биографией, забывая о настоящей повседневности, в которой так много проблем и разочарований. Естественно, такая практика маргинальна, гротескна, осуществляется не всерьез и имеет негативные последствия – вырабатывает у пользователя мышление, которое также отличается двойственностью, маргинальностью, гротескностью. У человека, постоянно находящегося в виртуальном образе, изменяется этическая, нравственная сфера, сознание, он плохо начинает различать важное и второстепенное, полезное и вредное, добро и зло, так как погружен в мир образов-лжеподобий (Ершова, 2021).

Таким образом, после проведенного исследования можно отметить следующие основные характеристики имиджа человека постмодернистского типа:

1) ориентация в процессе самопрезентации на интертекстуальность и децентрированность – данные основания превращают имидж человека в текстуальную реальность, где символы серьезного и главного смещаются в сторону смешного и второстепенного, знаки высокого и нормированного – в низкое и девиантное, формируя деструктивную атмосферу тождественности и сборки образа «Я»; в результате имидж человека как форма идентификации включается в кризисную ситуацию верификации;

2) востребованность виртуальных образов, основанных на знаках повседневности и приватности – данные типы имиджей актуализируются как востребованные средства идентификации, которые формируют высокие рейтинги; возрастает влияние симуляционности, пародийности, шизоидности, гедонизма в самопрезентации личности;

3) актуализация несвойственных традиционной культуре «облегченных» имиджей, формируемых средствами массовой информации, шоу-индустрией, интернет-ресурсами и т. д. – все составляющие имиджевые критерии, ранее строго регламентированные в традиционной системе, предстали перед современниками как аспекты невостребованной, изжившей себя идентичности, а традиционные образы авторитетов и вождей, героев и врагов стали персонажами триллеров, детективов, анекдотов.

Список источников:

- Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. 1992. №10. С. 69–78.
 Демидова В.Г. Формирование имиджа политического лидера // Научный альманах. 2021. № 2-1 (76). С. 86–89.
 Ершова Ю.А. Социокультурный имидж сетевого поколения // МедиаВектор. 2021. № 2. С. 61–66.
 Каневская Я.Е. Создание политического имиджа как прием речевого манипулирования в общественно-политическом ток-шоу // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 24. С. 2079–2085.
 Кузнецова А.В. Топос иронии в рецептивно-интерпретативном пространстве художественного текста постмодерна // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 2. С. 125–132. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-2-125-132>.
 Липовецкий Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001. 201 с.
 Ретюнских Л.Т. Философия игры. М., 2002. 256 с.
 French Embassy press and information service // News from France. Paris, 2009. 23 December. P. 45–53.
 Lévy B.H. Pourquoi il faut arrêter le débat sur l'identité nationale. Le point. Paris, 2010.

References:

- Baudrillard, J. (1992) Zloy demon obrazov [The Evil Demon of Images]. *Iskusstvo kino [Cinema Art]*. (10). 69–78. (In Russian)
 Demidova, V.G. (2021) Creating image of a political leader. *Science Almanac*. (2-1). 86–89. (In Russian)
 Yershova, Yu.A. (2021) Sociocultural image of the network generation. *MediaVector*. (2). 61–66. (In Russian)
 Kanevskaya, Ya.E. (2020) Sozdaniye politicheskogo imidzha kak priyem rechevogo manipulirovaniya v obshchestvenno-politicheskom tok-shou [Creation of a political image as a method of speech manipulation in a socio-political talk show]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye [Innovations. The science. Education]*. (24). 2079–2085. (In Russian)
 Kuznetsova, A.V. (2020) Topos of irony in the receptive-interpretative space of the postmodern literary text. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. (2). 125–132. Available from: [doi:10.29025/2079-6021-2020-2-125-132](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-2-125-132). (In Russian)
 Lipovetsky, G. (2001) Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme [The era of emptiness. An Essay on Contemporary Individualism]. St. Petersburg: Nauka. (In Russian)
 Retyunskikh, L.T. (2002) Filosofiya igry [Philosophy of the game]. Moscow: Vuzovskaya kniga. (In Russian)
 French Embassy press and information service (2009). *News from France*. Paris. 23 December. P. 45–53.
 Lévy, B.H. (2010) Pourquoi il faut arrêter le débat sur l'identité nationale. Le point. Paris. (In French)

Информация об авторе

И.А. Муратова – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры Гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=757682.

Information about the author

I.A. Muratova – PhD, Associate Professor, Humanities and technology Department, Tyumen industrial University, Tyumen, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=757682.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 32–39.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 32–39.

Научная статья

УДК 291.14

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.4>

К вопросу о религиозной функциональности в трудах классиков религиоведения

Наталья Сергеевна Сидоренко¹, Татьяна Африкановна Куликова²,
Максим Валерьевич Куликов³

¹Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко,
Краснодар, Россия

^{2,3}Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, Краснодар, Россия

¹tata2770@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4288-8090>

²takulikova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4602-828X>

³mvkulikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3147-8464>

Аннотация. В статье поднимаются вопросы функционирования религии в современном обществе. Исследование религиозного сознания дает возможность получить ответы на множество вопросов антропологического характера. Обращение к трудам известных религиоведов помогает раскрыть сущность содержания не только архаичного сознания, но и понять, как изменился современный человек и его внутренняя природа, какими новыми смыслами она наполнилась. Феноменологический анализ религиозного чувства позволяет перейти от исследования сознания к социальным явлениям. Согласно религиоведческой позиции сакральное – не только основа религиозного опыта, но и условие существования человека и его мира понятий и смыслов. История религии, вне сомнений, предопределяет историю человечества. Именно религия упорядочивает и структурирует социум, наполняя его разными феноменами. Понять религиозное сознание – значит понять суть трансформаций современного общества и человека.

Ключевые слова: религия, религиоведение, религиозное сознание, профанное, сакральное, религиозный опыт, функционирование религии

Для цитирования: Сидоренко Н.С., Куликова Т.А., Куликов М.В. К вопросу о религиозной функциональности в трудах классиков религиоведения // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 32–39. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.4>.

Original article

On the Question of Religious Functionality in the Works of the Religious Scholar Classics

Natalia S. Sidorenko¹, Tatiana A. Kulikova², Maksim V. Kulikov³

¹Krasnodar Higher Military School named after General of the Army S.M. Shtemenko,
Krasnodar, Russia

^{2,3}Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots, Krasnodar, Russia

¹tata2770@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4288-8090>

² takulikova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4602-828X>

³ mvkulikov@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3147-8464>

Abstract. The article raises questions about the functioning of religion in modern society. The study of religious consciousness provides answers to many anthropological questions. Reference to the works of renowned religious scholars helps to reveal the essence of the content not only of archaic consciousness, but also to understand how modern individual and his inner nature have changed and what new meanings it has been filled with. Phenomenological analysis of religious feeling allows one to move from the study of consciousness to social phenomena. According to the religious studies position, the sacred is not only the basis of religious experience, but also a condition for the existence of the individual and his world of concepts and meanings. The history of religion undoubtedly predetermines the history of mankind. It is the religion that regulates and structures society, filling it with various phenomena. To understand religious consciousness is to understand the essence of the modern society and human transformation.

Keywords: religion, religious studies, religious consciousness, profane, sacred, religious experience, functioning of religion

For citation: Sidorenko N.S., Kulikova T.A. & Kulikov M.V. (2022) On the Question of Religious Functionality in the Works of the Religious Scholar Classics. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 32–39. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.4](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.4) (In Russian).

В современном мире, детерминированном научным мировоззрением, кажется, не остается места для веры в сверхъестественные силы. Но это лишь на первый взгляд. Религия и религиозность продолжают играть важную роль в социокультурной динамике. Это неудивительно, ведь именно религия лучше всего остального показывает и потенциал природы человека, и его границы, и придает общественным отношениям определенный колорит. Для того, чтобы в полной мере оценить особенности функционирования религии в социуме, необходимо обратиться к накопленному опыту философов религии и религиоведов. Уникальность таких исследований заключается в том, что они выводят нас к целому ряду вопросов антропологического характера. Что может быть важнее знаний о себе самом? Как мы можем оценивать мир вокруг нас, если собственная природа – это вещь в себе? Речь идет о структуре сознания человека и его эволюции. Как изменился человек за тысячелетия своего развития. Что можно сказать о подлинной природе человека? И что нас ждет в будущем? Как меняется наша социальность? И может ли она исчезнуть или принять совершенно необычные формы, что предрекает современная социология. Чем современный человек отличается от архаичного? Вопросов становится все больше.

Религиоведы предлагают нам определенное знание о древнем человеке и его культуре. И здесь можно выделить некоторые особенности, которые и позволят взглянуть на человека и его природу с другой стороны.

Прежде всего, представление о примитивности архаической культуры и религии – ошибочный посыл эволюционного взгляда на мир. В. Кабо, например, полагает, что первобытные люди «были способны к высоким духовным взлетам, они обладали мощным творческим потенциалом, их духовная культура поражает своим богатством и содержательностью» (Кабо, 2002: 4). Древний человек являлся творцом и мифологических верований, и религиозных ценностей, и социальных стереотипов поведения. И без способности к абстрактному мышлению, то есть к философии, он бы не смог встать на путь, по которому движется современный человек. Каждая культура, которая оставила свой след в истории, обладает собственными духовными интенциями, которые пронизывают все сферы общества и придают ему целостность, наполняют смыслом каждый социальный акт. Поэтому мировоззрение древнего человека было органическим, целостным, а значит, религиозным. Представление о том, что мышление первобытных людей устроено иначе, чем мышление современных людей не соответствует реальности. Кабо подчеркивает, что эти два типа мышления отличаются не структурой, не качественно, а своим содержанием. Содержание скорее связано с полученным опытом человека, с его исторической судьбой. Кабо приводит в пример аборигенов Австралии, которые достаточно легко усвоили достижения современной западной культуры. Дело не в разном уровне материального развития обществ, а в ментальности. Согласно Кабо, человеческое сознание и сама культура оказываются разделенными на две сферы – сферу обыденного, или профанного, и сферу священного, или сакрального. Человек постоянно осуществляет переход из одного мира в другой. Этот переход – чудесное превращение, прежде всего, обыденного времени в сакральное время, представляющее собой вечное настоящее (Кабо, 2002). На наш взгляд, рассуждения Кабо, основанные на этнографическом материале, позволяют проникнуть в самое основание человеческого сознания на заре его становления, они лишены главного недостатка – оценивания архаического через призму современного. В сознании древнего человека действительно важным было наличие границы (прежде всего, свой-чужой), но в то же время не было противоречия. Противоречивость, несоответствие разных миров друг другу, индивидуального и социального и т. д. – удел современности.

В современном религиоведении центральным понятием, характеризующем религиозность, является «священное». Все формы религиозных представлений возникли из деления мира на профанное и сакральное. Р. Отто в этом плане является культовой фигурой. Его исследование во многом раскрывает сущность религиозности и становится эталоном религиоведческого исследования, поскольку описывает единицу религиозного опыта. Но в работе Отто «Священное» присутствует слишком много философских рассуждений, которые сложно применить к конкретным религиозным культам. И связь древних и современных религий не совсем ясно прослеживается (Отто, 2008).

Отечественный исследователь М.А. Пылаев характеризует концепцию Р. Отто как синтез философского интуитивизма и трансцендентального антропологического априоризма (Пылаев, 1997: 5). В чем состоит априоризм немецкого философа религии? В том, что священное – априорно относительно акта веры. И если его очистить от эмпирического содержания – всего морального и рационального, то получим «нуминозное», отвечающее за религиозный опыт сознания человека, и не только это. Не случайно используется терминология Э. Гуссерля. Феноменология – логическое завершение трансцендентализма И. Канта. Отто выделяет четыре основных момента нуминозного: *Kreaturgefühl* (тварность), *Mysterium tremendum* (трепет), *Fascinans* (восхищение), *Sanctum als numinoser Wert* (ценность). Из них как раз и можно вывести основное со-

держание любой религии. Получается, что все религиозные феномены, не смотря на исторические, культурные и теологические границы, связаны между собой отнюдь не поэтапным развитием. Магия, например, не противостоит и не предшествует религии, и обожествление природных объектов не является результатом одухотворения природы человеком.

И. Вах (Wach) развивает мысль Отто не через философию, а используя социологические параметры. В работе «The comparative study of religions» он рассматривает религиозный опыт в трех проекциях: в сознании человека, в практической реализации и социальной жизни (Wach, 1958). Исследователь подчеркивает функциональность религиозности, которая проявляется в коммуникации. Это и объясняет интегративность религии. Очень важно то, как человек выражает свое религиозное чувство в общине. Присутствует ли индивидуализм и личная инициатива. Если они обнаруживаются в религиозной группе, – это показатель низкого уровня коммуникации. Эта особенность присуща западной культуре. Согласно Ваху, самой высокой степенью религиозной коммуникации отличались древние греки, у которых полис был одновременно религиозной общиной и городом-государством.

Коммуникация определяет и структуру религиозной общины. Символы и ритуальные действия выражают отношение человека к священному и способствуют сохранению и трансляции норм и ценностей в религиозной организации. Вах рассматривает структуру религиозного опыта и формы его реализации во вне с феноменологической точки зрения. Каждая религиозная группа обладает собственным потенциалом и самоинтерпретацией, поэтому религиозность имеет собственные уникальные формы выражения религиозного опыта.

Проблему Вах видит и в интерпретации нехристианских религиозных явлений, поскольку она совершается в основном христианскими исследователями. Он, как историк религий, предлагает следующие принципы.

1. Существует подлинный опыт священного в нехристианских религиях и конечные ценности, такие как кровь, земля и так далее не являются главными этих религий.
2. Божественное в нехристианских религиях также проявляет себя через *mysterium tremendum* и *mysterium fascinosum* – трепет и восхищение (он использует терминологию Отто), – даже если эти два аспекта не всегда одинаково представлены.
3. Опыт священного целиком связан с этикой и моралью во всех религиях.
4. У нехристиан прошлого и настоящего существует представление о «благодати Божьей», (если использовать христианскую терминологию), даже если при этом самого понятия нет.
5. Есть различные виды и степени ощущения Божественного, представленного в нехристианских религиях. Критерий степени этих ощущений должен быть ясно сформулирован в нехристианских религиозных терминах, а не в христианских.
6. Существует подлинный смысл «вероисповедания» в нехристианских системах.
7. Религиозный опыт во всех религиях выражается в некоторой форме «близости».

По его мнению, архаический человек не знал различия между светской и духовной общиной. Он жил только в одном сообществе. Мир для него был единым.

Религиоведческая позиция М. Элиаде также связана с диалектическим отношением между сакральным и профанным. Но румынский мыслитель ставит акцент на переживаниях индивида – чувстве благоговения, страха, восхищения и т. д. Он онтологизирует священное, понимая его как единственное условие реальности мира и существования человека, которое создает порядок из хаоса и все наделяет определенным смыслом.

Элиаде для определения проявления священного вводит категорию иерофании. Это то, через что сакральное выражает себя в профанном мире. Диалектика профанного и сакрального распространяется на историю всех религий. Она их объединяет собой. Каждая иерофания имеет три составляющие: природный объект, невидимая реальность и медиатор, приобретающий сакральность. Функции медиации выполняют миф, символ и ритуал. Элиаде отмечал, что европейская культура нуждается в диалоге с другими культурами и религиями, и феноменологическое религиоведение освещает этот диалог своими методами и принципами. В многочисленных работах, посвященных мифам и религиозным системам, он феноменологически выявляет основные характеристики религиозного опыта и сознания архаического человека.

Последнее проявляет себя на множестве уровней жизнедеятельности, в том числе и социальном. Например, для сознания древнего человека было весьма важным восприятие священного пространства, которое обеспечивает «сотворение Мира». Мир начинает существовать там, где в пространстве проявляется священное. Этот «прорыв» священного упорядочивает человеческий мир, создает «Центр» посреди «Хаоса». Он «обеспечивает также уровневый разрыв, открывая сообщение между космическими уровнями (Земля и Небо) и делая возможным переход онтологического порядка, т. е. от одного образа существования к другому». Отсюда исследователь делает вывод о том, что человек религиозный «жаждет бытия», он испытывает ужас перед

«Хаосом», перед небытием (Элиаде, 1994: 46–47). Эта жажда бытия представляет собой выражение ностальгии «по “божественному миру”, по дому, напоминающему “дом божий” такой, каким его воспроизвели впоследствии в Храмах и Святилищах. В общем эта религиозная ностальгия выражает желание жить в некоем чистом и святом Космосе, каким он был изначально, когда только что вышел из рук Создателя» (Элиаде, 1994: 47). Религиозность, таким образом, означает уверенность в реальности священного, от которого зависит упорядоченность и целесообразность нашего мира. «Он верит, что жизнь имеет священные истоки и что человеческое существование реализует все ее потенциальные возможности в той мере, в какой оно является религиозным, т. е. участвует в реальном» (Элиаде, 1994: 126).

Возможно, современный человек религиозное измерение считает недостаточно актуальным в свете роста научных открытий и погружается в него, только если нарушен привычный ход событий, когда происходит нечто, чему противиться человек не в силах (болезнь, смерть или иное явление, открывающее перед нами иные границы и перспективы). Но исконное предназначение религиозных феноменов связано с утверждением определенного порядка вещей, стабильности общества, гармонизации мирового целого. Все архаические обряды, отголоски которых мы находим в современной действительности, направлены на сохранение и воспроизводство мира живой природы и самого человеческого общества. Воздействие на силы природы осуществляется через эти обряды. По мнению Кабо, только этим и можно объяснить существование магии.

М. Мосс, исследуя такие явления религиозной жизни, как жертвоприношение, магию и молитву, обнаруживает в них социальное содержание и раскрывает его. Каждое из этих явлений выполняет свою функцию.

Так, например, функция жертвоприношения состоит в том, что жертва выступает в качестве посредника между профанным и сакральным. Благодаря этому происходит взаимодействие миров. С жертвоприношением связаны и многие социальные явления, выходящие за рамки религии, например, договор, выкуп, дар и т. д. (Мосс, 2000: 103).

Сложность религиозной проблематики обусловлена тем, что существует множество религий, которые достаточно трудно типологизировать. И каждая религиозная система – это динамическое явление и часть сложного культурно-исторического развития человечества. На первый план здесь выходит прояснение основания религии, то есть выявление ее сущностных характеристик, предающих ей целостность и определенность.

По мнению Э. Гидденса, социологический подход к пониманию религии сформировался под влиянием Маркса, Дюркгейма и Вебера. Именно они выявили зависимость типа религии и типа общества. И все они понимали важность религиозных представлений для существования общества (Маркс, 1974: 327).

Для К. Маркса религия, прежде всего, инструмент производственных отношений: «...религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону» (Маркс, 1974: 117). Религиозность связана с отчуждением, а точнее, с «отчужденным сознанием», и хотя Маркс называл ее утешением для человека в его повседневной жизни, но видел в ней силу, способную отвлечь от реализации человеком своего истинного социального предназначения – социальной борьбы. «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» (Маркс, 2000: 159–160).

Религия отражает все социальное несовершенство общества и его основных институтов, прежде всего, экономики и права. И не против религии направлено учение немецкого классика, а против социальных реалий современной ему общественности, которые как раз и производят отчуждение. Наверное, эти размышления философа актуальны как никогда. Ведь именно в XX веке, когда полностью рухнула устоявшаяся советская идеология, Россию захлестнула волна новых религиозных движений. Тем не менее марксистскому подходу к пониманию религии присущ один существенный недостаток, который С. Булгаков (в работе «К. Маркс как религиозный тип») обозначил следующим образом: «...его [Маркса] не беспокоит судьба индивидуальности, он весь поглощен тем, что является общим для всех индивидуальностей, следовательно, не-индивидуальным в них, и это неиндивидуальное, хотя и не внеиндивидуальное, обобщает в отвлеченную формулу, сравнительно легко отбрасывая то, что остается в личности за вычетом этого неиндивидуального в ней, или с спокойным сердцем приравнивая этот остаток нулю»¹. Действительно, факт социальной окраски религиозности неоспорим, но каковы механизмы ее раскрытия в обществе и как общественное реализуется в религиозности, остается нераскрытым в философской

¹ Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип. // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/marks.html> (дата обращения: 22. 05. 2019)

позиции Маркса. Известна фраза Маркса из Введения статьи «К критике философии права Гегеля» 1906 года, о том, что человек делает религию, а не наоборот¹. Получается, философ, так и не уловил существование и специфику обратной связи в отношении индивид – общество, без которой все социальное, вообще, остается за кадром, что уже тогда говорить о религии и религиозности. Конечно, он прав в том, что истоки религии находятся не на небе, а на земле, но приблизиться к ним, на наш взгляд, он так и не смог (возможно, в силу его убежденности в важности и первичности только экономической реальности в формировании общественных отношений).

Э. Дюркгейм воплотил свою теорию религии в работе «Элементарные формы религиозной жизни» 1912 года (Дюркгейм, 1998). Его подход отличается тем, что в нем религия связана не с какой-то одной характеристикой социального, а с обществом в целом. Религия представляет собой ответную реакцию на определенные условия существования человека и реализует его наиболее важные социальные потребности. Источником религии выступает само общество, сама социальная среда. Существование религии не зависит от существования или несуществования Божественного мира.

Э. Дюркгейм делает акцент на изучении первобытной религии для того, чтобы выявить первичную ее форму, необходимо присущую всей ее последующей трансформации, вывести основную функцию религии в обществе. Такую элементарную форму французский социолог находит в тотемизме. Тотем – некое первичное основание, вокруг которого группируется социальное целое (у австралийских аборигенов – клан). Важным здесь является не только объединение индивидов, но и отличность группового целого от остального мира, в результате которой общество получает свою уникальность, не сводимую ни к чему иному. (В этой связи можно объяснить не только появление религиозных объединений, но и любых других, например, государства. Основанием для объединения не обязательно является тотемное животное или растение, важна сама способность к объединению вокруг какого-то определенного символа и наделению его сакрализованными функциями).

Жизнь тотема воплощает жизнь самого общества, члены которого считают себя произошедшими от тотема, и его почитание как почитание святыни главной социальной ценности есть сакрализация самого этого общества (сакрализация социального – излюбленная тема мыслителя). Религиозность через обряды и ритуалы укрепляет чувство групповой солидарности и помогает человеку пережить важные моменты жизни (рождение детей, заключении брака или смерть). Например, ритуал похорон демонстрирует относительность значимости индивида в сравнении со значимостью рода и помогает примириться с потерей близких. Поэтому практическая жизнь современного человека достаточно бедна и часто лишена осмысленности. Обрядовость не только транслирует идеалы и ценности социума, но и наделяет смысловыми характеристиками мир человеческого.

Э. Дюркгейм, как и большинство социологов, верил в ослабление позиций религии в современном обществе. Общество, когда-то бывшее сакрализованным объектом религиозного поклонения, постепенно должно превратиться в объект научного исследования. Тем не менее совсем без религии общество существовать не может. Примером религий будущего является «гражданская религия». Разработкой этого понятия занимался Дюркгейм, но в большей мере Р.Н. Белла. Гражданская религия – это проповедование, например, «британского образа жизни», «американского» или «советского». Так что о полном изживании религии речь не идет.

Дюркгейм не ошибся, наука действительно заняла место религии и стала объектом поклонения и сферой, в которой рождаются новые и новые мифы и символы. Ошибка состоит в том, что обычно все способы существования человеческого духа рассматриваются изолированно друг от друга, в некоем противопоставлении. Но легитимно ли противопоставлять науку и религию, если их источник один – наше сознание? Некоторые религиозные концепции возникновения мира несут в себе больше здравого смысла, чем многие научные астрофизические подходы. Чем, например, понятие «белой дыры» в астрономии отличается от образа Яматаки – бога подземного мира в буддизме? И то, и то имеет определенное художественное изображение, несет определенный смысл и является образом нашего сознания. Можно ли доказать их реальность? Можно лишь рационализировать необходимость их существования для человека и только в соотношении с ним.

Но важна следующая мысль Дюркгейма, которая освещает всю его теорию религии. В религиозности реализуется присущая людям способность обожествлять обычные вещи, и благодаря этому они становятся способными выполнять интегрирующую функцию, сплачивая общество в единое целое.

¹ «Человек делает религию, религия же не создает человека». Цит по: Маркс К. Введение к критике философии права Гегеля. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Marks_K%20kriike.pdf (дата обращения 30.05.2022).

Религия, несомненно, выражает чаяния и интересы общества. И необходимо изучать религию в конкретной, исторически заданной социальной системе. Разные этапы становления общества демонстрируют разную значимость религии в нем. Для архаического общества присуще полное поглощение индивидуального сознания коллективным, общественным. Но в дальнейшем все возрастающая роль разделения труда способствует тому, что «общественное» утрачивает прежнюю силу и действует в более ограниченной сфере. Появляются тенденции влияния индивидов на общество и друг на друга.

Выводы Дюркгейма достаточно просты. Он заявляет, что практически все социальные институты порождены религией. Отсюда следует, что общество – единственный источник всего священного, душа религии: «...религия – явление главным образом социальное. Религиозные представления – это коллективные представления, выражающие коллективные реальности; обряды – это способы действия, возникающие только в собравшихся вместе группах и призванные возбуждать, поддерживать или восстанавливать определенные ментальные состояния этих групп» (Дюркгейм, 1998: 185).

Критические замечания относительно теории Дюркгейма связаны в основном со следующими моментами. «Моральность» религии (боги не всех религий морально устойчивы), ее социальность (как объяснить феномен отшельничества, исихазма), деление мира на священное и светское (присутствует не во всех религиях).

Б. Малиновский в какой-то мере продолжает линию Дюркгейма и в своих исследованиях показывает интегрирующую и поддерживающую роль религии в обществе. Но анализ религии в социальной динамике и с компаративистскими элементами принадлежит уже другому социологу.

Изложение социально-философских взглядов М. Вебера – достаточно избитая тема в научной литературе, хотя далеко не все его труды переведены на русский язык. Теорию М. Вебера часто понимают, как обратную марксистскому подходу, хотя это не совсем соответствует реальному положению дел. Мы обратим внимание на два основных момента его учения о религии. Первый связан с определением роли религии в социуме, хотя дать определение религии Вебер принципиально отказывается.

М. Вебер рассматривает религию в самом широком плане и в тесной связи с другими сферами общества. При этом он обращает внимание и на особенности превращения религии в социальный институт. Анализируя историю становления христианства и других восточных религий, Вебер, используя яркие примеры, показывает, как религия формирует внутреннее строение общественной жизни людей. Именно религиозность определяет трудовые отношения, освящая их. Отсюда тесная связь «трудовой этики» и «протестантской этики», которая во многом объясняет экономическое чудо западноевропейской культуры. Действительно, восточные религии, базирующиеся не на внешнем практическом отношении к миру, выстроили совершенно иную систему ценностей и, как следствие, – экономическую систему, отличную от европейской.

Мы не можем, конечно, сводить капиталистическую систему исключительно к протестантской религии. Необходимо учитывать географические, социальные и исторические факторы формирования социума. Но именно реформированная христианская религия определила базовые принципы капиталистического стиля хозяйствования (Вебер, 1994: 43). Этот стиль постепенно освобождается от влияния религиозности и становится автономным.

Вебер, исследуя религию и религиозность обращает внимание на очень важный процесс современного общества – «разволшебствление» внешнего мира. Оно происходит в двух направлениях. С одной стороны, все, что окружает нас, становится доступным, понятным и простым. Все можно объяснить при помощи науки и зафиксировать в образовательных технологиях. С другой – человек уже не нацелен на процесс, его интересует только результат и средства, которые он при этом использует. П.П. Гайденко уже анализировала этот процесс, в котором лишение природы духовности в конечном итоге негативно сказывается на самом человеке. Физика лишает мир магии, вместе с этим человек перестает быть особенным и живым, как следствие, общество перестает выполнять свою главную функцию – объединять людей. Мир наполняется «мертвыми», не имеющими смысла связями. И, по мнению современных социологов, социальное исчезает. М. Вебер же говорит об особенностях религиозной программы иудаизма и христианства. Эта программа достигает в деизме Реформации своего предела. Божественное покидает наш мир, и вместе с ним исчезает осмысленность, значимость и особость, уникальность. Человек оказывается наедине с самим собой.

Вебер предвидел все негативные последствия утилитаризма и сугубо практического отношения к миру. Но для Вебера религия, которая оставила мир человека, более не вернется, и нам нужно научиться жить, полагаясь только на себя.

Таким образом, религиозная функциональность проявляется в следующих моментах:

1. Религия на ранних стадиях развития общества сохраняла и передавала социальные ценности и нормы, определяя характер отношения человека с внешним миром;
2. В зависимости от сущностных характеристик религиозности выстраивался хозяйственный уклад общества. То есть многообразие культурных форм в истории напрямую связано с разными проекциями религиозного опыта. Конечно, современный «глобальный» мир постепенно сближает, например, христианский и буддийский взгляды на мир, но отличительные особенности их сохраняются;
3. Религиозность, с одной стороны, является мощным интегратором общества, а с другой – провоцирует и дезинтеграционные социальные процессы, так как выражает существующие противоречия;
4. Можно сказать, что религия отражает все процессы, происходящие в обществе, демонстрируя социальное как таковое.

Список источников:

- Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. 704 с.
 Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998. С. 174–230
 Кабо В. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. Канберра: Алчеринга, 2002. 232 с.
 Маркс К. Социология. Сборник. М., 2000. 410 с.
 Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. Соч. Т. 42. М., 1974. С. 152–174.
 Мосс М. Социальные функции священного. СПб., 2000. 448 с.
 Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008. 272 с.
 Пылаев М.А. Философия религии Р. Отто. М., 1997. 75 с.
 Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 144 с.
 Wach J. The Comparative Study of Religions. New York, 1958. 180 p.

References:

- Weber, M. (1994) *Izbrannoye. Obraz obshchestva* [Favorites. The image of society]. Moscow, 704 p. (In Russian)
 Durkheim, E. (1998) *Elementarnyye formy religioznoy zhizni* [Elementary forms of religious life]. In: *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya*. Antologiya. Moscow. P. 174–230. (In Russian)
 Kabo, V. (2002). *Krug i krest. Razmyshleniya etnologa o pervobytnoy dukhovnosti* [Circle and Cross. Reflections of an ethnologist on primitive spirituality]. Canberra: Alcheringa. 232 p. (In Russian)
 Marx, K. (2000) *Sotsiologiya* [Sociology]. Sbornik. Moscow, 410 p. (In Russian)
 Marx, K. (1974) *Ekonomiko-filosofskie rukopisi 1844 g.* [Economic and Philosophical manuscripts of 1844]. Op. vol. 42. Moscow, pp. 152–174. (In Russian)
 Moss, M. (2000) *Sotsialnyye funktsii svyashchennogo*. [Social functions of the sacred]. St. Petersburg., 448 p. (In Russian)
 Otto, R. (2008) *Svyashchennoye. Ob irratsionalnom v ideye bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsionalnym*. Sacred [On the irrational in the idea of the divine and its relation to the rational]. St. Petersburg, 2008. 272 p. (In Russian)
 Pylaev, M.A. (1997) *Filosofiya religii R. Otto*. [Philosophy of religion R. Otto]. Moscow, 1997. 75 p. (In Russian)
 Eliade, M. (1994) *Svyashchennoye i mirskoye* [Sacred and secular]. Moscow, 144 p. (In Russian)
 Wach J. (1958) *The Comparative Study of Religions*. New York, 180 p. (In English)

Информация об авторах

Н.С. Сидоренко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры Военно-политической работы в войсках, Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=434830.

Т.А. Куликова – кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры механики, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, Краснодарский край, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=956549.

М.В. Куликов – кандидат технических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=653682.

Information about the authors

N.S. Sidorenko — PhD in Philosophy, Associate Professor; Associate Professor of Military and Political Work in Troops, Krasnodar Higher Military School named after General of the Army S.M. Shtemenko, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=434830.

T.A. Kulikova — PhD in Chemistry, Associate Professor, Associate Professor in the Department of Mechanics, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=956549.

M.V. Kulikov — PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Department of General Education Disciplines, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots, Krasnodar, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=653682.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 40–44.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 40–44.

Научная статья

УДК 130.3

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.5>

Учение о человеке святителя Луки Войно-Ясенецкого (философский анализ)

Валентина Викторовна Урядова¹, Людмила Дмитриевна Ерохина²

¹Тихоокеанский государственный медицинский университет, Владивосток, Россия, ur.vv@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6943-4892>

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, logos102@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1178-697x>

Аннотация. В статье представлен целостный философский анализ антропологического учения святителя Луки Войно-Ясенецкого. Раскрываются основные положения и базовые категории, включающие представления о сущности человека; духовной энергии, проявляющейся в человеческом духе; сердце как высшем органе познания; диалектической связи формы и материи; сущностных характеристиках сознания. Изучается природа человека через проявления трех частей: духовной, душевной и телесной. Определяются степени духовности в зависимости от образа жизни и уровня нравственности человека. В структуре сознания выделяются акты, состояния и объем сознания. По результатам анализа творчества святителя Луки авторы приходят к выводу, что его антропологическое учение представляет собой оригинальное исследование человека, отражающее научный и теолого-философский опыт и требующее глубокого осмысления в современных философских кругах.

Ключевые слова: Войно-Ясенецкий, антропология, человек, этика, дух, душа, тело, сердце, духовная энергия, христианская традиция

Для цитирования: Урядова В.В., Ерохина Л.Д. Учение о человеке святителя Луки Войно-Ясенецкого (философский анализ) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 40–44. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.5>.

Original article

Anthropocentrism by St Luke Voyno-Yasenetsky (Philosophical Analysis)

Valentina V. Uryadova¹, Lyudmila D. Erokhina²

¹Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ur.vv@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6943-4892>

²Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, logos102@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1178-697x>

Abstract. The article presents a holistic philosophical analysis of the anthropological teachings of St Luke Voyno-Yasenetsky. The basic assumptions and basic categories, including notions of anthropocentrism; soul as manifested in the human spirit; the heart as the supreme organ of knowledge; the dialectical relationship between form and matter; and the essential characteristics of consciousness, are elaborated. Microcosm is examined through the manifestations of the three parts: the spiritual, the mental and the bodily. Degrees of spirituality are defined according to a person's lifestyle and level of morality. The structure of consciousness distinguishes between acts, states and the volume of consciousness. Based on an analysis of St Luke's work, the authors conclude that his anthropological teaching is an original human study, reflecting scientific and theological-philosophical experience that demands profound reflection in modern philosophical communities.

Keywords: Voyno-Yasenetsky, anthropology, individual, ethics, spirit, soul, body, heart, spiritual energy, Christian tradition

For citation: Uryadova, V.V. & Erokhina, L.D. (2022) Anthropocentrism by St Luke Voyno-Yasenetsky (Philosophical Analysis). *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 40–44. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.5](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.5) (In Russian).

Актуальность исследования. Проблема человека всегда была и будет фундаментальной проблемой философских исследований, и актуальность ее бесспорна. На протяжении долгой истории человечества она занимала умы ученых, богословов, философов, что привело к построению огромного количества концепций понимания сущности человека, его связи с иными формами бытия (природой, социумом, трансцендентным началом), цели и смысла жизни, конечности

бытия человека. Трагизм анализа человеческой сущности заключается в разрозненных подходах к осмыслению человека. М. Шелер интерпретирует этот ошибочный шаг как проявление кризиса индивида, его «растаскивание» через дифференцированный подход малосвязанных друг с другом направлений антропологической мысли: теологической, философской и научной. Отсутствие синтезирующего учения о человеке, по М. Шелеру, изолированность различных подходов определяют в итоге неустойчивость бытия (1988: 31).

Попытки соединить различные подходы к пониманию человека были предприняты не только М. Шелером, заложившим основы философской антропологии. Данную попытку осуществил, по сути, его современник, ученый и христианский мыслитель святитель Лука (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, 1877–1961 гг.).

Сегодня особенно распространена литература, описывающая жизнь и деятельность святителя Луки не только как богослова и церковного деятеля XX в., но и как ученого и хирурга (В.В. Харченко, С.В. Кожевников, М.Н. Козовенко, В. Арсюшин, С.Т. Варшавский, И.Д. Знойро, С.Л. Воробьев, В.А. Глуценков, А. Каган, В.П. Котельников, В.А. Лисичкин, В. Майстренко, В. Марущак и др.). Однако научных исследований, представляющих собой философский анализ творчества святителя, мало (Н.Д. Мостицкая, В.В. Попова). Работы последних 10 лет посвящены преимущественно его медицинским достижениям. Философские осмысления его взглядов за последние годы в научном обозрении практически отсутствуют. Этот факт мотивировал провести детальный анализ творчества святителя в области антропологии и по-новому отразить оригинальную философскую позицию выдающегося мыслителя и ученого.

Методология исследования. В работе использован метод философского анализа творчества, раскрывающий специфику антропологического учения Луки Войно-Ясенецкого. Метод системного анализа позволил представить целостную картину понимания человека в векторе теолого-философских и научных воззрений святителя.

Работы В.Ф. Войно-Ясенецкого, посвященные изучению человека, написаны языком, сочетавшим в себе достижения естественно-научных знаний и теологических традиций ортодоксального христианства. Не только богослов своего времени, но и хирург мирового масштаба, он считал своей задачей соединить научный и религиозно-философский опыт в понимании человека (Харченко и др., 2021: 178).

Ключевая работа святителя Луки, посвященная проблеме человека, носит название «Дух, душа и тело» (Войно-Ясенецкий, 2001). Детальный анализ данного сочинения позволяет объективно назвать его очерком по христианской антропологии, так как исследовательский материал представляет на обозрение читателю оригинальный подход к пониманию человека и его материальной и духовной природы. Автор, раскрывая концепцию человека, оперирует подходами и примерами из разных областей знания: медицины, этики, антропологии, психологии. Язык изложения антропологического материала неоднородный: здесь присутствуют и теологический стиль с опорой на тексты Священного Писания, и этико-философский анализ проблем, и художественное повествование – приведение житейских примеров в качестве аргументации авторской позиции.

Современный ученый, хирург В.А. Глуценков в работе «Святитель Лука – взгляд в будущее» определяет влияние его творчества на идеологическое состояние кризисного для религии XX столетия как попытку освобождения российской ментальности от «духовного вакуума атеизма» (2001: 107). Секуляризованное сознание смещает односторонний вектор свободомыслия на новый духовный уровень миропонимания, позволяющий по-новому обсудить актуальные для XX в. вопросы науки и религии, антропологии и этики. Кризис идеологии того времени сам святитель Лука видит в узконаправленности атеистического подхода к осмыслению бытия, при котором познание ума идет вразрез с устремлениями сердца (Войно-Ясенецкий, 2001: 33).

Фундаментальные идеи антропологического учения мыслителя включают последовательную христианскую традицию трехсоставности природы человека; своеобразную концепцию духовной энергии как неотъемлемой части проявления человеческого духа; учение о сердце как источнике духовного познания и чувств; представления о диалектической связи духа, формы и материи; концепцию сущности человеческого сознания и учение о бессмертии¹.

Опираясь на устоявшиеся антропологические представления, можно утверждать, что человек – живое, материальное и разумное существо, занимающее приоритетное место в системе живой природы в силу сознательной или разумной деятельности. Христианская религия также возвышает человека над остальным миром, поскольку в акте творения Бог одаривает его сущность высшим Себеподобным качеством – духом. В Книге Бытия Ветхого Завета этот момент описывается символически. Бог дарует жизнь человеку Адаму через «дыхание», и человек становится «душою живою». Таким образом, дух как высшая составляющая человеческой природы

¹ Попова В.В. Этические воззрения В.Ф. Войно-Ясенецкого : дис. ... канд. филос. наук. Шуя, 2009. С. 65.

является частью Бога. Наделяя человека духом, Бог определяет ему важную роль в бытии – утверждает естественное право человека управлять окружающим его миром.

В.Ф. Войно-Ясенецкий разводит понятия духа и ума. Отождествление духа и ума человека он считает ошибочным, так как дух шире и глубже ума: «Ум относится к духу как часть к целому» (Войно-Ясенецкий, 2002: 48). Путь развития человеческого духа – это постоянное стремление к познанию Бога как высшего Блага. Познание человеком Божественного мира и Его воли – процесс постепенный и, можно сказать, бесконечный. Оно осуществляется путем естественного откровения (через природу) и сверхъестественного откровения (через благодать Бога). Себя человек также познает поэтапно через телесность – к экзистенции человеческого духа.

Говоря о сущности и проявлении человеческого духа, святитель Лука вводит понятие духовной энергии. Реализация человеческого духа происходит путем эманации духовной энергии. В.Ф. Войно-Ясенецкий трактует ее как некий импульс или поток экзистенции человеческого духа. Процессы проявления духовной энергии не подчинены каким-либо физическим законам или пространственно-временным реалиям. Неординарность данного учения о передаче духовной энергии на расстоянии заключается еще и в том, что ее потоки или импульсы способны воспринимать и передавать не только человек разумный, но и любое живое существо. Автор книги «Дух, душа и тело» резюмирует: «Кроме обычных раздражений, адекватных нашим органам чувств, наш мозг и сердце могут воспринимать гораздо более важные раздражения, исходящие из мозга и сердца других людей, животных, и всей окружающей нас природы и, что важнее всего, из неведомого нам трансцендентального мира» (Войно-Ясенецкий, 2002: 49).

Учение о духовной энергии В.Ф. Войно-Ясенецкий создает, опираясь на исследования академика, крупного физиолога Ш.Р. Рише (1850–1935 гг.). Однако сам Ш.Р. Рише данные явления относит к области метапсихологии, которая изучает, с его точки зрения, происходящие в мире сакральные или таинственные психические процессы, малопонятные для официальных научных теорий и опровергаемые ими как паранаучные.

То, что В.Ф. Войно-Ясенецкий называет духовной энергией, Ш.Р. Рише трактует как психофизическую энергию или результат мыслительной деятельности человека. Сегодня мы можем это интерпретировать как проявление интуиции, но как бы ни разнились толкования данного феномена, суть его едина.

Оппоненты, критикующие концепцию духовной энергии В.Ф. Войно-Ясенецкого, наделяют функциями передачи импульсов на расстоянии не какую-либо энергию, а мысли человека. Мысль способна передавать их посредством специфических вибраций мозга.

Духовная энергия берет основания не в человеческом мозге, как полагают представители материалистического подхода, она выходит, согласно учению святителя Луки, за рамки трансцендентного и субъективного. Ее первоисточником является Божественная любовь. Духовная энергия имманентна Божественной любви, она субстанциальна по отношению к материи. Святитель отрицает вечность материи и, выступая на позициях идеализма, утверждает, что изначально существует не материя, а энергия в ее формах. Он противопоставляет и одновременно связывает понятия материи и формы. Данная философская позиция напоминает аристотелевскую онтологию, однако необходимо учитывать тот факт, что в учении о материи и форме В.Ф. Войно-Ясенецкого отсутствует онтологический дуализм. Диалектическая связь материи и формы заложена изначально, в акте творения Богом мира, вследствие которого духовная энергия представляет собой первичную форму, она – первоисточник иных форм физической энергии. Именно сила активного начала духовной энергии в различных формах поддерживает существующий объективный мир, в котором живет человек. Активное начало энергии реализуется в мире посредством движения, т. е. любых изменений. Последние доступны познанию даже на уровне чувств. Тем не менее сущностная, или субстанциальная, сторона самой духовной энергии не досягаема для чувственного познания человека, а постигаема только высшим уровнем познания через человеческий дух. Это проявление устремленности к духовным основаниям бытия определяет смысл человеческого существования, его экзистенцию, уникальность в мире живого.

Интересна мысль святителя о том, что дух творит форму и влияние духа на материальные формы ярко выражено именно в человеческом облике. Святитель Лука отмечает такие особенности проявления духовного мира в человеке: дух грубый, жестокий уже в уровне эмбриогенеза направляет развитие соматических элементов и создает образ человеческой внешности, а дух чистый, наполненный добротой, внешностью располагает к себе¹. Достаточно спорное умозаключение, но имеющее право на существование как определенная точка зрения.

Другой момент, который необходимо выделить в антропологическом учении святителя Луки, – учение о сознании. В структуре сознания человека В.Ф. Войно-Ясенецкий выделяет акты,

¹ Попова В.В. Указ. соч. С. 70.

состояния и объем сознания. В основе сознания лежат акты – это, с одной стороны, любое действие мысли в сознании, с другой – процессы, связывающие части человека (тело, душу, дух) с миром явлений и сущностей. Акты могут происходить на чисто материальном (низшем) уровне, например вызываться органами чувств, или иметь более глубокий (духовный) характер. Синтетический комплекс актов формируют состояния сознания. Уровни состояния сознания также различаются – от простого (телесного) уровня до более сложного – духовного – в зависимости от приоритетов личности и нравственного облика. Количественное значение различных актов составляет объем сознания. Таким образом, сознание человека находится на периферии материального и духовного.

Раскрывая нравственный облик человека, святитель Лука различает степени духовности. Люди первой степени обозначаются как высокодуховные, или ангелоподобные, которые достигли морального и духовного совершенства. Представители данной категории постоянно работают над своей сущностью, несовершенной природой и видят смысл жизни в стремлении к нравственному Абсолюту. Люди второй степени духовности, именуемые святителем как «люди-трава», обладают низким духовным уровнем. Целью и смыслом их жизни является выраженный гедонизм и утилитаризм.

Главным органом мирочувствования и высшим органом познания мира духовного, по мысли святителя, является сердце (Войно-Ясенецкий, 1991: 110). Лишь сердце, не ум, может достигнуть высшего познания. Описывая свое понимание сердца как центра сосредоточения человеческого духа, В.Ф. Войно-Ясенецкий не только поддерживает христианскую традицию, но и анализирует физиологическую природу сердца, подводя к мысли, что сердце – центральный и важнейший орган чувств. Сердцу приписываются такие качества, как воля, сострадание, любовь. В нем заложен внутренний моральный регулятор жизнедеятельности человека – совесть.

В учении о человеке святителя Луки также привлекают внимание представления о материализации духа после смерти, учение об экстеризации (или «замирании») живых людей как специфической форме духовной рефлексии и учение о способности духа вызывать у человека так называемые фантасмагорические представления пережитого. Подобное проявление духа наблюдается в пограничных жизненных ситуациях либо перед смертью. Фантасмагорические представления сопровождаются сжатием жизненного цикла в пограничной ситуации, где человек за несколько секунд созерцает прожитое, видит совершенные им на протяжении жизни добрые и злые поступки.

Дух человека нераздельно связан с душой при жизни в единую сущность. Душу В.Ф. Войно-Ясенецкий понимает как совокупность органических и чувственных восприятий, определяющие мысли, волевые акты. Человеческая душа – это простая, живая сущность¹. Душа интерпретируется в двух аспектах. На простейшем материальном уровне она представляет собой жизненный центр тела, силу, которая, по своей сути будучи бессмертной, определяет биологический цикл существования тела. Характерными категориями данного аспекта понимания души являются жизнь и смерть. На более сложном уровне душа выступает экзистенциальной сущностью человека, индивидуализирующей его в системе природного и социального бытия. Экзистенциал души проявляется в творческо-волевом начале (Войно-Ясенецкий, 1990: 65). Об этом много писали представители экзистенциализма (Н.А. Бердяев, К. Ясперс и др.), и в данном отношении идеи святителя Луки в некоторой степени схожи с ними.

Тело – третья, низшая по отношению к духу и душе составляющая природы человека. Человек с его телесностью выступает у В.Ф. Войно-Ясенецкого как микрокосм – малый мир, часть природного бытия. Являясь частью природы, человек от нее зависит; тело – это организм с его многочисленными потребностями, запросами, желаниями, вызываемыми условиями земной жизни. Телесной жизнью человек ничем не отличается от других живых существ.

Христианская традиция пропагандирует «уничтожение» телесной природы человека. Телесное ассоциируется во многих религиях со злом, смертью, и христианство не является исключением в этом отношении, рассматривая тело как сосуд греха.

Сложность человеческой жизни заключается в антагонизме телесного и духовного. Эта bipolarность переносится и на поведение человека, формирует нравственную или аморальную сторону личности. Стремление к телесному непременно несет зло духовному развитию, а развитие уровня духовного возвышает человека (Войно-Ясенецкий, 2000: 176), приближая его к Божественному, ангелоподобному состоянию.

Заключение. Философский анализ антропологических взглядов святителя Луки позволяет сделать вывод, что мыслитель создал оригинальную концепцию понимания человека, аккумуля-

¹ Попова В.В. Указ. соч. С. 71.

руя научные достижения XX столетия и христианскую традицию. Глубокое изложение антропологического материала четко раскрывает сущность природы человека, его структуру. Используя научную, философскую и богословскую терминологию, святитель систематизирует категориальный аппарат, детально раскрывая и анализируя суть каждого понятия. К базовым категориям антропологического учения В.Ф. Войно-Ясенецкого можно отнести дух, душу, тело, сердце, сознание, духовную энергию.

Несмотря на то что некоторые положения спорны в современных научных и философских реалиях, данная концепция имеет достойное право на существование в философском мире.

Список источников:

- Войно-Ясенецкий В.Ф. Дух, душа и тело. Киев, 2002. 152 с.
 Войно-Ясенецкий В.Ф. Наука и религия. Дух, душа и тело. Ростов н/Д., 2001. 317 с.
 Войно-Ясенецкий В.Ф. Спешите идти за Христом. Проповеди в Симферополе (1946–1948 гг.). Сергиев Посад, 2000. 240 с.
 Войно-Ясенецкий В.Ф. Сердце как орган высшего познания // Человек. 1991. № 6. С. 106–115.
 Войно-Ясенецкий В.Ф. О внутреннем человеке // Природа и человек. 1990. № 9. С. 61–66.
 Глушченков В.А. Святитель Лука – взгляд в будущее. Панагия и белая мантия. Краснодар, 2001. 223 с.
 Харченко В.В., Иванов В.А., Черняев Д.В. Славный путь святейшего архиепископа и хирурга Луки Войно-Ясенецкого // Интегративные тенденции в медицине и образовании. 2021. Т. 4. С. 178–183.
 Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии / общ. ред. Ю.Н. Попова. М., 1988. С. 31–95.

References:

- Glushchenkov, V.A. (2001) St Luke - Glimpse into the Future. Panagia and the White Mantle. Krasnodar, Troitskoe Slovo. (In Russian)
 Kharchenko, V.V., Ivanov, V.A. & Chernyaev, D.V. (2021) The glorious way of Holy Archbishop and Surgeon Luka Voyono-Yasenetsky. *Integrative Trends in Medicine and Education*. 4, 178–183. (In Russian)
 Scheler, M. (1988) The Human Place in the Cosmos. In: Popov, Yu.N. (ed.) *Human issues in Western Philosophy*. Moscow, Progress, 31–95. (In Russian)
 Voyono-Yasenetsky, V.F. (2002) Spirit, Soul and Body. Kyiv, Brovarskaya Tipografiya. (In Russian)
 Voyono-Yasenetsky, V.F. (2001) Science and Religion. Spirit, Soul and Body. Rostov-on-Don, Troitskoe Slovo, Feniks. (In Russian)
 Voyono-Yasenetsky, V.F. (2000) Hasten to Follow Christ. Sermons in Simferopol (1946-1948). Sergiev Posad, Khram Svyatykh Bessrebrennikov Kosmy i Damiana na Maroseike. (In Russian)
 Voyono-Yasenetsky, V.F. (1991) Nature's Heart as an Organ of Higher Learning. *Human Being*. (6), 106–115. (In Russian)
 Voyono-Yasenetsky, V.F. (1990) On the Inner Man. *Priroda i Chelovek*. (9), 61–66. (In Russian)

Информация об авторах

В.В. Урядова – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет, Владивосток, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=413257.

Л.Д. Ерохина – кандидат философских наук, профессор Департамента социальных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=745457.

Information about the authors

V.V. Uryadova – PhD, Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=413257.

L.D. Erokhina – PhD, Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=745457.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 45–49.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 45–49.

Научная статья

УДК 101

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.6>

Формально-логический и исторический подходы как парадигмы философско-научного дискурса

Елена Викторовна Яковлева

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия,
Kommings@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4123-7197>

Аннотация. Исходной точкой обзора является гипотеза о противоречии между логическим и эволюционным (историческим) подходами к феномену науки, в соответствии с которым изменение характера философско-научных исследований представляет собой методологический сдвиг от идеально-логического к историческому подходу к рассмотрению науки. В статье намеренно сделан акцент на идеалистическом характере классической науки. Идеализм классического образа науки накладывает отпечаток на представления не только об отношении знания и действительности (что является имплицитным содержанием научного знания на ранних этапах его развития), но и о самой науке как форме познавательной деятельности. Она также рассматривается через призму разделения познания на адекватное действительности и содержащее в себе основания для искажения ее структуры на познавательном уровне. Иными словами, классическим представлениям о науке свойственна установка на достижение «идеала научности», что определяет ориентацию философско-научного дискурса на разработку теоретико-методологических основ научного познания.

Ключевые слова: философия, наука, логика, парадигма, дискурс, познание, научное исследование, история науки, историческая школа, эволюционный подход

Для цитирования: Яковлева Е.В. Формально-логический и исторический подходы как парадигмы философско-научного дискурса // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 45–49. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.6>.

Original article

Formal-logical and Historical Approaches as Paradigms of Philosophical-scientific Discourse

Elena V. Yakovleva

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia,
Kommings@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4123-7197>

Abstract. The starting point of the review is the hypothesis of a contradiction between logical and evolutionary (historical) approaches to the phenomenon of science, according to which the changing nature of philosophical-scientific research represents a methodological shift from an ideal-logical to a historical approach towards the consideration of science. The article deliberately emphasizes the idealistic nature of classical science. The idealism of the classical image of science leaves its imprint not only on the ideas about the relationship between knowledge and reality (which is the implicit content of scientific knowledge at the early stages of its development), but also on the ideas about science itself as a form of cognitive activity. It is also examined through the prism of the division of cognition into one that is adequate to reality and one that contains grounds for distorting its structure at the cognitive level. In other words, classical conceptions of science are characterized by an orientation towards the 'ideal of scientism', which determines the orientation of philosophical-scientific discourse towards developing the theoretical and methodological foundations of scientific cognition.

Keywords: philosophy, science, logic, paradigm, discourse, cognition, scientific research, history of science, historical school, evolutionary approach

For citation: Yakovleva, E.V. (2022) Formal-logical and Historical Approaches as Paradigms of Philosophical-scientific Discourse. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 45–49. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.6](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.6) (In Russian).

Наука является одной из наиболее рефлексивных форм человеческого познания. Вопрос о том, что представляет собой наука, остается открытым. Исходной точкой формирования научного познания служит установка на достижение подлинного знания. Она закладывает в весь исследовательский процесс элемент объективно-идеалистического мировоззрения, поскольку претензия на адекватное отражение действительности предполагает, что эта самая адекватность

принципиально возможна. Кантовская теория, в которой нашла глубокое отражение проблема отношения познания и познаваемого, будучи значимой вехой в развитии теории познания, выступает одним из важнейших шагов в деконструкции системы представлений о науке как источнике достоверного знания. Последующее развитие философско-научного дискурса – череда попыток отражения сущности познавательного процесса, а также образа (и методологических основ) познания, обеспечивающих эффективное протекание познавательного процесса.

На этом этапе целесообразно задаться вопросом о том, какое отношение наука на современном этапе ее истории имеет к той системе представлений о человеческом познании, которая послужила началом рефлексии над наукой. Обнаруживается интересная закономерность: большинство исследователей научного познания, критикуя отдельные формы, приобретаемые наукой на конкретном историческом этапе, не отвергают значимость (и существование на этом этапе) самого научного познания. Отсюда можно сделать вывод о двойственности трактовки науки: она рассматривается, с одной стороны, на понятийном, идеальном уровне, с другой – как исторический феномен. Дальнейшая разработка философско-научной проблематики требует определения различия между двумя обозначенными подходами.

Несмотря на то что в настоящее время широко развивается ряд неклассических форм логики, формально-логический аппарат сохраняет главенствующее значение в исследовательской практике. Одной из важнейших процедур в изучении конкретной проблемной области выступает ее понятийное определение, благодаря которому возможно выделение класса явлений, попадающих в объектив ученого. Данный подход обнаруживает широкую применимость в том случае, если речь идет о выделении класса феноменов среди совокупности одновременно существующих явлений. Первоначальное использование формальной логики связано с рассмотрением идеальных форм, которые обладают вневременным характером и, следовательно, не могут подвергаться каким-либо изменениям. В дальнейшем эта традиция сохранила актуальность в исследовательской деятельности в приложении к явлениям, анализируемым одновременно. В частности, практика ведения классификаций находится в непосредственной определенности формально-логических процедур. Это свидетельствует о том, что сама по себе попытка определения конкретного класса явлений означает выход на уровень идеальной статичности. Данный подход справедлив в отношении инвариантных форм, предзаданных законами природы или мышления. Так, например, классификация химических элементов опирается на принципы соединения элементарных частиц, отвечающие за свойства атомов.

Когда речь идет о явлениях, имеющих внутреннюю динамику развития и изменения, применение формально-логического аппарата влечет за собой возникновение существенных затруднений: в процессе видовой эволюции постепенно модифицируется структурная организация живых существ, в результате чего меняются существенные признаки, по которым возможно их определение. Трансформация значимых признаков исследуемого объекта в ходе его исторического развития противоречит закону тождества, поскольку в результате мы имеем дело с неравенством по типу «А не есть А». Отсюда проистекает либо необходимость переформулировки исходного набора подобных признаков, на основании чего возможно включение всего класса изменяющихся явлений, либо дробление исходного класса на два подкласса и более, либо постепенный отход от попыток создания универсальной понятийной определенности.

Альтернативой формально-логическому подходу выступает исторический, или эволюционный, подход, рассматривающий изменчивость исследуемых явлений, их нетождественность друг другу. В таком случае речь идет не столько об определении какого-либо класса явлений как такового, сколько об изучении последовательных изменений, развертывающихся в нем на отдельном историческом этапе. Применение формально-логической определенности в данном контексте встречается с рядом существенных ограничений, а именно с необходимостью указания временной определенности схватывания конкретной совокупности феноменов (анализируемого исторического промежутка). Исследование исторического феномена изначально предполагает момент его нетождества самому себе, внутренней динамики.

Рассмотрим, каким образом обозначенное различие в методологии познания проявляется на уровне философско-научного дискурса. Его исходная проблематика, разработанная Аристотелем и получившая глубокую оценку в трудах новоевропейских мыслителей, связана с установкой на создание подлинной формы познавательной деятельности, реализующей процесс адекватного отражения окружающей действительности. Исходным пунктом философско-научного дискурса служит поиск идеальной определенности науки, какой она должна в итоге стать. Установление критериев научной рациональности представляет собой не просто вопрос о том, каким образом наиболее эффективно производить отсев ненаучных концепций. Критерии научности выступают формой отражения значимых признаков научного познания в его идеально-статичной

определенности. Таким образом, постановка вопроса о сущности науки и критериях научной рациональности является продолжением идеалистической, формально-логической по своему теоретическому ядру традиции.

Противоречие заключается в том, что наука на современном этапе пришла к существенному расширению набора методологических процедур, в частности логического аппарата. Поэтому уже на содержательном уровне обнаруживается расхождение в методологических установках между собственно наукой и философско-научным дискурсом. Кроме того, теоретико-методологическая база науки на разных этапах ее становления различна, в силу чего мы должны либо рассматривать ряд самостоятельных явлений, характеризующих попытки познания людьми окружающей действительности, либо предполагать момент стремления к некоему идеалу познания как определяющий признак науки. Последнее представляет собой неудовлетворительный критерий в силу размытости. Попытки освоения действительности на уровне познания (характеризующиеся стремлением к достижению подлинного знания) имеют место и на уровне таких форм проявления человеческого духа, как теология и философия, что свидетельствует об опасности чрезмерного расширения понятия науки. Наконец, предположение о наличии идеала познания, связанного с фиксированным набором методологических процедур и теоретических оснований, сводит науку к парадигме и предусматривает определение всех предшествующих попыток познания в качестве ненаучных, относимых к подготовительному этапу «преднауки». Рефлексия над наукой, опирающаяся на классические познавательные установки, обнаруживает несостоятельность, узость по отношению к исследуемому объекту. Отсюда проистекает актуальность обращения к методологической альтернативе идеалистического подхода – к историческому, а также структурному рассмотрению феномена научного познания.

Обозначенный момент противоречия между различными подходами к рефлексии над наукой нашел широкое отражение в исследовательской литературе, причем не столько как объект рассмотрения, сколько как организующий принцип смещения философско-научной проблематики. В рамках философско-научного дискурса произошел существенный сдвиг как в методологии познания, так и в круге изучаемых проблем. Это отчетливо прослеживается на уровне «исторической школы» в философии науки, представители которой постепенно перешли от проблематики критериев научности знания к тематике структуры научного знания, а также к вопросу внутренней структурной определенности научно-исследовательской деятельности.

Как уже отмечено, попытка рассмотрения науки на уровне статичной понятийной определенности обнаруживает ряд затруднений в том случае, если она применяется к различным формам научного дискурса, имевшим место в ходе его развития. Однако нельзя сводить проблему исключительно к затруднениям логико-категориального характера. В некоторой степени формально-логический подход к отражению сущности науки представляет собой специфическую парадигму в философии науки. Для того чтобы доказать этот тезис, необходимо обратить внимание на то, каким образом на этапах философско-научного дискурса производились попытки прояснения сущности научного познания.

Строго говоря, предписывающая функция философии науки возможна лишь в том случае, если существует разрыв между тем, как должно реализовываться научное познание, и тем, как это происходит на практике. Последнее возможно исключительно при условии допущения наличия «истинной формы» научного познания.

Как видно из обзора, теоретико-познавательные установки находятся в непосредственной взаимосвязи с кругом центральных вопросов, разрешаемых в рамках философско-научного дискурса. Ориентация на достижение логической связи элементов знания, поиск критериев научности, разработка методологических процедур – все это служит единой цели обеспечения достоверности результатов познавательной деятельности. Постановка вопроса о статусе объекта познания и его отношении к знанию, а также последовательная критика классической модели науки привели к ее постепенной деконструкции. В данном отношении сложно судить о том, что в философии науки произошла классическая смена парадигмы. Проблема заключается в том, что отторжение научным сообществом прежней системы мысли проходило постепенно. Это отчасти вызвано недостаточной рефлексией относительно формы познания и основных установок науки. Например, с одной стороны, фальсификационизм характеризуется мощной критикой позитивистской традиции (как одной из наиболее последовательных попыток развития классической модели науки), с другой – сам по себе фальсификационизм ориентирован на разрешение проблем, уходящих корнями в классическую традицию. Фигура К. Поппера в философии науки в существенной мере неоднозначна: по сути, ограничив отжившую парадигму мышления, сам мыслитель не до конца освободился от ее аксиологических установок. Это является одним из тех аспектов его теории, которые подвергались критике последователями (в частности, И. Лакатосом (2003)).

Дальнейшее развитие философии науки может быть оценено как последовательный переход к историческому способу рассмотрения науки. Обратим внимание на важные различия между классическим и историческим подходами.

– В рамках исторического подхода одной из центральных проблем становится динамика возникновения научных теорий, в то время как в классической парадигме философии науки главным вопросом является структура конечного научного знания. Логическая взаимосвязь между элементами знания рассматривалась одновременно как путь познания (а именно – дедуктивное развертывание знания). Для исторического подхода тождество структуры знания и структуры познания ставится под вопрос, в связи с чем в объектив изучения попадает процессуальность исследовательской деятельности.

– Критерии научности знания (во многом выступающие залогом его истинности) в историко-научном дискурсе замещаются критериями научной актуальности. Это связано с тем, что теоретико-познавательная неопределенность не позволяет однозначно судить об истинности тех или иных суждений. Теоретический акцент на проблеме научной актуальности теоретических положений способствует раскрытию внутренней динамики развития знания.

– Связь между элементами научной теории в рамках исторического подхода утрачивает характер жесткой логической необходимости. Отдельные теоретические положения приобретают самостоятельное значение, что приводит к существенному увеличению гибкости теоретических конструкций. В частности, одним из следствий такого методологического сдвига является допущение актуальности частных элементов фальсифицированной теории и их включение в новые теоретические системы.

– Познание анализируется не как жестко детерминированный исходными установками процесс развертывания знания, но как вариативное объединение опыта и широкого спектра теоретических установок, основание которого пролегает в области творческой интуиции исследователей. Развитие науки рассматривается не в качестве дискретной смены научных теорий, но как непрерывный процесс возникновения, модификации, рекомбинации и смены теоретических установок.

Актуализация исторического подхода, а позднее – эволюционистского осуществлялась постепенно, что находит отражение в творчестве ряда выдающихся мыслителей XX в. В философско-научной концепции Т. Куна имеют место опровержение классической кумулятивной модели развития знания и одновременно последовательное развитие представлений о жесткой систематической взаимосвязи элементов научной теории (2009). Философско-научная модель И. Лакатоса обнаруживает значительно большую вариативность в развитии научных теорий, а также содержит в себе акценты на критериях научной рациональности (1967, 2003). Таким образом, в творчестве данных мыслителей отчасти наблюдается попытка разрешения проблем, поставленных в рамках отжившей системы мысли. Большого внимания заслуживают работы С. Тулмина (1984), проводившего последовательную критику установок на формально-логическую обусловленность познавательного процесса, а также таких мыслителей, как Н. Бор, Дж. Холтон, П. Фейнман, заложивших основы современной методологии междисциплинарных исследований и раскрывших ряд глубоких аспектов научно-исследовательского процесса.

В этом отношении важно, что обозначенный подход характеризуется установкой на рассмотрение науки не в качестве идеальной конструкции, но как исторического, развивающегося феномена. Путь, по которому пошла философия науки после деактуализации позитивистских установок, представляет собой обращение к динамическому аспекту развития научного знания. Именно в этот период зарождается течение, получившее впоследствии название «исторической школы» в философии науки. В его рамках наблюдается ориентация на динамические аспекты развития знания, в результате происходит постепенный отход от классических рационалистических установок сознания. Таким образом, философско-научный дискурс обращается к динамическому аспекту познавательной деятельности, однако еще не находит новую научную методологию взамен утраченной классической парадигмы мышления (Яковлева, 2021: 86).

От рассмотрения эволюции знания реализуется постепенный переход к изучению самой по себе науки – как развивающегося, эволюционирующего явления. В этом отношении теряют значимость проблемы, актуальные в рамках рационалистического подхода (в частности, проблема критериев научности), а некоторые вопросы (например, методологическое значение философско-научного дискурса) в существенной мере ограничиваются. Наука выходит на самостоятельный уровень и рассматривается в собственном развитии, что способствует выходу с уровня абстрактного обобщения исследовательского процесса на уровень его последовательного анализа, содействующего отражению основных значимых аспектов ее развития. Поэтому наука в определенном смысле реализует в себе общие принципы эволюции, которая формируется как

результат, складывающийся из множественных и композиционных решений. Научные исследования в ходе эволюции также должны стать более композиционными, напоминающими лоскутное полотно, работа над которым еще не завершена (Суховерхов, 2014: 1486).

Эволюционистский подход в большой степени осложняет формирование целостного набора представлений о науке, поскольку рассматривает ее исторические формы, а также многообразие и самостоятельность налично данных теоретических установок. Однако именно на его уровне происходит существенное приближение к отражению практики научной деятельности в ее плюралистичности и процессуальности.

Список источников:

- Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М., 2009. 317 с.
 Лакатос И. Методология исследовательских программ : пер. с англ. М., 2003. 380 с.
 Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы / пер. с англ. И.Н. Веселовского. М., 1967. 152 с.
 Суховерхов А.В. Эволюционная теория: поиск новых парадигм // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 101. С. 1463–1486.
 Тулмин С. Человеческое понимание / пер. с англ. З.В. Кагановой. М., 1984. 328 с.
 Яковлева Е.В. Перспективы развития динамической логики в современной науке // Материалы Всероссийских (национальных) научно-практических конференций ГНИИ «Нацразвитие» / под ред. Л.А. Павлова. СПб., 2021. С. 84–86.

References:

- Kuhn, T.S. (2009) The structure of scientific revolutions. Moscow, AST. (In Russian)
 Lakatos, I. (2003) Methodology of research programs. Moscow, AST, Ermak. (In Russian)
 Lakatos, I. (1967) Proofs and rebuttals. How Theorems are Proved. Moscow, Nauka. (In Russian)
 Sukhoverkhov, A.V. (2014) Evolutionary theory: The search for new paradigms. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. (101), 1463–1486. (In Russian)
 Toulmin, S. (1984) Human understanding. Moscow, Progress. (In Russian)
 Yakovleva, E.V. (2021) Prospects for the development of dynamic logic in modern science. In: Pavlov, L.A. (ed.) *Proceedings of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conferences of the State Research Institute "National Development"*. Saint Petersburg, GNI "Natsrazvitie", 84–86. (In Russian)

Информация об авторе

Е.В. Яковлева – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=841518.

Information about the author

E.V. Yakovleva – PhD, Associate Professor, Department of Philosophy, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=841518.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 50–54.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 50–54.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.7>

Языковая реализация мессианской модели в компьютерной игре Starcraft: Brood War

Николай Васильевич Амосов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
niko-amosov@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется возможность практической реализации мессианской модели в рамках компьютерной игры. Общеизвестно, что в сюжетах компьютерных игр находят отражение мотивы из других источников. Это могут быть литературные произведения, исторические факты, биографии выдающихся личностей. Зачастую авторы игр используют их, поскольку они универсальны и легко узнаваемы. Таким образом, аллюзивная природа подобных моделей позволяет не только легче воспринимать события, но и сопереживать героям, испытывать вместе с ними определенные эмоции. Автор проводит параллель между евангельским сюжетом об искупительной жертве Христа и ее реализацией в тексте компьютерной игры Starcraft: Brood War. Обозначаются сходства и важные различия, делающие игровой сюжет уникальным. Сделан вывод о востребованности мессианской модели.

Ключевые слова: мессианская модель, компьютерные игры, аллюзия, жертва

Для цитирования: Амосов Н.В. Языковая реализация мессианской модели в компьютерной игре Starcraft: Brood War // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 50–54.
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.7>.

Original article

Linguistic Realization of the Messianic Model in Starcraft: Brood War

Nikolay V. Amosov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
niko-amosov@yandex.ru

Abstract. The paper examines the feasibility of a practical implementation of the messianic model in the context of computer games. It is common knowledge that computer game plots reflect motifs from other sources. These can be literary works, historical facts, biographies of prominent individuals. Very often game designers use them because they are universal and easily recognizable. Thus, the allusive nature of such models allows not only an easier perception of events, but also the opportunity to empathize with the characters and experience certain emotions along with them. The author draws a parallel between the gospel plot of Christ's redemption sacrifice and its realization in the text of the computer game Starcraft: Brood War. The similarities and important differences that make the game story unique are outlined. It is concluded that the messianic model is in demand.

Keywords: messianic model, computer games, allusion, sacrifice

For citation: Amosov, N.V. (2022) Linguistic Realization of the Messianic Model in Starcraft: Brood War. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 50–54. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.7](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.7) (In Russian).

Компьютерные игры – развивающаяся индустрия, имеющая множество поклонников во всем мире. Сравнительно молодое явление в короткие сроки стало частью досуга не только молодежи, но и представителей старшего поколения. На сегодняшний день любая компьютерная игра – это продукт совокупного творчества большого количества людей, от программиста до художника; каждый проект требует тщательной проработки деталей, отладки механики, трепетного отношения к графической составляющей, которая становится все более реалистичной.

Однако не менее важным аспектом успеха той или иной игры являются сюжет и движущие его герои. Востребованность игры среди пользователей не в последнюю очередь зависит от ее атмосферности, глубины, харизмы ее главных действующих лиц (Isbister, 2006). Если раньше сюжет не играл почти никакой роли, то теперь он может стать одним из критериев успеха. Поэтому зачастую создатели игры обращаются к литературным, философским, историческим параллелям. Можно обнаружить аллюзии на мифы и легенды, героев и богов, даже на те или иные сюжетные ходы и знаковые модели поведения (Артамонов, Тихонова, 2020; Гусев, Сметанина, 2018; Гутман, 2009).

В данной статье рассмотрена мессианская модель – как она представлена в серии игр Starcraft. **Целью** исследования выступает анализ такой модели на предмет выявления особенностей в игровом сюжете, параллелей и различий в рамках традиционной христианской идеи о Спасителе. Для достижения цели было поставлено несколько **задач**: вычленив и описать реализацию мессианской модели в игре; определить эту модель как философско-религиозный феномен; провести сравнительный анализ между игровой и евангельской мессианской парадигмой. **Теоретическая значимость** работы заключается в изучении реализации религиозных и исторических сюжетных линий в произведениях массовой культуры. В качестве основного метода использован сравнительный метод, вместе с этим применялись методы анализа и синтеза.

В игре Starcraft сюжет вращается вокруг реализации мессианской модели. Роль спасителя в данном случае отводится персонажу расы протоссов по имени Тассадар. Он открыто выступает против погрязшей в политических дрязгах и бюрократии верхушки общества протоссов, саботирует приказы и несет новую идею объединения в противостоянии общему врагу в лице Сверхразума зергов. В борьбе против высшего руководящего органа протоссов – Конклава – герой жертвует свободой и готов даже отдать жизнь жизнью ради блага расы. Своим примером Тассадар объединяет разрозненные племена протоссов, кульминация наступает в последней миссии, когда герой жертвует собой и уничтожает древнего врага.

Следует отметить, что жертвенность и способность поступиться своими интересами ради общего блага и победы являются основными чертами, характеризующими всю расу. Так, в описании игры говорится, что протоссы первыми и, по сути, единственными дали отпор агрессивной экспансии расы зергов под предводительством Сверхразума. Кроме того, многие герои прошлого протоссов, ставшие позже культовыми и знаковыми личностями для этой расы, приобрели свой высокий статус благодаря отречению от своего «я» и готовности пожертвовать собой ради народа (Кхас обрек себя на отшельническую аскезу, Адун отдал жизнь на поле брани). Данные персонажи играют видную роль в культуре протоссов: на их примере осуществляется воспитание боевого духа и патриотизма, они сами становятся ролевыми моделями для новых поколений воинов.

В этом плане один из центральных персонажей игры – протосс Тассадар – повторяет линию своих предшественников. Он также появляется в период великой внешней опасности. Эта угроза провоцирует внутренний конфликт, вылившийся в кровопролитную междоусобную войну. Герой должен своим примером, своей жертвой восстановить мир и одержать победу над вселенским злом, что по сюжету игры и происходит.

В этом плане образ Тассадара во многом сходен с образом Христа. Как и Назарянин, он является для собственного народа мистиком, появляется как некий «пророк во своем отечестве», которому одни верят, а другие видят его как ренегата – отступника, желающего пошатнуть общественные устои пришельцев. Неслучайно он прежде всего просит Исполнителя поверить ему, а не приводит неопровержимые доводы своей правоты («Исполнитель, подождите! Я не знаю, что они рассказали вам обо мне, но то, что я сделал, я сделал для Айура. *Помогите мне найти Зератулу и его Темного Тамплиера*. <...> Как только мы победим, я с радостью предамся суду Конклава»¹). В доказательство религиозного характера образа Тассадара уместно упомянуть, что он был в иерархии протоссов Жрецом, что также подчеркивало его особый статус. Как и Христос, Тассадар стал именно духовным лидером и объединителем протоссов (как до него и другие герои-вожди – Кхас и Адун).

Тассадар готов на жертвы и не боится движения вперед, даже если оно подразумевает открытую конфронтацию с конвенциональными представлениями, царящими в обществе протоссов. Так, он бросает вызов доктринерству и ретроградству Конклава («Судьи уже давно направляют действия Тамплиеров в свою пользу. Пришло время действовать по собственному усмотрению»²), понимая, что застарелый консерватизм его членов не позволяет им не только противостоять нависшей угрозе, но даже увидеть ее («Меня беспокоит безопасность Айура, а не решения Конклава. Я вернусь, когда придет время»³).

Его отличает вольнодумие, что неизбежно ведет к конфликтам, но в то же время дает возможность преодолевать пределы установленных социальных шаблонов. Поэтому Тассадар готов пойти на контакт с изгнанниками и еретиками – Темными Тамплиерами. Здесь снова просматривается параллель с Христом, который проповедовал, скорее, для «сырых и убогих», разбойников и блудниц, отщепенцев и грешников («не требуют здравия врача, но болящие» (Мф. 9:12)). Таким образом, в сравнении двух враждующих фракций – Высших и Темных Тамплиеров – в

¹ Starcraft Remastered – The Complete Story Movie [Электронный ресурс] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=t8y480pMb5I&t=4264s> (дата обращения: 27.05.2022).

² Там же.

³ Там же.

первых можно усмотреть ортодоксальных иудеев, ведомых фарисеями и книжникам и живущих по закону Моисея, начинающему терять свою силу и актуальность в современных Христу реалиях, а во вторых – простых последователей нового учения Христа, бедноту и маргиналов, верящих, что внешнее или физическое убожество никак не воздействует на чистоту человеческой души и ее спасение, равно как не влияет на внешнее, формальное исполнение всех религиозных предписаний. Христос пытается примирить эти две группы людей, доказать их возможность быть равными «пред лицом Божиим». Неслучайно при всем новаторстве своих идей он говорит о необходимости исполнять древний закон («не пришел разорить закон или пророки, но исполнить» (Мф. 5:17); «а еже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Божиим» (Мф. 5:19)).

Отдельно необходимо отметить значимость возвращения (и прощения) Темных Тамплиеров, в котором можно усмотреть аллюзию на притчу о блудном сыне. О важности такого перехода говорит и сам Христос: «Радость бывает пред ангелы божиими о едином грешнике кающемся» (Лк. 15:10). Однако есть и существенное различие. В Новом Завете с покаянием обратно приходит сам блудный сын («заблудшая овца»), осознающий неверность своего отступления, в то время как у протоссов каются Высшие Тамплиеры, когда-то незаконно изгнавшие Неразимов с Айура. Кроме этого, в притче о блудном сыне нет темы изгнания – сын самовольно забирает причитающуюся долю имущества и уходит, в то время как Конклав изгоняет инакомыслящих протоссов с родной планеты.

Высший руководящий орган протоссов – Конклав – также демонстрирует явное сходство с противниками Христа. Как и Синедрион, он имеет религиозную природу. Конклав – собрание кардиналов, проводимое для избрания нового понтифика. Совет Синедриона обрек Христа на крестную смерть. Именно члены Синедриона, заслушав Его свидетельства, приняли решение о казни Спасителя. Похожим был и суд над Тассадаром. Аналогичными путями оба попадают на этот суд, особенно важно отметить добровольное предание себя в руки противников. Христос знал о предательстве Иуды и месте, где его ожидают стражники для задержания. Тассадар, в свою очередь, оказывается в руках Конклава по собственному желанию, когда отказывается от кровопролития, но не от своих идей («Я подчиняюсь решению Конклава. Но знайте, что если бы мне снова предложили сделать выбор, я выбрал бы то же самое. Я пожертвовал всем, чтобы наш мир мог жить. Я запятнал свою честь, отказался от своего звания и положения и даже нарушил наши самые древние традиции. Но не думайте, что я хоть на мгновение сожалею о своих действиях. Ибо я Тамплиер, и прежде всего я поклялся защищать наш Родной мир до конца»¹). И тот и другой желают спасти представителей своего народа, избегая напрасных и ненужных жертв, но обрекая себя на суд («...все ибо приемшии нож ножом погибнут» (Мф. 26:52); «Смотреть на моих братьев, убивающих друг друга, выше моих сил. Хотя я боюсь, что ты обрекаешь нас всех, Алдарис, я отдаюсь воле Конклава»²). Однако существует и важная разница.

Еще одна параллель, просматриваемая между Конклавом и Синедрионом, заключается в самом принципе, которым руководствуются оба органа, – «смерть одного ради спасения тысяч»³. Здесь необходимо отметить, что спасение состоит именно в приверженности традициями, их ревностном сохранении. Об этом пишет П.А. Флоренский, видевший у евреев истинность пути в верности, приверженности, неизменности закона (1990: 23). Неслучайно об этом говорит первосвященник Каиафа: «Не помышляете, яко уне есть нам, да един человек умрет за люди, а не весь язык погибнет» (Ин. 11:49–51). Изменения трактуются как нарушение естественного, веками работающего порядка, потому с ними ведется нещадная борьба. Охранительный консерватизм приводит, по мнению Христа, к саморазрушению («вожди суть слепи слепцем: слепец же слепца еще водит, оба в яму впадетася» (Мф. 15:14)). Поэтому и Христос, и Тассадар воспринимаются как нарушители древних канонов, «раскачивающие лодку», что делает их опасными в глазах консерваторов. Они усматривают в них прямую угрозу, которую непременно нужно устранить. Примечательно, что данная идея отрицается обоими. Ненасильственное решение вопросов, способность идти на компромисс и внутренние, личностные жертвы (в противовес жертвованию другими) является новой идеей, принять которую ретрограды не способны. Образно вложил эту идею в уста Ивана Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы»: благополучие мира не стоит и «слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка»⁴. На этом строят свое понимание противостояния Христа и Синедриона многие классики мировой литературы, так или

¹ Starcraft Remastered – The Complete Story ...

² Там же.

³ Андреев Л.Н. Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Богданова. М., 1988. С. 234.

⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 2007. 800 с.

иначе затрагивавшие тему восхождения Христа на крест. В частности, можно упомянуть Л. Фейхтвангера, Л.Н. Андреева (роман «Сыновья» и повесть «Иуда Искариот»¹ соответственно).

Следует отметить, что в игре Тассадар подобен именно *земному* образу Христа, т. е. образу нового учителя, бунтаря, анархиста, который был ближе, например, светской и атеистической теологии конца XIX – начала XX в. (Э. Ренан (1990), К. Каутский (2020)), в чьей основе лежали идеи окрепшего социализма. Именно в этом ключе он действует на протяжении всей кампании за протоссов, появляясь в третьей миссии. С самого начала Тассадар просит играющего довериться ему («Исполнитель, я могу многое тебе объяснить, если только ты поможешь мне найти Зератула»²). В этом также кроется сходство с Христом, который иудейской многовековой верности и незыблемости противопоставляет доверие и веру («Аз есмь воскресение и живот: веруй в мя, аще и умрет, оживет» (Ин. 11:25)), зачастую веру стопроцентную, не требующую доказательств, физических манифестаций («Блаженни не видевшие и веровавшие» (Ин. 20:29)).

Любопытен в рамках реализации в игре мессианской модели и персонаж Джудикейтор – верховный лидер Конклава. Это образ явного ригориста, ярого поборника охранительного пути следования застарелым и потерявшим актуальность законам. Именно он от лица Конклава выступает с обвинением Тассадара в предательстве. Он же выносит ему смертный приговор, но позже, осознавая правильность действий отступника, совершает публичное покаяние и, объединившись с Жрецом, ведет протоссов в бой против общего внешнего врага, в конечном счете действует Тассадару в его спасительной жертве. У данного персонажа нет ярко выраженного прототипа, тем не менее наблюдаются общие черты с евангельскими Каиафой, Иудой, Пилатом. С Каиафой его роднит момент осуждения на смерть («Мы закон имамы, и по закону нашему должен есть умереть» (Ин. 19:7)). В данном случае Джудикейтор, следуя букве закона, реализует принцип Синедриона о «смерти одного ради спасения тысяч», который рассматривался ранее³.

Иуде данный персонаж подобен не в разрезе предательства, ведь никакого коварства и вероломства, равно как и обмана, глава Конклава не демонстрирует на протяжении саги. Наоборот, его характеризуют как достойного гражданина общества протоссов, истинного сына своего народа, патриота, любящего родной мир и готового его защищать любой ценой. Осознавая угрозу в Тассадаре, желающем поколебать социальные устои протоссов, Джудикейтор со свойственной ему прямолинейностью видит в Жреце предателя, пытается защитить народ от вольнодумца и его призывов. Однако момент внутреннего прозрения, осознание собственной неправоты роднит Иуду и Джудикейтора, хотя важным разделителем между ними служит покаяние последнего («Тассадар, для тебя слишком поздно. Но Конклав стал свидетелем твоего поражения от Церебрата. Теперь они знают, что не могут отрицать необходимость твоих действий или твою доблесть. Мы стремились наказать тебя, в то время как сами ошибались. Ты олицетворяешь лучшее, что есть в каждом из нас, и все наши надежды связаны с тобой»⁴).

Просматриваются и черты Пилата в Джудикейторе. В первую очередь это статус: и тот и другой являются частью судебной системы. Кроме того, оба проходят один и тот же путь от негативного отношения к покаянию (хотя в случае Пилата уместнее говорить о молчаливом отстранении и невмешательстве – «умовении рук») до осознания правоты Христа/Тассадара. Неслучайно, например, в Эфиопской православной церкви Пилат почитается как святой (Barnes, 1911). Джудикейтор в конце саги встает в один ряд с другими героями битвы против Сверхразума зергов. Роднит Пилата и Джудикейтора также отсутствие прямой вины за смерть Мессии. Пилат, не видевший Иисуса достойным смерти, вынужден был уступить под давлением старцев Синедриона, а Джудикейтор лишь изъявлял коллегальную волю Конклава («неповинен есмь от крови праведного сего: вы узрите» (Мф. 27:24)) (в игре не представлены иные его члены, поэтому можно предположить, что Джудикейтор все это время говорит и действует от лица всего судейского органа).

Следует также отметить особую функцию объединения, которую призван исполнить Мессия. Об этом в Евангелии говорит сам Христос, оставляя в прошлом идею о богоизбранности одного народа и предоставляя всем верующим и исполняющим божьи заповеди равные права на спасение: «И ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя мне подобает привести. И глас мой услышат, и будет едино стадо и един пастырь» (Ин. 10:16). Нечто подобное, однако в более завуалированной форме, происходит и в игре *Starcraft*. В данном случае «иными овцами» являются Темные Тамплиеры, именно их Тассадару «подобает привести». Хотя здесь просматривается смыслообразующее различие: в Евангелии остальные народы являются для Христа целью – он

¹ Андреев Л.Н. Указ. соч.

² *Starcraft Remastered – The Complete Story ...*

³ Андреев Л.Н. Указ. соч. С. 234.

⁴ *Starcraft Remastered – The Complete Story ...*

дает надежду и избавляет от греха все человечество; в игре же Тассадар видит в них единственное средство борьбы против Сверхразума, ибо только энергия Пустоты, питающая силы Неразимонов, способна сокрушить врага.

На основании данного исследования можно сделать следующие **выводы**:

1. Мессиянская модель часто используется в компьютерных играх и является одним из основных мотивов в их сюжетообразующем компоненте.

2. Данная модель реализуется как способ создания остросюжетного произведения внутри игры, в ней остается форма, но отсутствует внутреннее духовное и религиозное содержание.

3. Тем не менее она узнаваема через поступки и, самое главное, речь героев.

Таким образом достигаются аллюзивность и с ее помощью – большая эмоциональная вовлеченность: играющий начинает сильнее переживать за персонажей, видя в сюжете знакомые универсальные эпизоды и ходы.

Список источников:

Артамонов Д.С., Тихонова С.В. История религии и мифология в компьютерных играх // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы всерос. науч. сем. / под общ. ред. А.П. Романовой, Д.А. Чернишкина. Астрахань, 2020. С. 126–132.

Гусев А.А., Сметанина О.В. Феномен компьютерной игры и религиозные практики // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 1 (214). С. 185–191.

Гутман И.Е. Мессиянские архетипы в компьютерных играх // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 4 (20). С. 54–59.

Каутский К. Происхождение христианства / пер. Н. Рязанов. М., 2020. 349 с.

Ренан Э. Жизнь Иисуса. Репринт. воспроизведение изд. М.В. Пирожкова 1906 г. М., 1990. 416 с.

Флоренский П.А. Сочинения. В 2 т. М., 1990. Т. 1. Столп и утверждение Истины. Ч. 1. 496 с.

Barnes A. Pontius Pilate // The Catholic Encyclopedia. Vol. 12. N. Y., 1911. P. 83–84.

Isbister K. Better game characters by design: A psychological approach. Amsterdam; Boston, 2006. 336 p.

References:

Artamonov, D.S. & Tikhonova, S.V. (2020) History of Religion and Mythology in Computer Games. In: Romanova, A.P. & Chernichkin, D.A. (eds.) *Religious Identity and Intercultural Communication: Proceedings of the All-Russian Scientific Sem.* Astrakhan, Astrakhanskii Gosudarstvennyi Universitet, 126–132. (In Russian)

Barnes, A. (1911) Pontius Pilate. In: The Catholic Encyclopedia. New York, Robert Appleton Company, 83–84.

Florenskii, P.A. (1990) Essays. Vol. 1. The Pillar and Ground of the Truth. Pt 1. Moscow, Pravda. (In Russian)

Gusev, A.A. & Smetanina, O.V. (2018) Phenomenon of a computer game and religious practices. *The Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies.* (1), 185–191. (In Russian)

Gutman, I.E. (2009) Messianic Archetypes in Computer Games. *Etnosocium (Multinational Society)*. (4), 54–59. (In Russian)

Isbister, K. (2006) Better game characters by design: A psychological approach. Amsterdam, Boston, Elsevier, Morgan Kaufmann.

Kautskii, K. (2020) The origin of Christianity. Trans. Ryazanov, N. Moscow, Yurait. (In Russian)

Renan, E. (1990) Life of Jesus. Moscow, Terra, Vsyakaya Moskva. [Preprint] (In Russian)

Информация об авторе

Н.В. Амосов – старший преподаватель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=898507.

Information about the author

N.V. Amosov – Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=898507.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.04.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 55–60.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 55–60.

Научная статья

УДК 101.8

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.8>

Вопрос об отношении философии Гегеля к религии в диалектическом материализме конца XIX – первой половины XX века

Павел Викторович Владимиров

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
pvladimirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1431-4011>

Аннотация. В статье рассматриваются оценки философии Г.В.Ф. Гегеля в диалектическом материализме конца XIX – первой половины XX века в части проблемы ее отношения к религии. Обозначены основные направления интерпретаций его идей, характерные для представителей диалектического материализма. Показана взаимная противоречивость некоторых из них: в то время как в большинстве случаев поддерживаются позиции о религиозности философии Гегеля, отдельные авторы считают, что под религиозной оболочкой его концепция имела антирелигиозное содержание. Отмечается, что споры по вопросу о религиозном или антирелигиозном содержании философии Гегеля, характерные для диалектического материализма, во многом оказываются сопоставимыми с соответствующими дискуссиями в среде гегельянцев в 1830–1840-е годы.

Ключевые слова: диалектический материализм, Гегель, советская философия, философия и религия, сталинизм, марксизм

Для цитирования: Владимиров П.В. Вопрос об отношении философии Гегеля к религии в диалектическом материализме конца XIX – первой половины XX века // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 55–60. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.8>.

Original article

On the Question of Hegel's Philosophical Relationship to Religious Beliefs in the Dialectical Materialism of the Late XIX – First Half of the XX Century

Pavel V. Vladimirov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
pvladimirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1431-4011>

Abstract. The article examines the assessment of Hegel's philosophy in dialectical materialism at the late XIX century and the first half of the XX century regarding the issue of its attitude towards religious beliefs. The main directions of his concept's interpretations of his ideas, which are distinctive for representatives of dialectical materialism, are outlined. The mutual inconsistency of some of them is shown: while most thinkers support the positions on the religiosity of Hegel's philosophy, some authors believe that under the religious shell his concept had anti-religious content. It has been pointed out that the debate over the religious or anti-religious content of Hegel's philosophy, characteristic of dialectical materialism, is largely comparable to the debates among Hegelians in the 1830s and 1840s.

Keywords: dialectical materialism, Hegel, Soviet philosophy, philosophy and religion, Stalinism, Marxism

For citation: Vladimirov, P.V. (2022) On the Question of Hegel's Philosophical Relationship to Religious Beliefs in the Dialectical Materialism of the Late XIX – First Half of the XX Century. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 55–60. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.8](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.8) (In Russian).

Введение. Диалектический материализм долгое время был официальной философской доктриной нашей страны в советский период ее развития. При этом одним из исторических источников его формирования зачастую называлась философия Г.В.Ф. Гегеля. Однако проблематика ее восприятия не имела однозначного решения в рамках диалектического материализма, вызывая многочисленные споры среди его представителей.

Вопрос об отношении к религии является одним из аспектов комплексного исследования интерпретаций философии Гегеля в диалектическом материализме конца XIX – первой половины XX века, проведенного на базе кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета. Были проанализированы 194 произведения, отнесенных к направлению «диалектический материализм», в которых содержатся интерпретационные тезисы, касающиеся философии Гегеля. Из них были выделены те, которые характеризуют отношение философии Гегеля к религии. На основании указанной группировки выделены основные направления интерпретаций.

Основные направления интерпретаций

Направление 1: Гегель – религиозный философ. Философия Гегеля – это религия в новой оболочке

В большинстве произведений, в которых рассматриваются соответствующие вопросы, Гегель обозначается как в целом религиозный философ. Так, например, Л.И. Аксельрод отмечает религиозный характер философии истории Гегеля, поскольку история человечества есть для него лишь форма проявления абсолютной идеи или внешнее обнаружение развивающегося абсолютного духа (Аксельрод, 1933: 62). Люди для Гегеля, в интерпретации Аксельрод, являются лишь пешками для сверхъестественной силы, командующей судьбами народов. Кроме того, утверждается, что общий итог и весь смысл философии истории Гегеля состоит в теодицее – в оправдании бога в истории, в том числе для того чтобы «примирить нас с мировой действительностью и дать нам субъективное утешение» (Аксельрод, 2010: 14). Л.И. Аксельрод отмечает значительные религиозные мотивы и в философии Гегеля в целом: для него «идея-субъект творит космос из ничего» (Аксельрод, 2010: 58), что схоже с религиозными мифами. Однако бог Гегеля (как творящий субъект) отличается от традиционного бога: он развивается, создает предметы инобытия, воспринимает и осмысливает свое творение, пытается осознать свою жизнь и т.д. В конечном счете этот бог приходит к достижению подлинной истины, заключающейся «в философском учении Гегеля, которое отразило полноту сознания абсолютной идеи». Аксельрод также отрицает при этом отнесение Гегеля к деистам, называет его философию «логическим пантеизмом», утверждает, что согласно ей «нам ничего не остается, как благодарить идею-субъект за все ее творения», и говорит о том, что «Гегель призывает нас молиться богу» (Аксельрод, 2010: 59–60) и т.д.

Схожие оценки присутствуют и в работах В.И. Ленина, который критикует Гегеля за мистицизм и «поповщину», заявляет о необходимости выкинуть из Гегеля чушь про боженьку и абсолюта и т.д. (Ленин, 1973: 93). Однако для В.И. Ленина Гегель все же поддается материалистическому прочтению, что позволяет ему говорить о возможности выделения «рационального зерна» в гегелевской философии под слоем религиозно-идеалистической шелухи.

В статье о Гегеле в первом издании Большой советской энциклопедии (1929) утверждается, что абсолютный дух, «как об этом говорит сам Гегель, есть не что иное, как бог христианской религии»¹. При этом, однако, подчеркивается, что идеалистическая система Гегеля носит пантеистический характер: «Бог, или абсолютный дух, не стоит над миром или по ту сторону мира, но он имманентен миру»².

В.Г. Вандек и В. Тимоско в своей статье «Гегель и Кант» (1931) называют Гегеля религиозным философом. Утверждается, что он идет путем, отличным от Канта: если для последнего разум не может понять истины, которая доступна только в вере, то Гегель, наоборот, обожествляет знание, отождествляя его со знанием бога. Исследователи подчеркивают, что все категории диалектики Гегеля являются лишь «замкнутой системой развертывания абсолютной идеи, т.е. божества» (Вандек (Тер-Григорьян), Тимоско, 1931: 140).

Один из ведущих представителей диалектического материализма 1930-х годов М.Б. Митин также придерживается позиции о религиозности философии Гегеля, называя предложенное им решение проблемы соотношения бытия и мышления «научнообразным богословием»³, а всю диалектику Гегеля – богословской⁴.

Религиозный характер философии Гегеля нередко отмечается в отношении природы. Так, например, А.А. Максимов считает, что для Гегеля она представляет собой созерцающую себя идею (природа как идея в форме инобытия). Исследователь утверждает при этом, что «абсолютная идея Гегеля – это псевдоним бога». Таким образом, природа оказывается для Гегеля сотворенной богом, а в основу философии природы кладется неразумный, мистический момент: «Все его рассуждения на этот счет есть лишь новое издание старой библейской сказки о том, как бог сотворил мир» (Максимов, 1935: 79).

Абсолютный идеализм Гегеля в целом зачастую трактуется как новая форма религиозности. Например, Б.Э. Быховский отмечает идейное родство гегелевской философии с религией: «Гегель прямо признает, что абсолютный идеализм есть не что иное, как утонченное, рафинированное, облеченное в научнообразную, логическую форму религиозное мировоззрение» (Быховский, 1941: 66).

¹ Большая советская энциклопедия : в 65 т. / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М., 1929. Т. 14. С. 773.

² Там же. С. 774.

³ Диалектический и исторический материализм : учебник для комвузов и вузов : в 2 ч. / под ред. М.Б. Митина. М., 1933. Ч. 1. С. 74.

⁴ Там же. С. 102.

Похожие оценки были озвучены и в рамках философской дискуссии 1947 г. Так, например, З.Я. Белецкий утверждал, что Гегель ставил своей задачей подчинить науку религии¹. В.И. Светлов отмечал, что гегелевская философия – это религия в новой оболочке, видоизмененная в соответствии с реалиями конца XVIII – начала XIX века. Старый бог, по мнению Светлова, Гегеля уже не устраивает, поэтому гегелевский бог – более тонкий, всюду проникающий, сходный с протестантским². Б.А. Чагин замечает, что в философии Гегеля с самого начала «текла дурная кровь» теологии³. П.А. Шария утверждает, что гегелевская философская система в целом есть «служанка религии в новой форме»⁴ и т.д.

По итогам дискуссии 1947 года общие позиции по отношению к Гегелю в советской философии становятся более критическими. Это отражается и на проблематике интерпретаций вопроса о религиозности философии Гегеля, которая, как правило, обозначается как проникнутая религиозным мистицизмом, выступающая в наукообразной форме «поповщина» и т.п. Скажем, в программной работе 1951 года «Исторический материализм» Ф.В. Константинов подчеркивает, что философия истории Гегеля насквозь проникнута мистикой и фатализмом, а также является, в сущности, замаскированной теологией (Исторический материализм ..., 1951). Утверждается, что Гегель придерживается религиозной концепции предопределения и провиденциализма: весь ход исторических событий объясняется им волей сверхъестественной силы, провидения, бога (Исторический материализм ..., 1951: 13). Другим примером может служить позиция М.М. Розенталя, отраженная в книге «Марксистский диалектический метод» (1952), где отмечается, что Гегель под видом абсолютной идеи «протаскивает» в философию бога в завуалированной, тонкой форме (Розенталь, 1952: 33) и т.д.

Направление 2: Гегеля нельзя однозначно называть религиозным философом. Его концепцию неправильно воспринимать как просто новую форму религии. В ней есть и антирелигиозные мотивы. В философии Гегеля под религиозной формой скрыто в том числе и антирелигиозное содержание.

Некоторые исследователи придерживаются иной позиции по вопросу об отношении Гегеля к религии. Так, в относительно ранних периодах развития диалектического материализма было распространено мнение о близости диалектики Гегеля к теории Маркса и Энгельса; также утверждалась возможность беспроблемного «перевода» гегелевских текстов на материалистический язык.

Один из известных представителей диалектического материализма ранних периодов его развития А.М. Деборин утверждал, что «абсолютный дух» Гегеля в действительности является не чем иным, как природой в спекулятивно-теологической оболочке. Отмечается, что, по словам Энгельса, «гегелевская система оказалась, и по методу, и по содержанию, – перевернутым вверх дном материализмом» (Деборин, 1931: 207). При этом он же подчеркивал, что, несмотря на то, что гегелевская абсолютная идея, данная в абстрактной форме (в качестве элемента мышления), есть не что иное как понятие бога, а вся система Гегеля – теология (но в рационализировано-спекулятивной форме), тем не менее, внутренние противоречия философии Гегеля позволяют назвать ее отрицанием теологии на почве теологии, а гегелевского бога – атеистическим богом (Деборин, 1922: 16).

Другим примером указанного направления интерпретаций может служить работа Н. Звенигородцева «Гегель и современные неогегельянцы» (1928), в которой автор критикует попытку отдельных представителей неогегельянства трактовать Гегеля в религиозном ключе. По мнению Н. Звенигородцева, «для Гегеля религия есть преодоленная точка зрения, философия в смысле разумного познания призвана заменить религию» (Звенигородцев, 1928: 39). Утверждается, что для Гегеля мир не имеет никакой тайны, а для его познания не требуется никакого откровения, поскольку «все может стать явным для пытливого ума» (Звенигородцев, 1928: 39). Исследователь подчеркивает, что о религии, а в особенности о христианстве, Гегель высказывался «местами очень отрицательно» (Звенигородцев, 1928: 39). Более того, Н. Звенигородцев приходит к выводу, что «философия Гегеля антирелиозна по существу, враждебна самому религиозному сознанию» (Звенигородцев, 1928: 43). Утверждается, что она также «враждебна и идеализму, если понимать его не эклектически путано и смутно, а точно и строго» (Звенигородцев, 1928: 43). Последовательное гегельянство, по мнению Н. Звенигородцева, приводит нас к антиидеалистическим выводам: «Нет личного бессмертия, нет бога как самосознающей себя личности» (Звенигородцев, 1928: 43). Исследователь утверждает, что «гегельянство заставило порвать с основами спиритуализма, со всякого рода дуализмом, порвать с мифологическими представлениями о человечестве и мире» (Звенигородцев, 1928: 43).

¹ Дискуссия по книге Г.Ф. Александра «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947 г. : стенографический отчет // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 324.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же. С. 169.

Иногда звучат и тезисы об отсутствии у Гегеля возможности высказать открыто и напрямую свои антирелигиозные взгляды, в связи с чем он вынужден был скрывать их, пользуясь религиозной терминологией. Например, В.В. Адоратский в 1929 году в своем докладе на Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений утверждает, что главной тайной философии Гегеля было то, что она есть «прямая противоположность тому, что называют благочестием и страхом божьим» (Адоратский, 1929: 198). В философии Гегеля В.В. Адоратский видит завуалированные атеистические тенденции, намеренно скрытые Гегелем за темным и запутанным стилем изложения своей философии («потому что он не всегда хотел, чтобы его все понимали» (Адоратский, 1929: 198)).

Позиции о близости философии Гегеля к атеизму были относительно распространены и в 1930-х годах. Так, скажем, В.Н. Ральцевич в работе 1931 года «Гегель как идеолог буржуазии» в качестве положительного значения философии Гегеля отмечает облегчение задачи критики идеализма и религии с материалистической и атеистической точек зрения («от теологической гегелевской философии был один шаг к отрицанию всякой религии, к атеизму», «Гегель [...] допускал возможность атеистических выводов из своей умозрительной философии», «в сочинениях Гегеля нельзя было найти ни одного места, в котором бы допускалось личное бессмертие» и т.д. (Ральцевич, 1931: 98)).

Другой автор – М.А. Лифшиц – в своих статьях 1930-х гг. также не соглашался с попытками интерпретировать философию Гегеля в качестве глубоко религиозной. В его понимании ряд идей, в том числе политических, действительно был выражен Гегелем в религиозной форме, однако это не означает правильности трактовки философии Гегеля в религиозно-мистическом ключе: скорее, таков был общий язык и настрой эпохи. Гегель в этом отношении приравнивается М.А. Лифшицем к деятелям французской революции, которые, склоняясь к атеизму, все же рассматривали «народную религию» в качестве средства для политико-социального воспитания масс. Исследователь подчеркивает, что такая «народная религия» полностью противоположна господствующим доктринам, упоминает критику иудаизма и традиционного церковного христианства со стороны Гегеля и т.д. (Лифшиц, 2012).

Еще один пример подобных трактовок в 1930-е годы можно встретить в работе Л. Германа «Живое и мертвое в “Философии права” Гегеля» (1934), где отмечается, что рационализация Гегелем теологии была осуществлена им в такой степени, что стали явно видны внутренние противоречия любого идеалистическо-теологического подхода. Л. Герман утверждает, что философия Гегеля является последней рациональной опорой теологии вообще, и, в силу своей внутренней противоречивости, она заключает в себе мощный антитеологический посыл (Герман, 1934: 64).

В 1940-е годы общее отношение к философии Гегеля в диалектическом материализме продолжает ухудшаться, и подобные направления интерпретаций становятся довольно редкими. Тем не менее позиции, оспаривающие религиозность философии Гегеля, еще встречаются. Например, на философской дискуссии в июне 1947 года М.В. Серебряков утверждает, что у советских философов нет задачи защищать религиозные взгляды Гегеля, но тем не менее задается вопросом: почему все религиозные консерваторы так ополчились в свое время на Гегеля? Исследователь подчеркивает, что они называли Гегеля еретиком, атеистом, пантеистом и т.д. М.В. Серебряков утверждает, что: 1) Гегель призывал относиться к Библии научным образом; 2) из школы этого философа вышли люди, которые сделали огромный шаг в толковании христианства, а в области отношения к религии младогегельянцы стоят даже выше французских материалистов; 3) благодаря Гегелю даже идеалисты начали объявлять себя атеистами. Исследователь обосновывает в этой связи позицию о том, что гегелевскую философию нельзя называть сплошь реакционной и религиозной¹.

Иные аспекты и направления интерпретаций

Большинство тезисов, касающихся отношения философии Гегеля к религии, содержащихся в произведениях диалектического материализма конца XIX – первой половины XX века, могут быть отнесены к одному из двух вышеуказанных направлений или к каким-либо промежуточным состояниям. Тем не менее возможно отметить проработку и других вопросов этой проблемы, например: 1) обозначение попыток реакционных буржуазных философов трактовать Гегеля в религиозно-мистическом ключе (К.К. Милонов, Г.К. Баммель, Б.Э. Быховский, В.К. Брушлинский, О.М. Танхилевич и др.); 2) утверждения о том, что для Гегеля историческое развитие в области религии завершается на стадии немецкого протестантизма (Ф.А. Горохов, Л.А. Шершенко и др.); 3) рассмотрение связи взглядов на религию между Гегелем и Фейербахом (А. Васильева и др.) и т.д.

Заключение. Вопрос об отношении к философии Гегеля является одним из ключевых во всей проблематике развития диалектического материализма конца XIX – первой половины

¹ Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947 г. : стенографический отчет ... С. 103.

XX века. С фигурой мыслителя связано большинство споров и дискуссий в рамках этого философского направления. Интерпретации различных сторон учения Гегеля отличались противоречивостью и двойственностью в произведениях как «классиков» марксизма-ленинизма, так и отдельных философских работников СССР, что свидетельствует о богатой и широкой палитре мнений в рамках советской науки того времени. При этом общее отношение к Гегелю в рассматриваемом периоде в целом ухудшалось, что могло объясняться как внутренними философскими причинами, так и внешними историческими обстоятельствами.

Противоречивость характерных для советской философии оценок по вопросу об отношении учения Гегеля к религии во многом повторяет соответствующую проблематику споров в рамках гегельянства в 1830–1840-е годы, которые начались сразу после смерти Гегеля. Мнения по этой тематике внутри диалектического материализма в 1920–1930-е годы разделяются приблизительно таким же образом, как и почти за сто лет до этого между правыми и левыми гегельянами. Причины постоянного обращения к Гегелю в рамках диалектического материализма могут рассматриваться в контексте истории возникновения этого философского течения. И К. Маркс, и Ф. Энгельс, будучи тесно связанными в ранний период своей деятельности со средой младеггегельянцев, неоднократно обращались в своих произведениях к гегелевской тематике. Соответственно, постмарксовский диалектический материализм, следуя текстам К. Маркса и Ф. Энгельса, неминуемо вовлекался и в проблематику последующей рецепции и развития идей Гегеля, в том числе и по вопросу о степени ее религиозности. Споры о мыслителе в части оценок и иных аспектов его философии оказываются отчасти сопоставимыми с противоречивостью мнений о нем и в Европе в середине и во второй половине XIX века. Таким образом, советская философия в некотором смысле повторяла в новых исторических условиях и со своей спецификой примерно тот же путь, что и европейская философия за несколько десятилетий до этого.

Список источников:

- Адоратский В.В. О работах Ленина по философии // Вестник коммунистической академии. 1929. № 32-2. С. 198–210.
 Аксельрод Л.И. Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса. М., 2010. 104 с.
 Аксельрод Л.И. Карл Маркс и немецкая классическая философия // Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли. М.; Л., 1933. С. 52–64.
 Быховский Б.Э. Метод и система Гегеля. М., 1941. 68 с.
 Вандек (Тер-Григорьян) В.Г., Тимоско В. Гегель и Кант // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12. С. 133–145.
 Герман Л. Живое и мертвое в «Философии права» Гегеля // Под знаменем марксизма. 1934. № 2. С. 58–71.
 Деборин А.М. Введение в философию диалектического материализма. М., 1931. 349 с.
 Деборин А.М. Людвиг Фейербах // Под знаменем марксизма. 1922. № 7–8. С. 5–41.
 Звенигородцев Н. Гегель и современные неогегельянцы // Под знаменем марксизма. 1928. № 6. С. 32–48.
 Исторический материализм / под ред. Ф.В. Константинова. М., 1951. 748 с.
 Ленин В.И. Конспект «Науки логики» Гегеля // Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1973. Т. 29. С. 77–218.
 Лифшиц М.А. О Гегеле. М., 2012. 304 с.
 Максимов А.А. «Философия природы» Гегеля // Под знаменем марксизма. 1935. № 1. С. 72–109.
 Ральцевич В.Н. Гегель как идеолог буржуазии // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12. С. 86–106.
 Розенталь М.М. Марксистский диалектический метод. М., 1952. 348 с.

References:

- Adoratskii, V. V. (1929) O rabotakh Lenina po filosofii [On Lenin's Philosophy Works]. *Vestnik kommunisticheskoi akademii*. (32-2), 198–210 (in Russian).
 Aksel'rod, L. I. (1933) Karl Marks i nemetskaya klassicheskaya filo-sofiya [Karl Marx and German Classical Philosophy]. In: *Protiv idealizma. Kritika nekotorykh idealisticheskikh techenii filosofskoi mysli*. Moscow ; Leningrad, pp. 52–64 (in Russian).
 Aksel'rod, L. I. (2010) *Idealisticheskaya dialektika Gegelya i materialisticheskaya dialektika Marksa* [Hegel's Idealist Dialectic and Marx's Materialist Dialectic]. Moscow. 104 p. (in Russian).
 Bykhovskii, B. E. (1941) *Metod i sistema Gegelya* [Method and System in Hegel]. Moscow. 68 p. (in Russian).
 Deborin, A. M. (1922) O Lyudvig Feierbakh [Ludwig Feuerbach]. *Pod znamenem marksizma*. (7–8), 5–41 (in Russian).
 Deborin, A. M. (1931) *Vvedenie v filosofiyu dialekticheskogo materializma* [Introduction to the Philosophy of Dialectical Materialism]. Moscow. 349 p. (in Russian).
 German, L. (1934) Zhivoe i mertvye v «Filosofii prava» Gegelya [The Living and the Dead in Hegel's Philosophy of Law]. *Pod znamenem marksizma*. (2), 58–71 (in Russian).
 Konstantinov, F. V. (ed.) (1951) *Istoricheskii materializm* [Historical Materialism]. Moscow. 748 p. (in Russian).
 Lenin, V. I. (1973) Konspekt «Nauki logiki» Gegelya [Hegel «Science of Logic» Summary]. In: *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 29. Moscow, pp. 77–218 (in Russian).
 Lifshits, M. A. (2021) O Gegele [About Hegel]. Moscow. 304 p. (in Russian).
 Maksimov, A. A. (1935) «Filosofiya prirody» Gegelya [Hegel's Philosophy of Nature]. *Pod znamenem marksizma*. (1), 72–109 (in Russian).
 Ral'tsevich, V. N. (1931) Gegel' kak ideolog burzhuzii [Hegel as Ideologist of the Bourgeoisie]. *Pod znamenem marksizma*. (11–12), 86–106 (in Russian).
 Rozental', M. M. (1952) *Marksistskii dialekticheskii metod* [The Marxist Dialectical Method]. Moscow. 348 p. (in Russian).
 Vandek (Ter-Grigor'yan), V. G. & Timosko, V. (1931) Gegel' i Kant [Hegel and Kant]. *Pod znamenem marksizma*. (11–12), 133–145 (in Russian).
 Zvenigorodtsev, N. (1928) Gegel' i sovremennye neogegel'yantsy [Hegel and the Modern Neo-Hegelians]. *Pod znamenem marksizma*. (6), 32–48 (in Russian).

Информация об авторе

П.В. Владимиров – соискатель кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Information about the author

P.V. Vladimirov – External PhD student, Department of the History of World Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.05.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 61–64.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 61–64.

Научная статья

УДК 18

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.9>

Онтологические основания эстетического развития в философии Античности

Диана Ивановна Румбина

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия, drumbina@surgpu.ru

Аннотация. Работа посвящена выявлению онтологических оснований эстетического на базе философского анализа представлений античных мыслителей. Показана взаимосвязь эстетического, онтологического и гносеологических аспектов с космологическими воззрениями античных философов. Обосновано положение о том, что эстетическое развитие субъекта в контексте философии Античности предполагает путь самосовершенствования человека посредством бытия, соответствующего принципу калокагатии. Это условие, процесс и результат самоорганизации и самотрансформации субъекта, в котором самопознание ведет к метафизическому открытию души, красоты бытия и собственной жизни. Взаимопроникновение эстетических, этических и гносеологических начал бытия является характерной чертой онтологизма античного мировоззрения. Стремление к развитию эстетического чувства онтологично, поскольку предполагает движение к красоте, совершенству. Красота открывается только возвышенной и очищенной душе, эстетически созерцаемой в своем объективном существовании. Душа открывается в эстетической форме самовыражения, в которой отображается ее внутренний смысл жизни.

Ключевые слова: эстетическое, онтология, космология, калокагатия, гармония, красота, мера, число, душа, ум, античная философия

Для цитирования: Румбина Д.И. Онтологические основания эстетического развития в философии Античности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 61–64. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.9>.

Original article

Ontological Foundations of Aesthetic Development in the Philosophy of Antiquity

Diana I. Rumbina

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia, drumbina@surgpu.ru

Abstract. The paper is aimed at identifying the ontological foundations of the aesthetic on the basis of a philosophical analysis of the ideas of ancient thinkers. The correlation of the aesthetic, ontological and epistemological aspects with the cosmological viewpoints of ancient philosophers is shown. It is argued that the aesthetic evolution of the entity in the context of the philosophy of Antiquity implies a path of human self-improvement through being, corresponding to the principle of kalokagathia. It is the condition, process and result of the self-organization and self-transformation of the individual, in which self-knowledge leads to a metaphysical discovery of the soul, the beauty of being and one's own life. The interpenetration of aesthetic, ethical and epistemological principles of being is a characteristic feature of the ontologism of the ancient worldview. The desire to develop an aesthetic sense is ontological, since it implies a movement towards beauty, perfection. Beauty is revealed only to the sublime and purified soul, aesthetically contemplated in its objective existence. The soul reveals itself in an aesthetic form of expression in which its inner meaning of life is displayed.

Keywords: aesthetic, ontology, cosmology, kalokagathia, harmony, beauty, measure, number, soul, mind, ancient philosophy

For citation: Rumbina, D.I. (2022) Ontological Foundations of Aesthetic Development in the Philosophy of Antiquity. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 61–64. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.9](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.9) (In Russian).

Эстетическое развитие – это универсальная онтологическая потребность, поскольку важным для человека является не проживание жизни, измеряемое количеством прожитых лет, а ее качественное наполнение, внутренняя событийность, интенсивность и глубина переживания, смысловая направленность и особое отношение к самому себе как к личности. Мы исходим из того, что эстетическое имманентно присуще бытию индивида. Эстетическое начало пронизывает все грани человеческой жизни (Думинская, 2020). Когда речь идет об эстетическом развитии личности, ключевым становится понятие *auto to auto* («самость»), составляющее «фундамент личной идентичности» (Дорофеев, 2018). Как отмечает М.В. Думинская, «эстетическое рассматривается как онтоло-

гическое основание структуры человеческого бытия, которое пронизывает собой и по-разному проявляет себя на различных его уровнях. Взятое в целостном единстве своих возможных проекций, эстетическое начало является выражением специфики онтологической природы человека»¹.

Проявление эстетического в обыденной жизни, как правило, связывают со стремлением человека ко всему красивому, прекрасному, гармоничному и т. д. При этом человек обычно не задумывается и не пытается постичь глубинный смысл и значение данных понятий. Между тем, размышляя об искажении в повседневных практиках сущности красоты, А.А. Сокровищук справедливо отмечает, что «красота – это ярлык, который мы прикрепляем к различным видам опыта, основанным на сочетании культурных и личных предпочтений. Если, с одной стороны, красота кажется связанной с эстетическим удовольствием, то стремление к первому как средству достижения второго может привести к эгоистическому гедонизму (эгоцентричному удовольствию, стремящемуся к самому себе), типичному символу декаданса. Но красоте можно рассматривать и как ценность, одну из самых дорогих для человека» (2021: 36). Эстетическое открывается человеку во всех гранях своего проявления, если он развивает заложенную в онтологической природе способность эстетически чувствовать бытие и, следуя этому ориентиру, стремится выстраивать проект своей жизни в перспективе подлинного онтоэстетического прогресса. Так, личность, проявляя «заботу о себе» (М. Фуко), ставит перед собой задачу самоопределения, самоформирования, преобразуя прежде всего отношение к себе и собственной жизни, внешнему миру, Другому.

В данной работе внимание фокусируется на определении онтологических оснований эстетического в представлениях античных мыслителей, поскольку в античной философии поставлен ряд проблем, имеющих ключевое значение для становления эстетических взглядов в отношении прояснения вопроса об онтологической природе эстетического. Для исследования обозначенной темы потребовалось также обращение к трудам таких исследователей, как А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, С.С. Аверинцев, П.П. Гайденко, Д.Ю. Дорофеев, М.В. Думинская, К.А. Исаков, А.А. Сокровищук и др., что позволило раскрыть онтологическое содержание основных эстетических категорий, разработанных в философии Античности.

Прежде всего следует отметить, что понятие эстетического применительно к этой эпохе мы используем в исходном его значении как «чувственное восприятие» (*aisthetikos*, *aisthetike*) (Дорофеев, 2018: 201) и в более широком толковании, схватываемом в таких категориях, как красота, прекрасное, возвышенное и т. д. Именно с точки зрения данных понятий классическая эстетика, восходящая к Античности, интерпретировала эстетическое как таковое. Развитие идеи красоты проходит через всю историю философской мысли, претерпевая различного рода изменения. В воззрениях древнегреческих философов проблема эстетического (как выражение чувственного восприятия красоты) в онтологическом аспекте имела непосредственное отношение к космологическим представлениям.

В Античности Космос выступал как прекрасное творение, которому имманентно присущ Логос. Материя, упорядоченная разумом, манифестирует Бытие как красоту, данную в чувственно упорядоченной форме. В силу этого сама жизнь человека в ее развитии может рассматриваться как художественное произведение, автором которого является сам человек, претворяющий «свою любовь к мудрости наглядно, в собственном феноменально воспринимаемом образе» (Дорофеев, 2018). В этом плане эстетическое развитие понимается как путь самосовершенствования человека с помощью особого способа бытия, в котором Благо и Красота едины. Здесь эстетическая (внешняя) и этическая (внутренняя) сферы мифологического сознания становятся характеристиками целостного способа существования, получающего выражение как в облике человека, так и в образе жизни. Само осуществление, воплощение бытия сущего воспринимается эстетически и является эстетическим. Как отмечает Д.Ю. Дорофеев, «связь “внешнего” и “внутреннего” лежит в основе эстетики человеческого образа: ведь то, какую жизнь ведет человек, особенно если он ее сознательно организует, и, соответственно, кем он становится в результате такой жизни, не может не сказываться на целостном облике, взятом во всей эстетической выразительности его проявлений – от способа говорить до манеры держать себя и одеваться» (2018: 202). Взаимопроникновение эстетических, этических и гносеологических начал бытия выступает характерной чертой онтологизма античного мировоззрения.

Толкование Красоты в Античности как онтологической категории взаимосвязано с такими понятиями, как гармония, симметрия, мера, пропорциональность. Гармония, характеризующаяся такими качествами, как красота, истина, симметрия, выступает условием существования Космоса, поскольку обеспечивает внутреннюю связь вещей и явлений в природе. Первая попытка теоретического осмысления гармонического устройства мироздания получила выражение в пифагорейском учении о гармонии сфер.

¹ Думинская М.В. Онтология эстетического свершения личности : дис. ... д-ра филос. наук. Сургут, 2017. С. 138.

Представление о гармонии органически соединено с понятием числа, на основе которого дается объяснение всего вещного многообразия. Число – основа гармонизации строения вещи и организованности универсума в целом, что выступает, согласно пифагорейцам, эстетической данностью. Так, ритм и симметрия в досократовской философии лежат в основе упорядоченности, целесообразности устройства Космоса и повседневных практик человека. Сократ в идее логической целесообразности усматривает единство Красоты и Блага. В диалоге Платона «Алкивиад» описывается сюжет, когда честолюбивому и молодому политику Алкивиаду указывается на то, что следует обрести власть над собой и научиться заботиться о себе, прежде чем управлять другими и заботиться о них. Тогда в чем должна проявляться эта забота о самом себе? Сократ поясняет, что забота о своем теле, имуществе и т. д. не есть проявление заботы о себе, поскольку все это не сам человек, а лишь то, что ему принадлежит внешним образом (атрибуты и акциденции). Тогда снова возникает вопрос, что есть в человеке то самое человеческое, что определяет его самость. Это то, что принадлежит субъекту самому по себе (*auto to auto*), – душа. Как справедливо отмечает Д.Ю. Дорофеев, здесь Сократ впервые ставит «вопрос об онтологии человеческой идентичности, которая раскрывается через определенный способ самосоотношения в практиках “заботы о себе” и “познания самого себя”» (2018: 202), ориентируясь на идеал калокагии. Данная установка предполагала выстраивание практик повседневного существования на основе стремления к упорядоченности, гармоничности внутреннего и внешнего, т. е. приобщения к Истине, Красоте и Благут. Эстетическое развитие в данном случае предусматривает самоорганизацию своего образа и жизни в целом как осуществление и результат подлинного философского познания.

В период высокой классики античной философии в объективно-идеалистических воззрениях Платона эстетическое сознание представляет собой единство внутреннего и внешнего, умообразного и чувственного, идеального и реального. Рассматривая эстетическое учение Платона в его связи с онтологией, следует выделить такие сформулированные им категории, как числовая пропорциональность, ритм, мера, гармония, которые в то же время являются предикатами комического движения. Это своего рода ступени на пути к идее Красоты, которой подчинено все сущее. Первая ступень – пропорциональность, в основе ее построения лежит число, определяющее алгебраический и геометрический порядок. Число знаменует собой тождество внутреннего и внешнего. Числовое бытие есть в то же время и эстетическое бытие. Благодаря числовой пропорциональности Вселенная получает оформление и возможность оторваться от прагматических целей Космоса, тем самым обрести самодостаточность, самоценность, т. е. онтоэстетический статус.

В свою очередь, мера вещи, как показано в диалоге Платона «Тимей», понимается в смысле ее целесообразности, соразмерности своей идее (Гончарова, 2019: 344). Это некий сдерживающий фактор, не позволяющий вещи оказаться меньше, чем присущая ей идея. Понятие меры Платон отождествляет с «вечной природой» и ставит ее выше красоты. Природа как воплощение мировой Души и мирового Ума понимается как идеальное. В гармонии комплекса безличных идей существует истинная вечная Красота – «прототип» мира явлений, источник и образец совершенства. Эстетическая природа человека позволяет ему созерцать и наслаждаться прекрасными формами Природы. Гармония удерживает вещи от перенасыщенности, избыточности, которые могут «навредить целостности и единству противоположностей» (Гончарова, 2019: 344).

Таким образом, Платон развивает мысль о сверхчувственной, универсальной, самоценной Красоте как упорядоченности мироздания, лежащей в основе онтологического совершенства. При этом он указывает, что Красота не открывается исключительно чувственным образом в силу несовпадения идеи вещи и совокупности ее чувственного восприятия. Красота, отделившись от трансцендентного мира идей, исчезает в подлинном своем свете в мире феноменальной реальности. В человеке как синтезе идеи и материи Красота приоткрывается чувственным образом как Прекрасное. Здесь важно различать Прекрасное как таковое (вечное, неизменное, свойственное абсолютной Красоте, пребывающей в мире идей) и то, что лишь представляется прекрасным в чувственном мире вещей.

Эстетическое развитие, исходя из объективно идеалистических воззрений Платона, может пониматься как процесс возвышения человека в метафизическую сферу бытия, стремление достичь вечной Красоты Идей (Формы). Такое возвышение требует особых усилий, направленных на формирование самого себя через очищение от чувственных удовольствий к сосредоточению на практике образного созерцания прекрасного. В этом состоит путь осуществления истиной жизни человека (Сокровищук, 2021: 32). Это процесс «познания своего внутреннего мира», извлечения Красоты и Истины из глубины собственной души, поскольку Красота открывается только возвышенной и очищенной душе, эстетически созерцаемой в своем объективном существовании.

Ум как неподвижная, вечная сущность, отделенная от чувственных вещей, в которой отождествляются мыслящее и мыслимое, согласно Аристотелю, обладает самодовлеющей эстетиче-

ской ценностью. В «живом» Уме заключена подлинная Красота, осуществляющая весь жизненный процесс одушевленного чувственного Космоса, наполненного умственными энергиями. Благодаря причастности к Уму все существующее оказывается прекрасным, что само по себе есть Благо. Таким образом, Красота сама по себе есть ценность и ассоциируется с эстетическим удовольствием, когда все душевные силы, по Аристотелю, освобождаясь от потока становления, превращаются в единое духовное сосредоточение – Ум. Такое состояние понимается как умственно-энергетическое состояние души. Абсолютная разумность, лишенная материального, но вместе с этим предполагающая материю как то, что порождает возможность осуществления, получает выражение в понятии «калокагатия», которое в «Эвдемовой этике» трактуется как нравственная красота, т. е. «прекрасное» и «благое» выступают в качестве онтологических понятий и определяют вектор направленности совершенствования человека. Следует отметить, что в эллинистический период античной философии происходит определенный отход от следования принципу калокагатии в реализации онтоэстетического осуществления человека. Эстетическое развитие в данном случае предусматривает самоорганизацию своего образа и жизни в целом как осуществление и результат подлинного философского познания (Дорофеев, 2018: 201–202).

Таким образом, в античной философии эстетическое начало введено в основу космологии и имманентно заложено в онтологической природе субъекта, способного к гармоничному восприятию мира и самого себя. Выстраивание практик повседневного существования на базе стремления к упорядоченности, гармоничности внутреннего и внешнего есть приобщение к Истине, Красоте и Благости. Эстетический образ жизни в эпоху Античности рассматривается как воплощение, условие и результат подлинного философского познания. Эстетическое развитие выступает онтологическим принципом осуществления субъекта, ориентированного на организацию такого способа собирания себя, который актуализирует его самость (личностное начало). Эстетически организованная жизнь, направленная на выбор собственного образа жизни и самоформирование, требует постоянной работы над собой. Самопознание является способом бытия субъекта, ведущего к метафизическому открытию души, Красоты бытия, осознанию значимости эстетической составляющей и эстетического образа жизни.

Список источников:

- Гончарова А.О. Онтология эстетики в космогонии Платона // Преподавание языков и культур в парадигме гуманитарного образования : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.Г. Катаева, И.И. Воронцова. М., 2019. С. 341–347.
 Дорофеев Д.Ю. Эстетика образа и этика жизни античного философа // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 200–207. <https://doi.org/10.7868/S0042874418060171>.
 Думинская М.В. Эстетическое в контексте онтологического постижения: опыт феноменологического видения // Общество: философия, история, культура. 2020. № 2 (70). С. 13–19. <https://doi.org/10.24158/fik.2020.2.1>.
 Сокровищук А.А. Роль созерцания прекрасного (красоты) в формировании мировоззрения: прошлое и настоящее проблемы // Человек. Культура. Образование. 2021. № 2 (40). С. 23–39. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-2-23>.

References:

- Dorofeev, D.Yu. (2018) Aesthetics of image and ethics of life of ancient philosopher. *Voprosy Filosofii*. (6), 200–207. Available from: [doi:10.7868/S0042874418060171](https://doi.org/10.7868/S0042874418060171). (In Russian)
 Duminskaya, M.V. (2020) The aesthetic in the context of ontological understanding: Experience of phenomenological vision. *Society: Philosophy, History, Culture*. (2), 13–19. Available from: [doi:10.24158/fik.2020.2.1](https://doi.org/10.24158/fik.2020.2.1). (In Russian)
 Goncharova, A.O. (2019) Ontology of aesthetics in Plato's cosmogony. In: Kataeva, A.G. & Vorontsova, I.I. (eds.) *Teaching Languages and Cultures in the Humanities Education Paradigm: Proceedings of the II International Scientific-Practical Conference*. Moscow, Rossiiskii Gosudarstvennyi Gumanitarnyi Universitet, 341–347. (In Russian)
 Sokrovishchuk, A.A. (2021) The role of contemplation of the beautiful in the formation of the worldview: Past and present issues. *Human. Culture. Education*. (2), 23–39. Available from: [doi:10.34130/2233-1277-2021-2-23](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-2-23). (In Russian)

Информация об авторе

Д.И. Румбина – старший преподаватель кафедры социально-художественного образования Сургутского государственного педагогического университета, Сургут, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=861840.

Information about the author

D.I. Rumbina – Senior Lecturer, Department of Social and Art Education, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=861840.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 65–71.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 65–71.

Научная статья

УДК 141

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.10>

О законе достаточного основания: Лейбниц, Кант, Шопенгауэр

Полина Михайловна Свиридова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, polinasviridovaaa@mail.ru

Аннотация. Цель данного исследования – проследить ход философских размышлений Лейбница, Канта и Шопенгауэра в решении вопроса о взаимосвязи закона достаточного основания и свободы. Вопрос свободы ведет в самую гущу философских проблем, так как является одним из фундаментальных понятий философии, открывающих тайны вопроса субстанциональности, морали, права и автономности субъекта. Рассмотрение свободы в ее неотъемлемой связи с определением и доказательствами закона достаточного основания является важным для понимания общей закономерности развития философского знания не только в эпоху Нового времени, но и на границах ее завершения при переходе к немецкой классической философии, у истоков которой стоит Кант, и неклассической философской мысли во главе с Шопенгауэром. Исследование закона достаточного основания в системах Лейбница, Канта и Шопенгауэра позволило нам установить основные способы доказательства закона достаточного основания и определить направления в решении вопроса о его взаимосвязи с проблемой обоснования свободы субъекта.

Ключевые слова: закон достаточного основания, свобода, Лейбниц, Кант, Шопенгауэр, случайность, необходимость, причина

Финансирование: статья подготовлена при поддержке проекта Министерства образования и науки Российской Федерации № 075-15-2021-603 «Разработка новой методологии и интеллектуальной базы для исследования индийской философии нового поколения в соответствии с основными мировыми философскими традициями».

Для цитирования: Свиридова П.М. О законе достаточного основания: Лейбниц, Кант, Шопенгауэр // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 65–71. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.10>.

Original article

On the Law of Sufficient Reason: Leibniz, Kant, Schopenhauer

Polina M. Sviridova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, polinasviridovaaa@mail.ru

Abstract. The aim of this study is to trace the course of philosophical meditations of Leibniz, Kant and Schopenhauer on the relationship between the law of sufficient reason and freedom. The question of freedom leads to the thick of philosophical issues, as it is one of the fundamental concepts of philosophy, revealing the secrets of the question of substantiality, morality, law and autonomy of the subject. Examining liberty in its intrinsic relation to the definition and proof of the law of sufficient reason is important for understanding the general pattern of development of philosophical knowledge, not only in the Modern era, but also at the boundaries of its completion in the transition to German classical philosophy, with Kant at its origin, and non-classical philosophical thought led by Schopenhauer. A study of the law of sufficient reason in the systems of Leibniz, Kant and Schopenhauer allowed us to establish the main ways of proving the law of sufficient reason and to identify directions for addressing the question of its relationship to the problem of justification of subject liberty.

Keywords: law of sufficient reason, freedom, Leibniz, Kant, Schopenhauer, contingency, necessity, causation

Funding: the reported study was funded by Ministry of Education and Science of the Russian Federation Project No 075-15-2021-603 'Development of the New Methodology and Intellectual Base for the Study of Indian Philosophy of the New Generation in Accordance with the Major World Philosophical Traditions'.

For citation: Sviridova, P.M. (2022) On the Law of Sufficient Reason: Leibniz, Kant, Schopenhauer. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 65–71. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.10](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.10) (In Russian).

Философия возникает как необходимость обоснования бытия и вопросов, непосредственно с ним связанных. Одним из таких вопросов, интересовавших всех первых философов античности, был вопрос первопричины. Что послужило возникновению мира? Что есть начало всего? Первопричиной называли материальные или идеальные начала, и в зависимости от их определения первые мыслители начали выстраивать свои философские системы. Из объяснения воз-

можной первопричины мира последовательно вытекал вопрос о том, как в этом мире соотносятся между собой явления и деятельность человека. Какую природу имеет эта связь и чему она подчиняется? В попытке объяснить происхождение существующего античные философы начали выражать первые формы закона причинности, а в IV в. до н. э. Аристотель сформулировал три главных закона классической логики – закон тождества, закон противоречия и закон исключенного третьего. Аристотель в своих трудах не сформулировал закон достаточного основания, однако предоставил для этого необходимые предпосылки.

Закон достаточного основания был сформулирован Готфридом Лейбницем и вызвал множество реакций, интерпретаций и споров касательно его определения, доказательств и сферы действия в различных областях философского знания. В первую очередь, после закона достаточного основания, по определению вводящего безграничную цепь причин и necessarily вытекающих из них следствий, возник очевидный вопрос – как закон достаточного основания может быть совместим с человеческой свободой и сферой нравственности, а вопрос о поиске первопричины, с которой начинается причинно-следственный ряд, все еще оставался актуальным. Философская традиция, начиная с XVII в., пыталась ответить на эти принципиально важные вопросы и изобрести способ совмещения закона основания со свободой. Так, одним мыслителям приходилось ограничивать сферу действия закона в попытке защитить свободу от его безграничной власти, другие вводили различие между видами закона основания, относящимся либо к сфере природы, либо к области моральной активности субъекта. Однако вопрос был поставлен, и избежать закона достаточного основания, не учитывая его роль вовсе уже стало невозможным.

Цель данного исследования – проследить ход философских размышлений Лейбница, Канта и Шопенгауэра в решении вопроса о взаимосвязи закона достаточного основания и свободы методом историко-философского анализа с применением таких логических приемов, как анализ, индукция, синтез и дедукция. В работе используются предложенные В. Виндельбандом методы историко-философского исследования: наивный описательный метод, генетический метод объяснения и умозрительный метод критики, а также метод ситуативной герменевтики Р.В. Псху (Псху, 2017).

Впервые формулировку закона достаточного основания Лейбниц вводит в своей работе «Опытам теодицеи о благодати божией, свободе человека и начале зла», где пишет, что два начала умозаключений включают противоречие и достаточное основание. По закону достаточного основания Лейбница «ничто не случается без какой-либо причины или, по крайней мере, без достаточного основания» (Лейбниц, 1982: 93). Лейбниц утверждает объективность случайности и ее неотъемлемую связь с определенной причиной, за единичной причиной всегда существуют закономерные связи, определяемые законом достаточного основания. Стоит ответить на вопрос: для чего Лейбницу понадобился закон достаточного основания? Существовал принцип тождества (А есть А), являющий себя в форме взаимной пропозиции. Принцип тождества может действовать взаимообратным способом, но может и детерминировать пропозиции, исключая обратимость, но оставляя включение. За этим следует, соответственно, что всякая аналитическая пропозиция истинна. Лейбниц настаивает на взаимообратной пропозиции и утверждает, что всякая истинная пропозиция аналитическая. Причем по взаимообратному принципу тождества требуется, чтобы всякая истинная пропозиция не просто была аналитической, а являлась таковой с необходимостью. И здесь возникает принцип достаточного основания. Выраженная выше формулировка закона приобретает интересный поворот – не просто «ничего не делается без достаточного основания», а необходимо, чтобы все, что говорится о субъекте, содержалось в его понятии (Делёз, 2015: 25). За утверждением необходимости основания у всякой вещи следует, таким образом, тождество основания с самим понятием субъекта.

В понятии субстанции заключено все, что может когда-либо с ней произойти. Однако возникает затруднение. Во-первых, уничтожается различие между случайными и необходимыми истинами, а во-вторых, не остается никакого места свободе человека. Лейбниц утверждает, что нужно отличать достоверное от необходимого. Случайное имеет место, ведь Бог предвидит все, но оно не становится от этого необходимым. Лейбниц в «Рассуждениях о метафизике» приводит такой пример. Юлий Цезарь будет верховным главой государства и низвергнет свободу римлян, и это действие заключается в его понятии. Природа Цезаря соответствует его понятию, и тогда как Бог даровал ему определенную личность, Цезарю необходимо ей соответствовать. Дело в том, что событие предполагает уверенность, но не необходимость, несмотря на то, что событие происходит согласно предшествовавшим ему событиям. Диктатура Цезаря, тот факт, что он перешел Рубикон – все это должно было произойти, так как заключается в понятии Цезаря, но нельзя доказать, что это необходимо само по себе. Это происходит случайно, хоть и достоверно. Не так достоверно, как истина геометрическая, но в соответствии со свободным решением Бога делать всегда то, что наиболее совершенно, и чтобы человек всегда свободно делал то, что кажется ему наилучшим.

И человеку кажется, что поступает он наилучшим способом, однако его решения не меняют возможности вещей. Всякая случайность заключает основание быть таковой и доказательство своей истины, но не исключает возможность иного исхода, поэтому и является случайностью.

Итак, Цезарь может не быть верховным главой государства, может не перейти Рубикон – он свободен. Но $2 + 2$ всегда равно 4 – здесь свободы нет. Первое утверждение мы вывели согласно принципу достаточного основания, второе – согласно принципу тождества. Истины, которые управляются законом тождества, не могут иметь противоречия, это, по Лейбницу, истины сущности, они непреложны и вечны, в истине сущности не может быть места свободе. Однако есть и второй вид истин – истины существования, управляемые законом достаточного основания, и для них возможно противоречие. Такое противоречие – Цезарь, не являющийся верховным главой государства. Тот факт, что могут существовать два возможных события, являющихся необходимыми, отнюдь не содержит в себе противоречия, потому что, следуя Лейбницу, первое событие является не абсолютно необходимым, а необходимым гипотетически. Следовательно, возможность получает лишь то, что содержит в себе какую-то долю совершенства, и, согласно установлению Бога, осуществляться будет то, что обладает наибольшим совершенством.

Итак, зачем же Лейбницу закон достаточного основания? Принцип достаточного основания позволяет определить сферу существования, позволяет мыслить существующее. Соответствуя принципу предиката в субъекте, мы выводим, что всякая предикация содержится в природе вещи, она имеет основание находиться в природе вещи. По закону достаточного основания Лейбница, все, что говорится о некоторой вещи, – это предикация, относящаяся к этой вещи. О вещи говорит ее сущность, и сущность заключается в понятии вещи – в этом месте закон достаточного основания соответствует закону тождества, однако мы идем дальше и утверждаем, что выходя за пределы закона тождества, по закону основания, мы должны принять, что в понятие вещи заключена не только ее сущность, но и все события, которые с этой вещью происходят или произойдут. Закон достаточного основания взаимнообратен закону тождества и, можно сказать, преодолевает закон причинности. Тогда как причинность отсылает следствие к своей причине, закон основания указывает на отношения следствия к причине, где первое обязательно включает в себя последнее. По закону достаточного основания мы имеем не только причину определенной вещи, но и все ее отношения с другими вещами, включающими свои причины и следствия.

Выделив два вида необходимости, Лейбниц подчеркивает, что человек имеет дело только с гипотетической, моральной необходимостью, за его пределами остается необходимость метафизическая или абсолютная. Моральная необходимость – органическая часть субъекта, но все же Лейбниц, отказываясь от понятия свободы воли, подчеркивает, что действия человека, подчиненные только гипотетической необходимости, не являются проявлением исключительно его независимой воли. Несмотря на то, что Бог изначально наделяет мир гармонией, согласно которой все монады могут быть названы запрограммированными субъектами универсума, каждая из них все же развивает самопроизвольную деятельность. Тело человека, с одной стороны, подчинено механическим причинам, действующим в универсуме согласно предустановленной гармонии, а с другой – человеческая деятельность может быть свободна, и этой свободой и целесообразностью деятельности определяется моральный характер субъекта. Конечные причины и бесконечность предустановленной гармонии совпадают только в понятии Бога. Бог свободен, но совершает свои действия согласно определяющим основаниям. Возможность свободы для индивидуального субъекта определяется его способностью приобщиться к сфере наивысшей божественной свободы.

Бог не принуждает нас к определенному выбору, он дарует свободу определять то, что является наилучшим. Возможным становится и выбор противоположного, и абсолютное бездействие, так как сама душа находится в состоянии безразличия. И то, что мы поступаем таким образом, а не иным – зависит от нас, от нашего существа. Мы знаем наш долг, и Лейбниц пишет, что мы не можем знать, предопределено ли нам согрешить по нашей природе или нет, поэтому мы должны поступать сообразно нашему долгу. Причина, что человек решается на грех, в том, что иначе он не был бы этим человеком. В идее Бога заключено свободное действие индивида совершить грех, но то, почему грешник, заключающийся в идее Бога, существует в действительности, мы знать не можем, однако мы должны принять на веру тот факт, что раз грешник существует, значит Бог признал это за благо.

Иммануил Кант излагает свою интерпретацию закона достаточного основания в работе «Новое освещение первых принципов метафизического познания», где выделяет закон достаточного основания как один из ключевых законов логики. Закон достаточного основания Кант формулирует на основе предложенного определения Лейбница, однако критически дополняет его и интерпретирует в некоторых важных моментах.

Кант исключает возможность существования основания в себе самом. Если нечто содержит основание вещи в себе, то оно есть ее причина, однако причина первичнее действия, значит,

невозможно, чтобы нечто существовало одновременно и раньше, и позже себя. В учениях многих философов предшествующей Канту традиции мы встречаем положение, утверждающее возможность содержания основания своего существования в самом себе, и примером тому называют Бога. Однако Кант утверждает, что существование Бога предшествует самой его возможности и возможности всех вещей, и поэтому его существование, безусловно, необходимо. Упразднение Бога означает упразднение не только всего существующего, но и внутренней возможности существования вещей. Возможность вытекает из сопоставления, как то, что при соединении понятий не вызывает противоречий. Для любого сопоставления необходимо существование налицо подлежащих сопоставлению вещей, таким образом, из возможности необходимо следует наличие действительного существования того реального, что есть в каждом возможном понятии. В противном же случае существовало бы только невозможное. Получается, что для всей реальности имеется некоторое единственное существо, наличие которого абсолютно необходимо для всякой возможности, и такое существо есть Бог.

Далее мы должны принять различие между основанием истины и основанием существования. Кант пишет, что, если в субъект заключен предикат по определяющему основанию, то значит, что и предикату существования необходимо основание. Для истины достаточно лишь предикатно-субъектное тождество, но не определяющее основание, но если речь идет о вещи, то отсутствие определяющего основания свидетельствует о существовании вещи с безусловной необходимостью, что противоречит случайности. Если говорят, что все, что существует, имеет свое следствие, то таким образом положено рассуждать лишь об основаниях познания, но не существования. Понятием сущего может быть общее либо индивидуальное понятие, и в случае с общим низшие ему понятия находятся в подчинении к высшему, и, следовательно, общее содержит в себе основание для низших. Индивидуальному понятию присущи предикаты, соответствующие ему всегда при наличии идентичных оснований. Говорить же в таком смысле об истине существования мы не можем, потому что «субстанция, если она не находится в связи с другими, не подвергается никаким изменениям» (Кант, 1994: 298).

Бывает, человек совершает выбор, который кажется ему лишенным каких-либо оснований. Это может быть выбор среди двух, казалось бы, одинаковых предметов или игра, предполагающая спрятанный предмет в одной руке. В таком случае мы уверены, что не имеем оснований, возможных предопределить наш выбор, и совершаем его методом угадывания. Мы называем такие решения свободными, ведь не находим предшествующе-определяющего им основания, и мотивы кажутся нам равносильными, однако Кант указывает, что даже в таком случае существуют основания, определяющие нашу душу, и в этом случае сознательные представления становятся смутными. Человеку присуще постоянное стремление к новым восприятиям, которое подталкивает душу менять свое состояние, и с изменением внутренних представлений душа склоняется в определенную сторону.

Что же касается определения свободы Иммануилом Кантом, то здесь важно внести различие им между природным и моральным миром, которое в докритическом творчестве еще не представляет особого интереса философа, однако впоследствии станет основополагающим для разрешения проблемы свободы. В «Критике чистого разума» Кант постулирует моральный мир, в котором, в отличие от мира природы, подвластного господству закона достаточного основания и бесконечного ряда предшествующе-определяющих оснований, возможна свобода. Свобода Канта выводится в этом моральном мире через формулирование категорического императива как закона нравственности, являющегося основой человеческого поведения. Кант указывает на этот важный переход от мира природы к миру свободы, где нет необходимости в подчинении закону основания и выведении всего существующего исключительно из него. Свобода личности возможна только в умопостигаемом мире, мире «вещей в себе». Свобода индивида, совершаемая спонтанно, не исключает детерминированности мира природы, однако приводит нас к автономии субъекта, автономии его воли – она сама является для себя законом. Самостоятельность человека не имеет места в мире природы, подчиненном закону необходимости, поэтому антиномия свободы может быть решена только в сфере практической деятельности субъекта, где понятия свободы личности и воли на трансцендентальной идее. Реальность свободы доказуема не через всеобщее признание, а через объективную ее необходимость, которая выступает основанием всеобщего согласия. Чувственность вместе с рассудком и разумом придают человеческой активности умопостигаемый характер, поэтому разум человека способен порождать условия эмпирического ряда события, которые сами эмпирически не обусловлены, что и определяет свободную деятельность субъекта как возможность начинать ряд событий самопроизвольно.

В своем диссертационном исследовании «О четвероюм корне закона достаточного основания» Шопенгауэр выражает закон достаточного основания через формулу Христиана фон

Вольфа, как «наиболее общую»¹, однако в моментах обоснования закона можно проследить некоторые отличия от предшествующей традиции. На базе этого закона Шопенгауэр строит свою философскую систему, и в этой работе излагает идеи, которые впоследствии будут развиваться во всех остальных его трудах.

Шопенгауэр утверждает тождество бытия объектов и представлений, которые имеют между собой необходимую связь, указывающую на то, что ничто для себя пребывающее и ничто единичное не может стать для нас объектом. От характера связующих объектов зависит модификация закона достаточного основания, однако за основу берется всеобщий и абстрактный закон, сохраняющий общее для всех своих форм. Общий закон достаточного основания Шопенгауэра относится к априорным знаниям, ведь сама возможность получения опыта и восприятия основана на утверждении, что органы чувств имеют под собой причину, и их реакции на причину не произвольны, а могут быть определены. Закон основания – это содержание всего *a priori* достоверного познания. Любой объект действительности неизбежно подчиняется другим объектам как определяемый и как определяющий, и тогда существование всех объектов есть отношение их друг к другу. Артур Шопенгауэр утверждает, что в каждой вещи есть нечто такое, чему никогда нельзя найти основания, указать дальнейшую причину, чего нельзя объяснить, и это есть сущность вещи, специфический способ ее действия. Но несмотря на это, мы всегда можем указать причину отдельного действия, в соответствии с которой вещь производит это действие.

Проблему свободы воли Шопенгауэр признает наряду с проблемой реальности внешнего мира, или отношения идеального к реальному, одной из «двух глубочайших и труднейших проблем философии новых времен» (Быховский, 1975: 18). Шопенгауэр попытался обосновать невозможность свободы воли в условиях действия закона достаточного основания, распространенного как на сферу познания, так и на сферу человеческой нравственности. Моральная свобода у Шопенгауэра – это *liberum arbitrium*, т. е. свобода воли. Человек морально свободный действует исключительно в соответствии со своими желаниями, не руководствуясь при этом ни внешними условиями, ни обещаниями, угрозами, стереотипами, надеждами и т. д. Это есть свобода желания, которую Шопенгауэр определяет вопросом «Хочу ли я того, что хочу?», т. е. хотение субъекта не должно зависеть от какого-то предыдущего желания, повлиявшего на это. Однако тут возникает дилемма, так как за утвердительным ответом на такой вопрос напрашивается следующий: «Могу ли я хотеть того, что я хочу хотеть?». Таким образом, желания уходят в бесконечность в поисках того первого, от которого пошли остальные, того, которое ни от чего не зависело.

Свобода исключает необходимость, она предполагает случайность. Событие может быть необходимым по отношению к своей причине, а всякая случайность всегда относительна, и необходимость по отношению ко всему, помимо своей причины, является случайной. Представляется ли в таком случае свобода абсолютной случайностью? Если свободное действие субъекта не должно зависеть от какого-либо основания, тогда воля не может определяться причиной и законом достаточного основания. Если мы предполагаем обратное, и воля определяется причиной, то следствие становится необходимым, что противоречит понятию свободы.

Сообразная с волей свобода удостоверяется самосознанием, которое отвечает за свободу действия, но не за свободу хотения. Если нам необходимо решить вопрос о зависимости воли от внешних условий, мы выходим за рамки компетенций самосознания, ведь самосознание отвечает за зависимость актов тела от воли. Объекты хотения находятся не в самосознании, а в сознании других вещей. Свобода воли есть действие причины, что само по себе является противоречием, рассудок не может мыслить свободное безразличное решение, так как не имеет таковой формы. Свободное решение в таком случае есть определяемое без определяющего, то, что приводит в действие, причем абсолютно случайно, но само не является приводимым в действие. Причина не может вызывать действие без основания, она не может создать его из ничего, так как есть то, на что она действует, причем то, что изначально уже содержит способность к подобному изменению, т. е. любое действие происходит из внутренней способности к изменению и внешней определяющей причины, принуждающей эту способность к действию. Человек строго подчинен действию закона основания, но в его сознании заложено сознание свободы, так как свободная воля познается непосредственно в себе. Однако человек – это явление воли, а не сама по себе воля, и личность принимает форму явления, т. е. закона основания. Такая позиция философа по отношению к свободе индивида крайне пессимистична, так как человек в ней занимает чрезвычайно слабую позицию – он считает себя свободным, но таковым не является. На этом можно было бы закончить рассуждения, однако Шопенгауэр не так строг к человеку, как может показаться, он предлагает решение из этого вечного круговорота страданий.

¹ Х. Вольф формулирует закон достаточного основания следующим образом: «Nihil est sine ratione cur potius sit (Ничто не существует без основания того, почему оно есть)» (Шопенгауэр, 1993: 10).

В конце своей работы «О свободе воли» Шопенгауэр высказывает «высшую точку зрения», благодаря которой человеку дана возможность постичь истинную моральную свободу. Этот факт сознания двойственен: во-первых, это твердое чувство ответственности за свои поступки, и во-вторых, это вменяемость поступков, осознание того, что только ты являешься их автором. Способность принятия факта совершения действия личностью без нужды оправдывать его какими-либо внешними факторами – это свидетельство свободы. Тогда как отдельные поступки человека наступают со строгой необходимостью, характер его врожден и неизменен. Свобода может быть найдена во всем бытии и существе человека. Тогда как мир опыта подчинен закону *operari sequitur esse*, свобода содержится в *esse*. Все это говорит о том, что Шопенгауэр не исключает свободу, а лишь перемещает ее из области поступков в сферу высшую, трансцендентальную. Можно ли сказать, таким образом, что Шопенгауэр решает спор о свободе воли в условиях действия закона основания или нет – еще один важный вопрос. С одной стороны, он решительно отвергает свободу воли, приводя ряд логических аргументов в пользу ее невозможности, с другой – Шопенгауэр не оставляет в стороне моральность субъекта и его способность прийти к свободе воли посредством осознания собственной ответственности и вменяемости поступков. Пассивность человека, его подчиненность воле, отсутствие инициативы к действию – это то, что, по мнению Шопенгауэра, каждый может в себе преодолеть, если направит свой взор не во вне, а внутрь своего существа. Человек может достичь свободы воли. Философия Шопенгауэра не пессимистична по своей сути, она лишь подчеркивает, что пессимист – это «человек без духовных потребностей» (Шопенгауэр, 1992: 479).

В философии от Лейбница до Шопенгауэра закон достаточного основания представлял один из наиболее важных принципов философии, и мыслители пытались сохранить свободу, не отказываясь от закона основания. Распространение закона достаточного основания на всю сферу бытия ставило свободу под сомнение, но и отказаться от него тоже не представлялось возможным. В учении Лейбница закон достаточного основания не теряет своей роли до последних строк его философских трудов, Лейбницу не приходится отказываться от него, чтобы «спасти» свободу субъекта, он лишь последовательно и сообразно с другими принципами своей системы вводит различие видов закона достаточного основания, относящихся к сфере истин сущности и истин существования. Свобода Лейбница, на его взгляд, является совершенно обоснованной и не противоречащей своему определению, однако существует и традиция резкой критики обоснования свободы Лейбницем. Кант предпринял попытку ограничения сферы действия закона достаточного основания, так как осознавал важность спасения свободы и конкретизации области действия закона основания. Вслед за Кантом Шопенгауэр разделяет мир на две противопоставленные сферы, чтобы сохранить свободу, выражаемую им как свобода воли. Шопенгауэр не исключает свободу, а лишь перемещает ее из области поступков в сферу высшую, трансцендентальную. Однако ему тоже приходится отказаться от закона достаточного основания, чтобы спасти свободу.

Конечная точка рассуждения о свободе и сфере применения закона достаточного основания, можно сказать, не найдена и по сей день – ведь за одним обоснованным и неоспоримым утверждением следует новая череда критики и опровержений, и так снова и снова. Однако этот факт лишь подтверждает важность исследования вопроса свободы и закона основания в историко-философской науке, он может способствовать открытию тайн, лежащих за пределами уже исследованных вопросов и глубокому пониманию того, как возможна взаимосвязь этих категорий.

Список источников:

- Быховский Б.Э. Шопенгауэр. М.: Мысль, 1975. 206 с.
 Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 375 с.
 Кант И. Новое освещение первых принципов метафизического познания // Собрание сочинений: в 8 т. М., 1994. Т. 1. 544 с.
 Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах / ред. и сост., авт. вступит. ст. и примеч. В.В. Соколов; перев. Я.М. Боровского и др. М., 1982. Т. 1. 636 с.
 Псху Р.В. Ситуативная герменевтика как историко-философский метод исследования восточных философских текстов: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2017. 289 с.
 Шопенгауэр А. О свободе воли // Свобода воли и нравственность. М., 1992. 448 с.
 Шопенгауэр А. О четвероюм корне закона достаточного основания // О четвероюм корне... Мир как воля и представление. Критика Кантовской философии: в 2 т. М., 1993. Т. 1. 672 с.

References:

- Bykhovsky, B.E. (1975) *Schopenhauer*. Moscow, Mysl. (In Russian)
 Deleuze, J. (2015) *Lektsii o Leibnitse* [Lectures on Leibniz]. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian)
 Kant, I. (1994) *Novoe osveshchenie pervykh printsiptov metafizicheskogo poznaniya* [New Coverage of the First Principles of Metaphysical Cognition]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow, Choro. (In Russian)

- Leibniz, G.V. (1982) *Sochineniya v chetyrekh tomakh: T. 1* [Essays in four volumes: Vol. 1]. Moscow, Mysl. (In Russian)
- Pskhu, R.V. (2017) *Situativnaya hermenevtika kak istoriko-filosofskii metod issledovaniya vostochnykh filosofskikh tekstov* [Situational Hermeneutics as a Historical-Philosophical Method of the Study of Oriental Philosophical Texts]. Moscow. (In Russian)
- Schopenhauer, A. (1993) O chetveroyakom korne zakona dostatochnogo osnovaniya [On the Fourfold Root of the Principle of Sufficient Reason]. In: Schopenhauer, A. *O chetveroyakom korne... Mir kak volya i predstavlenie. Kritika Kantovskoi filosofii. T. 1* [On the Fourfold Root... The World as Will and Representation. Criticism of Kant's Philosophy. Vol. 1]. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Schopenhauer, A. (1992) O svobode voli [About Freedom of Will]. In: Schopenhauer, A. *Svoboda voli i npravstvennost'* [Freedom of Will and Morality]. Moscow, Respublika. (In Russian)

Информация об авторе

П.М. Свиридова – лаборант-исследователь Центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» Российского университета дружбы народов, Москва, Россия.

Information about the author

P.M. Sviridova – Research Assistant, Centre for Philosophy and Cultural Studies of India "Purushottama", Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.05.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 72–75.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 72–75.

Научная статья

УДК 177

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.11>

Проблема совести в произведениях Ф.М. Достоевского

Мадина Султановна Тарамова

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный, Россия,
madina763@mail.ru

Аннотация. В статье предложен анализ проблемы совести в творчестве великого русского писателя и мыслителя Ф.М. Достоевского. Используются логические методы анализа и синтеза объемного материала, позволившие судить о глубине отклика проблемы совести в русской литературной и философской мысли; феноменологический метод, который обеспечил понимание совести как феномена, актуального для человеческого бытия и прослеживаемого не только в актах сознательного осмысления, но и в бессознательной интенции человека реализовать свою человеческую сущность. Цель статьи заключается в исследовании проблемы совести в произведениях русского писателя и мыслителя Ф.М. Достоевского. Новизна работы состоит в том, что в ней обобщен широкий пласт идей толкования совести в философско-художественном опыте писателя, отражающий не только амбивалентность, но и противоречивость нравственного сознания современного ему общества. Сделан вывод о том, что проблема совести в литературных произведениях Ф.М. Достоевского – это индивидуальная проблема религиозно-нравственного сознания каждого индивида в условиях онтологической динамики человеческой сущности.

Ключевые слова: совесть, нравственные идеалы, духовность, вера, человек, добродетель, свобода, мораль

Для цитирования: Тарамова М.С. Проблема совести в произведениях Ф.М. Достоевского // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 72–75. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.11>.

Original article

The Problem of Conscience in the Works of F.M. Dostoevsky

Madina S. Taramova

Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny, Russia, madina763@mail.ru

Abstract. The article analyses the problem of conscience in the work of the great Russian writer and thinker F.M. Dostoevsky. Logical methods of analysis and synthesis of volumetric material were used, which allowed to judge the depth of response of the problem of conscience in Russian literary and philosophical thought; phenomenological method, which provided understanding of conscience as a phenomenon, relevant for human being and traceable not only in acts of conscious comprehension, but also in the unconscious intention of man to realize his human essence. The aim of the article is to examine the problem of conscience in the works of the Russian writer and thinker F.M. Dostoevsky. The novelty of the work lies in the fact that it generalizes a wide range of ideas of the interpretation of conscience in the philosophical and artistic experience of the writer, reflecting not only ambivalence, but also the contradiction of the moral consciousness of modern society. Conclusion is drawn that the problem of conscience in the literary works of F.M. Dostoevsky is an individual problem of religious and moral consciousness of each individual in the context of the ontological dynamics of human essence.

Key words: conscience, moral ideals, spirituality, faith, man, virtue, freedom, morality

For citation: Taramova, M.S. (2022) The Problem of Conscience in the Works of F.M. Dostoevsky. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 72–75. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.11](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.11) (In Russian).

Огромный вклад в развитие духовно-нравственного потенциала человека внес великий русский мыслитель Федор Михайлович Достоевский. В своих работах он изучал природу нравственных идеалов, анализировал вечные темы человеческого бытия. Освещая важнейшие проблемы философского характера, вопросы веры, нравственности и совести, писатель стремился постичь всю духовную глубину человека, исследуя самые скрытые уголки его сознания.

Проблема совести в произведениях Ф.М. Достоевского является предметом философского анализа многих исследователей. Например, И.Г. Шарков и Л.Г. Симонян отмечают, что религиозное сознание писателя определяет его философское творчество, поэтому нравственные про-

блемы человека анализируются им в религиозном контексте. «Ф.М. Достоевский является христианским автором, прежде всего потому, что он, как мало кто из писателей, творит по образу и подобию Божию» (Шарков, Симонян, 2017: 298). Действительно, писатель был убежден в том, что нравственное восстановление человека и общества в целом невозможно без Бога, поскольку без веры человек превращается в дьявола.

По мнению И.А. Зеткиной, вера и любовь у Ф. Достоевского способствуют духовно-нравственному формированию человека (Зеткина, 2001: 108).

В.В. Варава утверждает, что вера не может быть источником чистой морали, пока она не испытана совестью (Варава, 2019: 27).

С точки зрения С.В. Герасимовой, совесть в творчестве Ф. Достоевского выступает символом высшей сущности человека. В литературных сюжетах классика демонстрируется готовность главных героев преодолеть свои низменные стремления и поступить по совести (Герасимова, 2018: 241).

Д.О. Томпсон, анализируя соотношение совести и сознания в творчестве Ф.М. Достоевского, отмечает, что совесть – абсолютный неизменный нравственный закон, в то время как сознание со временем может менять свое содержание. «Сознание – историческое явление, его содержание изменяется от эпохи к эпохе, а совесть – категория постоянная и свидетельствует о вечных истинах» (Томпсон, 1998: 365).

Похожей точки зрения придерживается и Т.А. Дронова, отмечая, что «совесть – отчетливое понятие вневременной категории, посредством которой формируется внутренняя убежденность человека в том, что является добром и злом» (Дронова, 2007: 201).

О.А. Бокова рассматривает совесть как значимый концепт русской культуры. С ее точки зрения, Ф. Достоевский, несмотря на тревожащие его изменения в обществе, в котором разворачиваются нравственные идеалы, верит в силу совести как вечной истины (Бокова, 2013: 9).

По мнению Е.А. Прибытковой, бытие совершенного общества невозможно без свободного духовного преображения человека и принятия им ответственности за себя и других (Прибыткова, 2013: 135).

Ф.М. Достоевский рассматривает нравственное поведение как веление долга, так как совесть абсолютна свободна. Разрыв между желаниями и душевными нравственными устремлениями человека, исходящими из совести, способен заглушить ее голос. Теоретические побуждения в итоге трансформируются в глубокое чувство и имитируют голос совести. Нравственное разложение подобного рода возникает во времена революций, причем под особой угрозой находится молодое поколение. Мыслитель полагает, что вместе с совестью должен действовать и другой регулятор, посредством которого возможно оценить нравственные установки человека. Такой регулятор проявляется в особых фактах нравственного существования, в великих людях, в религиозных откровениях. Без веры рассудок извратит совесть, что может привести к разрушительным результатам. Ф.М. Достоевский писал: «Я хочу не такого общества научного, где я не мог бы делать зла, а такого именно, чтоб я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам»¹.

В сущности человека он отмечает двойственную природу: в одной и той же душе борются два начала – доброе и злое. Достоевский утверждал, что если внутри человека существует Бог, то он ведет праведный образ жизни, если же там обитает дьявол, то человек разворачивается до состояния животного. Большая часть людей пребывает в нестабильном состоянии между духовностью и низменными инстинктами, занимая середину между святостью и низостью. Поиск внутри себя Бога обусловлен для писателя духовной потребностью и экзистенциальной верой человека, поскольку Достоевский стремился разгадать тайну бытия человека, жизни и смерти. В своих произведениях он демонстрирует персонажей, сущность которых зло раскалывает, что реально только когда среди качеств личности преобладает гордыня.

В романах Ф.М. Достоевского многие персонажи могут самостоятельно оценивать низость своих поступков и способны искренне стыдиться их. Писатель хотел, чтобы люди научились уважать себя не только за ум, но и за честность². Чтобы оценивать свое существование по совести, необходимо мужество, некоторые герои не способны не грешить, но смелы настолько, чтобы осмысленно отказаться от жизни по совести. Но именно через осознание своей духовной низости они приходят к раскаянию, воспринимая моральное падение не как унижение перед Богом и собственной совестью, а как унижение перед другими людьми.

¹ Достоевский Ф.М. Возвращение человека. М., 1989. С. 286.

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1980. Т. 21. Дневник писателя, 1873 : статьи и заметки, 1873–1878. С. 299.

Как отмечает Л.И. Сорочик, писатель в любой своей работе доказывает, что дьявол существует, что в свою очередь доказывает и бытие Бога, а любовь к Богу и к ближнему – это духовно-нравственная основа личности (Сорочик, 2010: 294).

Ф.М. Достоевский отвергает просветительский взгляд на индивида как на существо рассудочное и говорит о моральной нищете людей, абсолютизирующих разум. Мораль писателя заключается в преодолении индивидом в себе гордости и самомнения. Он показывает, как гордыня контролирует душу человека, отделившегося от Бога. Например, «Преступление и наказание» остро ставит проблему совести, позволяет понять во всей полноте внутреннее состояние главного героя до и после убийства. Полное ожесточение души Раскольникова демонстрируется при его отказе от милостыни, что знаменует собой отвержение им закона любви, объединяющего людей. Идея убийства возникает у главного героя в момент переживания ощущения замкнутого одиночества. Он считает, что такой человек, как он, не похожий на других, имеет право по совести убивать, если этого требует идея общего блага. Помимо этого он нарушает еще одну заповедь, желая быть похожим на Наполеона, кумира его современников, и такими доводами он заглушает в себе голос совести. Из не до конца оформленных мыслей героя выделяется идея, связанная с искаженным пониманием совести. Согласно ей убийство ростовщицы не грех, а гуманный поступок, который облегчит жизнь многим. Но эти доводы разрушаются после второго убийства. Душевные страдания заставляют Раскольникова сознаться в содеянном и взять на себя ответственность за грех. Таким образом, герои Достоевского ищут спасения не в уклонении от самого наказания, а в поиске выхода из духовно-нравственного тупика (Барабаш, 2016: 75). После убийства духовные муки главного героя становятся невыносимыми. Задача совести заключается в том, чтобы убийца раскаялся ради собственного спасения.

Согласно убежденности главного героя человек способен дать своей совести такие рациональные мотивы, что она одобрит всякий поступок. Если положить некую идею, по его мнению, в основание своего действия, можно создать собственные нравственные идеалы, на которые совесть будет ориентироваться. Разумеется, в некоторых условиях человек способен выдумать такую мысленную систему, согласно которой можно оправдать многое. Вся история человечества с бесконечными войнами, переворотами и революциями изобилует примерами такой удобной морали.

Глубина произведения заключается не только в раскрытии совестных процессов, но и в убежденности автора, что вера может исцелить совесть главного героя, ведь его искреннее покаяться начинается с прочтения Евангелия.

По мнению Л.В. Уманцевой, нравственный урок данного произведения заключается в том, что каждый сам решает, быть ему чистым в своих помыслах или зависеть от пороков (Уманцева, 2016: 1048).

Высказывая свою точку зрения, писатель пытался не нарушить свободу личности, понимая, что каждый должен прийти к истине сам. В нравственной трансформации индивида он усматривал сущность человеческой истории и смысл бытия.

Достоевский выступал противником вульгарно-социологического позитивизма, который считает человека полностью лишь продуктом социальной среды, ведь в такой системе отсутствуют понятия совести, долга и чести. Он резко критиковал объяснение злодеяния как закономерного следствия общественного неравенства, что снимает с личности всю ответственность за совершенное. По его мнению, постоянная заикленность на материальной выгоде уничтожает все лучшие качества человека, его нравственные идеалы. Истинно свободным является человек, освобожденный от собственных эгоистичных желаний.

Таким образом, совесть постоянно переосмысливается в свете нового опыта конкретной исторической эпохи, но продолжает торжествовать, определяя судьбы главных героев в произведениях великого классика. В сознании писателя концепт «совесть» выступает как уникальное понятие духовной культуры, отражающее специфику русского национального характера. Искажение традиционных национальных понятий и нравственных идеалов стало причиной переосмысления мыслителем вечных ценностей.

Сила философской системы Ф.М. Достоевского заключается в том, что он своим творчеством продемонстрировал невозможность нравственного бытия без веры, поэтому проблема совести как нравственного выбора в его произведениях решается исключительно посредством духовного совершенствования.

Список источников:

- Барабаш Н.А. Нравственный закон сохранения любви // Вестник ВГИК. 2016. № 2 (28). С. 71–83.
 Бокова О.А. Концепты «совесть» и «любовь» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Philologos. 2013. № 16 (1). С. 5–12.
 Варава В.В. Взаимоотношения веры и совести как проблема нравственной философии // Проблема «свобода vs. ответственность» в философско-богословском и психологическом дискурсах современности. М., 2019. С. 16–28.

- Герасимова С.В. Философия совести в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур. Симферополь, 2018. С. 240–243.
- Дронова Т.А. Совесть как психологический феномен сознания // Мир психологии. 2007. № 2 (50). С. 121–127.
- Зеткина И.А. Вера как неперенное условие воспитания по Ф.М. Достоевскому // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 106–109.
- Прибыткова Е.А. Ф.М. Достоевский как родоначальник религиозно-нравственной традиции в русской философии права // Соловьевские исследования. 2013. № 1 (37). С. 123–139.
- Сорочик Л.И. Ф.М. Достоевский о влиянии естественного, социального и духовного на нравственное состояние и поступки человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2010. № 1. С. 275–295.
- Томпсон Д.О. Проблемы совести в «Преступлении и наказании» // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 363–373.
- Уманцева Л.В. Уроки нравственности по Ф.М. Достоевскому // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 1045–1049.
- Шарков И.Г., Симонян Л.Г. «Духовное христианство» в идейно-философской мысли Ф.М. Достоевского // Аллея науки. 2017. Т. 1, № 10. С. 296–299.

References:

- Barabash, N.A. The Moral Law of Love Conservation. *Vestnik VGIK*. (2 (28)), 71–83 (in Russian).
- Bokova, O. A. (2013) The Concepts «Consciousness» and «Love» in Dostoevskiy's Novel «Idiot». *Filologos*. (16 (1)), 5–12 (in Russian).
- Dronova, T. A. Conscience as a Psychological Phenomenon of Consciousness. *Mir psikhologii*. (2 (50)), 121–127 (in Russian).
- Gerasimova, S. V. (2018) *Filosofiya sovesti v «Brat'yakh Karamazovykh» F.M. Dostoevskogo* [Philosophy of Conscience in The Brothers Karamazov by F.M. Dostoevsky]. In: *Dialog kul'tur. Teoriya i praktika prepodavaniya yazykov i literatur*. Simferopol, pp. 240–243 (in Russian).
- Pribytkova, E. A. (2013) F. M. Dostoevskii kak rodonachal'nik religiozno-nravstvennoi traditsii v russkoi filosofii prava [F.M. Dostoevsky as the Founder of the Religious and Moral Tradition in the Russian Philosophy of Law]. *Solov'evskie issledovaniya*. (1 (37)), 123–139 (in Russian).
- Sharkov, I. G. & Simonyan, L. G. (2017) «Dukhovnoe khristianstvo» v ideino-filosofskoi mysli F.M. Dostoevskogo [«Spiritual Christianity» in the Ideological and Philosophical Thought of F.M. Dostoevsky]. *Alleya nauki*. 1 (10), 296–299 (in Russian).
- Sorochik, L. I. (2010) F.M. Dostoevskii o vliyaniy estestvennogo, sotsial'nogo i dukhovnogo na нравственное состояние i postupki cheloveka [F.M. Dostoevsky on the Impact of the Natural, the Social and the Spiritual on the Human Moral State and Acts]. *Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke*. (1), 275–295 (in Russian).
- Tompson, D. O. (1998) Problems of Conscience in «Crime and Punishment». *Problemy istoricheskoi poetiki*. (5), 363–373 (in Russian).
- Umanceva, L. V. (2016) Lessons of Morality by F. Dostoevsky. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii*. (5), 1045–1049 (in Russian).
- Varava, V. V. (2019) The Relationship of Faith and Conscience as a Problem of Moral Philosophy. In: *Problema «svoboda vs. otvetstvennost'» v filosofsko-bogoslovskom i psikhologicheskom diskursakh sovremennosti*. Moscow, pp. 16–28 (in Russian).
- Zetkina, I. A. (2001) Vera kak nepremennoe uslovie vospitaniya po F.M. Dostoevskomu [Faith as an Indispensable Condition of Education According to F.M. Dostoevsky]. *Integratsiya obrazovaniya*. (1), 106–109 (in Russian).

Информация об авторе

М.С. Тарамова – преподаватель кафедры философии Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, Грозный, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=954762.

Information about the author

M.S. Taramova – Lecturer, Department of Philosophy, Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=954762.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.05.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 76–79.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 76–79.

Научная статья

УДК 930

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.12>

Значение исторического факта как элемента самобытности России

Ирина Валерьевна Хвощевская

Центр опережающей профессиональной подготовки, Великий Новгород, Россия,
rosfarm@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования в настоящей статье является проблематика исторического факта, его истинности и значения при изучении культурной самобытности России. Научная новизна исследования заключается в том, что исторический факт в данной статье представлен в качестве абстрактной категории, которая определяется только тогда, когда субъект определения данного факта наделяет его таковыми свойствами. Одним из утверждений автора является то, что исторический факт сам по себе не может быть определен с объективной точки зрения, а также не может быть исследован с позиции материализма. Однако в контексте обобщенного представления исторический факт является некой общепринятой формой истины, оказывающей влияние на становление самобытности в нашей стране. В статье использовались общенаучные методы – компаративистский, дедукции и индукции, анализа и синтеза; в основу исследования легли работы ученых из различных областей научных знаний, в том числе теории и истории культуры.

Ключевые слова: исторический факт, историческое исследование, значение, объекты, свойства, отношения, процессы, объективность, самобытность, культура

Для цитирования: Хвощевская И.В. Значение исторического факта как элемента самобытности России // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 76–79. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.12>.

Original article

The Significance of a Historical Fact as an Element of Russia's Identity

Irina V. Khvoshchevskaya

Advanced Professional Training Center, Veliky Novgorod, Russia, rosfarm@yandex.ru

Abstract. The subject of research is the problematics of the historical fact, its genuineness and significance in the study of the cultural identity of Russia. The scientific novelty of the study lies in the fact that the author presents historical fact as an abstract category, which is determined only when the subject of the definition of this fact endows it with such properties. One of the author's statements is that the historical fact itself cannot be determined from an objective point of view, and cannot be studied from the standpoint of materialism. However, in the context of a generalized representation, a historical fact is some common form of truth that influences the formation of identity in our country. The author uses such general scientific methods as comparative, deduction and induction, analysis and synthesis. The study was based on the work of scientists from various fields of scientific knowledge, including the theory and history of culture.

Keywords: historical fact, historical research, meaning, objects, properties, relations, processes, objectivity, originality, culture

For citation: Khvoshchevskaya, I.V. (2022) The Significance of a Historical Fact as an Element of Russia's Identity. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 76–79. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.12](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.12) (In Russian).

Все больше внимания при изучении становления самобытности страны ученые из разных областей уделяют историческому факту. Исторический факт можно рассмотреть как факт о прошлом, дающий ответ на главный исторический вопрос о том, что было в тот или иной момент развития страны¹. Однако помимо простого перечисления событий в хронологическом порядке, историки пытаются выяснить, почему события произошли, какие обстоятельства способствовали их возникновению, какие последствия они имели, и как их интерпретировали современники тех событий, тем самым давая ответ на главный вопрос – каким образом формировалась самобытная культура России и ее идентичность.

¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. 486 с.; Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. 2-е изд. М., 2004. 305 с.

Общая часть. При изучении данной проблематики ученые, а в особенности историки, сравнивают факты из самых разных источников, ища общие элементы, подтверждающие правдоподобную версию. Рассказы сравниваются с археологическими находками. Хотя данные науки не относятся к точным, совершенствование техники и технологий за эти годы позволило ученым все более и более убедительно обосновывать свои отчеты о прошлом¹.

Несмотря на это, исторические отчеты все равно вызывают разногласия, связанные с тем, что точный исторический факт трудно получить по разным причинам. Большая часть информации о прошлом была утеряна. Так, исследователь М.М. Кром отмечает, что у многих культур богатая устная история, однако письменных подтверждений зачастую не имеется. При устной передаче из поколения в поколение происходит естественная потеря смысловой информации, так как каждый человек в цепочке передает свою интерпретацию того или иного исторического события (Кром, 2018; Ракитов, 1982; Савельева, Полетаев, 2003). Однако даже при наличии письменной истории тексты приходилось копировать вручную, что также давало возможность для ошибок или искажения информации. Часть информации можно отнести к пропаганде, практически не содержащей правды. Даже подлинные документы о тех или иных исторических событиях могут быть непонятны или противоречить другим источникам. Эти и другие факторы приводят к значительной неопределенности в отношении исторических данных, что позволяет интерпретировать историю с разных позиций.

Одна из основных проблематик в понимании «исторического факта» состоит в самом понимании факта как общенаучного термина. В данном случае мы можем видеть значение понятия «факт» в разных смысловых вариантах. Мы можем понимать под фактами то, что происходило случайно, либо же, наоборот, преднамеренно² (Покровский, 1967). Данное утверждение имеет особую важность в аспекте рассмотрения значения исторического факта с позиции изучения культуры. В том случае, когда события равны фактам или состоят из фактов, мы можем говорить, что причинность – это соотношения между фактами. Однако при нетождественности можно сказать, что причинность вызвана отношением между событиями и состояниями.

Предположение, что факты образуют вполне единое целое, влияющее на становление самобытной истории нашей страны, является на сегодняшний день актуальным и принимается многими исследователями. И здесь нам встречаются такие понятия, как «качественные» и «некачественные» факты. К. Бекер определяет качественные факты как факты, которые не относятся к каким-либо конкретным людям, и в то же время все основные факты, составляющие вселенную, являются качественными, а индивидуалистические факты являются «некачественными» (Becker, 1955).

Важным вопросом остается вопрос об объективности прошлого, являющегося частью культурного наследия страны: есть ли у нас основания утверждать, что события или обстоятельства в прошлом объективны, имеют четкие характеристики и не зависят от нашего представления о данных исторических фактах. В данном случае нам нужно максимально тщательно проработать данный вопрос, признав различие между объективностью прошлых событий, объективностью современных фактов, возникших в результате этих прошлых событий, и объективностью и неизменностью больших исторических сущностей.

События в прошлом происходили под действием различных факторов, это могли быть, например, засухи, войны, возникновение новых технологий и множество других. Эти события оставили различные информативные следы, которые дают нам рациональную основу для убеждений о событиях прошлого (Fischer, 1970). Однако объективность данных событий не всегда безгранична.

Исторические факты могут играть важную роль в других видах конфликтов, которые, в свою очередь, оказывают значительное влияние на становление самобытности, например, в затяжных международных конфликтах из-за территории. Ярким примером этого является палестино-израильский конфликт: у каждой стороны своя версия истории региона, и соответствующие версии отражены в риторике каждой стороны.

Историческая полемика все чаще в настоящее время выступает как фактор зарождения конфликта, когда каждая сторона придерживается своих собственных убеждений, влияющих на то, как сторонники конфликтных ситуаций понимают прошлое. Зачастую данные, не всегда объективные мнения, повторяются и распространяются в форме «истинного» исторического факта, что часто еще сильнее усиливает конфликт сторон. В сложившейся ситуации становится все труднее выявить подлинные исторические факты, зачастую полностью заменяющиеся пропагандой, что приводит к невозможности решения конфликта между обеими сторонами (Мейер, 2003).

¹ Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. 192 с.

² Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории: Учеб. пособие. М., 1989. 175 с.

Иногда в конфликт включены дебаты по вопросу того или иного исторического факта, не зависимо от того, реальное это событие или вымышленное, что позволяет разрешить конфликтную ситуацию. Поиск фактов может помочь выявить важную историческую информацию, которая и помогает разрешить конфликт¹. Мы еще раз можем сказать, что историческое исследование не относится к точной науке, и поиск исторических фактов страдает именно от неоднозначности информации. Зачастую понять, что произошло на самом деле, может быть невозможно. Таким образом мы можем отнести конфликты, которые имеют свою цену и значимость, к элементам исторического факта, влияющим на становление культурной самобытности и идентичности страны. Важным моментом при изучении влияния исторического факта на культуру является то, что потери (человеческие жизни, экономические и другие ресурсы) не могут быть восстановлены, однако возможно избежать именно будущих потерь, учитывая опыт, основанный на исторических фактах (Carr, 1961). Зачастую именно используя исторический опыт, помня о преступлениях прошлого, мы можем избежать последствий в настоящем. Данные знания о преступлениях прошлого имеют огромное значение для современного поколения, обязанностью которого должно быть предотвращение будущих конфликтов. Требуется ли «правда и примирение» большего, чем просто признание неприглядной правды о прошлом? Требуется ли это того, чтобы мы действовали по-разному, индивидуально и коллективно? Конечно, трагическая и непреложная реальность человеческого состояния состоит в том, что прошлое нельзя изменить; убитый не может остаться неубитым, а главные виновники ужасных преступлений в течение нескольких поколений, безусловно, находятся вне досягаемости правосудия.

Наше будущее условно, а прошлое фиксировано, однако знание правды о нашем прошлом для нас является обязанностью – важно учиться на этих трагических человеческих поступках, где знание истории, самобытности, культуры своей страны может помочь нам стать более чуткими, справедливыми и дальновидными.

Заключение. Таким образом, исторические факты, возможно, подходят для того, чтобы играть роль того, что делает суждения правильными, а предложения истинными, но теория правильности и истины не требует от нас признания фактов. Представление о том, что факты делают предложения или другие носители истины истинными, является одной из многих теорий установления истины. Один центральный выбор в рамках теории создателей истины – это выбор между принятием и отказом от максимализма создателей истины. Максимализм создателей истины – это точка зрения, согласно которой у каждой истины есть свой создатель. Фактуалистический истинотворческий максимализм утверждает, что всякая истина делается фактом (Munslow, 2000). Зачастую факты формируют суждения, что может сделать их правильными. Данное утверждение позволяет сделать нам ключевой вывод нашего исследования, заключающийся в том, что любой исторический факт оказывает неотъемлемое влияние на становление культурной самобытности страны и требует особого подхода при его изучении.

Список источников:

- Кром М.М. Что такое исторический факт? Эволюция представлений об основной категории исторического познания // Вестник Пермского университета. История. 2018. №4 (43). С. 5–14. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2018-4-5-14>.
 Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования // Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки. М., 2003. С. 142–200.
 Покровский М.Н. Избранные произведения в 4 кн. Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1967. 671 с.
 Ракилов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982. 303 с.
 Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. 632 с.
 Becker C. What are Historical Facts? // *The Western Political Quarterly*. 1955. Vol. 8, No. 3. P. 327–340. <https://doi.org/10.2307/442890>.
 Carr E. H. What is History? New York, 1961. 209 p.
 Munslow A. *The Routledge Companion to Historical Studies*. London; New York, 2000. 271 p.

References:

- Becker, C. (1955) What are Historical Facts? *The Western Political Quarterly*. (8: 3). 327–340. Available from: doi:10.2307/442890.
 Carr, E.H. (1961) What is History? New York: Vintage Books.
 Krom, M.M. (2018) What is a historical fact? The evolution of perception of a basic category of historical knowledge. *Perm university herald. History*. (4). 5–14. Available from: doi:10.17072/2219-3111-2018-4-5-14. (In Russian)
 Meyer, E. (2003) Teoreticheskiye i metodologicheskiye voprosy istorii. *Filosofsko-istoricheskiye issledovaniya* [Theoretical and methodological issues of history. Philosophical and historical research]. In: E. Meyer. *Trudy po teorii i metodologii istoricheskoy nauki* [Proceedings on the theory and methodology of historical science]. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii. P. 142–200. (In Russian)

¹ Могилицкий Б.Г. Введение в методологию истории: Учеб. пособие. М., 1989. 175 с.

- Munslow, A. (2000) The Routledge Companion to Historical Studies. London; New York: Routledge.
- Pokrovsky, M.N. (1967) Izbrannyye proizvedeniya v 4 kn. Kn. 3. Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke [Selected works in 4 books. Book. 3. Russian history in the most concise essay]. Moscow: Mysl'. (In Russian)
- Rakitov, A.I. (1982) storicheskoye poznanie: Sistemno-gnoseologicheskoy podkhod [Historical knowledge: Systemic-epistemological approach]. Moscow: Politizdat. (In Russian)
- Savelyeva, I.M., Poletaev, A.V. (2003) Znaniye o proshlom: teoriya i istoriya: v 2 t. T. 1: Konstruirovaniye proshlogo [Knowledge of the past: theory and history: in 2 vols. Vol. 1: Designing the past]. St. Petersburg: Nauka. (In Russian)

Информация об авторе

И.В. Хвощевская – директор, Центр опережающей профессиональной подготовки, Великий Новгород, Россия.

Information about the author

I.V. Khvoshchevskaya – Director, Advanced Professional Training Center, Veliky Novgorod, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.06.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 80–83.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 80–83.

Научная статья

УДК 316.334.3

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.13>

Социальное проектирование как механизм построения эффективной системы местного самоуправления

Софья Юрьевна Балакирева

Филиал Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
в г. Новокузнецке, Новокузнецк, Россия, Balakirevas@mail.ru

Аннотация. Местное самоуправление рассматривается как динамичная социальная система, направленная на удовлетворение основных жизненных потребностей населения определенной территории. Доказывается, что возникающие в процессе развития системы отношения делают её зависимой от окружающего мира, заставляют приспосабливаться к нему, вступать во множество социальных взаимодействий, что приводит к трансформации системы, потере её эффективности. Делается вывод о том, что в настоящий момент созрела потребность в новом управленческом мировоззрении. Специфика местного самоуправления как социального объекта потребовала новых, концептуальных основ построения эффективной системы, реализующей принципы демократии и формирующей гражданское общество. В качестве возможного концептуального инструмента, обеспечивающего решение данной задачи, выступает социальное проектирование как процесс по созданию идеального объекта – модели, материализующейся впоследствии в формах социальной жизнедеятельности.

Ключевые слова: социальное проектирование, модель, система, местное самоуправление, социальные изменения, процессуальные трансформации, факторы, механизм реализации

Для цитирования: Балакирева С.Ю. Социальное проектирование как механизм построения эффективной системы местного самоуправления // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 80–83. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.13>.

Original article

Social Design as a Mechanism of Building an Effective System of Local Self-government

Sofya Yu. Balakireva

Branch of T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University in Novokuznetsk,
Novokuznetsk, Russia, Balakirevas@mail.ru

Abstract. Local self-government is considered as a dynamic social system aimed at meeting the basic living needs of the population of a certain territory. It is proved that the relationships that arise during the development of the system make it dependent on the surrounding world, force it to adapt to it, enter into many social interactions, which leads to the transformation of the system, the loss of its effectiveness. It is concluded that at the moment there is a need for a new managerial worldview. The specifics of local self-government as a social object required new, conceptual foundations for building an effective system that implements the principles of democracy and forms a civil society. As a possible conceptual tool that provides a solution to this problem, social design acts as a process for creating an ideal object – a model that subsequently materializes in the forms of social life.

Keywords: social design, model, system, local self-government, social changes, procedural transformations, factors, implementation mechanism

For citation: Balakireva, S.Yu. (2022) Social Design as a Mechanism of Building an Effective System of Local Self-government. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 80–83. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.13](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.13) (In Russian).

Введение. Местное самоуправление по своей сути представляет собой сложную динамическую социальную систему, сложившуюся исторически на фоне многовековых российских традиций. В результате развития определился основной её принцип – достижение согласия между интересами государства и населения, а также основная цель – удовлетворение потребностей населения определенной территории.

Достижение указанной цели возможно лишь в случае достаточной обеспеченности необходимыми для этого внешними и внутренними ресурсами, направленными на удовлетворение индивидуальных и коллективных интересов граждан путем принимаемых органами местного самоуправления решений и действий.

Однако возникающие при этом внешние и внутренние ограничения, связанные с недостаточностью собственных ресурсов и определенным уровнем отношений с другими структурами, обуславливают зависимость системы местного самоуправления от окружающего мира, заставляют приспосабливаться к нему, вступать во множество социальных контактов.

Взаимодействие органов местного самоуправления с государством, их определенная система отношений, характеризующаяся патернализмом и жестким подчинением, делает муниципалитет зависимым элементом политической системы. Необходимость реализации экономической и хозяйственной функций, чаще всего при финансовой необеспеченности, предполагает неравноправное взаимодействие с рядом немуниципальных хозяйствующих субъектов. Систематическая обратная связь с общественностью требуется для обеспечения легитимности и доверия к органам местной власти со стороны народа.

Основная часть. В силу такой открытости и зависимости система местного самоуправления подвержена множеству социальных изменений. Она вынуждена приспосабливаться к многообразным переменам, охватывающим как целостную систему, так и её социальную структуру – общности, группы, институты, организации, статусы и роли отдельных личностей, их взаимодействие между собой и с любыми структурными компонентами системы (Кармадонов, Степаненко, 2012).

В процессе функционирования происходит дифференциация системы местного самоуправления, реструктурирование системы, когда ее основные компоненты композиционно реорганизуются (Парсонс, 1996).

Наблюдаются также процессуальные трансформации, когда меняется поведение индивидов и их групп в новых социальных ситуациях либо по-иному выстраивается взаимодействие людей с теми или иными социальными институтами (Щедровицкий, 1981).

Кроме того, некоторая совокупность социальных изменений связана и с трансформацией функций местного самоуправления. Хотя они отличаются, исходя из целеполагания, определенной устойчивостью и стабильностью, системные изменения вносят свои коррективы в их характеристику и реализацию.

И наконец, большую группу социальных переменных составляют социокультурные преобразования, связанные с многоплановым процессом общественной динамики, в ходе развертывания которого меняются ценности, нормы и образцы поведения, то есть основополагающие принципы культуры (Блауберг и др., 1978).

Данные социальные изменения взаимосвязаны друг с другом и своей совокупностью, с одной стороны, воплощают многообразие проявлений общественной динамики, обеспечивающей развитие системы, а с другой – делают её внутренне неустойчивой, что подтверждается уже более чем тридцатилетним реформированием местного самоуправления в России, так и не приведшим к эффективному функционированию данного института.

С начала 1990-х годов осуществляется трансформация системы местного самоуправления. Сложившаяся за данные годы специфика властных отношений привела к ограниченности и условности местной автономии. Наряду с недостаточной дифференциацией компетенций регионального самоуправления и вышестоящего уровня публично-властной системы, ограниченностью местной фискальной автономии, чрезмерным государственным контролем это проявилось в виде слабой гражданской инициативы населения в процессе формирования управления «снизу».

Поправки в законодательные акты (отказ от прямых выборов мэров в пользу их конкурсного отбора; укрупнение муниципальных образований, трансформация понятий городских и сельских поселений и др.) превратили местное самоуправление в муниципальное управление (Забнева, 2021).

В результате избыточное сосредоточение административных ресурсов у власти региональной привело к подавлению экономической самостоятельности муниципальных образований; обусловило перераспределение собственности в пользу финансово-промышленных групп либо непосредственно региональных политических элит, что в свою очередь привело к торможению процесса становления «среднего класса» как ключевого актора гражданского общества.

Полученный опыт достаточно объективно продемонстрировал потребность в новом управленческом мировоззрении. Специфика системы местного самоуправления как социального объекта, многовекторность его развития требуют концептуальных основ построения эффективной системы местного самоуправления, реализующей принципы демократии и формирующей гражданское общество. Возможным концептуальным инструментом, обеспечивающим решение данной задачи, является социальное проектирование (Патрушев, 2008).

Согласно теории В. Розина социальное проектирование – это процесс по созданию идеального объекта, который получает выражение в определенной знаковой форме – модели (Розин, 1984). Она являет собой первичный вид реальности, которой предстоит материализоваться в формах социальной жизнедеятельности. Однако, будучи первичным во временном отношении, смоделированный объект имеет реальную основу, обусловленную реальными факторами.

Именно набор исходных факторов лежит в основе определяющих черт модели местного самоуправления, а также формирует требующийся для его функционирования и развития механизм.

Ключевым является исторический фактор. Именно он, во-первых, позволяет рассматривать генезис идеи самоуправления как системы; во-вторых, дает возможность определить характер тех или иных этапов его развития, выделить их политические, правовые, экономические и социальные особенности; в-третьих, несмотря на радикальную смену парадигм общественного развития, помогает установить общие тенденции функционирования системы местного самоуправления.

Экономический фактор обуславливает право субъекта принимать под свою ответственность экономические решения. Речь идет о праве распоряжаться муниципальной собственностью, финансовыми, экономическими и природными ресурсами, организовывать деятельность хозяйствующих структур, то есть о самостоятельном регулировании экономических отношений на определенной территории.

Политико-правовой фактор позволяет нормировать права местного самоуправления, устанавливать гарантии, определять уровень и меру ответственности органов власти, а также механизмы регулирования и регламентации установленных правовых отношений.

Представление о муниципальном образовании как о территориальной общности, обладающей свойствами относительной завершенности и целостности, характеризующейся едиными интересами населения и социальных групп, сформированными на основе выработанных образов социальной справедливости, обуславливает социокультурный фактор. С ним связана ориентация на широкое привлечение граждан к управлению через общественные структуры и институты демократии. Этот фактор обуславливает овладение идеями самоуправления представителями власти всех уровней и самим населением, отказывающимся от пассивного ожидания в пользу сознательной активности по отношению к жизнедеятельности местного социума.

Данные факторы в совокупности определяют фундаментальные основы модели местного самоуправления. Целевая ее установка определяется как создание условий для жизнедеятельности человека. В таком случае в качестве критериев эффективности могут выступать главные компоненты человеческого потенциала: социально-демографический, социально-экономический и социокультурный (Заславская, 2005).

Социально-демографический потенциал определяется состоянием физического и психического здоровья граждан, их объективными возможностями реализовывать себя в обществе, вести активную, полноценную жизнь, получать необходимые социальные услуги и гарантии; а также сбалансированностью возрастных и гендерных показателей, уровнем и качеством образования граждан.

Социально-экономический потенциал отражает возможности реализации трудовых и интеллектуальных ресурсов населения на той или иной территории. Он складывается из таких показателей, как уровень квалификации и профессионализма экономически активных граждан, уровень и структура их занятости, степень социальной защищенности. Сюда же относятся уровень и качество потребностей и платежеспособного спроса населения на материальные и социальные блага как один из индикаторов эффективности реализации данного потенциала.

Социокультурный потенциал связан с процессом социализации, с качественными характеристиками представленных на территории социальных общностей, со степенью готовности и способности разных групп и слоев к взаимодействию для достижения общих целей. Он отражает и самоорганизационные способности индивидов, уровень их гражданской активности и ответственности, способности к формированию общественно-политических структур. Вовлечение населения в гражданские практики определяет степень развития у них правовой активности, осознание людьми своих прав и свобод, своей индивидуальности, умение защищать свои интересы, что в свою очередь способствует становлению сил, побуждающих к развитию территориальной общности.

Именно полноценная реализация человеческого потенциала выступает в качестве критерия оценки эффективности местного самоуправления.

Заключение. Итак, социальное проектирование дает возможность разработать концептуальную модель эффективного местного самоуправления. В основе ее лежит совокупность исходных факторов. Они определяют специфику, характер и основные черты данной структуры, формируют механизм, под воздействием которого происходит функционирование и развитие местного самоуправления. Обозначенные факторы являются тем фундаментом, на котором при построении модели базируются структурные элементы, обусловленные территориальной спецификой.

В качестве критериев эффективности модели выступают главные компоненты человеческого потенциала: социально-демографический, социально-экономический и социокультурный.

Список источников:

- Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 39–52.
- Забнева Э.И. Специфика национальной модели гражданского общества в ракурсе законодательных изменений // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 3. С. 121–124.
- Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 13–25.
- Кармадонов О.А., Степаненко А.С. Управление социальным изменением: методологический аспект // Дискуссия. 2012. № 8. С. 95–97.
- Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 478–494.
- Патрушев В.И. Основы общей теории социальных технологий. М., 2008. 320 с.
- Розин В.М. Проектирование как объект философско-методологического исследования // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 100–111.
- Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования. М., 1981. С. 193–227.

References:

- Blauberger, I. V., Sadovskii, V. N. & Yudin, E. G. (1978) Filosofskii printsip sistemnosti i sistemnyi podkhod [Philosophical Principle of Consistency and Systematic Approach]. *Voprosy filosofii*. (8), 39–52 (in Russian).
- Karmadonov, O. A. & Stepanenko, A. S. (2012) Governance of Social Change: Methodological Aspect. *Diskussiia*. (8), 95–97 (in Russian).
- Parsons, T. (1996) Funktsional'naya teoriya izmeneniya [Functional Theory of Change]. In: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'. Teksty*. Moscow, pp. 478–494 (in Russian).
- Patrushev, V. I. (2008) *Osnovy obshchei teorii sotsial'nykh tekhnologii* [Fundamentals of General Theory of Social Technologies]. Moscow. 320 p. (in Russian).
- Rozin, V. M. (1984) Proektirovanie kak ob"ekt filosofsko-metodologicheskogo issledovaniya [Design as an Object of Philosophical and Methodological Research]. *Voprosy filosofii*. (10), 100–111 (in Russian).
- Shchedrovitskii, G. P. Printsipy i obshchaya skhema metodologicheskoi organizatsii sistemno-strukturnykh issledovaniy i razrabotok [Principles and General Scheme of Methodological Organization of System-Structural Researches and Development]. In: *Sistemnye issledovaniya*. Moscow, pp. 193–227 (in Russian).
- Zabneva, E. I. (2021) The Specifics of the National Model of Civil Society in the Perspective of Legislative Changes. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya*. (3), 121–124 (in Russian).
- Zaslavskaya, T. (2005) Human Potential in Contemporary Transformation Process. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. (4), 13–25 (in Russian).

Информация об авторе

С.Ю. Балакирева – старший преподаватель филиала Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева в г. Новокузнецке, Новокузнецк, Россия.

Information about the author

S.Yu. Balakireva – Senior Lecturer, Branch of Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev in Novokuznetsk, Novokuznetsk, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 84–87.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 84–87.

Научная статья
УДК 316.77:070.23(1-32)“1941/1945”
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.14>

Трансформация образа Германии как «Другого» в коммуникативной стратегии региональной прессы времен Великой Отечественной войны

Надежда Николаевна Борисенко

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, dysha23@mail.ru

Аннотация. В статье исследована проблематика репрезентации образа одного государства («Другого») в медиапространстве другого. Изучение данной темы способствует анализу этностереотипов, отраженных в прессе, изучению архетипической оппозиции «свой – чужой» в коммуникативном поле печатных СМИ. На примере ведущего краевого издания Ставропольского края – «Ставропольской правды» – рассматривается то, каким образом транслируется в региональной прессе образ другого государства. Выбор Германии как объекта исследования обусловлен исторической ситуацией 1941–1945 гг. Выявлены микро-составляющие, из которых складывается образ страны-агрессора как «Другого» в прессе. Период открытых конфликтных ситуаций, каким является время противостояния России и Германии в ходе Великой Отечественной войны, позволяет понять феномен трансформации образа другого государства в соответствии с коммуникативной стратегией отечественных СМИ, охарактеризовать процесс изменения межгосударственных взаимоотношений между странами, осознать инаковость «Другого».

Ключевые слова: инаковость, концепт «Другой», «свой – чужой», феноменология, экзистенциализм, региональная пресса, Германия, Великая Отечественная война

Для цитирования: Борисенко Н.Н. Трансформация образа Германии как «Другого» в коммуникативной стратегии региональной прессы времен Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 84–87. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.14>.

Original article

Transformation of the Image of Germany as the “Other” in the Communicative Strategy of the Regional Press During the Great Patriotic War

Nadezhda N. Borisenko

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, dysha23@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of representation of the image of one state (the “Other”) in the media space of another. The study of this problem contributes to the analysis of ethnostereotypes reflected in the press, the study of the archetypal opposition “Our-or-the Other” in the communicative field of print media. Using the example of the leading regional publication of Stavropol Territory, Stavropol Pravda, the article examines how the image of another state is broadcast in the regional press. The choice of Germany as an object of research is due to the historical situation of 1941–1945. Micro-components have been identified, which form the image of the aggressor country as the “Other” in the press. The period of open conflict situations, which is the time of confrontation between Russia and Germany during the Great Patriotic War, allows understanding the phenomenon of transformation of the image of another state in accordance with the communicative strategy of domestic media, to characterize the process of changing interstate relations between countries, to realize the otherness of the “Other”.

Keywords: the concept of “Other”, Our-or-the Other, phenomenology, existentialism, regional journalism, Germany, the Great Patriotic War

For citation: Borisenko, N.N. (2022) Transformation of the Image of Germany as the “Other” in the Communicative Strategy of the Regional Press During the Great Patriotic War. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 84–87. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.14](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.14) (In Russian).

Наибольший интерес к разработке концепта «Другой» проявился XX веке в рамках двух философских течений: экзистенциализма, который ставит перед собой вопросы бытия человека, и феноменологии, занимающейся описанием познающего сознания. Так, в экзистенциальной философии концепт «Другой» получает новые трактовки и входит в составную структуру оппозиции «бытие-для-своего – бытие-для-другого» в различных интерпретациях (Sarukkai, 1997).

Настоящее исследование нацелено на типологизацию медиаобраза Германии как «Другого» в региональной прессе Ставрополя.

Доктор политических наук, профессор О.Ф. Русакова использует при описании моделей дискурса исторической политики поляризованную инверсионную модель с одной доминантной версией по схеме «враг (оккупант) – жертва» (Русакова, 2013: 189), что может служить также частью реализации образа Германии как «Другого» в предпринятом нами исследовании.

Образ Германии как «Другого» в «Орджоникидзевской правде» (с 22 января 1943 года – «Ставропольская правда») репрезентуется через несколько составляющих:

- образ врага;
- образ фашистской машины;
- образ немцев под гнётом Гитлера;
- образ фашизма как идеологии;
- сатирический образ Гитлера и его армии;
- образ ослабевающих германских войск.

Еврейский философ-экзистенциалист Мартин Бубер рассматривает «Другого» через понятия «Ты» и «Оно», а также говорит об изначальной открытости человека для «Другого» (Бубер, 1995). В рамках этой концепции можно рассматривать СССР как «Ты», а Германию – как «Оно» соответственно.

В результате анализа публикаций в прессе за 1941–1942 гг. мы выяснили, что репрезентация Германии как «Другого» дифференцируется в прессе в зависимости от фазы взаимоотношений двух государств: в частности, в довоенное время (1 января – 22 июня 1941 г.), на первом этапе Великой Отечественной войны (23 июня 1941 г. – 21 января 1943 г.), в заключительный период противостояния. Если в мирный период создаются преимущественно позитивные или нейтральные образы, связанные с проводимой двумя странами внешней политикой, то на начальном этапе Великой Отечественной войны – уже только негативные («подлый зазнавшийся враг», «фашистская мразь», «фашистская гадина») и уничижительные («фальшивка немецкого командования», «слабость германской стратегии», «немецкой армии не устоять перед русской», «немцы на четвертом году “победоносной” войны вдруг истошно завопили»).

Французский философ Эммануэль Левинас выявил концепцию «Другого» в возвышенном, духовном дискурсе. Он предполагал, что истинной, настоящей инаковости в Я быть не может без взаимодействия с «Другим» (Левинас, 1998: 28). Так, образ Германии как «Другого» в сознании читателей ставропольской прессы меняется от нейтрального к резко негативному в зависимости от окружающей действительности.

После вероломного нападения гитлеровских войск на советские территории региональная пресса оперативно развернула пропагандистскую деятельность с использованием новых эпитетов, характеризующих Гитлера и его окружение. Это коррелирует с концепцией «Другого» в структурном психоанализе Жака Лакана: он взаимодействует с Я в рамках концепции желания, которое напрямую связано с субъектом и «Другим» (Лакан, 1998: 138–142).

После освобождения Ставропольского края от немецко-фашистских захватчиков образ Германии как «Другого» в местной прессе несколько трансформировался. Теперь концепт врага становится ведущим в публикациях о фашистском государстве. Кроме собственно текстов о военных действиях на советско-германском фронте, начинают публиковаться материалы о тех советских гражданах, которые помогали фашистам во время оккупации. И в них также ярко и образно даётся характеристика образа врага.

Немецкий философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер, выделив категорию «Das ein» («Я сам») как особую форму бытия, определяет отношения с «Другим» как проекцию своего бытия к самому себе «на другое». «Другой – дублет самости» (Хайдеггер, 1993: 175).

В материале «Фашистский прихвостень», опубликованном в «Ставропольской правде» в 1943 году, описано заседание военного трибунала гарнизона в Ставрополе по поводу суда над бывшим директором текстильного комбината Солодилиным, которого обвинили в пособничестве фашистским оккупантам. В тексте даются следующие характеристики захватчикам: «немецкие мерзавцы», «распоясавшийся немецкий холуй», «немецкие оккупанты и их прихвостни»¹.

Образ врага в лице фашистской Германии, на наш взгляд, складывается из нескольких более конкретных составляющих:

- образ правителя – Гитлера;
- образ партийного руководства и партийных работников;
- образ германской армии и солдат.

Для Э. Левинаса «Другой» обладает статусом со-бытийности, поэтому «Другим» являются и смерть, и будущее, и время (Левинас, 1998). Так, образ Германии проявляется и через экспрессивно-окрашенную лексику: «подлые гитлеровские оккупанты», «гитлеровские полчища убийц и мародёров», «фашистские мерзавцы»².

¹ Ставропольская правда. 1943. 10 февраля.

² Там же. 14 февраля.

На первой полосе «Ставропольской правды» № 41 (2663) опубликовано письмо И. Сталину от бойцов, командиров и политработников Закавказского фронта, которые характеризуют Германию, используя следующие формулировки: «фашистская нечисть», «злейший враг человечества», «полны ненависти к немецко-фашистским захватчикам»¹.

Силами советской пропаганды постепенно разveивается образ Германии как непобедимой фашистской машины: здесь «Другой» репрезентуется ещё и внутри самого образа Германии – немецкое государство 1943 года стало «Другим» для самого себя образца 1941–1942 гг.

К началу последнего этапа Великой Отечественной войны отмечается резкое снижение количество публикаций, представляющих образ Германии как «Другого»: всего 7,2 % от общего числа исследуемых материалов относится к данному периоду.

Произошли изменения и в расположении текстов, содержащих в себе характеристики «Другого»: теперь тексты располагаются в рубриках «От Советского информбюро» в оперативной сводке, «Военные действия в Западной Европе» или «Международный обзор». Материалы носят информационный характер, поэтому в большинстве публикаций используется нейтральная лексика. Статьи размещаются на 3 и 4 полосах, занимают преимущественно незначительное место в общей структуре номера.

Однако в ряде публикаций авторы продолжают показывать фашистскую Германию как «Другого», используя экспрессивные выражения. Например, в № 49 (3184) в рубрике «Международный обзор» даётся такая характеристика обстановке на фронте: «Гитлеровская Германия, развязавшая Вторую мировую войну во имя осуществления сумасбродных планов завоевания мирового господства, ощущает теперь на собственной шкуре все последствия своих разбойничьих действий»². В этой же рубрике подчёркивается образ слабеющей фашистской армии: «Гитлеровская банда идёт ва-банк перед лицом неизбежного краха»³.

Кроме того, в 1945 году в газету возвращаются карикатуры на Гитлера и его окружение. По-прежнему используются не авторские сатирические зарисовки, а перепечатки опубликованных в ТАСС. Однако на заключительном этапе военного противостояния они сопровождаются анекдотами и короткими стихами сатирического содержания.

Один из значимых представителей феноменологии, французский философ Морис Мерло-Понти рассматривает «Другого» более приземленно, чем Э. Левинас. В его концепции он становится сопричастным и сосуществующим с Я (Мерло-Понти, 2001). К концу Великой Отечественной войны образ Германии как «Другого» как раз реализуется в таком «вещественном», «телесном», «понятном» контексте.

Примером может служить перепечатка передовой статьи из «Правды», в которой сообщается о том, что «гитлеровская Германия находится на краю пропасти», «вся советская земля была очищена от поганой гитлеровской нечисти», «сегодня нас⁴ отделяет от столицы Германии меньше 100 километров»⁵. Здесь Германия как «Другой» репрезентирована во внутреннем противоречии.

Этот же образ формируется у читателя в публикации «Победоносное знамя великого Ленина», автором которой является заместитель заведующего отделом пропаганды крайкома ВКП(б) Н. Хворостухин. В этом тексте германская армия представляется как потерявшая всех своих союзников обороняющаяся сторона: «Под могучими ударами Красной армии вышли из войны все европейские союзники Гитлера и обратили своё оружие против немцев»⁶.

«Другой» транслируется и в заголовках ряда публикаций первой половины 1945 года: «Падение духа германской армии»⁷, «Гитлеровцы призывают в армию пятнадцатилетних мальчиков»⁸, «Паника в логове гитлеровского зверя»⁹.

Ярким дополнением к образу слабеющей Германии стали публикации, которые ознаменовали завершение Великой Отечественной войны. Здесь формируется образ «Другого» как разгромленной гитлеровской армии: «вместо “жизненного пространства” немцы получили гигантское кладбище», «спасли человечество от страшной коричневой чумы – немецкого фашизма», «армией-победительницей»¹⁰, повергшей в прах фашистского зверя»¹¹.

¹ Ставропольская правда. 1943. 20 февраля.

² Там же. 1945. 11 марта.

³ Там же. 18 февраля.

⁴ Советские войска.

⁵ Ставропольская правда. 1945. 21 января.

⁶ Там же. 28 января.

⁷ Там же. 08 февраля.

⁸ Там же. 08 марта.

⁹ Там же. 31 января.

¹⁰ РККА, Рабоче-Крестьянская Красная армия.

¹¹ Ставропольская правда. 1945. 09 мая.

Сразу после капитуляции агрессора на первой полосе публикуется обращение И. Сталина к народу, в котором даётся унижительная характеристика Германии: «Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. <...> Теперь мы можем с полным правом заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом <...> Германия разбита на голову. Германские войска капитулируют»¹.

Таким образом, мы рассмотрели динамику образа Германии в период Великой Отечественной войны, нашедшую отражение в материалах региональных СМИ. Было выявлено, что экспрессивная окраска публикаций о другом государстве зависит от внешнего событийного контекста. В первой половине 1941 года Германия представляется читателям в нейтральном ключе. После нападения на СССР ее характеристики кардинально меняются – появляется негативный образ врага. Освобождение советских территорий, в том числе Ставропольского края, ознаменовало начало трансформаций и образа «Другого» в СМИ применительно к Германии: публикации о ней приобретают унижительный характер.

Следует сказать, что репрезентация образа одного государства в медиапространстве другого иллюстрирует признание его инаковости на основе архетипической оппозиции «свой – чужой». Коммуникативное поле региональных печатных СМИ формирует образ «Другого», соотносясь с общественно-политическими тенденциями и идеологическими принципами. Микросоставляющие, из которых складывается образ страны-агрессора как «Другого» в прессе, позволяет понять феномен трансформации образа другого государства на фоне изменения межгосударственных взаимоотношений между странами.

Список источников:

- Бубер М. Два образа веры. М., 1995. 464 с.
 Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. М., 1998. 432 с.
 Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998. 265 с.
 Мерло-Понти М. Знаки. М., 2001. 429 с.
 Русакова О.Ф. Дискурс исторической политики в контексте национальной безопасности // Дискурс-Пи. 2013. № 1–2 (11–12). С. 187–190.
 Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. 447 с.
 Sarukkai S. The 'Other' in Anthropology and Philosophy // Economic and Political Weekly. 1997. Vol. 32, iss. 24. P. 1406–1409.

References:

- Buber, M. (1995) *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Moscow. 464 p. (in Russian).
 Khaidegger, M. (1993) *Vremya i bytie* [Time and Being]. Moscow. 447 p. (in Russian).
 Lakan, Zh. (1998) *Seminary. Kniga 1. Raboty Freida po tekhnike psikhoanaliza* [Seminars. Book 1. Freud's Works on the Technique of Psychoanalysis]. Moscow. 432 p. (in Russian).
 Levinas, E. (1998) *Vremya i Drugoi. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and the Other. Humanism of Another Person]. Saint Petersburg. 265 p. (in Russian).
 Merlo-Ponti, M. (2001) *Znaki* [Signs]. Moscow. 429 p. (in Russian).
 Rusakova, O. F. (2013) The Discourse of the Historical Policy in a Context of National Security. *Diskurs-Pi*. (1–2 (11–12)), 187–190 (in Russian).
 Sarukkai, S. (1997) The 'Other' in Anthropology and Philosophy. *Economic and Political Weekly*. 32 (24), 1406–1409.

Информация об авторе

Н.Н. Борисенко – аспирант кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1027680.

Information about the author

N.N. Borisenko – postgraduate student of the Department of Philosophy of North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1027680.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

¹ Ставропольская правда. 1945. 10 мая.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 88–93.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 88–93.

Научная статья

УДК 821.112.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.15>

Идентичность в дискурсе немецкоязычных памятников литературы до XIII века: философско-культурологический контекст

Тамара Евгеньевна Григорьева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
ubersetzer@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1751-9998>

Аннотация. Вопросы этничности и идентичности для Германии сегодня как никогда актуальны в связи с последствиями миграционной политики правящей партии ХДС, а также миграционным кризисом в Европе. Целью данного исследования является анализ формирования идентичности немцев на материале доступных в наше время памятников литературы. Чтобы понять, как мы сегодня можем ответить на вопрос, что представляет из себя идентичность немца, необходимо проследить развитие идентичности немецкого народа в диахронии. Новизна исследования заключается в анализе памятников немецкой литературы до XIII века в культурно-философском контексте. Данный анализ является основанием для дальнейшего исследования проблемы формирования идентичности в Германии. В результате сопоставления тем, освещаемых в литературных памятниках от начала появления письменности в Германии до XIII века с такими историческими факторами как раздробленность и ассимиляция, автор приходит к выводу о том, что к XIII веку можно говорить о формировании немецких добродетелей, которые могли бы составить основу идентичности немца.

Ключевые слова: этничность, идентичность, добродетели, прусские добродетели, кризис идентичности, нация, народность, менталитет

Для цитирования: Григорьева Т.Е. Идентичность в дискурсе немецкоязычных памятников литературы до XIII века: философско-культурологический контекст // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 88–93. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.15>.

Original article

Identity in the Discourse of German Literature Before the XIII Century: Philosophical and Cultural Contexts

Tamara E. Grigorieva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia, ubersetzer@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1751-9998>

Abstract. Issues of ethnicity and identity are more relevant for Germany today than ever before due to the consequences of the migration policy of the ruling CDU party as well as the migration crisis in Europe. The purpose of this study is analyzing the formation of German identity through the available today literature. In order to understand how we can answer the question of what a German's identity is today, it's necessary to trace the development of German identity in diachronicity. The novelty of this study lies in the analysis of German literature up to the XIII century in a cultural and philosophical context. This analysis is the basis for further research into the problem of identity formation in Germany. As a result of comparing the topics covered in literature from the beginning of writing in Germany to the XIII century with such historical factors as fragmentation and assimilation, the author concludes that by the XIII century we can talk about the formation of German virtues, which could form the basis of German identity.

Keywords: ethnicity, identity, virtues, Prussian virtues, identity crisis, nation, ethnic groups, mentality

For citation: Grigorieva, T.E. (2022) Identity in the Discourse of German Literature Before the XIII Century: Philosophical and Cultural Contexts. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 88–93. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.15](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.15) (In Russian).

Дискуссия о кризисе идентичности в мире сегодня приобретает особую остроту в связи с усилением миграционного кризиса в Европе. Выпускается множество статей и книг, где авторы рефлексировать о том, что могло бы объединить Германию, подчас избегая таких понятий как «нация» или «национальность». Писательница и философ Теа Дорн в своей книге «Немецкая душа» («Die Deutsche Seele») (Dorn, Wagner, 2011) приводит ряд концептуальных для немецкой культуры понятий, в которых, по мнению автора, содержится суть немецкого миропонимания.

В другой своей книге автор уже открыто анализирует такие понятия как «ведущая культура», «нация», «национальность» в отношении своей родины, что, несомненно, привлекло внимание к личности философа и писательницы (Dorn, 2018). Термин «ведущая культура» становится эвфемизмом для описания ощущения национального единства немцев.

С активизацией глобализационных процессов массы людей получили доступ к информации, а также возможность выбирать место для более комфортного существования. Таким образом, глобализация, цифровизация, вооруженные конфликты, пандемия коронавируса стали факторами миграции потоков людей во всем мире, и особенно – в Европе.

Канцлер ФРГ Ангела Меркель также оказала значительное влияние на миграционную политику страны, что привело к недовольству местного населения большим потоком неквалифицированных или низкоквалифицированных рабочих сил в Германию. Большинство мигрантов не владели немецким языком, и национальные идеи приобрели определенную поддержку в обществе, что привело к изменению политического курса и ограничению потока мигрантов.

Германия привыкла к иностранной речи, звучащей на ее территории. Экономическое чудо стало фактором привлечения «гастарбайтеров», чьи потомки уже в четвертом поколении проживают в стране, теперь уже воссоединившись со своими семьями и генетически смешавшись с местным населением. Опираясь на данный опыт, можно отметить, что процесс «онемечивания» является достаточно долгим, и едва ли можно говорить о его полном завершении даже для четвертого поколения мигрантов в Германии.

Подытоживая вышесказанное, подчеркнем, что проблемы, связанные с миграционным кризисом, стоят особенно остро именно на территории Германии. Основной проблемой видится идентичность немца. Философ Гельмут Плеснер писал о народе Германии как об «опоздавшей нации» (Plessner, 1974) в силу позднего формирования национальной и гражданской идентичностей ее жителей. Период фашизма стал поворотным моментом, в результате которого такие термины как «нация» и «национальность» стали непопулярны, как следствие, люди потеряли ориентир для формирования собственной идентичности. Сегодня основой идентичности немца принято считать гражданскую идентичность, а также ценности, принятые в Европейском Союзе. Тем не менее, современная литература, публицистика, народное творчество ставят вопрос – что же означает «быть немцем»? Автором данной работы предлагается рассмотреть данный вопрос в диахронии, поскольку сегодня очевидно, что опоры только лишь на гражданскую идентичность недостаточно.

Целью данной работы является анализ формирования идентичности в Германии с помощью изучения вопроса в диахроническом аспекте, а именно – на материале немецкоязычных памятников литературы до XIII века.

Задачи могут быть сформулированы следующим образом:

1. Рассмотреть понятие идентичности в философском дискурсе, разграничить между собой термины национальной, этнической и гражданской идентичности.
2. Предложить изучение ценностей как важного фактора формирования идентичности.
3. Обосновать выбор ценностей и выбор литературных источников для изучения.
4. Вывести следствия из результатов произведенного исследования.

При выборе **методологии** для изучения вопросов идентичности следует учесть методы, используемые в рамках *философской антропологии* и *философии культуры*. Из методов философии культуры использованы исторический и междисциплинарный методы. Из методов философии культуры – компаративный (сравнительно-исторический анализ); структуралистский подход (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Ф.Д. Соссюр определяют основной вопрос культурологии как процесс перехода от природы к культуре с помощью средств структурной лингвистики). Следует отметить, что сегодня невозможно рассматривать все подходы как взаимоисключающие, но нужно учитывать их ресурс взаимодополнительности.

Рассмотрим понятие *идентичности* в философском дискурсе. Существует огромное количество определений, к примеру, с позиции «духа народа». Шарль Монтескье формулировал его следующим образом: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, обычаи, как результат всего этого образуется общий дух народа» (Монтескье, 1955: 412). По сути, речь идет здесь о национальной идентичности.

В некоторых источниках подчеркивается также элемент индивидуального в национальной идентичности, например, у Д. Юма: «Там, где некоторое количество людей объединяются в политическую структуру, обстоятельства заставляют их часто вступать в контакты друг с другом – по вопросам обороны, торговли, управления, что, при наличии общего языка, должно привести к появлению сходства в манерах, а также общему, или рациональному, характеру в сочетании с индивидуальным» (Социально-психологические проблемы..., 1991: 9).

О.Н. Астафьева подчеркивает разницу между культурно-национальной и гражданской идентичностью, недостаточность «принадлежности» конкретному государству по отношению к необходимости согласования личностного выбора с ценностной составляющей культуры, в которой живет индивид (Астафьева, 2011: 225). Очевидно, что в современной Германии гражданская

идентичность, сконцентрированная вокруг общечеловеческих ценностей, а также ценностей, постулируемых Европейским Союзом, не удовлетворяет потребности граждан в самоопределении. Воспоминания о периоде фашизма, о расколе страны на ФРГ и ГДР являются тяжелой ношей для народа и не в состоянии предложить основу для объединения граждан. Важным фактором формирования идентичности населения является также наличие большого количества граждан с миграционным фоном. Не все они воспринимают свою смешанную этническую идентичность как *позитивную*, некоторые чувствуют себя оторванными от каждого из этносов, к которому «принадлежат» и являются носителями *негативной маргинальной множественной идентичности*. Лишь небольшая часть немцев с миграционным фоном воспринимает свои идентичности в *синкретике* и полностью принимает разные стороны своей идентичности (Курске, 2011: 13).

Представляется достоверным, что объединять могут только позитивные проявления идентичности, построенные на позитивных ценностях. Влияние ценностей можно проследить во всех социальных феноменах (Карандашев, 2004: 14–15), однако одни и те же ценности имеют для разных людей разное значение; то же можно эстраполировать на ценности, важные для целого народа.

Ценности, важные для идентичности немца, исторически связываются с прусскими «добродетелями». Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Немецкие добродетели. Образование немецкой народности (то есть, немецкого этноса) связывается с IX веком, когда были образованы Королевство Германия и священная Римская империя. Саксы, лангобарды, алеманны, франки, маркоманы, неметы, швабы, бавары, готы и другие этносы заселили территорию нынешней Германии. Ведущую же роль в формировании немецкой национальности сыграли франки (Moser, 1952). После раздела Франконской империи в 843 году было сформировано новое Восточно-Франкское королевство, позднее переименованное в Тевтонское. Данное название имеет непосредственное отношение к осознанию обществом самого себя как единства и целостности, поскольку восходит к готскому слову, означавшему «народный» язык, то есть, любой германский, противопоставляемый латинскому (позднее в XV–XVI веках от данного слова произойдет немецкое слово «Германия») (Schmidt, 2007: 88–90). Противопоставление латыни и германских языков вскрывает проблемы того времени, состоящие в необходимости сделать существовавшие тогда тексты более доступными для понимания. Так рождается немецкая письменность, поначалу – из надписанных над латинскими словами строк, называемых глоссами, самые первые из которых – Аброганс (Grange, 2011: 53).

Возвращаясь к формированию немецкой народности, добавим, что в XII–XIII веках германские феодалы проводили активную захватническую политику по отношению к поморянам и полабским славянам, была принята попытка их онемечивания. В XIII же веке после завоевания тевтонцами пруссов началась взаимная ассимиляция народов.

Раздробленность и независимость территорий были характерны для Германии вплоть до XIX века, когда Пруссия вмешалась в процесс формирования общей идентичности территорий. Именно во время правления Фридриха Вильгельма I и его сына Фридриха Великого появилось понятие так называемых «Прусских добродетелей»¹.

К данным добродетелям относились: бережливость (нем. *Sparsamkeit*), верность (нем. *Treue*), дисциплинированность (нем. *Diszipliniertheit*), искренность (нем. *Aufrichtigkeit*), уважение к порядку (нем. *Ordnungssinn*), мужество (нем. *Tapferkeit*), надёжность (нем. *Zuverlässigkeit*), неподкупность (нем. *Unbestechlichkeit*), послушание (нем. *Gehorsam*), прямота (нем. *Geradlinigkeit*), пунктуальность (нем. *Pünktlichkeit*), самоотверженность (нем. *Selbstverleugnung*), твёрдость (нем. *Härte*), прилежание (нем. *Fleiß*), храбрость (нем. *Mut*), честность (нем. *Redlichkeit*), чувство долга (нем. *Pflichtbewußtsein*), чувство справедливости (нем. *Gerechtigkeitssinn*) и другие² (Schoeps, 1995).

Во времена нацистской Германии основная политическая линия опиралась на данные добродетели с целью объединения народа вокруг неких благородных ценностей, которые были частично дискредитированы в связи с дискредитацией самого режима. Германское общество сегодня пытается анализировать (часто с позиции критики), есть ли в нем вышеупомянутые прусские добродетели в действительности?³

В своей работе автор задается вопросом о том, были ли подобные (аналогичные прусским), добродетели в истории немецкой народности и раньше? Подобные ценности, вокруг кото-

¹ 03.05.2001 Прусские добродетели до добра не доведут [Электронный ресурс] // Новости и аналитика о Германии, России, Европе, мире | DW. URL: <https://www.dw.com/ru/03052001-пруссские-добродетели-до-добра-не-доведут/a-334285> (дата обращения: 08.05.2022).

² Historiker plädiert für Rückbesinnung auf alte Tugenden [Электронный ресурс] // Startseite - Deutschlandfunk Kultur. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/historiker-plaedierte-fuer-rueckbesinnung-auf-alte-tugenden-100.html> (дата обращения: 08.05.2022).

³ Kolumne: Wo bleiben die deutschen Tugenden? [Электронный ресурс] // Nachrichten & Analysen: der globale Blick auf Schlagzeilen | DW. URL: <https://www.dw.com/de/kolumne-wo-bleiben-die-deutschen-tugenden/a-41871870> (дата обращения: 08.05.2022).

рых могла бы быть выстроена немецкая идентичность, необходимо искать в письменных источниках языка немецкой народности, первые памятники на котором мы можем датировать 750 годом нашей эры (глоссы).

Рассмотрим литературу языка немецкой народности до XIII века – то есть, литературу, написанную на древневерхненемецком и средневерхненемецком языках (Moser, 1952: 100), с тем, чтобы проследить истоки формирования немецкой идентичности. Данный срез избран как начальный этап развития немецкой литературы, поскольку является единственным источником для изучения проявлений идентичности немцев. Проследим, есть ли в выбранных текстах указания на ценности, свойственные носителю немецкой идентичности.

Первая рукопись (глоссы «Аброганс» – немецкие переводы слов или предложений с латинского языка) датируется VIII веком нашей эры. Первые жанры представляли из себя различные типы глоссов (контекстные, межстрочные, глоссы на полях, глоссарии (словари), свободные переводы и др. (König, 2005: 67–71). Позднее появляется религиозная литература (молитвы, заговоры в поэтической форме, духовные песни), непосредственно поэзия и тексты практического характера, такие как книги с описанием традиций и обрядов, собрания рецептов, некрологи, переписи.

Религиозная тематика превалировала, что можно проследить по таким произведениям как Вессобрунская молитва, Мерзебургские заговоры, древненемецкий Исидор (перевод трактата севильского епископа Исидора), Татиан – перевод с латинского евангельской гармонии, поэма Муспилли о страшном суде («Муспилли» – непонятное вызывающее страх существо, слово так и не было переведено), Хелиланд – изложение евангельской истории, евангелие Отфрида и другие.

В рамках данного периода (IX–XI века) интерес представляют также Страсбургские клятвы, смысл которых напоминает те самые добродетели – верность и честность: «14 февраля 842 года Карл Лысый и Людовик Немецкий, младшие сыновья Людовика Благочестивого, заключили союз, направленный против старшего брата Лотара, унаследовавшего титул императора, и поклялись в Страсбурге перед своими войсками в верности друг другу. Карл Лысый произнес клятву на немецком, а Людовик Немецкий – на французском»¹.

Если говорить о XII–XIII столетиях, можно отметить, что с течением времени количество жанров росло, например, появился Миннезанг – стихи о любви, представляющие из себя обычный для Европы культ поклонения прекрасной даме. Обратим особое внимание на несколько произведений:

1) Гартман фон Ауэ «Ивейн» (XII век) – в одном из отрывков рассказывается о нарушении Ивейном слова, данного им своей жене Лодине (чувство долга, прямота, искренность, верность – темы данного произведения);

2) Вернер Садовник «Фермер Хельмбрехт» (вторая половина XIII века) – рассказ о сыне зажиточного крестьянина, который был отправлен на службу к рыцарю, живущему нечестно, и усвоил от своего хозяина отрицательные черты рыцарства – пьянство, грабеж, насилие и др. В итоге сын попадает в руки правосудия, палач выкалывает ему глаза, отрубает ему руку и ногу, после чего крестьяне вешают его на осине (жестокость, свойственная немецким народным сказкам). В данной истории можем выделить чувство справедливости, долга, мужество без жалости к себе, порядок;

3) Штриккер «Поп Амис» (вторая половина XIII века) – описываются похождения хитрого священника, жанр шванк (главная добродетель произведения – честность);

4) наконец, культовое произведение «Песнь о Нибелунгах» (XIII век, эпос), обретшее второе рождение в 1755 году. Именно здесь нашлось множество указаний на немецкие добродетели, данное произведение было актуально вплоть до конца Второй мировой войны. Нацист Гиммлер даже сравнивал Гитлера с Хагеном (Хитлер-Химмлер-Хаген) как образчик истинной верности до конца².

Г. Мюллер в своей статье о Нибелунгах перечисляет их добродетели и объясняет, как именно лидеры нацистского режима в Германии смогли воспользоваться данным произведением для формирования особого немецкого духовного и культурного единства (немаловажную роль в этом сыграл Вагнер, написавший на основе произведения цикл эпических опер «Кольцо Нибелунга»).

В «Песни о Нибелунгах» любопытным представляется тот факт, что все герои описаны как благородные личности, чей итог, однако, плачевен: все умирают. Это может быть интерпретировано как неплохая метафора для общества, подобного нацистской Германии. Тем не менее, мысль о добродетелях, описанных в «Песни», сегодня снова актуальна³. Сегодняшняя Германия

¹ Straßburger Eide, 841 [Электронный ресурс] // BIBLIOTHECA AUGUSTANA. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/09Jh/StraßburgerEide/eid_text.html (дата обращения: 08.05.2022).

² Der Burgunderuntergang im Niebelungenlied. Zeittypische Deutungen von 1918 bis 1945 von Hans Müller [Электронный ресурс] // Niebelungenlied-Gesellschaft. URL: http://www.nibelungenlied-gesellschaft.de/03_beitrag/mueller/fs07_muel.html (дата обращения: 08.05.2022).

³ Liste der Tugenden [Электронный ресурс] // Preußische Tugenden. URL: <https://www.preussische-tugenden.de/liste-der-preussischen-tugenden/> (дата обращения: 08.05.2022).

видит некое «новое рождение» старых добродетелей, пополняет список новыми – такими как толерантность, гибкость, легкость¹.

Сам по себе общественный резонанс в отношении темы данной работы побуждает к выводу о том, что прав человека, закрепленных в Основном законе ФРГ, наличия у гражданина паспорта своей страны, бытия гражданином Европейского Союза недостаточно для определения своей идентичности (идентичности немца). Эту мысль также доказывает сравнительно-исторический анализ литературы раннего периода, написанной на древневерхненемецком и средневерхненемецком языках². В соответствии со структуралистским подходом мы рассмотрели в данной работе отдельный временной срез и проследили проявления ценностей немецкого народа в языке в рамках данного временного промежутка. В результате изучения ранних памятников литературы немецких народностей можно сформулировать следующие **выводы**:

1. Сама по себе потребность в глоссах, то есть, в построчных переводах текстов на латинском языке, говорит о сформированной потребности немецкого народа выражать значения в виде некоего общего кода (знака), понятного представителям данной народности. Это доказывает общность народа и является предпосылкой к формированию общей идентичности.

2. Анализ литературы показывает наличие черт, одобряемых или осуждаемых авторами, данные черты можно обозначить в качестве ценностей. Поскольку письменность в ранний литературный период была плохо развита, записанные тексты, зачитываемые вслух, передаваемые из уст в уста, можно считать отражением общественного мнения (случайные тексты не записывались в силу неграмотности основной части населения). Это приводит нас к выводу о том, что ценности, отраженные в данных немногочисленных памятниках литературы, являются показательными для понимания идентичности в заявленный исторический период.

3. Можно отметить, что ценности, выявленные при анализе литературных источников, пересекаются с ценностями, названными позже «прусскими добродетелями». Необходимо изучение литературных корпусов различных периодов истории литературы с тем, чтобы понять, действительно ли данные ценности свойственны германскому народу, а не усвоены в результате исторического контакта с Пруссией.

4. В период с IX по XIII века существовали добродетели (ценности), позитивные характеристики идентичности германского народа, которые могли бы составить основу для дальнейшего формирования идентичности будущего немца.

Историческая память является серьезным основанием для формирования идентичности народа. Смогут ли жители ФРГ сместить фокус внимания с болевых точек своей истории на позитивные объединяющие характеристики – нам еще только предстоит увидеть.

Список источников:

- Астафьева О.Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории. Том V. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности. М., 2011. С. 223–241.
- Карандашев, В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.
- Курске, В.С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев). М., 2011.
- Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
- Социально-психологические проблемы идеологии и политики. Специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования». М., 1991.
- Dorn, T. Deutsch, nicht dumpf. Ein Leitfaden für aufgeklärte Patrioten. München, 2018. 336 p.
- Dorn, T. Wagner, Richard: Die deutsche Seele. München, 2011.
- Grange W. Historical Dictionary of German Literature to 1945. Lahnham, 2011.
- König, W. Dtv-Atlas, Deutsche Sprache. Dtv Verlagsgesellschaft, 2005, Taschenbuch.
- Moser H. Deutsche Sprachgeschichte der älteren Zeit // Deutsche Philologie im Aufriss / Hrsg. Von W. Stammeler. B., 1952. Bd.I.
- Plessner H. Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. Frankfurt/M., 1974.
- Schmidt, W. Geschichte der deutschen Sprache, 10. Auflage, Hirzel, Stuttgart 2007.
- Schoeps, H.-J. Preußische Tugenden // Preußen – Bilder und Zeugnisse («Preußen – Geschichte eines Staates»). Frankfurt a. M./ Berlin, 1995.

References:

Astafyeva, O.N. (2011) Kollektivnaya identichnost' v usloviyakh global'nykh izmeneniy: dinamika ustoychivogo i ukoreneniye stanovyashchegosya [Collective identity in the conditions of global changes: the dynamics of the stable and the acceleration of the becoming]. *Scientific almanac questions of the social theory*. (5). 223–241. (In Russian).

¹ Mentalitätswandel in Deutschland. [Электронный ресурс] // Deutschlandfunk. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/jenseits-von-fleiss-und-puenktlichkeit-mentalitaetswandel-100.html> (дата обращения: 08.05.2022).

² Chronologie der deutschen Literatur [Электронный ресурс] // BIBLIOTHECA AUGUSTANA. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/d_chrono.html (дата обращения: 08.05.2022).

- Dorn, T. (2018) Deutsch, nicht dumpf. Ein Leitfaden für aufgeklärte Patrioten. München: Albrecht Knaus Verlag. (In German).
- Dorn, T. (2011) Wagner, Richard: Die deutsche Seele. München: Albrecht Knaus Verlag. (In German).
- Grange, W. (2011) Historical Dictionary of German Literature to 1945. Lanham [Md.]: Scarecrow Press.
- Karandashev, V.N. (2004) Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennosti lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo [Schwartz methodology for the study of personal values: concept and methodological guide]. St. Petersburg: Rech'. (In Russian).
- Kurske, V.S. (2011) Mnozhestvennaya etnicheskaya identichnost': teoreticheskie podkhody i metodologiya issledovaniya (na primere Rossiiskikh nemtsev) [Multiple ethnic identity: theoretical approaches and research methodology (the case of Russian Germans)]. Moscow. (In Russian).
- König, W. (2005) Dtv-Atlas, Deutsche Sprache. Dtv Verlagsgesellschaft, Taschenbuch. (In German).
- Montesquieu, Sh. (1955) Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow. (In Russian).
- Moser, H. (1952) Deutsche Sprachgeschichte der älteren Zeit. In: Deutsche Philologie im Aufriss / Hrsg. Von W. Stammerl. B. Bd.I. (In German).
- Plessner, H. (1974) Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. Frankfurt/M. (In German).
- Schmidt, W. (2007) Geschichte der deutschen Sprache, 10. Auflage, Hirzel, Stuttgart. (In German).
- Schoeps, H.-J. (1995) Preußische Tugenden. In: Preußen – Bilder und Zeugnisse («Preußen – Geschichte eines Staates»). Frankfurt a. M./ Berlin. (In German).
- Sotsial'no-psikhologicheskie problemy ideologii i politiki. Spetsializirovannaya informatsiya po obshcheakademicheskoi programme "Chelovek, nauka, obshchestvo: kompleksnye issledovaniya" [Socio-psychological problems of ideology and politics. Specialized information on the general academic program "Man, Science, Society: Comprehensive Research"] (1991). Moscow. (In Russian).

Информация об авторе

Т.Е. Григорьева – старший преподаватель, аспирант кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=785212.

Information about the author

T.E. Grigorieva – Senior lecturer, PhD student, Department of UNESCO of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=785212.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 94–99.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 94–99.

Научная статья

УДК 111.1

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.16>

Онтологические интенции понимания рефлексии в классической философии

Светлана Анатольевна Ескина

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, esa1909@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена определению онтологических оснований понимания феномена рефлексии, характерных для классической философии. Определена специфика онтологического истолкования рефлексии, выраженная в космологических, натурфилософских и этических представлениях древнегреческих мыслителей. Осмысление рефлексии связано с поиском пути приобщения человека к миру идей и обретением Истины через самопознание. Показано, что в эпоху Средневековья происходит теологизация рефлексии, которая понимается как переход самопознания к богопознанию, как путь исполнения человеком своего высшего предназначения. Анализ рефлексии в концепциях представителей новоевропейской философии позволил сделать вывод о том, что понимание рефлексии в рационалистической традиции связано с реализацией практики самопознания как проявления имманентных свойств познающего субъекта. Сделан вывод о значимости осмысления классических установок в понимании рефлексии, отражающих один из наиболее значимых онтологических векторов осуществления современного человека.

Ключевые слова: рефлексия, космология, гносеология, онтология, классическая философия, самопознание, мировоззренческая рефлексия, теоретическая рефлексия

Для цитирования: Ескина С.А. Онтологические интенции понимания рефлексии в классической философии // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 94–99. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.16>.

Original article

The Ontological Intentions for Understanding of Reflection in Classical Philosophy

Svetlana A. Eskina

Surgut State University, Surgut, Russia, esa1909@yandex.ru

Abstract. In the paper, the author defines the ontological bases for understanding of the phenomenon of reflection, which are characteristic of classical philosophy. The specificity of the ontological interpretation of reflection, expressed in the cosmological, naturophilosophical, and ethical ideas of ancient Greek thinkers, is determined. The comprehension of reflection is connected with the search for a way to familiarize a person with the world of ideas and the acquisition of the Truth through self-knowledge. It is demonstrated that the theologisation of reflection occurs in the Middle Ages, and it is understood as the transition from self-knowledge to knowledge of God, as a means of fulfilling the highest human destiny. An analysis of reflection in the concepts of representatives of new European philosophy led us to the conclusion that the understanding of reflection in the rationalist tradition is associated with the implementation of the practice of self-knowledge as a manifestation of the immanent properties of the cognizing subject.

Keywords: reflection, cosmology, epistemology, ontology, classical philosophy, self-knowledge, worldview reflection, theoretical reflection

For citation: Eskina, S. A. (2022) The Ontological Intentions for Understanding of Reflection in Classical Philosophy. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 94–99. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.16](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.16) (In Russian).

Для формирования целостного представления о рефлексии особую значимость имеет исследование феномена рефлексии в каждом периоде развития философии. Проблематика рефлексии, как правило, подвергается обсуждению с позиции гносеологического рассмотрения. В этом случае акцент делается на прояснении сути и специфики рефлексии как принципа мышления, направленного на осмысление собственных форм, методов, содержания и результатов познания. В то же время в контексте целостного рассмотрения рефлексии представляется необходимым учитывать, что исследование данного феномена неразрывно связано с онтологией жизни человека и вопросами его подлинного осуществления. В этом смысле рефлексия как особый способ мышления определяет специфику способа бытия человека – рефлексивный модус существования. С позиции онтологического подхода рефлексия понимается как процесс, присущий человеческому бытию как таковому, который разворачивается в общей динамике бытия. В философских концепциях

ставятся вопросы о происхождении, структуре, специфике, формах и типах рефлексии. В контексте такого рассмотрения поднимаются вопросы, связанные с выявлением природы рефлексии как свойства бытия человека, выделением типов и уровней рефлексии, определением её структурных компонентов и характера их взаимодействия, изучением влияния рефлексивного модуса существования на бытие человека в целом (Думинская, 2020: 17).

Феномен рефлексии исследовался на протяжении истории развития философии, начиная с эпохи античности, в недрах которой происходит зарождение классических идеалов философствования. Концептуальное пространство классической философии постоянно расширялось и изменялось, сохраняя при этом свою ведущую стратегию (Кузнецов, 2008: 6), и претерпело существенную трансформацию в период развития неклассической философии. Тем не менее осмысление и переосмысление онтологической природы рефлексии, представленной в концептуальном содержании классической философии, по-прежнему имеет важное значение для понимания сути и значения рефлексии на современном постнеклассическом этапе развития философии.

Как известно, предпосылки онтологического истолкования рефлексии находят своё проявление в космологических, натурфилософских и этических представлениях древнегреческих мыслителей (Анаксагор, Гераклит), получивших выражение в развитии идей о силе Абсолютного разума, управляющего космогенезом и устанавливающего мировой порядок согласно всеобщему закону, которому должен следовать человеческий разум (Думинская, 2020: 18).

Так, например, в учении Сократа рефлексия предстаёт как способ постижения движения собственной души, благодаря которому формируется обобщённое знание о многообразии чувственного опыта человека. На этом пути к самопознанию душа очищается от заблуждений, ум обретает целостность и получает знание о всеобщем, открывая Истину. Сократовские диалоги являют собой реализацию акта рефлексии, в котором на основе критики собственного обыденного объяснения человек вырабатывает понятие об общем. Признание человеком ограниченности своего чувственного опыта позволяет ему «исцелиться», т. е. выйти из тени заблуждений об истине и осознать, что истинный способ жизни – это способ мысли, осуществляемый в пространстве исцеляющего душу самосознания. Здесь впервые звучит мысль об онтогносеологической природе рефлексии (Лосев, 2000: 335).

Продолжая развитие идеи Сократа о самопознании как познании мира, Платон разрабатывает представление о рефлексии как особой форме познания (теоретического умознания), способной очистить от всего временного и приходящего – помочь душе возродить свои воспоминания о пребывании в мире вечного, Абсолютного бытия – мире идей (эйдосов). В переходе от чувственного к интеллигибельному человек получает «второе рождение», но уже в качестве духовного существа, обретая мудрость в бессмертии через соприкосновение с Истиной (Amiot, 2012: 204). При этом рефлексия как теоретическое умознание, направленное на познание самого себя, выступает в качестве высшей добродетели (Огурцов, 2000: 446). Рефлексия как форма познания, по мнению Н.А. Калашниковой, «есть не только критический, но и эвристический принцип: через неё проявляется единство мыслимого и мысли; осознавая неосознанное, анализируя познанное, она полагает в качестве своего предмета само знание о нём, становится источником нового знания»¹.

Онтологическая трактовка рефлексии в представлениях Аристотеля об Уме-перводвигателе значительно обогатила развитие идеи об абсолютной рефлексии гносеологическим и телеологическим смыслом (Думинская, 2020: 18). Согласно Аристотелю, рефлексия как имманентное свойство человеческого мышления, направленного на самого себя, производит предсистематизацию опыта, а также способствует выработке методов познания, основных законов и операций мышления. По сути, рефлексия совпадает с деятельностью разума и выступает источником его развития. Актуализация рефлексии переводит человека в режим осмысления чувственного опыта, в котором происходит выработка обобщённых понятий, выстраиваются базовые мировоззренческие представления.

Если в представлениях античных мыслителей понимание рефлексии связывалось с поиском пути приобщения человека к миру идей (эйдосов) и обретению Истины через самопознание, то в средневековой философии основные онтологические интенции в понимании рефлексии осуществляются в пространстве обоснования веры и религиозного опыта. Несмотря на то, что основным источником получения знания в религии выступает откровение и отношения между религией и философией существенно изменяются, идеи о значимости рефлексии как способе самопознания, ведущего к открытию подлинности своего бытия, получают новый виток развития. Так, например, Августин, выступая с критикой скептицизма античных мыслителей в отношении познания абсолютной истины, утверждает, что самопознание – это и есть источник достоверного знания: «...истина живёт

¹ Калашникова Н.А. Рефлексия как принцип философского мышления : дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2006. С. 14.

во внутреннем человеке; найдёшь свою природу изменчивую – стань выше самого себя. Но становясь выше себя самого, помни, что размышляющая душа выше тебя. Поэтому стремись туда, откуда возжигается самый свет разума...» (Августин, 1969: 599–600). Знание об изменчивости природы требует большей сосредоточенности человека на самом себе. В этом акте самопознания душа человека способна созерцать истинное, обретая своё спасение в богопознании. Тем самым происходит теологизация рефлексии, выраженная в переходе самопознания к богопознанию, что понимается как путь исполнения человеком своего высшего предназначения.

Рефлексия в представлениях Плотина выступает способом мыслительного упорядочивания знания, на основе которого происходит формирование целостного знания о сущем вообще (Плотин, 1969: 538). В философии Ф. Аквинского рефлексия понимается как специфическая способность ума, позволяющая человеку постичь универсальное. Ум способен образовывать общие понятия: «Вещь существует одновременно вне нас во всём своём бытии и внутри нас в качестве образа (“вида”)». “Вид” предмета является его нематериальным, познавательным образом. Благодаря образу предмет входит в душу, в духовное царство мыслей. При этом вначале возникают чувственные образы, а из них интеллект образует “умопостигаемые образы”, общие понятия» (Аквинский, 1969: 854). Таким образом, рефлексия в эпоху Средневековья трактуется как способ существования ума, который на пути к вере стремится к обретению Божественной истины и сбытию себя как субъекта, открывшего в себе веру.

Представление о рефлексии как способе познания в самосознании субъекта получает выражение в гносеологических концепциях Р. Декарта, Д. Локка, Г.-В. Лейбница и других мыслителей. Рефлексия в философии Ф. Бэкона выдвигается в качестве основного требования к процессу познания. Человек должен критически относиться к тем субъективным условиям, в которых он осуществляется, для того, чтобы преодолеть заблуждения, избежать влияния «идолов»: «...кто поймёт до конца природу человека, тот почти наверняка может стать кузнецом своего счастья» (Бэкон, 1978: 239). Преодоление преград своей собственной природы есть путь онтологического осуществления познающего субъекта.

Р. Декарт в рационалистической теории самосознания впервые вводит в философию термин «рефлексия» и подчёркивает автономный характер рефлексии как способа организации процесса познания. Рассматривая сознание и мышление как равнозначные понятия, он полагает, что сам акт мысли свидетельствует о том, что человек производит рефлексии над собственным мышлением: «Когда... взрослый человек ощущает что-либо и одновременно воспринимает, что он не ощущал этого ранее, это второе восприятие я называю рефлексией (*reflexionem*) и отношу его лишь к разуму, хотя оно настолько связано с ощущением, что оба происходят одновременно и кажутся неотличимыми друг от друга» (Декарт, 1994: 565). В этом плане ключевым для Декарта становится вопрос о способах получения достоверного знания. Ход рассуждений мыслителя приводит к утверждению, что познающий субъект не может сомневаться в том, что сомневается, т. е. я не могу сомневаться в самом факте моего сомнения, т. е. мысли. Убедительность и определённости данного утверждения, по мнению Декарта, позволяет принять его в качестве достоверного¹. Схватывание себя как сознающего есть онтологическое событие, свидетельствующее об актуальности собственного бытия.

Д. Локк, подчёркивая рефлексивный характер мышления, настаивает на том, что благодаря имманентному свойству рефлексивности мышление обладает достоверностью. Согласно Локку, всё наше знание основывается на опыте чувственного восприятия предметного мира. Однако это только внешний, исходный род опыта, который требует осмысления. Чувства, ощущения свойств вещного мира и полученные на их основе исходные представления нуждаются в рефлексии как условия получения достоверного знания. В процессе наблюдения ума за собой, за деятельностью своей души и способами её проявления и внутренним состоянием происходит зарождение идеи этой деятельности (образ восприятия вещи). Все изменения деятельности души – это материал для мышления, «...благодаря чувствам душа всё более и более обогащается идеями, всё более и более пробуждается, мыслит тем усиленнее, чем больше у неё материала для мышления» (Локк, 1985: 140). Душа созерцает идеи чувственно воспринятых вещей, но не останавливается на этом, переходит к размышлению над объектами своего созерцания. Это особая внутренняя деятельность души, порождающая идеи о чувственных идеях, есть рефлексия, или «внутреннее чувство». Идея рефлексии, по мнению Локка, воспроизводится не у всех людей, поскольку далеко не каждый обращается к размышлениям над самим собой, над тем, что происходит с его душой. Через чувственное восприятие мира душа наносит письмена на свою жизнь, которая до этого опыта была лишь «белая бумага без всяких знаков и идей» (Золотарева, 2018: 137). Проследивая взаимосвязь внешнего и внутреннего опыта, Д. Локк обращает внимание на

¹ Калашникова Н.А. Указ соч. С. 20–21.

то, что рефлексия является самодостаточной по отношению к внешнему опыту деятельностью, которая имеет направленность размышлений над своими сомнениями, переживаниями, различными состояниями и т. д., вызванными нашими чувствами и ощущениями.

По мнению Д. Юма, сущность рефлексии выражается в проявлении рефлексии над чувственным впечатлением как некоего волевого усилия человека, направленного на порождение некой идеи в его воображении. Идея рефлексии, согласно концепции Д. Юма, «...возникает путём рефлексии над деятельностью нашего собственного ума и над властью, проявляемой волей как над органами тела, так и над способностями души» (1996: 55). Как отмечает А.А. Хачатрян, «в этих целях преломилась способность человека к самоотчёту об испытываемых им фактах сознания, самоанализу собственных психических состояний – тонких духовных переживаний, операций познания, разнообразных волнений, страстей и т. д.» (2003: 17).

В немецкой классической философии понимание рефлексии рассматривается сквозь призму актуальности вопроса о формировании общественного самосознания. Так, И. Кант, обращаясь к поиску оснований познавательной способности субъекта и обоснованию идеи об априорных условиях познания, определяет рефлексии как «...осознание отношения данных представлений к различным нашим источникам познания» (1994: 248). Он полагает, что рефлексия есть особое состояние души, свойство «рефлектирующей способности суждения, побуждающее к открытию субъективных условий, позволяющих добраться до понятий» (1994: 248). Согласно И. Канту, рефлексия проявляется в логической и трансцендентальной формах. Посредством логической рефлексии воспроизводится простое сравнение представлений друг с другом в отвлечении от самой познавательной деятельности. Трансцендентальная рефлексия «содержит основание возможности объективного сравнения представлений друг с другом и образования понятий», что является обязательным условием для каждого познающего субъекта, «...кто желает а priori судить о вещах» (Кант, 1994: 250). Рефлексия как состояние души, благодаря которому производится концентрация сознания на самом себе, рассматривается одновременно не только как форма и средство познания, а также как особый модус бытия – рефлексивного уровня существования.

Развитие идеи о рефлексии получает выражение в концепции Г. Фихте как знание о знании. Рефлексия понимается как тенденция к самосознанию, как способ познания, благодаря которому происходит высвобождение сознания от привязанности к внешнему предмету. Таким свойством рефлексивности, по мнению Г. Фихте, обладает философское знание, которое должно «обосновать возможность основоположений вообще; показать, в какой мере, при каких условиях и, может быть, в какой степени что-либо может быть достоверным; ...вскрыть основоположения всех возможных наук, которые не могут быть доказаны в них самих» (Фихте, 1993: 19).

В философии Гегеля рефлексия рассматривается как движущая сила и основание развития духа, позволяющее переходить от одной формы духа к другой. Форма развёртывания духа есть рефлексия духа о самом себе. Гегель определяет рефлексии как свет, который «превращается в молнию мысли, ударяющую в самоё себя и создающую, исходя отсюда, свой мир» (1993: 146). Это способность извлечения нового знания о себе самом, которое является способом постижения бытия в целом. Человек должен развивать рефлексивную способность мышления, освоить метод «...восхождения ко многим определениям предмета и ...сведение их в некоторое единство» (Гегель, 1993: 146), тем самым научиться определять внутреннюю природу и сущность предмета. Актуализация способности к теоретической рефлексии – это путь, открывающий человеку понимание своей собственной онтологической сущности и своего жизненного пути. Пробуждение рефлексии и переход к практической рефлексии переводит человека в режим становления человеческого в человеке на основе открытия основы всего сущего и собственных онтологических оснований. Здесь звучит идея рефлексии как способа обнаружения собственной определённости и постижения своей сущности, как особом уровне осмысления мира и себя в этом мире.

Таким образом, интенция в понимании рефлексии в рационалистической традиции новоевропейской философии, провозгласившей культ разума и веру в возможности человеческого познания, способного совершенствоваться и преобразовать весь мир, непосредственно связана с реализацией практики самопознания как проявления имманентных свойств познающего субъекта. Как отмечает М.В. Думинская, обращение субъекта «к осмыслению бытия, поиску смыслов фактичности приводит к рационализации мира наличной действительности, что позволяет преодолеть первичную эмпирическую данность существования и выйти на уровень осмысленного отношения к Другому, самому себе»¹. Это дает возможность «...осуществить переход экзистенции на уровень развития, направленного на поиск и обоснование собственных предпосылок существования и усмотрение в нём внутреннего (феноменологического смысла) посредством обращения сознания на самое себя. Человек оказывается способным вносить определённый порядок не только во внешний

¹ Думинская М.В. Онтология эстетического свершения личности : дис. ... д-ра филос. наук. Сургут, 2017. С. 86.

мир, делая его соразмерным самому себе благодаря бытийственному действию сознания, но и включаться в процесс самополагания»¹. «Забота о себе» как самоосуществление человека в качестве субъекта, осознающего не только мир сущего, но и собственные состояния, возможности, мысли, следует рассматривать как актуализацию классических представлений о феномене рефлексии, отражающих один из значимых онтологических векторов осуществления современного человека.

Список источников:

- Августин. [Учение о душе и познании. Вера и разум] // Антология мировой философии: в 4 т. М., 1969–1972. Т. 1, ч. 2. 1969. С. 599–600.
- Аквинский Ф. [Метафизическая теория бытия и теория познания] // Антология мировой философии: в 4 т. М., 1969–1972. Т. 1, ч. 2. 1969. С. 854.
- Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические / Сочинения: в 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 239.
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. СПб., 1993–1994. Кн. 1. 1993. 350 с.
- Декарт Р. Беседа с Бурманом // Сочинения: в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 447–489.
- Думинская М.В. Феномен рефлексии в контексте онтологического рассмотрения // Общество: философия, история, культура. 2020. № 9 (77). С. 17–23. <https://doi.org/10.24158/fik.2020.9.2>.
- Золотарева С.А. Рефлексия личности в представлении Дж. Локка // Мотивация и рефлексия личности: теория и практика : сборник научных трудов. Хабаровск, 2018. С. 136–141.
- Кант И. Критика способности суждения // Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 5. 414 с.
- Кузнецов В.Ю. Сдвиг от классики к неклассике и наращивание порядков рефлексии в философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2008. № 1. С. 3–18.
- Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения: в 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 78–582.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики : в 8 т. М., 2000. Т. 2. Софисты, Сократ, Платон. 848 с.
- Огурцов А.П. Рефлексия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2000. Т. 3. С. 446.
- Плотин. [О диалектике] // Антология мировой философии: в 4 т. М., 1969–1972. Т. 1, ч. 1. 1969. С. 538–539.
- Фихте И.Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии // Сочинения: в 2 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 7–64.
- Хачатрян А.А. Рефлексия как принцип философского мышления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3. С. 13–23.
- Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения: в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 3–145.
- Amiot Ch. Apprendre a penser avec Platon // Etudes. 2012. Vol. 416, no. 2. P. 199–208. <https://doi.org/10.3917/etu.4162.0199>.

References:

- Amiot, Ch. (2012). Apprendre à penser avec Platon. *Études*. 416 (2), 199–208. Available from: doi:10.3917/etu.4162.0199. (In French)
- Aquinas, Th. (1969) [Metafizicheskaya teoriya bytiya i teoriya poznaniya] [Metaphysical theory of being and theory of knowledge]. In: *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of World Philosophy]. In 4 vols. Moscow, vol. 1 (2), p. 854. (In Russian)
- Augustine (1969) [Uchenie o dushe i poznanii. Vera i razum] [The doctrine of the Soul and Cognition. Faith and Reason]. In: *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of World Philosophy]. In 4 vols. Moscow, vol. 1 (2), pp. 599–600. (In Russian)
- Bacon, F. (1978) The Essays or Counsels, Civil and Moral. In: *Collected Works*. In 2 vols. Moscow, vol. 2, p. 239. (In Russian)
- Descartes, R. (1994) Conversation with Burman. In: *Collected Works*. In 2 vols. Moscow, vol. 2, pp. 447–489. (In Russian)
- Duminskaya, M. V. (2020) Phenomenon of Reflection in the Context of Ontological Consideration. *Society: Philosophy, History, Culture*. 9 (77), 17–23. Available from: doi: 10.24158/fik.2020.9.2. (In Russian)
- Fichte, J. G. (1993) Concerning the Conception of the Science of Knowledge Generally. In: *Collected Works*. In 2 vols. Saint Petersburg, vol. 1, pp. 7–64. (In Russian)
- Hegel, G. W. F. (1993) *Lectures on the Philosophy of World History*. In 3 books. Saint Petersburg, book 1. 359 p. (In Russian)
- Hume, D. (1996) An Enquiry Concerning Human Understanding. In: *Collected Works*. In 2 vols. Moscow, vol. 2, pp. 3–145 (In Russian)
- Kant, I. (1994) The Critique of Judgment. In: *Collected Works*. In 8 vols. Moscow, vol. 5. 414 p. (In Russian)
- Khachatryan, A. A. (2003) Refleksiya kak printsip filosofskogo myshleniya [Reflection as a Principle of Philosophical Thinking]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii*. (3), 13–23. (In Russian)
- Kuznetsov, V. Yu. (2008) The Shift from "Classical" to "Non-classical" Philosophy: Building Levels of Reflection. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. (1), 3–18. (In Russian)
- Locke, J. (1985) An Essay Concerning Human Understanding. In: *Collected Works*. Moscow, vol. 1, pp. 78–582. (In Russian)
- Losev, A. F. (2000) *Istoriya antichnoi estetiki* [History of Ancient Aesthetics]. In 8 vols. Vol. 2. Sophist, Sokrat, Platon [Sophists, Socrates, Plato]. Moscow. 848 p. (In Russian)
- Ogurtsov A. P. (2000) Refleksiya [Reflection]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. In 4 vols. Moscow, vol. 3, p. 446. (In Russian)
- Plotinus (1969) O dialektike [On Dialectics]. In: *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of World Philosophy]. In 4 vols. Moscow, vol. 1 (1), pp. 538–539. (In Russian)
- Zolotareva, S. A. (2018) Reflection of Personality in the View of J. Locke. In: *Motivatsiya i refleksiya lichnosti: teoriya i praktika* [Motivation and Reflection of Personality: Theory and Practice]. Khabarovsk, pp. 136–141. (In Russian)

Информация об авторе

С.А. Ескина – аспирант Сургутского государственного университета, Сургут, Россия.

¹ Думинская М.В. Указ. соч. С. 85.

Information about the author

S.A. Eskina – PhD student, Surgut State University, Surgut, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 100–103.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 100–103.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.17>

Дискурсивные и методологические ограничения исследований управления творческими процессами

Владислав Константинович Крылов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
vkrylov-19@edu.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8291-2764>

Аннотация. Данная работа представляет собой декомпозицию практик исследования творческого процесса во всем их многообразии. На базе работ Э.А. По, Н.А. Бердяева, Ю.С. Моркиной, И.А. Бесковой, К.М. Харрис, Р. де Филиппи и др. автор осуществляет пересборку и выстраивает новую линию, которая может быть более эффективна при рассмотрении творческого процесса. Подобное погружение в многообразие практик позволяет исследовать творческий процесс с той позиции, внутри которой находится его инициатор, то есть исследователь находится на позиции художника. Актуальность работы обусловлена тем, что исследуемый предмет творческого процесса может быть управляем в тесной связи со значением смыслообразующих факторов, что само по себе открывает возможности для применения в таких областях как менеджмент и управление проектами. Особое внимание в работе уделено расширению методологических инструментов, включающих системные и структуралистские подходы, практики, основанные на художественной деятельности исследователя. Кроме этого, в работе уделено внимание проблемам философской герменевтики и управления креативными индустриями.

Ключевые слова: творческий процесс, смысл, управление творчеством, креативность, управление проектами

Для цитирования: Крылов В.К. Дискурсивные и методологические ограничения исследований управления творческими процессами // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 100–103. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.17>.

Original article

Discursive and Methodological Limitations of Creative Process Management Research

Vladislav K. Krylov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
vkrylov-19@edu.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8291-2764>

Abstract. This study is a decomposition of practical research on the creative process in all its diversity. Based on the works of E.A. Poe, N.A. Berdyayev, Yu.S. Morkina, I.A. Beskova, K.M. Harris, R. de Fillippi et al., the author builds a new line that can be more effective when considering the creative process. Such immersion in diverse practices makes it possible to observe the creative process from the position within which its initiator is located, that is, the researcher is in the position of the artist. The relevance of the work lies in the fact that the studied subject of the creative process can be managed in close connection with the meaning of meaning-forming factors, which in itself opens up opportunities for application in such areas as management and project management. Particular attention is paid to the expansion of methodological tools, including systemic and structural approaches, practices based on the arts-based research. In addition, the work is focused on the problems of philosophical hermeneutics and management of creative industries.

Keywords: creative process, meaning, creativity management, creativity, project management

For citation: Krylov, V.K. (2022) Discursive and Methodological Limitations of Creative Process Management Research. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 100–103. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.17](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.17) (In Russian).

Тема управления творчеством всегда представляла интерес как для исследователей, так и для самих творцов – создателей художественных произведений и/или интерпретаторов-исполнителей, одним словом – авторов. Как можно обнаружить по свидетельствам артистов и художников, сформировать и направить на решение задач творческую энергию может быть не всегда просто. Однако часто это необходимо для того, чтобы новые произведения творились так, чтобы

создавать исключительное впечатление об их авторе, чтобы его образ представлялся типичным и узнаваемым, клишированным портретом художника, который находится в состоянии экзальтации – состоянии, когда всем его организмом руководит художественный образ произведения, которое он потом явит этому миру.

Первой в списке значимых работ по одному из направлений изучения творческого процесса на собственном материале была опубликованная Э.А. По «Философия творчества»¹. В этой работе По рассказывает о собственном методе работы над произведениями, в частности о том, как именно создавалось одно из наиболее известных его сочинений – «Ворон». Эдгар По старается развенчать миф о том, что творчество приходит к автору интуитивно и является продуктом творческого вдохновения. Он раскрывает подробности строгой системы, с помощью которой было создано данное стихотворение. Подобный подход к творческому процессу можно сравнить с логикой организации внутренних процессов в сфере менеджмента проектов. Данную позицию можно взять за основу в качестве одного из полярных подходов к творческому процессу для построения полной картины исследуемого объекта.

По контрасту с исследовательской позицией предыдущего автора Н. Бердяев в своей работе «Смысл творчества» говорит о научном изыскании, которое, как и художественное творчество, не всегда имеет ясное представление о том результате, который будет получен по результатам творческого процесса. Его представление о творчестве, в которое безусловно вовлечен его автор, представляется особенно понятным в ключе связи между субъектом творчества и его объектом: «Трагедия творчества и кризис культуры с особенной остротой переживаются русским гением. В строе русской души есть противление тому творчеству, которое создает дурно-бесконечную, буржуазно-серединную культуру, есть жажда творчества, которое создает новую жизнь и иной мир. Душа России как бы не хочет создавать культуру через распад субъекта и объекта. В целостном акте хочет русская душа сохранить целостное тождество субъекта и объекта»².

Опираясь на эти два полярных подхода, можно предварительно заключить, что управление творческим процессом содержит различные уровни восприятия, которые могут быть интерпретированы и сконструированы в совершенно различных независимых системах представлений. При рассмотрении каждого уровня по отдельности мы можем использовать необходимую методологию. Она может встраиваться в соответствующую парадигму, представленную данным уровнем, на котором находится процесс в исследуемом объекте. Тем более, как показывает практика, каждый творческий замысел представляет собой определенный проект с присущими ему одному характеристиками, то есть управление таким объектом можно, с определенной долей допущения, представить как проектное управление, где один из уровней этой модели будет функционировать по законам менеджмента управления проектами. При этом, в таком подходе необходимо учесть, что содержательный уровень рассмотрения может быть выстроен в любой из полярных зон представленной системы, и он должен определяться на базе смыслообразования и других творческих характеристик, а не путем административного-командного управленческого решения.

Исследуя творческий процесс, представляя его ограничения предельно широко, мы ставим задачу проникнуть во внутренние процессы, происходящие в творческом сознании их инициатора, автора идеи, художника. Это позволит увидеть, каким именно образом формируется мир смыслов и как он преодолевает порог сознания, обретая самостоятельную жизнь – «в свободном поле логического становления путем перехода от одного дискурса к другому» (Астафьева, 2012: 397). Во множестве современных подходов рассматривается как участие интерпретатора, так и творческая индукция восприятия художественного произведения в качестве ключа к исследованию творчества. Ю.С. Моркина представляет творческий процесс следующим образом: «Свобода переживания художественных произведений и обеспечивает собственно художественный эффект, когда интерпретатор есть и само рассматриваемое произведение, и его со-автор в активном со-творчестве» (Моркина, 2016: 244).

Мы стремимся обратить внимание читателя на весь набор представлений о творческом процессе как о деятельности, которая может быть осуществлена различными путями, от строго организованного формирования структуры, образов, формообразующих элементов, знаков и смыслов до абсолютно противоположенного подхода рождения произведения на одном вдохновении, без ограничения полета фантазии какими-либо системными и структурными ограничениями. Предполагая возможность таких подходов к творчеству, мы видим следующей задачей углубиться в содержательную сторону творческого процесса. И если одним из важнейших факторов восприятия художественного произведения является проблема интерпретации, то процесс создания художественного произведения – это процесс формирования новых смыслов: «Искра

¹ По Э.А. Стихотворения. Новеллы. Повесть о приключениях Артура Гордона Пима. Эссе. М., 2003. 765 с.

² Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М., 2018. С. 173.

творчества озаряет новые горизонты социального бытия, создавая ранее не ведомые культурные смыслы человеческого мышления, действия и социальной организации. В соответствии с этим определением новый смысл – главный компонент, альфа и омега творческого процесса» (Смирнова и др., 2016: 14). Единственная оговорка, которую необходимо сделать при обращении к изучению творчества через попытку обратиться к значениям смысла – само по себе значение этого термина восходит к теоретико-сложностным представлениям, «в исследовании смысла следует исходить из презумпции того, что изучение смысла как идеальной предметности эпистемологии и философии в целом осуществляется в сложностном контексте» (Смирнова и др., 2016: 19).

Это позволяет нам обратиться к направлению философской герменевтики для работы с понятием смысла, истолкований смысла и поиска подходящих смыслообразующих конструкций. Нас интересует философская герменевтика с точки зрения влияния порождаемого смысла на творческий процесс, а также их взаимная индукция. Если творчество порождает смысл, то идея, также содержащая в себе определенные смыслы, порождает творчество. Именно по этой причине мы не можем исследовать творческий процесс в отрыве от смысла, который он формирует. При этом возникает не только отождествление творца и творческого процесса, но и происходит непосредственное воздействие на человека на личностном уровне. Подобное рассмотрение можно увидеть в работе И.А. Бесковой: «Реперными точками изучаемой динамики могут выступать сменяющие друг друга позиции: сперва “Вот Я, а вот Оно”, где “Оно” – это нечто внеположное “Я” и противопоставленное ему; затем отношение наподобие киплинговского “Мы с тобой одной крови, ты и я!”; и, наконец, позиция глубинной отождествленности с предметом интереса: “И это тоже Я”» (Бескова, 2019: 51). Исследование творчества в подобном ключе через личностную динамику требует определить, в какой мере творчество отождествляется с субъектом, и в каких рамках мы можем в данном случае определить значение этого термина. Здесь важным аспектом рассмотрения Бескова выделяет «условия продуцирования всецело нового – того обретаемого смысла, который в момент своего рождения ни эксплицитно, ни имплицитно не содержится в уже имеющемся знании даже в форме зародыша результирующей идеи» (Бескова, 2019: 52).

Для того, чтобы подобраться к пониманию творческого процесса так, чтобы появилась возможность им управлять, или, что более верно – направлять (используя термин Н. Моисеева «направляемое развитие» (Моисеев, 2001: 173)), необходимо разработать более детальные методы исследования. Здесь, как показывают современные практики, одним из ключевых методов является Arts-based research (исследование, основанное на художественных практиках). Использование подобного подхода будет оправдано по той причине, что в нашем случае исследуемый объект всецело субъективен, а это в свою очередь требует вовлеченности в творческий процесс как его инициатора, так и исследователя. «Эти методы (Art-based research) находят новое применение творческим практикам с целью целостного решения исследовательских задач; этот процесс включает в себя участие исследователя в качестве художника в создании произведений искусства как способа познания»¹ (Harris, 2019: 91).

В данной работе был проведен анализ методологии и дискурсивных практик по проблематике управления творческими процессами, которые исследовались в дисциплинарных рамках. В исследованиях творческих аспектов креативных индустрий представлено рассмотрение аспектов управленческих характеристик этих процессов и результатов подобных решений, и представлены успешные решения творческой задачи в голливудских командах кинопроизводства, где появление нового творческого сотрудника позволяло успешной сыгранной команде создавать что-то новое более креативно (DeFillippi et al., 2007). Мы совместили этот подход с полным погружением исследователя в процесс путем со-творчества и взаимосвязи автора и его произведения, как в подходах Н. Бердяева или И.А. Бесковой. Подобное методологическое «интегрирование» позволило выявить методологические ограничения исследования творческого процесса, которые в настоящее время не предоставляют исследователю возможности рассмотреть процесс со-творчества изнутри. При переходе к методологии погружения в исследуемый процесс и дискурсивного анализа, мы сможем продвинуться в исследовании философии управления творческим процессом.

Список источников:

- Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию культуры (Глава 10) // Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / под ред. Ю.М. Резника. М., 2012. С. 395–436.
Бескова И.А. Самотрансформация личности в творческом процессе // Человек. 2019. Т. 30. № 3. С. 50–60. <https://doi.org/10.31857/S023620070005379-3>.
Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001.

¹ These tools find a new use for the tenets of the creative arts with the purpose of addressing research inquiries holistically; therefore, this process involves the researcher engaging as an artist in art making as a way of knowing.

- Моркина Ю.С. Миры художественных произведений: феноменология интерпретации // Философия творчества: Когнитивные и социокультурные измерения / Ред. Смирнова Н.М., Майданов А.С. М., 2016. С. 235–255.
- Смирнова, Н.М., Горелов А.А., Моркина Ю.С. Творчество, смысл, интерпретация. М., 2016. 139 с.
- DeFillippi, R., Grabher, G., Jones, C. Introduction to Paradoxes of Creativity: Managerial and Organizational Challenges in the Cultural Economy // *Journal of Organizational Behavior*. 2007. Vol. 28. Iss. 5. P. 511–521. <https://doi.org/10.1002/job.466>.
- Harris, K.M. The act of creation triggers gnosis. San Francisco, 2019. 154 p.

References:

- Astafieva, O.N. (2012) Sinergeticheskiy podkhod k issledovaniyu kul'tury (Glava 10) [Synergetic approach to the study of culture]. In: Reznik, Yu.M. (ed.) *Teoriya kul'tury: raznoobraziye podkhodov i vozmozhnosti ikh integratsii* [Theory of culture: diversity of approaches and the meaning of their value]. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga. P. 395–436. (In Russian)
- Beskova, I.A. (2019) Self-transformation of personality in the creative process. *Human being*. (30:3). 50–60. Available from: doi:10.31857/S023620070005379-3. (In Russian)
- DeFillippi, R., Grabher, G., Jones, C. (2007) Introduction to Paradoxes of Creativity: Managerial and Organizational Challenges in the Cultural Economy. *Journal of Organizational Behavior*. (28:5). 511–521. Available from: doi:10.1002/job.466.
- Harris, K.M. (2019) The act of creation triggers gnosis. San Francisco, CA: ProQuest LLC.
- Moiseev, N.N. (2001) *Universum. Informatsiya. Obshchestvo* [Universum. Information. Society]. Moscow: Ustoychivyy mir. (In Russian)
- Morkina, Y.S. (2016) *Miry khudozhestvennykh proizvedenii: fenomenologiya interpretatsii* [Worlds of artistic works: phenomenology of interpretation]. In: Smirnova, N.M., Maidanov, A.S. (eds.) *Filosofiya tvorchestva: Kognitivnyye i sotsiokul'turnyye izmeneniya* [Philosophy of Creativity: Cognitive and sociocultural dimensions]. Moscow: INTELL. P. 235–255. (In Russian)
- Smirnova, N.M., Gorelov, A.A., Morkina, Yu.S. (2016) *Tvorchestvo, smysl, interpretatsiya* [Creativity, meaning, interpretation]. Moscow: IF RAN. (In Russian)

Информация об авторе

В.К. Крылов – аспирант кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1085906.

Information about the author

V.K. Krylov – PhD student, UNESCO Department of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1085906.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 104–110.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 104–110.

Научная статья

УДК 1(091):141

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.18>

Ценностный анализ и современное значение марксистского взгляда на свободу

Чжао Хун¹, Дмитрий Геннадьевич Миронов²

^{1,2}Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ZhaoHong2019@yandex.ru

²d-21312556@yandex.ru

Аннотация. Марксистский взгляд на свободу основан на практической деятельности людей. Согласно ему истина, добро и красота являются одновременно целями и ценностями человеческого развития, реализация которых приводит к достижению единства субъекта и объекта. Марксистское учение о свободе имеет особое значение для организации активной практической деятельности человека, обогащения внутреннего мира людей, расширения их духовной свободы и повышения уровня эстетического восприятия, наслаждения красотой. В статье представлено теоретическое и практическое значение марксистского взгляда на свободу для современного социума, которое имеет чрезвычайно важное влияние на сознательную приверженность людей идеям достижения коммунизма как всеобщей свободы. Отмечается положительный опыт реализации концепции К. Маркса и Ф. Энгельса в Поднебесной, который должен стать примером для распространения ее ценностных приоритетов по всему миру.

Ключевые слова: марксизм, свобода, ценностный анализ, общественное развитие, коммунизм

Для цитирования: Чжао Хун, Миронов Д.Г. Ценностный анализ и современное значение марксистского взгляда на свободу // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 104–110. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.18>.

Original article

The Value Analysis and Contemporary Meaning of Marxist View of Freedom

Zhao Hong¹, Dmitry G. Mironov²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ZhaoHong2019@yandex.ru

²d-21312556@yandex.ru

Abstract. The Marxist view of freedom is based on the practical activities of people. According to him, truth, goodness and beauty are both goals and values of human development, the realization of which leads to the achievement of the unity of subject and object. The Marxist doctrine of freedom is of particular importance for organizing active practical human activity, enriching the inner world of people, expanding their spiritual freedom and increasing the level of aesthetic perception, enjoyment of beauty. The article presents the theoretical and practical significance of the Marxist view of freedom for modern society, which has an extremely important impact on people's conscious commitment to the ideas of achieving communism as universal freedom. There was marked the positive experience of implementation of the concept of K. Marx and F. Engels in the Middle Kingdom, which should become an example for spreading its value priorities around the world.

Keywords: Marxism, freedom, value analysis, social development, communism

For citation: Hong Zhao & Mironov D.G. (2022) The Value Analysis and Contemporary Meaning of Marxist View of Freedom. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 104–110. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.18](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.18) (In Russian).

Когда Маркс и Энгельс создавали свою теорию, они четко сформулировали ее методические предпосылки, согласно которым теоретические постулаты должны основываться на реальной практической деятельности людей, отражать человеческое понимание мира и отражать трансформации этого понимания. Итогом должна была стать теория, показывающая, как достигается подлинная человеческая свобода и каждый индивид получает возможность всестороннего развития. Марксистский взгляд на свободу и всестороннее развитие человека исходит из реальной практики социума. «Животные поддерживают собственное выживание в процессе инстинктивной и пассивной адаптации к окружающей среде, поэтому способ существования животных — это их инстинктивная деятельность. В отличие от этого, люди поддерживают свое собственное

выживание и развитие в процессе активного целенаправленного преобразования природы, поэтому способ человеческого существования – это практическая деятельность» (Ян Гэн, 2012). Итак, в этом смысле марксистский взгляд на свободу проистекает из практики, и его ценность – тоже. Однако учение об освобождении человека и его всестороннем развитии направлено на то, чтобы показать, как люди движутся от актуального общества к обществу будущего. Практика – это не только процесс производства и воспроизводства людей, но также «и вся полнота материальных условий для целостного, универсального развития производительных сил индивида» (Маркс, Энгельс, 1968: 288). Следовательно, конечной целью практической деятельности человеческого общества всегда было стремление к «человеческой свободе и всестороннему развитию», а также желание построить для этой цели чистый мир «истины», «добра» и «красоты». Другими словами, практическая деятельность должна соответствовать не только гражданским, но и нравственным законам. Кроме того, каждому человеку необходимо учитывать социальное влияние и значимость своих действий для других. Для этого они должны базироваться на представлениях об истине, добре и красоте. Нравственные категории являются определяющими в достижении людьми настоящей свободы. Рассмотрим их подробнее.

Истина – это объективные положения, которые можно понять только с помощью рационального мышления. Она очевидна, достоверна и является основой знаний и практики для людей, для дальнейшего понимания и преобразования ими окружающего мира.

Добро – это основа и конечная цель знания с эпистемологической точки зрения. Добро является высшей нравственной ценностью. Разумное существование подчинено добру, это универсальная истина. Она в концентрированном виде выражает ценностную коннотацию марксистского взгляда на свободу.

Красота – это своего рода субъективное и объективное единство.

В марксистском взгляде на свободу существует диалектическое единство между истиной, добром и красотой. Красота – это средство достижения истины, истина – это предпосылка добра, добро – это единство истины и красоты и высший стандарт для их измерения. Когда все три категории объединяются, тогда происходит освобождение человеческого общества – устанавливается коммунизм. Дело в том, что объекты практики оцениваются не только как «истинные», но также как «хорошие» и «прекрасные». Благодаря практической деятельности людей объединяются «должное» и «действительное», «идеальное» и «реальное», «ценность» и «факт», «цель» и «средство», «ожидание» и «результат». То есть «добро» и «красота», как и «истина», не только остаются в поле мысли, сознания людей, но также входят в область феноменального и материализуются в результате практической деятельности. При этом люди также обретают свободу – свободу покорять и преобразовывать природу, руководить действиями людей или законосообразной субъективной инициативой, глубже проникать в тайны окружающего мира в процессе практики, постигать закон, а также свободу развития собственной инициативы, личности и творчества. Формирование концепции свободы, освобождение человеческого общества и реализация коммунизма – все это результаты постоянного стремления людей к истине, добру и красоте. Следовательно, ценностная цель марксистского взгляда на свободу заключается в достижении человеческой свободы и всестороннего развития, а также в том, чтобы дать людям логическое понимание будущего общества, веру и мужество для стремления к свободе. «Ценностный идеал человеческой свободы и всестороннего развития – это высшая ценностная мера для измерения состояния общественного развития, регулирования социальной активности людей и корректировки процесса исторического развития» (Чэнь Лицзюнь, Чжан Сюэцзюнь, 2003).

Стремление к свободе осуществляется людьми определенного качества в определенном обществе при определенном взаимодействии с природой. Согласно такой точке зрения, марксистский взгляд на свободу выдвигает особые ценностные требования к отношениям между человеком и обществом, а также между человеком и природой. Назовем их.

1. Постоянное развитие активной гражданской позиции личности, самосовершенствование каждого человека. В современном цивилизованном обществе, в основе функционирования которого лежит рыночная экономика, необходимо популяризировать сознательный творческий образ жизни, стержнем которого является проявление гражданской ответственности личности. На Западе появление понятия «гражданин» связано с формированием категории равноправия в социуме. Возникновение гражданства является «сознательным отражением и требованием внутреннего духа свободной и автономной деятельности человечества» (Юань Цзуше, 2003: 352). В состав понятия гражданства входит осознание рациональности, законности, необходимости участия в общественной жизни и активная позиция личности. Это обязательные требования для политической эмансипации социальных членов цивилизованного общества, которая представляет собой «сведение человека, с одной стороны, к члену гражданского общества, к эгоистическому, независимому индивиду, с другой – к гражданину государства, к юридическому лицу» (Маркс, Энгельс, 1955а: 406).

Проявлением роста гражданственности в современном обществе является установление и совершенствование демократического централизма. В социалистических же условиях обеспечивается сотрудничество граждан друг с другом на принципах справедливости, свободной конкуренции и саморазвития. Последнее можно охарактеризовать как стремление к самосовершенствованию, реализуемое с применением доступных социальных и внутренних личностных средств индивида.

Совершенство личности – это проявление единства истины, добра и красоты в человеке, что считается более драгоценным, чем физическая жизнь. Формирование личностного совершенства является результатом основанного на практике мышления, культуры, навыков, морали, чувств развития человека. Общество постоянно развивается, поэтому сознание и мышление людей также должны изменяться и улучшаться соответственно социальным требованиям. Так, люди должны уметь анализировать и использовать в собственной практической деятельности инновационные технологии, являющиеся знаком времени для социума, обладать научным мировоззрением, твердой верой в свои силы, прагматическим стремлением к достижению лучшего, взаимодействовать друг с другом на основе равенства и уважения.

Совершенствование личности является активной движущей силой для достижения человеческого освобождения, поэтому Маркс писал: «Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и в качестве индивидуального человека в своей эмпирической жизни, в своём индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет родовым существом; лишь тогда, когда человек познает и организует свои “собственные силы” как общественные и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде политической силы, – лишь тогда свершится человеческая эмансипация» (Маркс, Энгельс, 1955а: 406).

2. Преобразование, восстановление и улучшение существующей социальной структуры. Это важная часть марксистского взгляда на свободу. Установление коммунистического общества требует совокупных усилий всех ячленов общества. Это не результат независимой практики отдельного человека, а социальная система, которая предполагает взаимосвязь и координацию друг с другом членов общества, что требует разумного ее организационного устройства. В процессе эмансипации человечества, с каждым шагом, который человечество делает вперед, должны происходить соответствующие изменения в социальной системе. В «Нищете философии» Марксом отмечено: «Освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает создание нового общества. Для того чтобы угнетенный класс мог освободить себя, нужно, чтобы приобретенные уже производительные силы и существующие общественные отношения не могли долее существовать рядом» (Маркс, Энгельс, 1955в: 184). Какую систему установила «система, созданная коммунистами»? С точки зрения реального социального развития разумная и полная общественная структура должна включать четыре составляющих: высокоразвитую социально-экономическую систему, научно управляемую систему социальной организации, передовую и благородную систему социальных концепций и адекватную систему социального обеспечения. Создание такой структуры является общественной основой реализации свободы человека.

3. Справедливое распределение социальной власти. Б. Рассел отмечал, что борьба за власть – одно из различий между людьми и животными. Он утверждает: «Среди безграничных желаний человечества стремление к власти и стремление к чести являются высшим приоритетом» (Russell, 1938). Реализация свободной власти также требует необходимого справедливого и разумного ее распределения. Монтескье глубоко изложил эту мысль в своей книге «О духе законов» (Монтескье, 1999). Он предположил, что наиболее эффективной гарантией гражданских свобод является разделение властей, то есть распределение государственных функций (полномочий) между отдельными и независимыми лицами, то есть власть правительства разделена на законодательную, исполнительную и судебную. В этом случае исключены злоупотребления полномочиями для достижения так называемой «свободы». Также должен быть отработан механизм ограничения власти, иначе она легко превратится в диктатуру и станет орудием «удушения» свободы. Следовательно, в процессе стремления людей к свободе, при справедливом и разумном распределении социальной власти необходимо осуществлять демократическое политическое строительство. Содержание такой политики состоит в том, чтобы позволить всем людям иметь власть. Эти идеи позже были применены марксистами в ходе пролетарской революции, хотя впервые они были озвучены в социуме на стадии ранних буржуазных революций. В «Манифесте Коммунистической партии» сказано: «Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии» (Маркс, Энгельс, 1955в: 446). Такая политика может обеспечить не только власть народа, но и работу системы контроля власти, тем самым работая на реализацию свободы каждого человека. Таким образом, без распределения власти не может быть свободы.

4. Опосредование отношений между человеком и природой для достижения гармонии и единства. Человеческое существование и развитие не могут быть отделены от природы. Природа является основным состоянием всего предметного мира и материальной основой для выживания человеческого общества. Изначально люди были рабами природы, то есть субъектами, зависимыми от нее; они были бессильны перед лицом стихийных угроз. С развитием науки и техники способность человечества подчинять себе природу постепенно увеличивалась и в конечном итоге достигла максимума. Однако чрезмерное использование своего преимущества, доминирование человека над природой привели к множеству неожиданных и негативных последствий для людей. Следовательно, для достижения человеческой свободы необходимо не доминировать над природой, а сотрудничать с ней, формировать гармоничные отношения между индивидом и окружающей средой. Они воплощаются в единстве процессов гуманизации природы и натурализации человека. С одной стороны, это позволяет человеческой практике достичь состояния свободы и сознания, с другой – обеспечивает естественному миру существование и развитие в органичном состоянии.

В настоящее время, хотя наука и технологии становятся все более и более продвинутыми, а субъективная инициатива людей усиливается, отношения между ними и природой становятся все более гармоничными, концепция признания человека в качестве господина над природой постепенно ослабевает, и люди все больше уважают и оберегают природу. Это очень мудрое решение, поскольку человечество погибнет. Понимание этого проникло в сознание людей.

В свете сказанного имеет смысл рассмотреть современное значение марксистского взгляда на свободу.

«Цель философского исследования состоит не только в том, чтобы описать жизнь, раскрыть законы “бытия” (включая внешний мир и человеческое мышление), сделать мышление ясным и экономичным. Эра, в которой мы живем, создала фундаментальные ценности, которые могут направлять нашу жизнь» (Фэн Пин, 2002).

Марксистский взгляд на свободу основан на практике и руководствуется историческим материализмом. Он теоретически указывает направление развития и устремления человеческого общества. В его рамках объективно и разумно анализируются потребности людей, а также отношения диалектического единства между человеком и обществом, человеком и природой. Специфической социальной формой этого диалектического единства отношений является коммунистическое общество, реализация которого станет признаком достижения человеческого освобождения, к которому мы стремимся. Человечество получает полное освобождение, и это должно сделать его истинным хозяином природы и общества: «Всякая эмансипация состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку» (Маркс, Энгельс, 1955а: 406). Это утверждение определяет цель человеческого стремления и направление общественного развития, тем самым делая его деятельность более осознанной.

Марксистский взгляд на свободу позволяет нам более ясно понять теоретический смысл коммунистической практики. Маркс и Энгельс однажды отметили, что человеческое освобождение состоит в достижении коммунизма, который представляет собой не просто научную идеологическую систему и разумную организацию общества, это практика человеческого существования, базирующаяся на принципах равноправия. «Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» (Маркс, Энгельс, 1955б: 34).

Конечно, в этом «движении реальности» неизбежны различные противоречия, такие как субъективное и объективное, знание и практика и т. д. Чтобы понять и разрешить их, необходимо следовать марксистскому взгляду на свободу, использовать его как руководство к действию и постоянно анализировать и изучать практику коммунизма, чтобы достичь единства субъективности и объективности, а также сочетания теории и практики.

Марксистская теория – это алгоритм действий людей, а его взгляд на свободу – это теоретическая основа для реализации человеческих усилий по достижению коммунизма, для социальных преобразований на основе разумности и соответствия человеческим потребностям. Общество, созданное с помощью этой теории, должно быть рациональным и свободным. Оно полностью отражает раскрепощение человеческой личности. Конечно, реализация любой теории общественного развития предполагает определенные этапы и региональные различия. Следовательно, в процессе сегодняшней мировой интеграции возникновение и существование мультиполяризации можно полностью понять и оправдать теоретическими постулатами марксистской теории.

В соответствии с идеями К. Маркса и Ф. Энгельса существует теоретический план политического, экономического и культурного строительства общества. Политическая эмансипация – важное содержание марксистского взгляда на свободу. Политическая демократизация – основное условие ее реализации, предполагающее распределение власти. По этой причине марксист-

ский взгляд на свободу предлагает максимизацию индивидуальных прав и справедливость социальных прав, чтобы гарантировать, что каждый имеет разумные и равные возможности для участия в социальных делах. Только обладая пониманием распределения власти в теории, мы можем создать конкретные схемы для реализации национальных политических систем с высокой работоспособностью на практике, с учетом реальных условий.

Выдающимся экономическим достижением мировой истории является экономическая глобализация. Каждая страна, регион, нация и отдельный человек, чтобы обеспечить свои производственные и жизненные потребности, должны присоединиться к глобальной экономической интеграции, стать участниками мирового рынка. Таким образом, экономическая глобализация заложила прочную материальную основу для освобождения человечества, то есть для создания свободного общества. По этой причине Маркс и Энгельс уделяли большое внимание развитию производительных сил. Они отмечали: «Развитие производительных сил является абсолютно необходимой практической предпосылкой ещё и потому, что без него имеет место лишь всеобщее распространение бедности; а при крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость» (Маркс, Энгельс, 1955б: 33).

В культурном отношении марксистский взгляд на свободу дает нам теоретическую основу для создания модели культурного разнообразия. С одной стороны, формирование и развитие всемирной истории не исключает и не отрицает существования отдельных культур, каждая из которых относительно концентрированно отражает специфику страны или нации, а также составляет богатство мировой культуры. С другой стороны, потребности людей разнообразны в зависимости от культуры. Следовательно, существование разных культур может удовлетворить потребности разных людей, а также может отражать культурную свободу людей. Таким образом, тенденция развития культуры – культурное разнообразие. Столкнувшись с возможностями культурной диверсификации, люди должны относиться к ней правильно, они не могут и не должны измерять и регулировать другие культуры с помощью своей модели, также как не должны позволять другим культурам фундаментально отрицать свою культуру. Вместо этого необходимо идентифицировать их и относиться к ним в соответствии с имеющимися потребностями.

Марксистский взгляд на свободу обеспечивает также теоретическую основу для создания и улучшения гражданского сознания и личности. Гражданство – это реальное проявление стремления людей к свободе. Оно «составляет столпы современной демократической политики, рыночной экономики и верховенства закона, а также является важной внутренней движущей силой общества» (Юань Цзуше, 2003: 361). Установление гражданства – это постепенный процесс, который является «естественным результатом политической и человеческой эмансипации в результате дуализации гражданского общества и политического государства» (Юань Цзуше, 2003: 361). При установлении такого гражданства необходимо руководствоваться марксистской концепцией свободы. Согласно ей она государство рассматривается как великий организм, в котором должны реализовываться правовая, нравственная и политическая свобода, причём отдельный гражданин, повинувшись в целом законам государства, подчиняется только естественным законам своего собственного разума (Маркс, Энгельс, 1955а: 112). Из этого мы можем заключить, что установление демократической политики, надежность системы и продвижение морали – первостепенные задачи в процессе установления гражданства. Помимо этих внешних (социальных) факторов требуются также внутренние (личные), зависящие от самого человека. Чем выше степень совершенства личности индивида, тем развитее его гражданское сознание. Причем оно является проявлением не только индивидуальных приоритетов, но также включает преданность общественному делу и требует, чтобы каждый индивид в совокупности с другими защищал интересы социума. В этой связи Маркс однажды заметил: «Они считают долгом человека требовать прав человека и гражданина не только для себя самого, но и для всякого человека, выполняющего свои обязанности. Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» (Маркс, Энгельс, 1960: 13).

Марксистский взгляд на свободу основан на обществе и природе и теоретически представляет людям научный метод правильного понимания и признания свободы. Марксистская философия считает, что существование всего не изолированно, а взаимосвязано. Таким образом, марксистский взгляд на свободу показывает, что она является единством человека, общества и природы. Это не спонтанный синтез, а результат сознательной практики. В прошлом, пытаясь понять идею свободы, люди рассматривали ее с точки зрения атрибута человеческого общества обществом, игнорируя при этом отношения между людьми и природой, обществом и природой, что вело на практике к неизбежным проблемам. Это пример одностороннего и неполного понимания марксистского взгляда на свободу. Следовательно, необходимо избавиться от концепции, ориентированной только на личность или общество, и сформировать гармоничную и единую концепцию развития личности, общества и природы в практике свободы.

С точки зрения практического значения марксистского взгляда на свободу следует сказать следующее. Он предоставляет нам научные методы и принципы разрешения реальных социальных противоречий. Развитие человеческого общества по сей день связано как с позитивными, так и с негативными тенденциями внутри него. Отношения в социуме характеризуются противоречивостью и риском возникновения конфликтов между людьми, людьми и обществом, людьми, обществом и природой. Схематично противостоящие стороны можно обозначить следующим образом: независимость личности и личная зависимость, демократия и автократия, справедливость и эгоизм, равенство и привилегии, власть и обязательства, развитие и защита и т. д. Когда человечество вошло в общество товарной экономики, эти противоречия и конфликты стали более заметными. Особенно это очевидно, когда некоторые люди ставят свои личные и безграничные эгоистические желания выше общества и природы и пытаются их реализовать за счет социального хаоса и разрушения окружающей среды. Решение этих проблем требует философского осмысления, исторического, диалектического и специального анализа и исследования. Марксистский взгляд на свободу является ключом к преодолению указанных проблем. Его можно использовать в качестве руководства, чтобы иметь возможность реализовывать концепции и идеи по гармоничной интеграции человека, общества и природы в исторический процесс. Это поможет не только реализовать личные желания индивидов, но и будет способствовать развитию социальной цивилизации и обеспечению экологического равновесия.

Марксистский взгляд на свободу определяет практические цели и подходы к воспитанию и всестороннему развитию людей. Осуществление человеческого освобождения в конечном счете зависит от осознания его гражданской осведомленности, совершенствования личности и улучшения индивидуальных качеств. Чтобы достичь идеала свободного общества, марксистское учение обозначает очень четкую реалистичную цель обучения людей, которая состоит в том, чтобы использовать передовые теории для развития человека с научным мировоззрением, твердой верой, прагматизмом, живущего в справедливом обществе. Только такой человек может воплощать на практике ценности истины, добра и красоты, способен сознательно разрешать и контролировать различные противоречия и конфликты, а также координировать и уравнивать отношения между людьми; только такие люди могут по-настоящему стать гражданами современного общества и способствовать свободному прогрессу человечества.

Следует отметить, что марксистский взгляд на свободу укрепил наши представления о возможности достижения коммунизма. Это не фантастика и не утопия, а неизбежность исторического развития в единстве высших устремлений человечества, результат наиболее совершенного сочетания объективной основы и субъективной инициативы. Конечно, мы не можем отрицать, что путь достижения коммунизма полон трудностей, сложностей и неопределен во времени, он требует совместных усилий многих из нас. Хотя мы не можем реализовать коммунизм за короткий период времени, каждый из наших идеалов является частью общих идеалов человечества. Жизнь каждого нашего поколения – это приближение к высшей цели человечества, глубокий опыт совершенной жизни и самопревосхождения. Этот опыт, варьирующийся от установления личных идеалов до завершения социальных преобразований, должен основываться на марксистской концепции свободы.

Марксистский взгляд на свободу основан на актуальной реальности и при этом выходит за рамки этой реальности. Это требует от нас следовать ему при определении направлений общественного развития. Только так у человечества получится осознать, что такое человеческая свобода. Приведем пример комплексного развития. Китай – большая страна с населением 1,4 млрд человек. Такое количество людей нелегко привести к свободе и всестороннему развитию, внедряя в их сознание руководящие принципы и политические ориентиры. Данное обстоятельство требует того, чтобы Коммунистическая партия Китая упорно работала над продвижением и реализацией свободного и всестороннего развития людей с помощью стратегий омоложения страны, развития науки и образования, укрепления положения страны в мировом пространстве с помощью внедрения независимых инноваций и использования талантов граждан. Сегодня мы должны преодолеть догматизм в изучении марксистского взгляда на свободу, исходя из реальности Китая и в соответствии с международной ситуацией, учитывая национальные особенности построения социализма в Поднебесной. В гармоничном социалистическом обществе мы стремимся найти путь к человеческой свободе и всестороннему развитию. Если Китай сможет хорошо следовать этому пути, это определенно повлияет на весь мир и будет способствовать более быстрому освобождению всего человечества. Это будет еще одним большим вкладом Китая в человеческий прогресс.

Список источников:

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1955а. Т. 1. 700 с.

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1955б. Т. 3. 630 с.
 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1955в. Т. 4. 616 с.
 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1960. Т. 16. 840 с.
 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1968. Т. 46. Ч. 1. 560 с.
 Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. 672 с.
 冯平, 《重建价值哲学》, 北京: 哲学研究, 2002 年 = Фэн Пин. Восстановление философии ценности. Пекин, 2002. 7 с.
 杨耕, 《马克思主义历史观研究》, 北京: 北京师范大学出版社, 2012 年 = Ян Гэн. Исследование марксистского взгляда на историю. Пекин, 2012. 272 с. (на кит. яз.)
 袁祖社, 《权利与自由》, 北京: 中国社会科学出版社, 2003 年 = Юань Цзюше. Право и свобода. Пекин, 2003. 364 с.
 陈立军, 张学军, 《马克思主义人文精神的内涵及现实意义》, 兰州: 西北师范大学学报, 2003 年 (2) = Чэнь Лицзюнь, Чжан Сюэцзюнь. Внутреннее море и практическое значение гуманистического духа марксизма. Ланьчжоу, 2003. 105 с.
 Russell B. Power: A New Social Analysis. L., 1938. 305 p.

References:

- Chen Lijun & Zhang Xuejun (2003). [*The Inner Sea and Practical Meaning of Humanistic Spirit of Marxism*]. Lanzhou. 105 p. (in Chinese).
 Feng Ping (2002). [*Restoring the Philosophy of Value*]. Beijing. 7 p. (in Chinese).
 Marks, K. & Engel's, F. (1955) *Sochineniya [Essays]*. Vol. 1. Moscow. 700 p. (in Russian).
 Marks, K. & Engel's, F. (1955) *Sochineniya [Essays]*. Vol. 3. Moscow. 630 p. (in Russian).
 Marks, K. & Engel's, F. (1955) *Sochineniya [Essays]*. Vol. 4. Moscow. 616 p. (in Russian).
 Marks, K. & Engel's, F. (1960) *Sochineniya [Essays]*. Vol. 16. Moscow. 840 p. (in Russian).
 Marks, K. & Engel's, F. (1968) *Sochineniya [Essays]*. Vol. 46-1. Moscow. 560 p. (in Russian).
 Montesquieu, Sh. L. (1999) *O dukhe zakonov [About Spirit of Laws]*. Moscow. 672 p. (in Russian).
 Russell, B. (1938) *Power: A New Social Analysis*. London. 305 p.
 Yang Geng (2012) [*Study of the Marxist View of History*]. Beijing. 272 p. (in Chinese).
 Yuan Zishi (2003) [*Law and Freedom*]. Beijing. 364 p. (in Chinese).

Информация об авторах

Чжао Хун – аспирант кафедры истории зарубежной философии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Д.Г. Миронов – кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=734097.

Information about the authors

Zhao Hong – Postgraduate Student, Department of History of Foreign Philosophy of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

D.G. Mironov – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of History of Foreign Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=734097.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.05.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.06.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 111–116.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 111–116.

Научная статья
УДК 94(410)“1829/1850”
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.19>

Сэр Роберт Пиль (1788–1850): штрихи к портрету «консервативного реформатора» (часть 2, 1829–1850)

Виктор Викторович Клочков^{1✉}, Назарова Вероника Сергеевна²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

¹vicpeel@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1850-6096>

²<https://orcid.org/0000-0002-2583-121X>

Аннотация. Рассматривается политическая и интеллектуальная биография одного из основателей современного консерватизма и Консервативной партии Великобритании сэра Роберта Пила. Во второй части статьи исследуется политическая карьера Р. Пила с 1829 г., когда он принял активное участие в разрешении политического кризиса, связанного с эмансипацией католиков, и до падения его второго кабинета в 1846 г. Также изучаются деятельность Р. Пила в период проведения парламентской реформы 1832 г. и его усилия по созданию Консервативной партии в период пребывания тори в оппозиции в 1830–1834 гг. Особое внимание уделено его политическим взглядам и процессу оформления той политической платформы, которая позднее станет основой для стратегии консервативного реформизма. Указывается, что консерватизм Р. Пила сочетает уважение к уже существующим правам и свободам с устранением законных поводов для недовольства. В заключение приводятся оценки деятельности Р. Пила современниками и историками.

Ключевые слова: сэр Роберт Пиль, политическая и интеллектуальная биография, Великобритания первой половины XIX в., партия тори, Консервативная партия, эмансипация католиков 1829 г., реформа парламента 1832 г., электоральная организация Консервативной партии, идеологические принципы консерватизма Р. Пила, первое правительство Р. Пила, второе правительство Р. Пила, отмена «хлебных законов», оценка консервативного реформизма Р. Пила современниками и историками

Для цитирования: Клочков В.В., Назарова В.С. Сэр Роберт Пиль (1788–1850): штрихи к портрету «консервативного реформатора» (часть 2, 1829–1850) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 111–116. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.19>.

Original article

Sir Robert Peel (1788–1850): Strokes on a Portrait of «Conservative Reformer» (Part 2, 1829–1850)

Victor V. Klochkov^{1✉}, Veronika S. Nazarova²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

¹vicpeel@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1850-6096>

²<https://orcid.org/0000-0002-2583-121X>

Abstract. The article examines the political and intellectual biography of Sir Robert Peel, one of the founders of modern conservatism and the Conservative Party of Great Britain. The second part of the article deals with the key aspects of the political career of R. Peel from 1829, when he took an active part in resolving the political crisis associated with the emancipation of Catholics, until the fall of his second cabinet in 1846. The article also examines the activities of R. Peel during the parliamentary reform of 1832 and his efforts to create a conservative party during the Tory opposition in 1830–1834. Particular attention is paid to his political views and the process of shaping the political platform that would later become the basis for the strategy of conservative reformism. It has been pointed out that Peel's conservatism combines respect for pre-existing rights and freedoms with the removal of legitimate grievances. In conclusion, Pihl's activities have been evaluated by both contemporaries and historians.

Keywords: Sir Robert Peel, political and intellectual biography, Great Britain of the first half of the XIX century, the Tory Party, the Conservative party, Catholic Emancipation of 1829, Parliamentary reform of 1832, electoral organization of the Conservative party, R. Peel's conservatism and its ideology and principles, the first cabinet of R. Peel, the second cabinet of R. Peel, abolition of «Corn Laws», R. Peel's «conservative reformism» and its assessments by contemporaries and historians

For citation: Klochkov, V.V. & Nazarova V.S. (2022) Sir Robert Peel (1788–1850): Strokes on a Portrait of «Conservative Reformer» (Part 2, 1829–1850). *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 111–116. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.19](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.19) (In Russian)

Политический кризис, связанный с эмансипацией католиков, начался 8 мая 1828 г., когда радикал Ф. Бердетт внес в палату общин очередной законопроект, предусматривающий предоставление католическому населению Англии и Ирландии гражданских и политических прав (Сединкин, 2012: 97). В ходе напряженных дебатов законопроект был одобрен нижней палатой большинством в шесть голосов. Аналогичным образом предложение Ф. Бердетта было одобрено и палатой лордов и отклонено лишь королем (Hansard, 2010: 195). В этой ситуации Р. Пиль – некогда яростный противник эмансипации – повел себя как прагматик, отлично понимавший, что в данном вопросе правительство А. Веллингтона явно теряет инициативу (часть тори в нижней и верхней палатах парламента голосовала за предложения Ф. Бердетта). Из правительства были удалены наиболее одиозные противники эмансипации из числа ультратори, а президентом торговой палаты был назначен ирландский лендлорд-протестант У. Фитцджеральд. (Стецкевич, 2004: 47).

Ситуация для тори осложнялась еще и тем, что на довыборах в палату общин от ирландского графства Клэр в марте 1829 г. У. Фитцджеральд проиграл адвокату-католику Д. О'Коннеллу, стороннику эмансипации. Таким образом, политический конфликт оказался дополнен конфликтом юридическим: одержавший победу на выборах Д. О'Коннелл не мог занять законное место в парламенте, поскольку являлся католиком (Hilton, 2006: 68). В этих условиях герцог Веллингтон и Р. Пиль решили взять инициативу в свои руки: именно Р. Пиль внес в парламент новый, куда менее радикальный, чем предложение Ф. Бердетта, законопроект об эмансипации католиков, а глава кабинета употребил все свое влияние для того, чтобы палата лордов утвердила его. В итоге в апреле 1829 г. королем был подписан акт об эмансипации католиков, по условиям которого почти семь миллионов католического населения Великобритании получили гражданские и политические права. Отныне католики могли быть представлены в обеих палатах английского парламента и занимать все государственные должности, кроме лорда-канцлера, регента и лорда-лейтенанта Ирландии. При этом избирательный ценз для них был поднят с 2 до 10 фунтов (Соловьева, 2003: 185).

Однако более важно другое: в ходе кризиса Р. Пиль проявил себя политиком, трезво оценивающим сложившееся положение вещей и способным адекватно реагировать на неблагоприятную для него и партии тори в целом политическую ситуацию. Тем не менее тори, особенно ирландские землевладельцы, полагали, что именно по его вине (после падения кабинета А. Веллингтона) они на долгое время вынуждены были переселиться на скамьи оппозиции. Тогда в одной из бирмингемских газет появилась ехидная эпиграмма, адресованная Р. Пиллю¹:

*Oh, Member for Oxford! You're shuffle and wheel,
You should altered your name from R. Peel to Repeal!*

На время пребывания тори в оппозиции (1830–1834 гг.) пришелся еще один острый внутривластный кризис, на этот раз связанный с парламентской реформой 1832 г., уничтожившей часть «гнилых местечек» и перераспределивших их места в пользу бурно развивавшихся в эпоху промышленной революции городов (Романова, 2005: 60–61). Большинство тори, в том числе Р. Пиль, находились в жесткой оппозиции к вигскому кабинету Ч. Грея, выступая против столь радикального изменения избирательного права. Это неудивительно: на выборах 1831 г. тори примерно две трети своих мест в палате общин получили именно за счет «карманных местечек». Во время обсуждения в палате второй версии билля о реформе избирательной системы Р. Пиль в пространной речи высказал недвусмысленное отношение к нему: «Возможно, этот билль и не нарушает привычной формы нашей конституции – я допускаю это. Но я настаиваю на том, что, соблюдая эту форму, он нарушает всю сложившуюся систему баланса властей. Данный законопроект есть не что иное, как внезапная и насильственная трансформация власти, существо которой разделялось доныне всеми социальными слоями, к выгоде одного из них»².

Однако, когда после принятия Акта о реформе парламента 1832 г. партия тори на декабрьских выборах в парламент потерпела сокрушительное поражение (437 мест против 185), именно Р. Пиль был одним из первых в партии, кто отчетливо осознал, что для возвращения к власти необходимы как серьезные стратегические перемены в устройстве самой партии, так и создание механизмов, обеспечивающих контакты с новыми избирателями (Aidt, Franck, 2015: 524). В этой тяжелой ситуации происходит симптоматичное изменение названия партии тори на Консервативную партию, а Р. Пиль проявляет себя не только ее признанным лидером, но и идеологом. Во многом благодаря ему создается новая электоральная организация, во главе которой встал признанный парламентский «кнут» Ф.Р. Бонэм, а также учреждается штаб-квартира Консервативной партии – знаменитый Карлтон Клуб (Клочков, 2015: 968). Кроме того, лидер консерваторов

¹ Birmingham Argus. 1829. 12 May. P. 3.

² Peel Papers. British Museum Additional Manuscripts. 12402, f. 98.

стал активно использовать материалы статистики для подтверждения аргументов в парламентских дебатах и выработал тактику «перехвата инициативы» у вигского кабинета, что особенно проявилось при обсуждении хорошо знакомой Р. Пилу ирландской проблематики на парламентской сессии 1833 г. (Клочков, 2017).

Наконец, в предвыборной речи в декабре 1834 г. перед жителями манора Тамуорт, известной в историографии как Тамуортский манифест, Р. Пиль сформулировал принципы консервативной политики на национальном уровне (Аракелян, 2015: 30). Он отмечал следующее: «Я не допускал мысли, что я был, до реформы парламента или после нее, противником взвешенных и продуманных реформ. В пользу этого утверждения говорит мое активное участие в реформе финансов и системы уголовного наказания. Реформа парламента открыла новую эру, и теперь долг каждого министра – определить четко, поддерживает ли он ее или нет, и согласен ли действовать в соответствии с тем духом, который она утверждает»¹. Теперь лидер консерваторов одобряет реформу парламента 1832 г. как «окончательное и бесповоротное разрешение великого конституционного вопроса» и полагает, что «дух реформ» в их современном понимании есть не что иное, как «тщательная и осторожная ревизия государственных учреждений... предпринятая в спокойном состоянии духа и сочетающая в себе полную поддержку уже имеющихся гражданских прав с исправлением злоупотреблений и искоренением поводов для недовольства»². Это определение сути консерватизма стало для Великобритании первой половины XIX в. классическим.

Известный британский специалист по биографии Р. Пилля, профессор университета Сент-Эндрюс Н. Гэш в свое время полагал, что Манифест из Тамуорта не только заложил идеологические основы консерватизма, но и сыграл решающую роль в привлечении среднего класса на сторону Консервативной партии (Gash, 1977: 214). Сегодня это утверждение кажется более чем спорным: согласно данным И. Ньюболда, даже на парламентских выборах 1841 г., когда консерваторы наконец одержали победу и покинули скамьи оппозиции, большинство им обеспечили не голоса среднего класса, а сельские округа (Newbould, 1983). Бесспорным в современной историографии признается лишь то, что Манифест из Тамуорта сделал имидж Консервативной партии и лично Р. Пилля более привлекательным в глазах избирателя (Eastwood, 1992: 38).

В декабре 1834 г. Р. Пиль сформировал свой первый кабинет, который по иронии оказался последним в конституционной истории Великобритании правительством парламентского меньшинства. Оно просуществовало только до апреля 1835 г. и вошло в историю под названием «сто дней Р. Пилля» (по аналогии с известным эпизодом из истории наполеоновской Франции). То обстоятельство, что правительство, лишенное парламентской поддержки, обречено, потребовало от Р. Пилля и его сторонников переосмысления роли кабинета министров в конституционной и политической системах страны. Второй кабинет Р. Пилля (сентябрь 1841 г. – июль 1846 г.) оказался отмечен не только рядом реформ в духе Тамуортского манифеста, но и осознанием того, что практика управления, определяющая членов кабинета как «министров короны», в условиях, когда в парламенте все более очевидным было партийное размежевание, полностью исчерпала себя (Close, 1969). На посту премьер-министра Р. Пиль не навязывал жестко партийную линию, но скорее стремился управлять в соответствии с прерогативами кабинета министров и собственным пониманием национальных интересов. В этом отношении второй кабинет Р. Пилля стал первым, где отчетливо осознаваемым становился именно интерес страны в целом, а не отдельных группировок внутри партии. По практически единодушному мнению историков, кабинет Р. Пилля образца 1841–1846 гг. был одним из самых дееспособных в истории Великобритании на всем протяжении XIX в. (Gaunt, 2010: 212). Герцог Веллингтон вошел в кабинет Р. Пилля в качестве министра без портфеля. Внутренними делами заведовал сэр Дж. Грэхем, бывший член партии вигов, полностью разделявший политические взгляды и идеологические установки премьер-министра и потому ставший его правой рукой. Еще один выходец из стана вигов – виконт Стенли – занимал в правительстве пост секретаря по колониям, а герцог Бекингем и Э. Нэтчболл представляли традиционный «торийский интерес». Молодой У. Гладстон заведовал торговой палатой (Woodward, 1949: 637).

Такое широкое представительство не только служило залогом прочности кабинета, но и таило в себе некоторые опасности, особенно если принять во внимание отмеченный многими современными историками авторитарный стиль управления его главы. «Интеллектуальное ядро» кабинета зачастую не обращало внимания на собственных заднескамеечников, что вызывало их естественное недовольство. Один из таких незаслуженно обиженных «старых тори» писал в 1843 г.: «Пиль допускал непростительную ошибку, лишь изредка собирая своих коллег и не поддерживая их должностного рвения – несколько минут и несколько слов – в такой обстановке люди теряют энтузиазм, чувствуя себя не товарищами по оружию, а собратями по муштре»

¹ Peel Papers. British Museum Additional Manuscripts. 40403, f. 15.

² Ibid.

(Cooper, 1995: 111). Не оставался в долгу и премьер-министр, написавший в минуту раздражения жене: «...как же могут те, кто проводит свою жизнь в охоте и развлечениях, обжорстве и пьянстве, понять мотивы того... кто ответственен за общественную безопасность, кто не имеет под небом иной задачи, кроме как служить общественному согласию» (Cooper, 1995: 111).

Безусловно, по интеллектуальному уровню Р. Пиль не имел равных в правительстве, особенно в финансовой области. Однако не будет преувеличением сказать, что его роковым недостатком как государственного деятеля оказалось неумение не только налаживать контакт с заднекамеечниками, но и непредвзято судить о людях по их деловым качествам. Блестящее тому подтверждение – лорд Стенли: глубокий и проницательный интеллектуал, он оказался со временем вне ближайшего окружения Р. Пилля только потому, что увлекался охотой и верховой ездой в той же степени, что и рядовые торийские сквайры. Ирония истории состоит в том, что сам Р. Пиль в 1850 г. упал с лошади во время прогулки: тяжелая травма стала причиной его собственной смерти. Тем не менее Дж. Грэхем был еще менее тактичен с коллегами по кабинету, чем премьер-министр, и оба дорого заплатили за эти особенности характера в период политического кризиса 1845–1846 гг.

Этот кризис был связан с отменой знаменитых «хлебных законов» и стал венцом политической карьеры Р. Пилля. Введенные еще в 1815 г., они запрещали импорт пшеницы в страну до тех пор, пока ее цена на внутреннем рынке не достигнет 80 шиллингов за кватер, что было выгодно лендлордам, но плохо сказывалось на стоимости английских промышленных товаров (Lowe, 1998). Р. Пиль добился отмены этих протекционистских мер в 1846 г., но ценой конфликта в Консервативной партии, в которой едва ли треть голосовала за правительственный законопроект, тогда как оппозиция практически целиком поддержала его. Итогом стал раскол партии – из нее выделилась группа так называемых «пилитов», позднее примкнувших к формирующейся либеральной партии. Сам же Р. Пиль был вынужден подать в отставку 25 июля 1846 г. и отойти от активной политической деятельности.

Личность этого неординарного политического деятеля вызывала самые противоречивые отклики как у современников, так и среди профессиональных историков (Жолудов, 2002; Кузнецова, 2016). Одни соратники по партии, в частности Дж. Грэхем, считали его воплощением всех мыслимых достоинств, другие, как, например, лорд Бентинк, видели в нем предателя традиционных торийских интересов: от эмансипации католиков до отмены «хлебных законов». У. Гладстон высказался о нем как о наилучшем из бизнесменов, когда-либо являвшихся премьер-министром. Будущий лидер консерваторов Б. Дизраэли, напротив, говорил о Р. Пиле как о человеке, «всю жизнь использовавшем к собственной нужде чужие идеи» (Cooper, 1995: 108). Нет единства и среди историков: из упомянутых авторов Н. Гэш считал его основателем современной консервативной партии, а Д. Иствуд не рекомендовал преувеличивать заслуги Р. Пилля на этом поприще.

Кем же был на самом деле этот столь талантливый, столь и своеобразный «консервативный реформатор» первой половины XIX в.? Он поддержал эмансипацию католиков, имея до этого репутацию «оранжиста»; он высказывался за реформу парламента, однако сам избирался исключительно от «карманных местечек», лишь однажды имея соперника на выборах; выступая сторонником мер, объективно отвечающим интересам нарождающегося среднего класса, он так и не снискал себе его поддержки. Соратники по партии не раз обвиняли его в предательстве «торийского интереса», не замечая при этом, что мероприятия, реализуемые Р. Пилем, обеспечивали экономическую и политическую стабильность британского общества на десятилетия вперед. Р. Пиль – это особый тип политика-прагматика, в деятельности которого нашли отражение все противоречия его своеобразной эпохи. Он был чужд доктринерского мышления и делал ставку на трезвый анализ ситуации и собственное понимание национальных интересов. Бюст в здании парламента и монумент в Вестминстере стали лучшими свидетельствами для потомков о человеке противоречивом, но честно исполнившем свой долг.

Список источников:

- Аракелян Г.С. «Кредо Ноусли» и Тамуортский манифест 1834 г. (компаративный анализ) // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых ученых. 2015. № 9. С. 27–37.
- Жолудов М.В. Развитие двухпартийной системы Великобритании в первой половине XIX в. // Очерки истории Великобритании XVII–XX вв. М., 2002. С. 71–112.
- Клочков В.В. Уильям Шоу Мэйсон, «Акт о владениях и доходах ирландской церкви» 1833 г. и церковная политика британских консерваторов в первой половине 30-х гг. XIX в. // Концепт. Современные научные исследования. 2017. № 31. С. 716–720.
- Клочков В.В. Ф.Р. Бонэм и электоральная организация партии тори-консерваторов в 1830–1835 гг. // Концепт. Современные научные исследования. 2015. № 3. С. 966–970.
- Кузнецова Ю.И. Современный взгляд на раннюю историю Консервативной партии Великобритании // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1 (239). С. 117–124. <https://doi.org/10.5862/JHSS.239.15>.
- Романова М.И. Парламентская реформа 1832 г. в Англии и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 58–68.

- Сединкин А.Н. Англиканское духовенство и проблема эмансипации католиков в Великобритании в 20-е гг. XIX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (265). С. 95–102.
- Соловьева Т.С. Эмансипация католиков в Англии в 1829 г. // Религии мира. История и современность : ежегодник / отв. ред. О.В. Чернышева. М., 2003. 309 с.
- Стецкевич М.С. Религия и политика в Англии конца 1820-х гг. Конституционные реформы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2004. № 4. С. 46–51.
- Aidt T.S., Franck R. Democratization under the threat of revolution: Evidence from the Great reform Act of 1832 // *Econometrica*. 2015. Vol. 83, no. 2. P. 505–547.
- Close D. The formation of a two-party alignment in the House of Commons between 1832 and 1841 // *The English Historical Review*. 1969. Vol. 84, no. 331. P. 257–77.
- Cooper D. Peel and the Conservative party // *Years of expansion. Britain, 1815–1914* / ed. by M. Scott-Baumann. L., 1995.
- Eastwood D. Peel and the Tory party reconsidered // *History Today*. 1992. Vol. 42, no. 3. P. 32–41.
- Gash N. Politics in the age of Peel. A study in the techniques of parliamentary representation, 1830–1850. Hassocks, 1977. 496 p.
- Gaunt R. Sir Robert Peel: The life and legacy. L., 2010. 240 p.
- Hansard T.C. Parliamentary debates new series. Commencing with the accession of George IV. Whitefish, 2010. 778 p.
- Hilton B. A Mad, Bad and Dangerous People? England 1783–1846. Oxford, 2006. 784 p.
- Lowe N. Mastering modern British history. L., 1998. 720 p.
- Newbould J. Sir Robert Peel and the Conservative party, 1832–1841: A Study in failure? // *English Historical Review*. 1983. Vol. 98, № 388. P. 529–557.
- Woodward E.L. The age of reform, 1815–1870. Oxford, 1949. 702 p.

References:

- Aidt, T.S. & Franck, R. (2015) Democratization under the threat of revolution: Evidence from the Great reform Act of 1832. *Econometrica*. 2015. 83 (2), 505–547.
- Arakelyan, G.S. (2015) Knowsley Creed and the Tamworth Manifesto of 1834 (Comparative analysis). *Retrospective: World History Through the Eyes of Young Scientists*. (9), 27–37. (In Russian)
- Close, D. (1969) The Formation of a two-party alignment in the House of Commons between 1832 and 1841. *The English Historical Review*. 84 (331), 257–277.
- Cooper, D. (1995) Peel and the Conservative party. In: Scott-Baumann, M. (ed.) *Years of expansion. Britain, 1815–1914*. London, Hodder Education.
- Eastwood, D. (1992) Peel and the Tory party reconsidered. *History Today*. 42 (3), 32–41.
- Gash, N. (1977) Politics in the age of Peel. A study in the techniques of parliamentary representation, 1830–1850. Hassocks, Humanities Press.
- Gaunt, R. (2010) Sir Robert Peel: The life and legacy. London, I.B. Tauris.
- Hansard, T.C. (2010) Parliamentary debates new series. Commencing with the accession of George IV. Whitefish, Kessinger Publishing.
- Hilton, B. (2006) A Mad, Bad and Dangerous People? England 1783–1846. Oxford, Oxford University Press.
- Klochkov, V.V. (2017) William Shaw Mason, The Irish Church's Possessions and Revenues Act 1833 and British Conservative Church policy in the first half of the 19th century. *Concept. Modern Scientific Research*. (31), 716–720. (In Russian)
- Klochkov, V.V. (2015) F.R. Bonham and the electoral organization of the Tory Conservative Party in 1830–1835. *Concept. Modern Scientific Research*. (3), 966–970. (In Russian)
- Kuznecova, Yu.I. (2016) Contemporary view upon early history of the Conservative party of Great Britain. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. (1), 117–124. Available from: doi:10.5862/JHSS.239.15. (In Russian)
- Lowe, N. (1998) Mastering modern British history. London, Palgrave Macmillan.
- Newbould, J. (1983) Sir Robert Peel and the Conservative party, 1832–1841: A Study in failure? *English Historical Review*. 98 (388), 529–557.
- Romanova, M.I. (2005) The 1832 Parliamentary reform in England and its aftermath. *Modern and Contemporary History*. (4), 58–68. (In Russian)
- Sedinkin, A.N. (2012) Anglican clergy and the problem of Catholics' emancipation in Great Britain in the 1820s. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. (11), 95–102. (In Russian)
- Solovieva, T.S. (2003) Emancipation of Catholics in England in 1829. In: Chernysheva, O.V. (ed.) *Religions of the World. History and Modernity : Yearbook*. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Stetskevich, M.S. (2004) Religion and policy in the late 1820s: Constitution reforms in England. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series: Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations*. (4), 46–51. (In Russian)
- Woodward, E.L. (1949) The age of reform, 1815–1870. Oxford, Oxford at the Clarendon Press.
- Zholudov, M.V. (2002) The Development of the British Bipartisan System in the First Half of the XIX Century. In: *Essays on British History in the XVII-XX Centuries*. Moscow, Prometei, 71–112. (In Russian)

Информация об авторе

В.В. Ключков — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (ИУЭС ЮФУ), Ростов-на-Дону, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=204335.

В.С. Назарова — старший преподаватель кафедры социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (ИУЭС ЮФУ), Ростов-на-Дону, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=543517.

Information about the author

V.V. Klochkov – D.Phil. in History, Professor, Department of Sociology, History and Political Science, Institute of Management in Economic, Environmental and Social Systems, Southern Federal University (IMES SFU), Rostov-on-Don, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=204335.

V.S. Nazarova – Senior Lecturer, Department of Sociology, History and Political Science, Institute of Management in Economic, Environmental and Social Systems, Southern Federal University (IMES SFU), Rostov-on-Don, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=543517.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.02.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.06.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 117–122.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 117–122.

Научная статья

УДК 94(1-925.17/.19)

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.20>

Охрана судов заграничного плавания пограничными войсками Дальнего Востока в период Второй мировой войны

Надежда Владимировна Коршунова¹, Дмитрий Александрович Литвинов²

^{1,2}Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

¹korshunovanv@cspu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4648-0893>

²litvinovdakhabarovsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8613-5592>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации охраны судов заграничного плавания пограничными войсками в годы Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Необходимость такой охраны была продиктована агрессивными действиями Японии по отношению к гражданским судам, несмотря на договор о ненападении, который регулярно нарушался японской стороной. В статье на основании архивных данных исследованы вопросы организации на судах заграничного плавания команды вооруженной охраны, подробно рассмотрены ее полномочия и обязанности. Команда охраны с ее штатом и вооружением не могла отразить организованные японскими войсками акты, целью которых было уничтожение или захват судна. Японцы атаковали суда с помощью самолетов и подводных лодок. По сути, решение об организации на судах команды вооруженной охраны было ошибочным. Оно оттянуло значительные силы пограничников и фактически не способствовало обеспечению безопасности торгового мореплавания.

Ключевые слова: Вторая мировая война, пограничные войска, Дальний Восток, организация охраны судов заграничного плавания

Для цитирования: Коршунова Н.В., Литвинов Д.А. Охрана судов заграничного плавания пограничными войсками Дальнего Востока в период Второй мировой войны // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 117–122. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.20>.

Original article

Protection of Overseas Ships by Border Guards of the Far East During the Second World War

Nadezhda V. Korshunova¹, Dmitry A. Litvinov²

^{1,2}South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia,

¹korshunovanv@cspu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4648-0893>

²litvinovdakhabarovsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8613-5592>

Abstract. The paper examines the issues of protecting overseas ships by border guards during the Second World War in the Far East. Necessity for such guards was dictated by Japan's aggressive actions towards civilian ships, despite the non-aggression treaty, which was regularly violated by the Japanese side. Based on archival data, the paper investigates the issues of organizing a security guards force on overseas ships and gives a detailed account of its powers and obligations. The guard team, with its staff and ordnance, could not repel acts organized by Japanese troops aimed at destroying or seizing the ship. The Japanese attacked the ships with aircraft and submarines. In fact, the decision to organize an armed guard team on the ships was flawed. It diverted a significant border guard force and did not actually contribute to safety assurance of merchant shipping.

Keywords: World War II, border guards, Far East, protection of overseas ships

For citation: Korshunova, N.V. & Litvinov, D.A. (2022) Protection of Overseas Ships by Border Guards of the Far East During the Second World War. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 117–122. Available from: doi:10.24158/fik.2022.6.20 (In Russian).

Сохранение хозяйственно-экономических и торговых связей СССР в период Великой Отечественной войны являлось важным фактором развития государственности в это непростое время. С началом Великой Отечественной войны СССР не прекращал торговые связи как со странами антигитлеровской коалиции, так и с нейтральными государствами. СССР экспортировал ряд советских товаров, а по импорту получал вооружение, сырье, продовольствие и другие грузы, необходимые для фронта и тыла страны, включая грузы, поставляемые в рамках ленд-лиза, в соответствии с секретным протоколом Московской Конференции между представителями СССР, США и Великобритании от 1 октября 1941 г.¹

¹ Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. М., 2000. С. 341–348.

Историография данной темы крайне незначительна в силу ряда обстоятельств. Многие вопросы организации пограничной охраны долгое время оставались засекреченными. Да и военная проблематика периода Великой Отечественной войны была в приоритете над вопросами охраны международных торговых путей. Все основные публикации хозяйственной деятельности в изучаемый период можно разделить на две большие группы: история пограничной охраны на Дальнем Востоке и обеспечение торговых связей в 30-х – начале 40-х гг. XX в., особенно в начале Великой Отечественной войны. Конечно, в ряде общих работ по истории Второй мировой войны данные темы поднимались, но крайне фрагментарно. К первой группе следует отнести статью В.А. Ширяева по вопросам развития пограничной службы в предвоенные десятилетия (Ширяев, 2011), монографию Н.Я. Гурбана (Гурбана, 2012), статьи С.М. Хитина (Хитин, 2006), Д.Н. Тихонова (Тихонов, 2014) и др. Вопросам экономического сотрудничества стран – членов антигитлеровской коалиции посвящены публикации Е.Ф. Черненко (Черненко, 2006), С.А. Кравчука (Кравчука, 2010), Л.Б. Красавцева (Красавцев, 2011) и др. Особый интерес представляет статья Д.В. Ливенцева о потерях гражданского флота на Дальнем Востоке в период Великой Отечественной войны. Автор рассматривает вопросы организации морской торговли и доставки грузов в рамках ленд-лиза (Ливенцев, 2010).

Основным методом исследования стал принцип историзма, позволяющий дать объективную оценку организации охраны судов заграничного плавания пограничными войсками в годы Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке.

Цель статьи – проанализировать грамотность организации пограничной службы по охране гражданских судов, оценить выполнение поставленной задачи.

В конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. перед началом Великой Отечественной войны маршруты советских торговых судов проходили по трем направлениям морских сообщений: северное – через Мурманск и Архангельск, иранское – через Персидский залив, и тихоокеанское – через Владивосток, Николаевск-на-Амуре и Петропавловск-Камчатский. На маршрутах, а также в портах иностранных государств в отношении советских судов совершались провокационные действия, нападения, захватывались перевозимые грузы, подвергались опасности жизни членов судовых команд.

В акватории Тихого океана Япония совершала данные действия в нарушение Пакта о нейтралитете, заключенного между СССР и Японией 13 апреля 1941 г.¹ Япония ревностно следила за транспортной на советский Дальний Восток стратегических грузов, полагая, что американская продукция, предназначена для укрепления Дальнего Востока СССР и Китая. Особенно после начала боевых действий на востоке страны и на всем ее протяжении Япония регулярно атаковала советские торговые суда, что заставляло военно-морское командование Дальнего Востока находиться в состоянии постоянной готовности, а также принимать решительные меры по предотвращению противоправных действий в отношении советских торговых судов заграничного плавания.

Зашита была просто необходима, несмотря на ограниченность возможностей командования. В качестве такой меры по обеспечению безопасности судов Государственным Комитетом Обороны СССР выносится Постановление № ГКО-920 от 19 ноября 1941 г., касающееся организации на судах заграничного плавания вооруженной охраны численностью 10–12 чел.² Охрану следовало укомплектовать за счет пограничных войск НКВД СССР, выделив необходимое количество средних и младших командиров из состава морских контрольно-пропускных пунктов пограничных войск НКВД СССР. Организация и руководство охраной судов заграничного плавания возлагались на Главное управление пограничных войск НКВД СССР.

Во исполнение указанного Постановления 25 ноября 1941 г. вышел приказ народного комиссара внутренних дел СССР генерального комиссара госбезопасности Л.П. Берии № 001633³. В нем в целях обеспечения охраны советских судов заграничного плавания и предотвращения диверсионных и других враждебных актов со стороны противника как в пути следования, так и во время стоянок в заграничных портах приказывалось организовать на каждом судне заграничного плавания команды вооруженной охраны. Команды следовало укомплектовать за счет пограничных войск НКВД СССР, выделив для этого необходимое количество средних и младших командиров из состава морских командно-пропускных пунктов. Организация команд вооруженной охраны возлагалась на начальников Управления НКВД по Хабаровскому краю комиссара госбезопасности 2 ранга С.А. Гоглидзе⁴, Управления НКВД по Приморскому краю старшего майора

¹ Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : В 2-х кн. Кн. 2 (2) 2 марта 1941 – 22 июня 1941. М., 1998. С. 565–567.

² Патрушев Н.П. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 г. М., 2000. С. 319–320.

³ Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 3 Оп. 8 Д. 1563. Л. 149–151.

⁴ Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954 : Справочник. М., 2010. С. 99.

госбезопасности М.М. Гвишиани¹, Управления пограничных войск Приморского округа генерал-майора Н.П. Стаханова². Руководителям предписывалось назначать в состав команд проверенных и хорошо подготовленных бойцов и командиров. Исполняющему обязанности начальника войск НКВД СССР генерал-майору А.Н. Аполлонову было поручено в трехдневный срок разработать инструкцию об обязанностях команд вооруженной охраны судов заграничного плавания³.

Специальным приказом был определен штат команды вооруженной охраны в количестве 10 чел. (на судах большого тоннажа – 12 чел.): начальник команды – 1, политрук – 1, контролер – 1, командир отделений – 1, красноармейцы – 6 (8), с вооружением: pistols – 4, винтовок – 6 (8), ручных пулеметов – 1.

Приказом НКВД СССР № 001661 от 3 декабря 1941 г. в дополнение к приказу № 001633 утверждена «Инструкция по службе команд вооруженной охраны на судах заграничного плавания». Согласно данной Инструкции, команда вооруженной охраны подчиняется одному из помощников капитана судна, который определялся персонально начальником пограничных войск НКВД СССР Приморского округа⁴.

Основными задачами команды вооруженной охраны являлись:

- тщательная охрана судна от проникновения на него лиц, не имеющих права входа на судно и плавания на нем;
- задержание лиц, проникших на судно без соответствующего разрешения;
- недопущение провоза на судне запрещенной литературы, а также иных материалов, направленных против советской власти.

Для выполнения этих задач на команду вооруженной охраны возлагались следующие обязанности:

- а) проверять документы команды и пассажиров;
- б) досматривать судно при отходе в плавание и при погрузке (разгрузке) его как в иностранных, так и в советских портах;
- в) нести вахтенную службу на судне, как на стоянках, так и в плавании.

В советских портах команда вооруженной охраны обязана была досматривать судно перед выходом в плавание и проверять документы на рейс. Все вопросы, связанные с неисправностью документов, начальнику охраны судна следовало разрешать через начальника командно-пропускного пункта. Все лица, незаконно проникшие на судно или обнаруженные при досмотре, перед отходом в плавание передавались начальнику КПП.

В иностранных портах на команду вооруженной охраны возлагались специальные задачи:

- а) вести постоянное и тщательное наблюдение за судном и всеми работами на нем путем несения круглосуточной вахты;
- б) не допускать проникновения на судно лиц, не имеющих документов для входа на судно и плавания на нем;
- в) не допускать погрузку или занос на судно литературы, печатных и иных материалов, запрещенных к ввозу в СССР;
- г) в отношении лиц, незаконно проникших на судно, составлять акт по согласованию с капитаном судна, и возвращать их на берег с передачей портовой полиции вместе с копией акта.

Помимо этого личный состав команды вооруженной охраны во все дни стоянки судна в иностранных портах нес службу, не сходя на берег. Только в исключительных случаях спуск на берег мог быть разрешен команде в составе не менее 3 чел. во главе со средним командиром.

В период плавания судна команда вооруженной охраны несла вахтенную службу, наблюдая за тем, чтобы на борт никто не проник без разрешения, а сходы на берег производились только на основании документов, дающих право схода. При обнаружении лиц, незаконно проникших на судно в море, должны были приниматься меры к их задержанию, изоляции и доставке на советский берег. При задержании таких лиц производился личный обыск и допрос о цели проникновения на судно.

Личный состав вооруженной охраны не имел права вмешиваться в административное и техническое управление судов, выполнял общий распорядок, установленный капитаном судна, за исключением случаев противодействия преступным и контрреволюционным распоряжениям командования судна. Также личный состав вписывался в судовую роль (список команды) судна и находился в морской пограничной форме.

¹ Петров Н.В. Указ. соч. С. 97.

² Там же. С. 816.

³ Там же. С. 162.

⁴ Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 3 Оп. 8 Д. 1563. Л. 152–156.

В случае нападения на судно противника (с воздуха или на море) начальник команды охраны должен был принять решение о действиях сообразно с конкретной обстановкой, согласовывая свое решение с капитаном судна.

Для поддержания связи со своим командованием, по договоренности с капитаном судна, начальник команды охраны пользовался радиостанцией судна (по заранее обусловленному коду) с соблюдением всех правил пользования рацией, установленных капитаном судна. В случае проявления со стороны лиц, находящихся на судне, контрреволюционных, изменнических и иных действий, начальник команды охраны принимал меры к пресечению этих действий, задерживал зачинщиков, производил предварительное расследование и доставлял в советский порт.

По возвращении судна в порт приписки начальник команды охраны в каждом случае должен был составлять письменный рапорт о рейсе на имя начальника КПП порта приписки.

Выполнение приказа № 001633 было взято на контроль исполняющим обязанности начальника пограничных войск НКВД СССР генерал-майором Н.И. Яценко¹. В шифртелеграмме ГУПВ № 1259/8014 от 3 декабря 1941 г., отправленной в Хабаровск и Владивосток начальникам погранвойск, Н.И. Яценко приказывал телеграфировать о ходе организации комплектования команд вооруженной охраны, в частности, он спрашивал, имелась ли необходимость организации команд на всех судах заграничного плавания, сколько всего команд требовалось сформировать и сколько команд уже организовано².

После объявления войны США 8 декабря 1941 г. Япония в нарушение международных норм объявила пролив Лаперуза, Корейский, Сангарский проливы своими «морскими оборонительными зонами», что привело к регулярному задержанию советских судов. Тем самым Япония стремилась оказать помощь Германии, искусственным образом усложняя советско-японские отношения (Иванов, 1978: 44). Как отмечали исследователи, капитаны торговых судов с большим риском вынуждены были проходить через «японские воды», так как другого пути просто не было.

В шифровке ГУПВ № 1347/9786 от 15 декабря 1941 г. (Хабаровск, Владивосток) Н.И. Яценко сообщил, что приказ № 001633 отправлен фельдсвязью и предписал установить количество судов в пределах округа, на которых требуется формирование команд, и приступить к подбору личного состава команд³.

Одной из основных проблем для реализации данного приказа был вопрос наличия личного состава. Если в округах, где отсутствует фронт, проблем с этим относительно не было, то другие в это время сталкивались с данной проблемой.

Так, начальником войск НКВД по охране тыла 14-й армии Карельского фронта подполковником А.Л. Пруским в резолюции на указание Главного управления пограничных войск от 15 декабря 1941 г. отмечено, что требуется сформировать 40–45 команд, т. е. требовалось 400–450 чел. Некомплект среднего начсостава и рядового состава составлял по 130 чел., а люди, призываемые из запаса, для этих задач не подходили (дословно – плохие)⁴. Стоит обратить внимание, что в данном указании Главного управления пограничных войск для начальника войск НКВД по охране тыла 14-й армии Карельского фронта было установлено вооружение команды без ручного пулемета.

В шифровке Главного управления пограничных войск № 1354/9978 от 17 декабря 1941 г. (Мурманск, Архангельск, Баку, Ашхабад, Хабаровск) Н.И. Яценко приказал приступить к формированию команд вооруженной охраны в соответствии с приказами Главного управления пограничных войск № 001633, 001661 за счет численности подчиненных войск и согласованных с местными органами НКВД. Кроме того, было отдано указание, что после получения данной депеши каждое судно, отправляемое в заграничное плавание, должно быть под вооруженной охраной⁵.

В этот же день, 17 декабря 1941 г., в шифровке Главного управления пограничных войск № 1358/9995 (Хабаровск, Владивосток) Н.И. Яценко приказал по возвращению команд вооруженной охраны судов из первых заграничных рейсов представить докладную о проведенной работе, происшествиях, результатах наблюдения в пути и т. д., которое может быть использовано на очередных рейсах другими командами. В дальнейшем работу команд освещать в справках и карточках учета деятельности командно-пропускных пунктов⁶.

Работа пограничных округов НКВД СССР Дальнего Востока по формированию и направлению в заграничное плавание команд вооруженной охраны судов продолжалась до 5 апреля 1942 г., до получения распоряжения заместителя народного комиссара Внутренних дел СССР

¹ Петров Н.В. Указ. соч. С. 959.

² Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 3 Оп. 8 Д. 1561. Л. 316.

³ Там же. Л. 423.

⁴ Патрушев Н.П. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... С. 428–429.

⁵ Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 3 Оп. 8. Д. 1561. Л. 433–434.

⁶ Там же. Л. 438.

генерала-майора А.Н. Аполлонова № 32316 от 12 марта 1942 г. о возложении охраны судов заграничного плавания на личный состав Военно-морского флота¹.

Это распоряжение А.Н. Аполлонова было издано на основании постановления Государственного комитета обороны № ГОКО-1389сс от 5 марта 1942 г. «О военизации морского торгового флота и создании аппарата Наркомвоенморфлота в США, Великобритании и Иране для охраны советских судов и грузов в пути и на стоянках»². В соответствии с данным постановлением контрольные функции и внутренняя охрана советских судов заграничного плавания, выполняемые пограничными войсками в соответствии с постановлением ГКО № ГКО-920сс от 19 ноября 1941 г., возлагались на Военно-морской флот СССР. Причина подобного приказа кроется, вероятно, в невысокой эффективности охраны судна, которая находилась непосредственно на борту корабля.

Кроме того, советские торговые суда подвергались атакам еще и от американских подводных лодок. Причем историки, специализирующиеся на данных вопросах, утверждали, что американские подводники, с одной стороны, придерживались принципа «топи всех», а с другой – сознательно провоцировали усиление конфликта Японии и Советского Союза (Широкоград, 2003: 604–605; Литвинцев, 2010: 91–92).

Подведем общие итоги. Следует констатировать, что охрану судов заграничного плавания на Дальнем Востоке СССР организовывал только Приморский округ пограничных войск НКВД СССР, на участке которого находились морские порты городов Владивосток и Петропавловск-Камчатский.

Согласно отчету начальника пограничных войск Приморского округа НКВД СССР генерал-майора П.И. Зырянова по охране государственной границы за 1942 г.³, в период с 25 ноября 1941 г. до 5 апреля 1942 г. было сформировано 55 команд общей численностью 574 чел. (старшего и среднего начсостава – 164 чел., младшего начсостава – 55 чел., рядового состава – 355 чел.)⁴. Из числа сформированных команд убыло в заграничное плавание 39 команд с общей численностью личного состава – 401 человек (старшего и среднего начсостава – 117 чел., младшего начсостава – 39 чел., рядового состава – 245 чел.). Оставшиеся 16 команд были расформированы, а личный состав направлен в свои подразделения.

К 1 января 1943 г. из заграничного плавания возвратилось 38 команд, сформированных Приморским округом и 2 команды Мурманского округа. 1 команда вооруженной охраны парохода «Анадырь»⁵ в составе 9 человек, за исключением начальника команды, отдельным распоряжением Главного управления пограничных войск оставлена на укомплектование 4 Архангельского пограничного отряда. Весь личный состав возвратившихся команд вооруженной охраны отправлен на укомплектование округа.

Конечно, такая команда охраны с ее штатом и вооружением не могла отразить организованные японскими войсками акты, целью которых было уничтожение или захват судна. Только в период 1941–1944 гг. японской стороной было задержано 178 судов и потоплены транспорты «Кречет», «Свирьстрой», «Майкоп», «Перекоп», «Ангартстрой», «Кола», «Белоруссия», «Павлин Виноградов», «Обь», «Ильмень», «Трансбалт». В ряде случаев после захвата судов японцы конфисковали грузы в пользу своего военного ведомства (Литвинцев, 2010: 86–92). Японцы атаковали суда с помощью самолетов и подводных лодок. Решение об организации на судах команды вооруженной охраны было ошибочным. Оно оттянуло значительные силы пограничников, но фактически никак не способствовало обеспечению безопасности торгового мореплавания.

Таким образом, задача по организации охраны торговых судов на Дальнем Востоке была выполнена лишь частично. Наличие специально подготовленной вооруженной охраны было крайне важным для обеспечения охраны судна во время нахождения в портах, особенно иностранных государств, однако во время следования она была совершенно бесполезна, так как не могла предотвратить воздушную или морскую атаку. Для этого были необходимы военные суда сопровождения. Подобных ресурсов не было. Здесь свою роль сыграли как недальновидная политика командования Дальневосточным округом, которые не доверяли своим не меньше, чем опасались японцев, так и отсутствие должной материальной базы. Тем не менее, несмотря на потери, дальневосточные порты сыграли свою важную роль в снабжении Советского Союза в период Второй мировой войны.

¹ Центральный пограничный архив ФСБ РФ. Ф. 231 Оп. 1 Д. 128. Л. 56.

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1 Д. 23. Л. 73–74.

³ Центральный пограничный архив ФСБ РФ. Ф. 231 Оп. 1 Д. 128.

⁴ Там же. Л. 156–157.

⁵ Пароход «Анадырь» в 1940 г. вошел в состав судов Владивостокского арктического морского пароходства Главсевморпути как товаропассажирский пароход-снабженец. Летом 1942 г. «Анадырь» перешел Северным морским путем в Архангельск, где был поставлен на ремонт на заводе «Красная кузница». (См.: Спуск на воду парохода «Анадырь» [Электронный ресурс]. URL: <https://mmflota.ru/index.php/news/251-spusk-na-vodu-parokhoda-anadyr> (дата обращения: 28.04.2022)).

Список источников:

- Гурбан Н.Я. Пограничная охрана Дальнего Востока в контексте государственной безопасности СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе 1922–1941 гг. Хабаровск, 2012. 202 с.
- Иванов М.И. Япония в годы войны. Записки очевидца. М., 1978. 253 с.
- Кравчук С.А. Экономическое развитие Дальнего Востока – составная часть пограничной политики СССР (конец 1940-х – 1990-е гг. XX в.) // Власть. 2010. № 3. С. 116–119.
- Красавцев Л.Б. Морской торговый флот Севера в начале Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 148–151.
- Литвинцев Д.В. Потери гражданского флота Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны // Берегиня. 777. Сова. 2010. № 2 (4). С. 86–92.
- Тихонов Д.Н. Анализ боеготовности морских частей пограничных войск НКВД СССР к лету 1941 г. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 2. С. 73–80.
- Хитин С.М. Пограничная охрана Дальневосточной республики // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 5–15.
- Черненко Е.Ф. Экономическое сотрудничество стран членов антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2006. № 1. С. 78–82.
- Ширококорад А.Б. Русско-японские войны. Минск, 2003. 720 с.
- Ширяев В.А. Развитие пограничной охраны на Дальнем Востоке СССР (1922–1941 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 105–115.

References:

- Chernenko, E.F. (2006) Economic Collaboration of the Anti-Hitler Member States Coalition During the World War II. *Vestnik RUDN. International Relations*. (1), 78–82. (In Russian)
- Gurban, N.Ya. (2012) *Pogranichnaya okhrana Dal'nego Vostoka v kontekste gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Aziatsko-Tikhookeanskom regione 1922–1941 gg.* [Border Guard in the Far East in the Context of USSR State Security in the Asia-Pacific Region, 1922–1941]. Khabarovsk, Izdatel'stvo Khabarovskogo pogranichnogo instituta FSB Rossii. (In Russian)
- Ivanov, M.I. (1978) *Yaponiya v gody voyny. Zapiski ochevidtsa* [Japan During the War. Eyewitness Notes]. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Khitin, S.M. (2006) Border guards of the Far Eastern Republic. *Russia and the Pacific*. (4): 5–15. (In Russian)
- Krasavtsev, L.B. (2011) The Northern Merchant Marine Fleet at the Beginning of the World War II. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Centre of the RAS.]. 13 (3), 148–151. (In Russian)
- Kravchuk, S.A. (2010) *Ekonomicheskoe razvitiye Dal'nego Vostoka – sostavnaya chast' pogranichnoi politiki SSSR (konets 1940-kh–1990-e gg. KhKh v.)* [Economic Development of the Far East – An Integral Part of Soviet Border Policy (late 1940s–1990s)]. *The Authority*. (3), 116–119. (In Russian)
- Litventsev, D.V. (2010) *Poteri grazhdanskogo flota Dal'nego Vostoka v period Velikoi Otechestvennoi voyny* [Losses of the Civil Fleet of the Far East During the Great Patriotic War]. *Bereginya. 777. Sova* [Bereginya. 777. Owl]. (2), 86–92. (In Russian)
- Shirokorad, A.B. (2003) *Russko-yaponskie voyny* [The Russo-Japanese Wars.]. Minsk, Kharvest. (In Russian)
- Shiryayev, V.A. (2011) Development of Border Guards in the Soviet Far East (1922–1941). *Far Eastern Studies*. (5), 105–115. (In Russian)
- Tikhonov D.N. (2014) The Problems of Alertness of Marine Frontier-Guard of Russia in Summer 1941. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 4 (2), 73–80. (In Russian)

Информация об авторах

Н.В. Коршунова – доктор исторических наук, декан исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=545641.

Д.А. Литвинов – аспирант Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия.

Information about the authors

N.V. Korshunova – D.Phil. in History, Head of the Department of History, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=545641.

D.A. Litvinov – PhD student, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 123–128.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 123–128.

Научная статья
УДК 94(470.57)“192”
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.21>

**«Не подаяние нужно, а организованная помощь»:
создание специальных органов по защите детства в Башкирии в 1920-е годы**

Рима Нугамановна Сулейманова

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия, rnsulejman@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1877-5421>

Аннотация. В статье рассматривается проблема социальной защиты детей в Башкирии в 1920-е годы. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью данной проблемы в региональной историографии. Новизна заключается в том, что в статье впервые вводятся в научный оборот архивные источники, характеризующие основные аспекты исследуемой темы. На основе архивных и опубликованных источников показано формирование нормативно-правовой базы по социальной защите детей, созданию специальных органов. Уделено внимание возникновению в автономной республике детской беспризорности, масштабы которой расширились под влиянием последствий голода 1921–1922 гг. и распространения эпидемий, что обусловило создание специальных органов и ориентирование деятельности возникших структур на борьбу с этим социальным явлением. Показаны возникавшие при этом трудности и упущения, действия местных властей по принятию необходимых решений. Делается вывод, что создание специальных органов по защите детства в Башкирии в рассматриваемые годы прошло непростой путь становления и дальнейшего развития для выполнения поставленных перед ними задач, которым придавалось общегосударственное значение. В регионе проведение необходимых мер для улучшения жизни, ликвидации беспризорности детей имело свои специфические особенности. Несмотря на все принимавшиеся усилия, к концу изучаемого периода руководство автономной республики было вынуждено констатировать нерешенность этих задач.

Ключевые слова: дети, беспризорность, борьба, власть, помощь, меры, регион, 1920-е годы

Для цитирования: Сулейманова Р.Н. «Не подаяние нужно, а организованная помощь»: создание специальных органов по защите детства в Башкирии в 1920-е годы // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 123–128. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.21>.

Original article

**“Not alms are Needed, But Organized Assistance”:
The Creation of Special Bodies for the Protection of Childhood in Bashkiria in the 1920s**

Rima N. Suleimanova

Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre RAS, Ufa, Russia, rnsulejman@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1877-5421>

Abstract. The article considers the problem of social protection of children in Bashkiria in the 1920s. The relevance of the study is due to the insufficient knowledge of this problem in regional historiography. The novelty lies in the fact that the article for the first time introduces archival sources into scientific circulation, characterizing the main aspects of the topic under study. Based on archival and published sources, the formation of a legal and regulatory framework for the social protection of children and the creation of special bodies is shown. Attention is paid to the emergence of child homelessness in the Autonomous Republic, the scale of which expanded under the influence of the consequences of the famine of 1921–1922, and the spread of epidemics, which led to the creation of special bodies and the orientation of the activities of the emerging structures to combat this social phenomenon. The difficulties and omissions encountered, and the action taken by the local authorities to make the necessary decisions are highlighted. The conclusion is drawn that the creation of special bodies for the protection of children in Bashkiria in the years under review has undergone a difficult process of formation and further development to fulfil the tasks assigned to them, which were of national importance. The implementation of the necessary measures to improve the lives of children in the region and eliminate child neglect had its own significant peculiarities. Despite all efforts, towards the end of the period under study, the leadership of the Autonomous Republic was forced to acknowledge that these tasks remained unresolved.

Keywords: children, child neglect, struggle, power, assistance, measures, region, 1920s

For citation: Suleimanova, R.N. (2022) “Not Alms are Needed, But Organized Assistance”: The Creation of Special Bodies for the Protection of Childhood in Bashkiria in the 1920s. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 123–128. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.21](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.21) (In Russian).

В современных условиях детский вопрос в России входит в число острых социальных проблем. Незащищенность детей, их правовая и материальная бесправность, множественные случаи насилия в семье и обществе сегодня напоминают исторические реалии прошлого, в частности 1920-х годов. Недостаточность, порой отсутствие внимания к этой проблеме вызывает необходимость обратиться к накопленному опыту решения детского вопроса в советской России, в частности, в одном из ее регионов – Башкирии.

Данная тема получила определенное освещение в работах по региональной истории (Очерки по истории... 1966:196–197; История Башкортостана... 2005: 256–257). Однако специальных исследований, рассматривающих решение детского вопроса в 1920-е годы в Башкирии, нет, что явилось основанием для нашего обращения к ней.

Статья посвящена проблеме защиты детства, борьбы с беспризорностью и безнадзорностью в детской среде в Башкирии в 1920-е годы. Основное внимание обращается созданию организационных структур, задачей которых являлось объединение усилий местных органов и общественности для оказания всесторонней помощи детям, прежде всего сиротам, проведения борьбы с детской беспризорностью. С привлечением различных источников и документальных материалов показываются особенности создания и деятельности, влияние на них объективных и субъективных факторов. На основе изучения данной темы подводятся итоги.

События начала XX столетия – революции, Первая мировая война, смена общественного строя, нововведения пришедших к власти большевиков и др., отразились на дальнейшем ухудшении положения населения, в том числе детей. Все это породило социальное бедствие – сиротство и полусиротство детей. Перед новой властью встала задача по оказанию помощи этой категории детского населения, в связи с чем возникла необходимость формирования нормативно-правовой базы. В послереволюционный период были приняты декреты по созданию Комиссии по делам несовершеннолетних, учреждению Совета защиты детей в январе, феврале 1918 г., постановления по учреждению Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК в январе 1921 г.¹

В соответствии с принятыми решениями в Башкирии происходило создание аналогичных структур. Но непросто было найти нужную организационную форму, да и процесс их формирования был довольно сложным. Детский вопрос находился в ведении двух ведомств – социального обеспечения и образования. Первоначально задачи его решения были возложены на органы социального обеспечения, вплоть до конца 1919 г., затем на органы образования. До создания в 1922 г. «Большой Башкирии» эти структуры возникали и осуществляли деятельность на территории Уфимской губернии и Малой Башкирии. В губернском отделе социального обеспечения (губсобес) в октябре 1919 г. создаются подотделы социального воспитания, правовой защиты детей, охраны материнства и младенчества, детских домов, при последнем комиссия по делам несовершеннолетних и институт братьев и сестер социальной помощи. При его участии были открыты несколько детских учреждений – детдом, распределительный детдом для временного помещения бездомных детей, дом для дефективных детей, санаторий для больных детей. По линии охраны материнства и младенчества открылись дом ребенка, дом матери и ребенка, детские ясли от 3 лет на 30 детей, консультация и при ней молочная кухня, реорганизовались дом ребенка и железнодорожные ясли².

В губернском отделе народного образования (губотнарб) были созданы несколько отделов – социального воспитания, правовой защиты детей и др., имевшие секции беспризорности, дефективности, опеки, адресный стол, эвакубюро. Недолго просуществовала организованная в июле 1919 г. комиссия по делам несовершеннолетних детей. В отчете отдела соцвос сообщалось, что он возник в мае 1920 г., когда детские дома были переданы от губсобеса губотнарбу, но работа «долго не налаживалась». Причинами назывались частая смена заведующих, отсутствие опытных работников, необходимых инструкций, материальные трудности, отсутствие детской инспекции (милиции) и кадров обследователей, ввиду чего «говорить о большой организационной работе почти не приходится... что сильно отразилось на других областях работы». В сентябре 1920 г. на заседании губкома партии отделу образования было указано «обратить самое серьезное внимание на правильную постановку дела в отделе охраны детства и в самих детдомах». Однако выполнить поставленное задание не удалось. Уполномоченный ВЦИК по Башкирии отмечал, что в губернии «до сего времени» не было органа по улучшению жизни детей (Детская беспризорность... 2013: 116).

В Малой Башкирии создание этих органов также происходило сложно. В 1919 г. возник Наркомат социального обеспечения. При нем действовала коллегия, в задачи которой входила

¹ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 337–338; Т. IV. М., 1968. С.336-339; Т. XII. М., 1986. С 354–355.

² Газета «Известия». 1920. 13 августа.

охрана младенчества, материнства и детства. В его структуре был отдел детских домов, реорганизованный позже в отдел охраны детства¹. В результате этого некоторые функции были переданы в ведение Наркомата здравоохранения, в их числе охрана материнства и младенчества, а отдел охраны детства упразднен.

Наркомпрос республики приступает к своей деятельности во второй половине 1919 г. Отдел правовой защиты был переименован в отдел охраны детства с подотделами детских домов и правовой защиты. В ходе последующих реорганизаций в феврале-марте 1921 г. в его структуре происходили изменения и было создано несколько главных управлений, в их числе социального воспитания (Главсоцвос), в котором помимо прочих отделов был отдел охраны детства. Однако ему пришлось столкнуться с немалыми трудностями, о чем ведомство сообщало в обком партии: «до сих пор, до февраля 1921 г., находится еще в стадии развития и организации, так как не имеется ни соответствующих работников, ни помещения, отсутствие работников, особенно ответственных, не позволяет выполнять отделу свои функции и задачи». Отделу не хватало циркуляров и инструкций для организации работы и, конечно же, средств. Организованная в октябре 1920 г. при Наркомате комиссия по улучшению быта детей приступила к своей деятельности лишь в конце 1921 г. по причине «остроты вопроса с финансами»².

Вопросы по охране здоровья матери и ребенка находились в ведении органов здравоохранения губернии и республики. На них возлагалось осуществление охраны здоровья детей, мероприятий в области охраны материнства и младенчества, санитарного надзора за детскими учреждениями и школами. Так, при Уфимском губернском отделе здравоохранения (губздрав) был образован подотдел охраны здоровья детей. По его инициативе в Уфе и городах губернии открылись первые детские учреждения. Они также появились в Малой Башкирии усилиями Наркомата здравоохранения (Медицина в Башкирии... 1923: 12). Но охватившие регион голод и остроинфекционные заболевания внесли в их деятельность коррективы. Теперь органы здравоохранения все усилия должны были направить на ведение борьбы с эпидемиями и оказание помощи, прежде всего, голодным и обессиленным детям.

Для упорядочения постановки дела и выполнения поставленных задач возникала необходимость в создании специального органа. В начале 1921 г. Президиум БЦИК постановил организовать Совет по защите детей при правительстве республики. Но его деятельность была кратковременной и недостаточно результативной в решении поставленных перед ним задач. В соответствии с постановлением об учреждении при Президиуме ВЦИК Комиссии по улучшению жизни детей аналогичный орган создается в Башкирии в январе 1921 г.³

Однако комиссии по улучшению жизни детей при БЦИК (комулужиздет) не удавалось приступить к деятельности по причине отсутствия финансовых средств, необходимых работников, но самое главное – не была создана структура с четко установленными функциями для выполнения поставленной перед ней задачи. Поэтому возглавивший ее Я.Р. Савельев указывал, что «главная и основная причина, разбивающая работу по детскому вопросу в самом ее основании, кроется... в незаконченности организационной структуры...» (Детская беспризорность... 2013: 148).

Таким образом, начало создания системы специальных органов по детскому вопросу в регионе происходило в неимоверно сложных условиях. Причин тому было немало. Организация охраны детства, как «и принципиально, и практически совершенно нового дела», нуждалась в инструкциях, имеющих опыт работы сотрудников. Не сразу были выработаны конкретные нормы охраны детства, инструкции от центральных инстанций, на их основе разработанные местными органами, которые нередко исключали одна другую, заботу о детях передавали от одного ведомства другому и осуществление направленных указаний зачастую по объективным причинам задерживалось на местах. В итоге, по согласованию с Центром и принятым местным мерам решение задач по детскому вопросу было возложено на органы образования и здравоохранения.

После образования в июне 1922 г. «Большой Башкирии», в результате чего произошло слияние управленческих структур Уфимской губернии и Малой Башкирии, в ведении которых находились вопросы защиты детства, борьбы с детской беспризорностью, при них стали создаваться соответствующие отделы. Безусловно, основная ответственность легла на органы и учреждения Наркомата просвещения. Согласно постановления правительства республики 29 июля 1922 г., его аппарат включал в себя несколько управлений, в их числе Главное управление социального воспитания (Главсоцвос), в котором имелись несколько отделов. За детский вопрос фактически отвечал отдел правовой защиты, но ввиду сложившейся обстановки налаживание основ-

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 933. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

² НА РБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 33. Л. 22.

³ НА РБ. Ф. 394. Оп. 5. Д. 7. Л. 248.

ной работы было отодвинуто решением вопросов организации общественного питания и спасения голодающих детей. Наркомат указывал в отчете о возникшей трудности, каковой стала «борьба с Царем голодом...»¹.

Уполномоченный по улучшению жизни детей Я.Р. Савельев 1 августа 1922 г. направил в Деткомиссию ВЦИК телеграмму, в которой сообщал, что с переходом Уфимской губернии в состав «Большой Башкирии» считать его полномочия законченными. В ответной телеграмме местным властям было предложено «использовать т. Савельева ввиду его большого опыта и знания», так как в республике не было специального уполномоченного Центра или деткомиссии. Это было учтено и 2 октября 1922 г. БЦИК назначает Савельева уполномоченным по улучшению жизни детей в республике².

После преодоления в Башкирии последствий голода работа по выполнению задач улучшения положения детей, борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью продолжается. Происходит процесс реорганизации действующих и создание новых организационных структур. Сохраняющаяся острота социального бедствия, угроза распространения которого представляла серьезную опасность, настоятельно требовала поиска эффективных приемов его решения, создания действенных органов. На междуправительственном совещании при уполномоченном ВЦИК по улучшению жизни детей по Башреспублике в начале 1923 г. «в целях фактической борьбы с растущей детской беспризорностью» принимается решение о создании детской красной инспекции³. В это же время Савельев обращается в правительство республики с предложением «...организовать самостоятельное и высоко авторитетное ведомство, которое было бы заинтересовано целиком и исключительно судьбой детей-сирот», как реконструированная Деткомиссия ВЦИК, которой должны быть приданы специальные органы педагогические, медицинские и юридические, снабженные сильным производственно-хозяйственным аппаратом»⁴. Местные органы обращали внимание на «ненормальное положение» в деятельности комиссии улучшидет, имевшие место «постоянное ведомственное трение и недоразумения», когда «Наркомпрос не знал, что делается в деткомиссии, а последняя не знала о планах Наркомпроса по детскому вопросу»⁵.

В сентябре 1923 г. органы помощи голодающим – Помгол, Последгол, а также уполномоченного ВЦИК по оказанию помощи детям были объединены в одно учреждение под наименованием «Башкирская детская комиссия». Основными средствами для ее деятельности являлись поступления от Башпоследгола и ВЦИК, а также заграничных организаций, в частности Американской администрации помощи (АРА). Комиссия начала свою деятельность в октябре 1923 г. без определенных указаний из Центра, имея в своем распоряжении средства ликвидированных органов, двух уполномоченных на всю республику. В соответствии с «Положением» она организовала в кантонах деткомиссии⁶.

В конце января 1924 г. Президиум БЦИК утвердил «Положение о Башкирской областной детской комиссии». В нем указывалось, что она является местным органом Деткомиссии ВЦИК и полной правопреемницей упраздняемой Башкирской комиссии по улучшению жизни детей. Как междуправительственный государственный орган, комиссия имеет цель объединение и согласование работ всех ведомств и организаций, связанных с вопросом обслуживания ребенка, всемерное содействие им в начинаниях в этой области, выработки форм помощи детям и свою деятельность должна согласовывать с Наркоматами просвещения и здравоохранения. В дальнейшем в Положение были внесены некоторые изменения, и в марте 1924 г. оно было утверждено Президиумом БЦИК⁷. В своем первом отчете комиссия указывала, что в проведении работы принимают участие «Наркомпрос и Наркомздрав, остальные ведомства почти никакой работы не ведут... участия общественности не было»⁸.

В результате реорганизации комиссии по улучшению жизни детей возникла Башдеткомиссия, что указывало на понимание местных властей необходимости продолжения работы по защите прав и здоровья детей, борьбы с беспризорностью, недопущению вовлечения детей в преступную среду и проституцию. Но средств не хватало, недостаточной была поддержка из Центра. Несмотря на создание в республике специальных органов, проводимую ими работу и принимавшиеся меры, многие задачи по защите детей еще оставались нерешенными, сохранялась сложная ситуация с беспризорностью и правонарушениями. Все это привело к созданию в июле

¹ Доклад о работе Башнаркомпроса за время с 15-го августа 1921 г. по 1-е декабря 1922 года. Уфа, 1923. С. 1.

² НА РБ. Ф. 394. Оп. 5. Д. 11. Л. 157.

³ НА РБ. Ф. 1316. Оп. 2. Д. 26. Д. 21об.

⁴ НА РБ. Ф. 933. Оп. 1. Д. 288. Л. 8.

⁵ Газета «Власть труда». 1924. 28 февраля.

⁶ НА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 361. Л. 10.

⁷ Бюллетень БЦИК. 1924. № 4. С. 2–3.

⁸ Газета «Красная Башкирия». 1926. 13 апреля.

1924 г. решением Президиума ЦИК СССР специального фонда имени В.И. Ленина помощи беспризорным детям. В сентябре 1924 г. Президиум ВЦИК принимает постановление, в котором обязывает исполнительные органы автономных республик, входящих в состав РСФСР, областей и губерний образовывать при своих президиумах фонды имени В.И. Ленина помощи беспризорным детям (Детская беспризорность и безнадзорность... 1929: 209). В соответствии с этими решениями в Башкирии 15 апреля 1925 г. постановлением БЦИК создается фонд с ежегодным отчислением в него из местных средств 30 тыс. рублей¹.

Во второй половине 1920-х гг. в постановке решения задач по защите детства происходят заметные перемены, что было связано с изменением отношения властных органов. Прежде принимавшиеся меры направлялись на улучшение жизни детей и возвращение их к нормальным условиям проживания. Теперь же со вставшими перед страной и ее регионами, в частности Башкирией, хозяйственно-политическими задачами крайне важно было в кратчайшие сроки ликвидировать детскую беспризорность и преступность окончательно. Поэтому эта задача становится одной из основных в деятельности специальных органов по защите детства. На государственном уровне принимаются постановления, объединяются усилия ведомств и органов, в ведение которых находятся вопросы защиты детства, как образования и здравоохранения, на выполнение поставленных перед ними задач, прежде всего, по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности.

Для региональных органов в этом плане основополагающим документом становится принятое в июне 1927 г. постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О плане борьбы с детской беспризорностью» (Детская беспризорность и безнадзорность, 1929: 20–27). Но имелись немалые трудности. Не хватало средств, работников, что оказывало серьезное влияние на выполнение поставленных задач. С целью вовлечения общественности в решение задач по оказанию помощи детям, прежде всего беспризорным, деткомиссии на местах стали организовывать добровольные общества «Друг детей». В Башкирии деткомиссией в сентябре 1926 г. создается аналогичное общество, цель которого состояла в «оказании всемерного содействия государственным организациям, на которых возложена работа по воспитанию, образованию, обеспечению, социально-правовой охране и охране здоровья детей»². Но уже в начале деятельности обществу пришлось ощутить недостаток средств. В сентябре 1927 г. Президиум БЦИК, обсудив вопрос о борьбе с детской беспризорностью, принимает постановление о необходимости продолжения борьбы и привлечения общественных сил и средств для усиления работы Башдеткомиссии и общества «Друг детей». Учитывая, что местными силами и средствами «поставить на должную высоту борьбу» невозможно, предлагает обратиться с ходатайством в Центр об отпуске дополнительных средств по линии Детской комиссии³. Безусловно, принимавшиеся меры вели к значительному снижению количества беспризорных детей в республике. Несмотря на это, решить поставленную задачу в республике, как в целом и в стране, не удалось. Заслушав отчет областной детской комиссии о работе по борьбе с детской беспризорностью, руководство автономной республики делает вывод, что «массовая беспризорность в полном смысле этого слова изживается, но это не есть еще гарантия полной ликвидации, таковая еще есть и будет впредь»⁴. Было потрачено много сил и средств, однако использованный в этот период подход к решению актуальной задачи был направлен на устранение последствий, а не на ликвидацию вызвавших ее причин. Несмотря на значительное ослабление остроты ситуации к концу 1920-х годов, она сохранялась и в последующие периоды. Не были решены многие другие и не менее важные по значимости задачи в области охраны здоровья, защиты прав, образования и улучшения положения детей. Несмотря на приложенные усилия органами здравоохранения республики и организованным в 1925 г. при Наркомате здравоохранения отдела охраны здоровья детей и подростков (оздравдет) (Занан, 1934: 59), приведшим к снижению смертности и улучшению ситуации с заболеваемостью среди детей, предстояло решить еще немало задач в этой области.

Таким образом, в рассматриваемый период советским государством принимались необходимые меры по защите детства. В силу уникального многообразия условий в регионах страны это проявлялось по-разному. Природные факторы, влияние исторических процессов, событий и явлений, религиозного фактора, национальных традиций, процесса вовлечения женщин в строительство новой жизни и др. также сказывалось на ней, уменьшая или усиливая ее результативность. Тому наглядный пример – Башкирия, где основными задачами в детском вопросе являлись ликвидация последствий голода 1921–1922 годов, эпидемических заболеваний и оказание посильной помощи беспризорным и больным детям, в первую очередь, сиротам. В проведении работы в этой области был провозглашен лозунг «Не подаяние нужно, а организованная помощь»⁵. Для решения

¹ НА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 351. Л. 21.

² Устав общества «Друзья детей» Башкирской ССР. Уфа, 1926. С. 1.

³ НА РБ. Ф. 394. Оп. 5. Д. 51. Л. 252.

⁴ НА РБ. Ф. 936. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.

⁵ Газета «Власть труда». 1923. 8 мая.

поставленных задач первостепенное значение имело создание системы специальных органов по охране детства, которое происходило в сложных условиях. Причинами были не только отсутствие специально подготовленных работников, крайне скудные ассигнования на эти цели, но и события этого переломного периода: войны, революции 1917 г., кризис в экономике и внутривластная нестабильность, которые сказывались на налаживании в регионе мирной жизни, становлении новой власти, оказании помощи детям. Серьезное влияние оказывали также сохраняющаяся в регионе незавершенность национально-государственного и территориального устройства, отсутствие устойчивых взаимоотношений между центральными и местными органами власти, охватившие регион голод 1921–1922 гг. и массовые эпидемические заболевания.

Поиск нужной формы организации специальных структур по защите детства был сложным. Подтверждением является процесс формирования в регионе этих структур, который был непостоянным и противоречивым. Происходило не только создание новых органов, но и постоянные реорганизации и ликвидации действующих, что в итоге отражалось на их деятельности и выполнении поставленных задач. Все это свидетельствовало об отсутствии опыта в организации подобных структур, необходимых инструкций и указаний из Центра, работников, понимающих пути решения детских проблем, эффективность проведенной ими работы. Согласимся с мнением историка Т.М. Смирновой, что система специальных органов формировалась «наспех, подчас методом проб и ошибок» и на местах представители власти «реализовывали декларируемые центром принципы в меру своего понимания и по своему усмотрению» (Смирнова, 2015: 49). Подтверждением этому является проведенное нами на основе источников изучение опыта создания в Башкирии в 1920-е годы специальных органов по защите детства.

Список источников:

- Детская беспризорность и безнадзорность и борьба с ними. Вып. 2. М., 1929. 298 с.
 Детская беспризорность на Южном Урале в 1920-е годы. Сборник документов и материалов. / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2013. 384 с.
 Занан Х. Охрана здоровья детей и подростков // Здравсохранение к XV-летию Башкирской АССР. 1919–1934: Юбилейный сборник. Уфа, 1934. С. 59–60.
 История Башкортостана. 1917–1990-е годы: в 2-х т. Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Т. 2: 1945–1990. Уфа, 2005. 313 с.
 Медицина в Башкирии. (Краткий очерк деятельности Башнarkомздрова в пределах Малой Башкирии за время 1918–1922 гг.). Уфа, 1923. 38 с.
 Очерки по истории Башкирской АССР. /Отв. ред. В.П. Иванов. Т. II. (Советский период). Уфа, 1966. 644 с.
 Смирнова Т.М. Дети страны Советов. От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.: СПб., 2015. 384 с.

References:

- Child homelessness and neglect and the fight against them.* Issue 2. Moscow, 1929, 298 p.
 Ivankov, V.P. (ed.) (1966) *Essays on the history of the Bashkir ASSR. (Soviet period)*. Ufa, 644 p. (In Russian)
Medicine in Bashkiria. (A brief outline of the activities of the Bashnarkomzdrav within Little Bashkiria during 1918–1922) (1923) Ufa, 38 p. (In Russian)
 Smirnova, T.M. (2015) *Children of the Soviet Country. From public policy to the realities of everyday life. 1917–1940*, Moscow; St. Petersburg, 384 p. (In Russian)
 Suleimanova, R. N. (ed.) (2005) *The history of Bashkortostan. 1917–1990s: in 2 vol. Vol. II : 1945–1990*. Ufa, 313 p. (In Russian)
 Suleimanova, R.N. (ed.) (2013) *Child homelessness in the Southern Urals in the 1920s. Collection of documents and materials*. Ufa, 384 p. (In Russian)
 Zanan, H. (1934) *Health protection of children and adolescents. In: Healthcare for the XV anniversary of the Bashkir ASSR. 1919–1934: Anniversary collection*. Ufa, pp. 59–60. (In Russian)

Информация об авторе

Р.Н. Сулейманова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=158436.

Information about the author

R.N. Suleimanova – D. Phil. in History, Senior Research Fellow, Head of the Department of the Modern History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre RAS, Ufa, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=158436.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.03.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.04.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 129–135.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 129–135.

Научная статья

УДК 347.181

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.22>

Оформление сведений о заключении брака в историческом аспекте

Людмила Римовна Фионова¹, Марина Александровна Катышева²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия,

¹lrfionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6131-6904>

²katysheva_1969@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1480-5144>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности в оформлении сведений о заключении брака в исторические периоды, начиная с дореволюционной России по настоящее время. В разные периоды развития России изменение системы управления всегда было связано с изменением государственной системы делопроизводства, которая определяла правила оформления документации. Эти правила влияли и на документацию, фиксирующую факты жизнедеятельности людей. Новизна исследования заключается в совместном использовании исторического, источниковедческого и документоведческого методов, позволяющих рассмотреть произошедшие изменения, выявить не только закономерные связи в оформлении сведений о заключении брака, но также виды и структуру сопровождающих документов, появление устойчивых реквизитов их оформления. В статье приведены сравнительные характеристики свидетельства о заключении брака в различные периоды.

Ключевые слова: заключение брака, периоды российского делопроизводства, документ, реквизиты документа, брачный обыск, предбрачные свидетельства, метрическая книга, метрическое свидетельство о браке, свидетельство о заключении брака, запись актов гражданского состояния, единый государственный реестр

Для цитирования: Фионова Л.Р., Катышева М.А. Оформление сведений о заключении брака в историческом аспекте // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 129–135. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.22>.

Original article

Documentation of a Marriage Record in Historical Perspective

Lyudmila R. Fionova¹, Marina A. Katysheva²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia,

¹lrfionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6131-6904>

²katysheva_1969@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1480-5144>

Abstract. The authors present the peculiarities in the documentation of information about marriage in historical periods, from pre-revolutionary Russia to the present. In different periods of country's development, the change in the management system has always been associated with a change in the state system of record keeping, which determined the rules for documentation. These rules also influenced the documentation that records the facts of people's life. The novelty of the research lies in the joint use of historical, source-based and documentary methods that allow us to consider the changes that have occurred, to identify natural connections in the registration of information about marriage, as well as the types and structure of enclosed documents, the appearance of stable requisites for their registration. As a result, comparative characteristics of the marriage certificate in different periods are given.

Keywords: marriage, periods of Russian record management, document, document details, marriage search, pre-marriage certificates, parish register, parish marriage certificate, marriage certificate, vital records, unified state register

For citation: Fionova, L.R. & Katysheva, M.A. (2022) Documentation of a Marriage Record in Historical Perspective. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 129–135. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.22](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.22) (In Russian).

В России регистрация семейно-брачных отношений осуществляется на протяжении нескольких столетий, и для многих исследователей представляет особый интерес, поскольку брак – один из самых древних общественных институтов. В разные эпохи в разных культурах он существенно видоизменялся. С уверенностью можно сказать, что всегда и везде при заключении брака необходимо было соблюдать ряд особых условий, процедур, обрядов, которые влияли на документирование этих процессов и на формы документов. Анализ исторических аспектов с научным обоснованием в формировании института брака, включая рассмотрение порядка проведения обрядовых процедур, оформление документов и их «ретроспективный обзор», а также развитие правового регулирования заключения брака приведен в научно-исследовательских трудах следующих ученых:

А.Г. Гойхбарга¹, А.И. Загоровского², В.Н. Егорова³, А.И. Исаченковой (2008), Д.И. Мейера⁴, И.А. Косарева (2010; 2009), А.Ю. Коньковой, А.Н. Кондратьева, А.В. Спичак (2012).

Авторами отмечено, что в настоящее время недостаточно проработан вопрос влияния эволюции делопроизводства в России на оформление сведений о заключении брака в различные периоды. Как известно, отечественные документоведы традиционно выделяют в развитии российского делопроизводства следующие исторические периоды:

- делопроизводство дореволюционной России, состоящее из этапов приказного делопроизводства (XVI–XVII вв.), коллежского делопроизводства (XVIII в.) и министерского делопроизводства (XIX – начало XX в.);

- советское делопроизводство (1917–1991 г.);

- постсоветское (современное) делопроизводство (1991 – по настоящее время)⁵.

Оформление документов, в том числе и брачных, зависело от того, в какой исторический период делопроизводства это происходило.

Использование в совокупности исторического, источниковедческого и документоведческого методов в анализе документирования процесса регистрации брачно-семейных отношений позволило авторам рассмотреть произошедшие изменения, выявить не только закономерные связи в оформлении сведений о заключении брака, но также виды и структуру сопровождающих документов.

Брак имеет как сакральный личный характер для супругов, так и значение для семьи, рода, общества в целом⁶. Семья, которая образуется посредством заключения брака, согласно Конституции Российской Федерации, находится под защитой государства. Важной составляющей государственной регистрации заключения брака является свидетельство о браке, т. е. документ, который подтверждает создание официальной семьи между мужчиной и женщиной как ячейки общества на законных основаниях. Сведения, содержащиеся в свидетельстве о заключении брака, и его привычная для нас форма формировались на протяжении нескольких столетий. По мнению многих исследователей, исторический путь развития оформления сведений о заключении брака и формировании свидетельства как документа условно подразделяются на дореволюционный (до 1917 г.), советский (до 1993 г.) и постсоветский (с 1993 г.) периоды⁷ (Исаченкова, 2008; Теоретические и практические проблемы..., 2017). Эти периоды совпадают с историческими периодами развития российского делопроизводства, что объясняет влияние последних на правила оформления брачных документов.

В дохристианский период (до X в.) браки заключались посредством различных обрядов и регулировались на основе Домостроя. На Руси были известны такие формы брака, как похищение, покупка, приведение. В силу того, что эти формы брака имели обрядовый характер, они «оформлялись» словесно и символически, т. е. каких-либо документов или указов, регулирующих эту сторону вступающих в брак, не существовало. Можно отметить, что в этот период еще не были сформированы нормы и правила делопроизводства, но уже появились «дьяки, которые владели приемами работы с документами»⁸.

Зарождение документирования процесса брачных отношений относят к появлению христианства на Руси. Порядок заключения брака регулировался церковью и был записан в положениях византийских сборников канонического права, Номоканоне, что, в свою очередь, стало основой для русской редакции Кормчей книги (юридического сборника X–XII вв.)⁹. В главе 50 Кормчей книги можно найти общее понятие брака, наставления священнику о порядке и условиях совершения брака, пояснения о различных видах родства, которые могли являться препятствием для заключения брака¹⁰. В Стоглаве 1551 г. были закреплены общие правила бракосочетания, в которых прописывался брачный возраст – 15 лет для юношей и 12 лет для девушек – и правила совершения

¹ Гойхбарг А.Г. Брачное, семейное и опекуное право. М., 1926. С. 8

² Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1902. С. 51

³ История документов в России в лицах и судьбах (историко-правовые и документоведческие аспекты) / под общ. ред. В.Н. Егорова. Ульяновск, 2020. 376 с.

⁴ Мейер Д.И. Русское гражданское право [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Ларин М.В., Банасюкевич В.Д., Сокова А.Н. Государство и эволюция систем документации: Науч. докл. М., 2000. 35 с.; Митяев К.Г. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959.

⁶ История документов в России в лицах и судьбах (историко-правовые и документоведческие аспекты) / под общ. ред. В.Н. Егорова. Ульяновск, 2020. 376 с.

⁷ Там же.

⁸ Ларин М.В., Банасюкевич В.Д., Сокова А.Н. Указ. соч.; Митяев К.Г. Указ. соч.

⁹ Кормчая (Номоканон). Отпечатана с подлинника патриарха Иосифа. Издание третье, стереотипное. СПб., 1998.

¹⁰ Павлов А.С. 50-я глава Кормчей книги, как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. IV. С. 8–40.

таинств в отношении «двоеженцев», «троеженцев»¹. Необходимо отметить, что такое понятие, как документ, подтверждающий факт заключения брака, в это время не было сформировано.

Этот период связан также со становлением и развитием приказного делопроизводства, т. е. первой ступенью формирования системы документирования деятельности структурных частей приказов и организации работы с документами. Характерной особенностью приказного делопроизводства являлось то, что оно велось с учетом норм обычного права, обычаев и традиций, но не регулировалось на законодательном уровне. Однако в этот период на основе обычаев начали определяться последовательность прохождения документов, порядок работы с ними и их оформление².

В России в XVIII в. церковная форма брака стала обязательной, а реформы Петра I стали толчком развития семейного права, являющегося составной частью общей правовой структуры Российского государства. Именно в этот период началось «более детальное регулирование процедуры заключения брака, прав супругов, особенностей составления документов о браке». Были сформированы основные виды брачных документов дореволюционного периода: «венечные памяти, брачные обыски, предбрачное свидетельство, свидетельство о разрешении вступить в брак после вдовства или развода, записи из метрических книг и выписи из них»³ (Сарафанов, 2009; Спичак, 2012; Теоретические и практические проблемы..., 2017). Последовательно появляются обязательные реквизиты, такие как наименование вида документа, подпись и оттиск печати и т. п.⁴ Взамен столбцовой формы появляется книжная форма документа, которая впоследствии будет использоваться и в метрических книгах, и в книгах записи регистрации актов гражданского состояния.

Перед вступлением в брак первоначальным письменным актом являлся брачный обыск, в котором священниками устанавливался факт неродства вступающих в брак, а также волеизъявление жениха вступить в брак. Этот документ содержал информацию о будущем супруге, а именно: указывались его фамилия, имя и отчество, возраст, принадлежность к сословию, в каком состоит чине, его семейное положение на момент составления данного акта. Брачные обыски велись в рукописной форме и текст не содержал «красную строку»⁵. Регистрация этого документа фиксировалась в отдельных обыскных книгах, которые шнуровались и скреплялись печатями Духовных консисторий. Текст обысков всегда излагался в одинаковой форме. Как отмечается исследователями, сведения брачного обыска являлись в дальнейшем основной частью для составления венечных памяти, целью которых было удостоверение в отсутствии препятствий для вступления в брак между женихом и невестой. Этот письменный акт подписывался не только священниками, но и «иными свидетелями», т. е. посторонними людьми. В 1731 г. в венечных памятях должны были обязательно расписываться еще и прихожане церкви. Без составления венечных памяти венчание не проводилось⁶.

Предбрачные свидетельства, выдаваемые церковью при проведении брачных обысков, появляются в конце XIX – начале XX вв. В них указывались сведения о вступающих в брак, а именно: «сословная принадлежность, место жительства, вероисповедание, дата рождения, находится ли в здравом уме, имеется ли дозволение родителей на брак или дозволение начальства (при необходимости), были ли на исповеди и причастии. Документ, подписанный священником и псаломщиком, скреплялся печатью епархии»⁷ (Спичак, 2012).

С 1722 г. браки в обязательном порядке стали регистрироваться в метрических книгах прихода⁸. Указом 1724 г. установлены формуляры метрических книг. В них церковнослужители заносили сведения в графы раздела «О бракосочетавшихся»: «кто венчался», «дата венчания», «сведения о поручителях или участвующих в свадебном обряде», также вписывалось имя священника, венчавшего брак⁹ (Сарафанов, 2009).

¹ Стоглав. Казань, 1862. С. 454.

² Ларин М.В., Банасюкевич В.Д., Сокова А.Н. Указ. соч.; Митяев К.Г. Указ. соч.

³ История документов в России...; Мейер Д.И. Указ. соч.;

⁴ Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. 509 с.

⁵ Инструкция старостам поповским или Благочинным Смотрителям от Святейшего Патриарха Московского Андриана от 26 декабря 1697 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 3. № 1216, С. 422; Об уничтожении венечных памяти и денежного сбора с оных и о произведении обысков прежде венчания вступающих в брак: Сенатский указ от 14 июля 1765 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 1. № 12433. С. 189–190.

⁶ Там же; Синодский указ от 29 ноября 1731 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 8. № 5892. П. 4. С. 568; История документов в России ...

⁷ Свод Законов Российской империи. Т. 10. СПб., 1916.

⁸ Прибавление к Духовному регламенту. Прибавление о правилах причта и чина монашеского, май 1722 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 6. № 4022. П. 29. 707.

⁹ О содержании священниками метрических книг для записи рождающихся, браком сочетавшихся и умирающих, и о присылке из оных ежегодно экстрактов к Архиепископам: Синодский указ от 20 февраля 1724 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 7 № 4480, С. 266–267.

Метрическая книга содержала и номер записи о венчании. На практике требования не всегда соблюдались, и некоторые графы, например, «кто были поручители», пропускались. На местах, наоборот, могло что-то добавиться, например, в графе «кто венчался» приписывалась информация о том, «каким браком» венчался человек, не редко записывалась информация и о социальном статусе. В большей степени это связано с тем, что ведение метрических книг не контролировалось «сверху».

В 1838 г. был изменен формуляр метрической книги, который стал окончательным вариантом и использовался до 1917 г. Структура раздела «О бракосочетавшихся» стала более подробной с добавлением отдельных столбцов. В нем фиксировалась следующая информация: «счёт браков; месяц и день; звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание жениха и которым браком сочетается; возраст жениха; звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты и которым браком сочетается; возраст невесты; кто совершил таинство; кто были поручители; подпись свидетелей записи по желанию»¹.

С 1824 г. появляется еще один вид брачного документа – метрическое свидетельство о браке, которое содержало в себе только те сведения, какие имелись в определенной статье метрической книги. Церковь разрешала выдавать такие свидетельства только в виде исключения, а с 1835 г. их могли получить все запрашивавшие частные лица. Исследования показывают, что в это время не существовало определенной формы для метрического свидетельства о браке, а сами бланки появились позже. На них ставилась печать Духовной консистории.

К началу XX в. все записи, которые постепенно добавлялись в метрические книги, стали больше схожи со сведениями, которые записываются в свидетельство о заключении брака нашего времени.

Принятие декрета ВЦИК СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г. послужило началом советского периода в оформлении регистрации брака. Этот правовой документ провозгласил не только принцип добровольного вступления в брак, но и коренным образом изменил саму процедуру заключения брака, отстранив от дел церковь. Теперь это право было передано новому ведомственному органу – отделу записи актов гражданского состояния (ЗАГС). Данным Декретом была утверждена форма книги записей браков, в которую при заключении брака необходимо было фиксировать такие сведения, как: «год; данные об органах, регистрирующих брак (отдел управы, отдел записей браков); номер регистрируемого брака; день и месяц заключения брака; имя, отчество, фамилия жениха и невесты; возраст жениха и невесты; фамилия, которой впредь будут именоваться вступающие в брак; постоянное место жительства и адрес; особые примечания; подписи жениха и невесты, подтверждающие добровольность вступления в брак и отсутствие препятствий для брака; подписи должностных лиц, зарегистрировавших брак, и печати соответствующих органов»².

Именно в этот период отмечается появление первых форм свидетельств о заключении брака, подтверждающих внесение записи в книгу актов гражданского состояния (АГС) и выдававшихся супругам по желанию. В них фиксировалась информация об именах жениха и невесты; фамилиях супругов после регистрации; указывались дата, место заключения брака и обязательно номер акта.

Утвержденный в 1926 г. «Кодекс законов о браке, семье и опеке» закрепил формы свидетельств о заключении брака³. Документ форматом 14,5 на 11,5 см содержал надпись: «Свидетельство о браке», оформленную с прописной буквы, которую разделял герб. Рядом с надписью проставлялся номер свидетельства, далее слева – штамп организации, в которой проходила регистрация, туда вписывалась дата, а справа – полные имена заключивших брак. Ниже были расположены сведения о внесении сведений в книгу АГС. В таблицу заносились сведения о фамилиях молодоженов после заключения брака, иногда ее могли писать посередине. Также была графа, куда заносились «особые отметки». Она могла содержать различную информацию, например, возраст брачующихся, их даты рождения или надпись: «Выдан как документ». Обязательно присутствовал оттиск печати, а также подписи заведующего и делопроизводителя.

После Великой Отечественной войны принимается «Постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по упорядочению регистрации актов гражданского состояния» от 08 января 1946 г. № 15». На основании данного Постановления с 1 мая 1946 г. свидетельства (в том числе и свидетельство о браке) приводятся к единой форме, а бланки печатаются на гербовой бумаге на русском языке и

¹ О ведении метрических книг по новым формам. Синодский указ от 7 февраля 1838 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 13 № 10956, С. 91–92.

² О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния : Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке (вместе с Кодексом) : Постановление ВЦИК от 19.11.1926 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

языке соответствующей автономной республики, если в этом была необходимость¹. Теперь не было штампа ЗАГСа, а наименование места регистрации брака записывалось в отдельной графе. Именно в 1950-е гг. свидетельство о браке приобрело современное содержание.

В 1969 г. с принятием нового «Кодекса о браке и семье РСФСР» и Постановлением Совета Министров СССР от 02 июня 1969 г. № 410 «Об утверждении форм книг регистрации актов гражданского состояния» вводятся новые формы свидетельства о заключении брака². Свидетельство приобрело совсем другой вид. Оно складывалось пополам, образуя книжечку, и изготавливалось из плотного картона светло-коричневого оттенка.

Постсоветский период начинается с 1993 г. и длится по сей день. В это время принимается Постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 1992 г. № 774 «Об утверждении форм записей и свидетельств о регистрации актов гражданского состояния»³. Форму свидетельства о браке этим нормативным актом работники ЗАГС должны были применять с 1 января 1993 г. Эта форма свидетельства напоминает форму, привычную для нашего времени. На бланках 1990-х гг. есть герб Российской Федерации, расположенный сверху посередине, строкой ниже прописными буквами имеется надпись: «Свидетельство о заключении брака». Документ начинается со слов «гражданин» и «гражданка» и после следуют библиографические данные о супругах, а именно: фамилия, имя, отчество, их дата и место рождения. Далее следует дата заключения брака, которая проставляется сначала числом, затем прописью. На свидетельстве имеется информация о записи в книге регистрации АГС: «число, номер, фамилии после заключения брака, место регистрации, дата выдачи, подпись заведующего отделом (бюро) записи актов гражданского состояния». Слева ставилась печать, а внизу по центру – серия и номер.

С принятием Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. и Федерального закона «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ в свидетельстве о заключении брака появляется графа о национальности и гражданстве будущих супругов⁴. Эта информация заполнялась, если такие сведения вносились в актовую запись АГС.

Бланки свидетельств, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 06 июля 1998 г. № 709 «О мерах по реализации Федерального закона «Об актах гражданского состояния», действовали с I квартала 1999 г. по 01 июля 2015 г и стали заполняться с использованием принтера. В них не предусматривалось существенных изменений, они отличались только формальной частью наименования выдававшего органа: вместо «ЗАГС» указано «записи актов гражданского состояния». Бланки свидетельства о заключении брака изготавливались на гербовой бумаге со специальными водяными знаками и являлись бланками строгой отчетности⁵.

Новые формы свидетельства о заключении брака утверждены Приказом Министерства юстиции Российской Федерации с 1 октября 2018 г. и действуют по настоящее время⁶. Нововведением стал штриховой код, который наносится при печати в левой верхней части свидетельства с

¹ Об упорядочении регистрации актов гражданского состояния : Постановление СНК СССР от 08.01.1946 N 35 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) : ред. от 07.03.1995, с изм. от 29.12.1995 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении форм книг регистрации актов гражданского состояния : Постановление от 2 июня 1969 г. N 410 : с изм. и доп., внесенными Постановлением Совмина СССР от 10.12.1976 N 1006 - СП СССР, 1977, N 2, ст. 9 [Электронный ресурс] // Интернет архив законодательства СССР. Более 20000 нормативно-правовых актов. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7091.htm (дата обращения: 31.05.2022).

³ Об утверждении форм записей и свидетельств о регистрации актов гражданского состояния : Постановление Правительства РФ от 11.10.1992 № 774 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102054082&backlink=1&&nd=102018875> (дата обращения: 31.05.2022).

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ : ред. от 02.07.2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об актах гражданского состояния от 15.11.1997 № 143-ФЗ (последняя редакция) : Федеральный закон [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О мерах по реализации Федерального закона «Об актах гражданского состояния» (с изменениями и дополнениями) : Постановление Правительства РФ от 6 июля 1998 г. N 709 [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁶ Об утверждении форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния : Приказ Минюста России от 13.08.2018 N 167 : зарегистрировано в Минюсте России 15.08.2018 N 51901 : ред. от 21.01.2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении форм записей актов гражданского состояния и Правил заполнения форм записей актов гражданского состояния : Приказ от 1 октября 2018 года N 202 : с изменениями на 26 ноября 2021 года [Электронный ресурс] // Электронный фонд более 25 000 000 актуальных правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/551249243> (дата обращения: 31.05.2022).

целью проверки подлинности документа. Уникальность этого кода (QR-кода) состоит в том, что в нем зашифрована информация о записи АГС и органе ЗАГС, которое выдало свидетельство о заключении брака.

С переходом работы всех органов ЗАГС России на централизованный ресурс, т. е. «Единый государственный реестр записей АГС» информацию в свидетельстве необходимо оформлять с использованием «технических средств федеральной государственной информационной системы ведения Единого государственного реестра (ЕГР) записей АГС»¹.

Подводя итог, отметим, что оформление сведений о заключении брака претерпевало различные изменения в зависимости от определенного исторического периода. На сферу оформления брака оказывала существенное воздействие эволюция российского делопроизводства. Изменение систем делопроизводства российского государства приводило к формированию общих правил документирования регистрации заключения брака. С уверенностью можно сказать, что многое менялось в оформлении сведений о заключении брака: и содержание, и перечень реквизитов, и даже материальный носитель. Развитие современных цифровых технологий также привело к появлению такого уникального реквизита, как штриховой код на свидетельстве о заключении брака, подтверждающий его подлинность. Переход в настоящее время от книжных форм государственной регистрации заключения брака к созданию Единого государственного реестра записей АГС гарантирует долговременную сохранность сведений о заключении брака, и, кроме того, позволяет облегчить доступ к ним. Но сами сведения остаются до сих пор неизменными: фамилия, имя, отчество будущих супругов, дата заключения брака, фамилии после регистрации, подписи должностных лиц, выдавших документ.

Список источников:

- Исаченкова А.И. Акты гражданского состояния как документная система: этапы формирования и развития // Делопроизводство. 2008. № 2.
- Косарева И.А. Общая характеристика правового института брака // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2010. №3. С. 36.
- Косарева И.А. Институт брака: сравнительно-правовое исследование. М., 2009.
- Сарафанов Д.Е. Источниковые особенности метрических книг Барнаула второй половины XVIII–XIX вв. (по материалам ЦХАФ АК) // Пятые научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: сб. ст. Барнаул, 2009. С. 14–24.
- Спичак А.В. Документирование процесса вступления в брак в российской империи в XVIII–XX вв.: источниковедческий аспект по материалам государственного архива в г. Тобольске // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 40–54.
- Теоретические и практические проблемы государственной регистрации актов гражданского состояния: монография / ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»; Тверское региональное отделение Ассоциации юристов России. Тверь, 2017. 248 с.

References:

- Isachenkova, A.I. (2008) Akty grazhdanskogo sostoyaniya kak dokumentnaya sistema: etapy formirovaniya i razvitiya [Acts of civil status as a document system: stages of formation and development]. *Deloproizvodstvo [Documentation]*. (2).
- Kosareva, I.A. (2010) Obshchaya kharakteristika pravovogo instituta braka [General characteristics of the legal institution of marriage]. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law]*. (3). 36.
- Kosareva, I.A. (2009) Institut braka: sravnitel'no-pravovoye issledovaniye [Institute of marriage: a comparative legal study]. Moscow: Yustitsinform.
- Sarafanov, D.E. (2009) Istochnikovyye osobennosti metriceskikh knig Barnaula vtoroy poloviny XVIII – XIX vv. (po materialam TSKHAF AK) [Source features of the parish registers of Barnaul in the second half of the 18th – 19th centuries. (Based on the materials of TSHAF AK)]. In: Pyatyye nauchnyye chteniya pamyati YU.S. Bulygina [Fifth scientific readings in memory of Yu.S. Buligin: collection of art.]. Barnaul: izd-vo «Az Buka». P. 14–24.
- Spichak, A.V. (2012) Documenting of marriage process in Russian empire in 18th – 20th centuries. On materials of the Tobolsk state archive. *Herald of an archivist*. (4). 40–54.
- Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy gosudarstvennoy registratsii aktov grazhdanskogo sostoyaniya [Theoretical and practical problems of state registration of acts of civil status: monograph] (2017). Tver: izdatel' A.N. Kondratiev.

Информация об авторах

Л.Р. Фионова – доктор технических наук, профессор, декан факультета вычислительной техники Пензенского государственного университета, действительный член Академии информатизации образования, член «Гильдии экспертов в сфере профессионального образования», член «Гильдии управляющих документацией», почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Пенза, Россия.

Author ID Scopus: 56584200000.

Researcher ID WoS: C-3836-2014.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=546013.

¹ Об утверждении форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния...; Об утверждении форм записей актов гражданского состояния и Правил заполнения форм записей актов гражданского состояния...

М.А. Катышева – старший преподаватель кафедры «Информационное обеспечение управления и производства» факультета вычислительной техники Пензенского государственного университета, Пенза, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=680459.

Information about the authors

L.R. Fionova – Doctor of Technical Science, Professor, Dean, Computer Engineering School, Penza State University, full member of the Academy of Informatization of Education, member of The National Guild of Experts in Higher Education, member of the Guild of Document Managers, Honorary Worker of Russian Higher Professional Education, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Penza, Russia.

Author ID Scopus =56584200000.

Researcher ID WoS = C-3836-2014.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=546013.

М.А. Katysheva – Senior Lecturer, Information Support of Management and Production Department, Computer Engineering School, Penza State University, Penza, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=680459.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.05.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 31.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 136–140.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 136–140.

Научная статья

УДК 94(571.5)“1945/1953”

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.23>

**Будни партийного контроля в Советской армии
(на материалах Восточной Сибири 1945–1953 гг.)**

Владислав Николаевич Воронцов¹, Инесса Анатольевна Ковригина²

¹Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутск, Россия, woronzow@mail.ru

²Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия,
inessakovrigina@gmail.com

Аннотация. В период Великой Отечественной войны существенно изменился идеологический компонент советского политического строя. Вынужденная в связи с начальными неудачами демонстративная опора на русские военные традиции, провозглашение национальной боевой преемственности стали значительной новацией в работе с общественным сознанием. Тем самым сталинский режим продемонстрировал оперативную и успешную адаптацию к крупнейшим в истории вызовам. В статье рассматриваются послевоенная судьба военно-исторического наследия на уровне политической работы в Советской армии. На высшем уровне были инициированы военно-исторические исследования и обширная источниковедческая работа. Проанализированы планы политических мероприятий в воинских соединениях и собственно содержание учебного материала офицерской подготовки. В заключении статьи рассматривается риторическое отражение послевоенных общественных процессов на отечественной высшей школе на примере приказов Иркутского горно-металлургического института по случаю годовщины создания Красной армии 23 февраля и ко дню артиллерии 19 ноября.

Ключевые слова: коммунистическая партия, партийная и политическая работа, Советская армия, повседневность, адаптация, гибкость, риторика

Для цитирования: Воронцов В.Н., Ковригина И.А. Будни партийного контроля в Советской армии (на материалах Восточной Сибири 1945–1953 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 136–140. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.23>.

Original article

**Everyday Life of Party Control in the Soviet Army
(On Materials from Eastern Siberia in 1945–1953)**

Vladislav N. Vorontsov¹, Inessa A. Kovrigina²

¹Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia, woronzow@mail.ru,

²Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, inessakovrigina@gmail.com

Abstract. During the Great Patriotic War, the ideological component of the Soviet political system changed significantly. Forced by initial failures demonstrative reliance on Russian military traditions, the proclamation of national combat continuity has become a significant innovation in working with public consciousness. Thus, the Stalinist regime demonstrated prompt and successful adaptation to the biggest challenges in history. The authors examine the post-war fate of the military historical heritage at the level of political work in the Soviet Army. At the highest level, military-historical research and extensive source work were initiated. The plans of political events in military formations and the actual content of the training material of officer training are analyzed. The authors provide the rhetorical reflection of post-war social processes at the national higher school, using the example of the orders of the Irkutsk mining and metallurgical Institute on the occasion of the anniversary of the creation of the Red army on February 23 and the day of artillery on November 19.

Keywords: Communist Party, party and political work, Soviet Army, everyday life, adaptation, flexibility, rhetoric

For citation: Vorontsov, V.N. & Kovrigina, I.A. (2022) Everyday Life of Party Control in the Soviet Army (On Materials from Eastern Siberia in 1945–1953). *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 136–140. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.23](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.23) (In Russian).

История нашей страны в XX в. неотделима от деятельности коммунистов (большевиков) – членов правившей страной с 1917 по 1991 гг. партии, руководителей и исполнителей всемирного коммунистического проекта. Партия выступала фундаментом политической системы, созданной

большевиками после октября 1917 г. Именно руководство партии инициировало все идеологические кампании и культурные проекты (Воронцов, Суханова, 2019: 234). Эта повседневность была привычной в 1940–1950-е гг., но ее эволюционирующая идейная составляющая в изученной нами историографии (далее приводится краткий обзор) скорее констатировалась, чем системно анализировалась. Сейчас же, в начале XXI в., осмысление прошлых реалий – непростая, но увлекательная задача в условиях постсоветского социально-экономического уклада и предполагаемой общественной ностальгии по «сильной руке и порядку». Реалии партийного монополизма требуют от исследователя рассмотрения духовной культуры в увязке с общеполитическими процессами. Задача данной статьи – проследить вынужденные изменения в советских официальных оценках военно-исторического прошлого и временное смещение приоритетов от «пролетарского» интернационализма к национальному великодержавию на материалах низовых структур.

Военно-историческое наследие. Сопровождавшая Великую Отечественную войну вынужденная ставка большевиков на патриотизм и самобытность, а также общий рост национального самосознания несколько скорректировали мировоззренческое и идейное содержание советской историографии, инициировали возрождение научной критики. По окончании войны в СССР оформилась система подготовки исторических кадров, включая организационные структуры (Институты, кафедры и т. д.), наметились контуры будущих ведущих научных школ. В конце 1940-х гг. разворачивается работа над первыми диссертациями по хронологически ближайшему советскому прошлому, это запускает переход от пропагандистских к научным схемам. К середине 1950-х гг. на кафедрах вузов большинство аспирантов изучали уже советский период. Основной упор исследователи направили на освещение роли партии в подготовке и проведении мероприятий, сохранился цитатный метод подачи и трактовки фактического материала. Подчеркивалось, что именно товарищ Сталин вооружил партию и трудящихся уверенностью в победе строительства коммунистического общества в СССР. Эта уверенность еще более возросла после всемирно-исторических побед, одержанных советским народом под руководством товарища Сталина в Великой Отечественной войне. Из тягчайших испытаний Второй мировой войны Советский Союз вышел еще более окрепшим (Надточеев, 1951: 19–20).

В уже постсоветских историографических публикациях это характерное свойство советской исторической науки объясняется не только партийным диктатом, но и «теоретико-методологическим иждивенчеством» – некритичным использованием партийно-государственной документации и сопутствующим спросом на конъюнктурные знания¹.

Западные авторы признают, хотя и с негативными коннотациями, приспособленческие успехи большевиков, их умение делать резкие повороты и маневры в политике. Указывалось, что советские правители вынужденно апеллировали не столько к «героическим» большевистским традициям, сколько к традициям русского народа (Майнер, 2010: 26, 53).

Современные российские историки также констатируют этапное изменение советской национальной политики в 1941–1945 гг. Ее условные периоды: советское великодержавие при подготовке к войне, «здоровый, правильно понятый национализм» – укрепление великодержавия, возврат к советскому патриотизму в конце войны (Синицын, 2018: 542–543).

Праздники воинских частей и соединений. Например, в ноябре 1943 г. подтверждается традиция годовых праздников соединений и частей Красной армии со следующим (на примере 17-й армии в Монголии) обоснованием, что для воинских частей Русской армии, а позднее и частей Красной армии, установленной традицией большим годовым праздником являлись даты их формирования, получения боевых знамен или наград за особые боевые заслуги перед Отечеством. Праздники имеют большое воспитательное значение в сплочении солдат и офицеров за свои подразделения и части. «В целях поддержания и упрочения этих лучших традиций Русской армии приказываю установить»²: для 57-й Краснознаменной мотострелковой дивизии 17-го ноября – день награждения дивизии орденом Красное Знамя за доблесть в боях на реке Халхин-гол в 1939 г., для 80-го мотострелкового полка 25 ноября – день формирования полка, и т. д., для 24-го отдельного легко-саперного батальона 28 ноября – день вручения боевого красного знамени.

С окончанием Второй мировой войны в рамках политической работы в частях Советской армии налажено освоение идейного опыта военного прошлого (Сталин, 1946), на уровне высших инстанций инициированы военно-исторические исследования и обширная источниковедческая работа (Пишу исключительно..., 2017).

¹ Катамадзе Н.Ш. Советская историография отечественной аграрной истории (1950-е – начало 1990-х годов): направления, течения, школы: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 112.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 1305. Оп. 1. Д. 57. Л. 137.

Пойдем в рассмотрении от частного к общему, соблюдая хронологию, реконструируя стилистику и содержание документооборота.

Для начала обратимся к историческому формуляру 57-й мотострелковой Хинганской Краснознаменной дивизии, составленному к 15 января 1946 г.: «Политико-моральное состояние состава дивизии здоровое, крепкое (на 1945 г.). Об этом свидетельствует быстрая подписка на заем. Исключительную любовь к партии, единство проявляет личный состав дивизии, лучшие офицеры, сержанты и рядовые вступили в партию и комсомол». Регулярно проводились собрания партийного актива соединения, например, на 28 февраля 1946 г. в повестке дня – «Задачи партийных организаций в деле глубокого изучения речи товарища Сталина от 9 февраля 1945 г. и реализации приказа от 23 февраля 1946 г.» в присутствии 308 чел.¹

Послевоенные трактовки российского прошлого. Весьма впечатляют планы марксистско-ленинской подготовки офицеров (для командиров взводов и равных им) на 1945–1946 гг., разосланные по линии Главного политического управления. Среди названий 32 лекций трудно уловить предполагаемый в историографии возврат к довоенному интернационализму. Вот лишь некоторые темы: 1) Происхождение русского государства. Киевская Русь; 2) Борьба русского народа с немецко-шведской агрессией в XII–XIII вв. Александр Невский; 18) Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов; 27) Исторические корни дружбы народов СССР; 31) Великая историческая заслуга народов СССР перед человечеством. Рекомендована и примерная тематика теоретических собеседований: 1) Формирование русского многонационального государства. Иван IV; 2) Великие русские революционеры-демократы: Герцен, Белинский...². Таким образом «взводные» изучали именно отечественную историю, а заявленные акценты весьма диссонировали с послереволюционными большевистскими схемами «тюрьмы народов», «ужасов самодержавия» и т. п.

Напротив, в марксистско-ленинской подготовке командиров рот и батальонов (от командиров полков требовалось изучить большее количество первоисточников) упор был сделан на изучение Краткого курса истории ВКП (б). Разделы учебного плана соответствуют этапам развития партии, а примерная тематика собеседований теоретического характера такова: 1) О диалектическом и историческом материализме; 2) Партия большевиков в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции и т. д.³

В высшей школе. Характерно отражение послевоенных процессов на отечественной высшей школе, в частности на Иркутском горно-металлургическом институте (ныне Иркутский национальный исследовательский технический университет). Послевоенные документы института ярко воплотили весь колорит советской повседневности «послепобедной эпохи»: Например, приказ № 15: «Сегодня 23 февраля 1946 г. Советская страна празднует 28-ю годовщину существования Красной Армии. Созданная Великим Лениным и выпестованная мудрым вождем и полководцем товарищем Сталиным, Красная Армия прошла большой и славный путь своего развития... В великой битве на фронтах Отечественной войны против немецко-фашистских извергов, Красная Армия сумела отстоять свободу и независимость нашей Родины и выйти из этой жестокой битвы (схватки) победительницей. Вместе с вооруженными силами объединенных наций, Красная Армия успешно разгромила очаг военной опасности на востоке, поставив на колени агрессивную Японию. Под мудрым водительством Великого полководца товарища Сталина Красная Армия, разгромив врага советского государства, обеспечила мирную жизнь народам нашей страны, осуществляющим великую цель строительства социалистического общества»⁴.

Приказ 1947 г.: «23 ноября весь Советский народ и его Вооруженные силы празднуют день артиллерии. В сражениях Великой Отечественной войны Советские артиллеристы проявили высокое боевое мастерство и с честью выполнили свой воинский долг перед Родиной. Огнем Советской артиллерии были остановлены, а затем и разбиты орды фашистских захватчиков, напавших на нашу родину в 1941 году. В боях за нашу Советскую родину артиллеристы покрыли себя неувядаемой славой мужества, геройства, а генералы и офицеры показали образцы управления огнем артиллерии. На наш институт возложена задача готовить офицеров запаса артиллерии. Наши будущие инженеры должны быть и высококвалифицированными офицерами, достойными своего грозного рода войск – Сталинской артиллерии...»⁵. Второе, третье и четвертое предложения повторяются в приказах следующих лет.

¹ ЦАМО. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 3. Л. 82.

² Там же. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 57. Л. 130.

³ Там же. Л. 132.

⁴ Архив Иркутского национального исследовательского технического университета. Приказы за 1946–1948 гг.

⁵ Там же.

Также очень показателен приказ № 26 по Иркутскому горно-металлургическому институту от 20 февраля 1948 г., в котором подчеркивалось, что в годы Великой Отечественной войны коммунистическая партия, руководимая гением человечества товарищем Сталиным, сплотила нашу страну в единый военный лагерь и направила все усилия народа и армии к одной общей цели – разгрому врага; что, закончив войну победой над врагами, наша страна вступила в мирный период своего хозяйственного и культурного развития. В настоящее время перед Советским государством, перед партией и народами страны стоит большая и трудная задача досрочного выполнения плана 4-й Сталинской послевоенной пятилетки, которая положит начало дальнейшему расцвету социалистического государства, благосостоянию народов нашей страны и постепенному переходу к коммунизму. Задачи Советской армии в условиях мирного строительства заключаются в неустанным повышении боевой подготовки и бдительной охране мирного созидательного труда советского народа¹.

Таким образом, и на документальном материале Восточной Сибири эпоха тоталитаризма отражала огромное влияние партийной власти на общественное сознание. Для формирования социальной и национальной памяти в СССР использовался широкий спектр информационных и пропагандистских инструментов и каналов. Воздействующая на эмоции риторика обеспечивала необратимость курса, сколько-нибудь содержательные альтернативы сознательно не рассматривались. Власти уделяли большое внимание идеологической обработке молодежи, ясно осознавая ее роль в процессе строительства «светлого будущего». Мероприятия на местном уровне синхронно отражали общегосударственные решения. Очевидна тесная взаимосвязь процессов в обществе и вооруженных силах, единство образовательной деятельности. После смерти Сталина начался частичный возврат на более интернациональные «рельсы», усилился акцент на мировую проблематику и в текущей государственной политике, и в политико-массовой работе.

Список источников:

- Воронцов В.Н., Суханова М.С. Партийно-политическая работа в советских Вооруженных силах в 1945–1953 гг. (на материалах Восточной Сибири и Монголии) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 233–242.
- Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. М., 2010. 455 с.
- Надточеев Д.И. И.В. Сталин – великий организатор побед социализма и постепенного перехода к коммунизму в СССР // Ученые записки Академии общественных наук при ЦК ВКП (б). Вып. 14. Под ред. Г.Д. Костомарова. М., 1951. С. 3–27.
- Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. Т. 1 / Сост. С.Л. Чекунов. М., 2017. 560 с.
- Синицын Ф.Л. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР–1945. М., 2018. 543 с.
- Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е издание. М.-Л., 1946. 207 с.

References:

- Vorontsov, V.N., Sukhanova, M.S. (2019) Party and political work in the Soviet armed forces in 1945–1953 (on the materials of Eastern Siberia and Mongolia). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. (15: 3). 233–242. (In Russian)
- Miner, S.M. (2010) Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945. Moscow: ROSSPEN, Fond «Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina». (In Russian)
- Nadtocheev, D.I. (1951) I.V. Stalin – velikiy organizator pobed sotsializma i postepennoy perekhoda k kommunizmu v SSSR [I.V. Stalin – the great organizer of the victories of socialism and the gradual transition to communism in the USSR]. In: Uchenyye zapiski Akademii obshchestvennykh nauk pri TSK VKP (b) [Scientific Notes of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU (b)]. Vol. 14]. Moscow. P. 3–27. (In Russian)
- Chegunov, S.L. (ed.) (2017) Pishu isklyuchitel'no po pamyati... Komandiry Krasnoy Armii o katastrofe pervykh dney Velikoy Otechestvennoy voyny. T. 1 [I write exclusively from memory... Commanders of the Red Army about the catastrophe of the first days of the Great Patriotic War. Vol. 1]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. (In Russian)
- Sinitsyn, F.L. (2018) Sovetskaya natsiya i voyna. Natsional'nyy vopros v SSSR–1945 [The Soviet nation and the war. The national question in the USSR–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian)
- Stalin, I.V. (1946) O Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuza [On the Great Patriotic War of the Soviet Union]. 5th edition. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russian)

Информация об авторах

В.Н. Воронцов – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Иркутского государственного университета путей сообщения, Иркутск, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=291427.

И.А. Ковригина – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=908263.

¹ Архив Иркутского национального исследовательского технического университета. Приказы за 1946–1948 гг.

Information about the authors

V.N. Vorontsov – PhD in History, Associate Professor, Philosophy and Social and Humanitarian Sciences Department, Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=291427.

I.A. Kovrigina – PhD in History, Associate professor, History and Philosophy Department, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=908263.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 26.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 141–145.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 141–145.

Научная статья

УДК 94(485)

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.24>

Ранние страницы истории семьи Валленберг (конец XVII – начало XIX вв.)

Антон Борисович Гехт

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
имени профессора М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия,
a.geht@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6917-1161>

Аннотация. Настоящая статья имеет своей целью рассмотрение значимого периода в истории семьи шведских предпринимателей Валленбергов, пришедшегося на конец XVII – начало XIX вв. Начавшись в период Великой Северной войны, общественная карьера наиболее видных представителей этой семьи – от локального чиновника до епископа в крупном провинциальном городе – отражает динамику социально-экономических и политических процессов в Швеции в рассматриваемый период. Несомненно, интерес вызывает и вклад ранних представителей династии Валленбергов в культурное наследие своей страны, развившийся не только в написании книги, ставшей одним из ярких образцов литературы эпохи Просвещения в странах Северной Европы, но и в первом переводе на шведский язык произведений Гомера. Именно на фундаменте, заложенном в рассматриваемый период, впоследствии выросла крупная финансово-промышленная группа, и по сей день находящаяся под руководством Валленбергов.

Ключевые слова: Швеция, Великая Северная война, эпоха Просвещения, финансово-промышленная группа семьи Валленберг, Гёта-канал

Для цитирования: Гехт А.Б. Ранние страницы истории семьи Валленберг (конец XVII – начало XIX вв.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 141–145. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.24>.

Original article

Early Pages of the Wallenberg Family History (Late XVII – Early XIX Centuries)

Anton B. Gekht

Saint-Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M.A. Bonch-Bruevich,
Saint-Petersburg, Russia, a.geht@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6917-1161>

Abstract. The purpose of this article is to consider a significant period in the history of the Swedish Wallenberg family of entrepreneurs, which fell at the end of the XVII – beginning of the XIX centuries. Having begun during the Great Northern War, the public career of the most prominent representatives of this family – from a local official to a bishop in a large provincial city – reflects the dynamics of socio-economic and political processes in Sweden during the period under review. Undoubtedly, the contribution of the early representatives of the Wallenberg dynasty to the cultural heritage of their country is also of interest, expressed not only in writing a book that became one of the brightest examples of Enlightenment literature in the Nordic countries, but also in the first translation into Swedish of Homer's works. It was on the foundation laid during the period under review that a large financial and industrial group subsequently grew, and to this day is under the leadership of the Wallenbergs.

Keywords: Sweden, Great Northern War, Age of Enlightenment, financial and industrial group of the Wallenberg family, Göta Canal

For citation: Gekht, A.B. (2022) Early Pages of the Wallenberg Family History (Late XVII – Early XIX Centuries). *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 141–145. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.24](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.24) (In Russian).

Не будет большим преувеличением заметить, что история семьи Валленберг – самой крупной не только в Швеции, но и в целом в регионе Северной Европы династии финансистов и промышленников – фактически совпадает с основными вехами в развитии их первого и, возможно, наиболее известного детища – «Stockholms Enskilda Bank», основанного в 1856 г. (Гехт, 2021а). Однако определенный научный интерес вызывает и более ранний период в истории этой примечательной семьи. Поскольку упоминания о ней есть с конца XVII столетия, представляется правильным дать предварительно краткую справку о Швеции рассматриваемого периода, приведя имеющиеся в нашем распоряжении сведения о первых представителях семьи в контексте истории всего королевства.

Говоря о Швеции интересующего нас периода, необходимо учитывать, что XVII в. занимает совершенно особое место в истории страны. В это время Швеция вошла в число важнейших держав на политической арене Европы, ведя весьма интенсивную внешнюю политику, направленную на установление своего доминирования на Балтийском море. Естественно, подобные устремления неизбежно должны были привести к войнам с соседями. Первой из стран, вынужденных пойти на территориальные уступки Швеции, оказалась ослабленная многолетней смутой Россия, которая подписала Столбовский трактат – первый в ряду серии выгодных для Швеции мирных договоров, закрепивших за королевством статус великой европейской державы. Вслед за успешными действиями против России король Густав II Адольф развернул борьбу против Речи Посполитой.

Но настоящий «звездный час» Швеции наступил со вступлением небольшого скандинавского королевства в Тридцатилетнюю войну на стороне протестантских северогерманских городов и княжеств. Густав II Адольф стяжал себе славу успешного полководца, нанеся ряд громких поражений католическим войскам (История Швеции ..., 1974: 191). Хотя в 1632 г. шведский король-воин был убит в битве при Лютцене (Мелин и др., 2002: 105), не все его успехи канули в лету: небольшое скандинавское королевство могло претендовать на территориальные трофеи по итогам затянувшегося конфликта. Традиционно именно с закрепления в Вестфальском мире 1648 г. этих условий принято отсчитывать эпоху шведского великодержавия – периода с 1648 по 1721 гг., в который страна достигла наибольшего влияния на международной арене.

Естественно, громкие военные победы и впечатляющие территориальные приобретения не могли обезопасить Швецию от возможного реваншизма соседей, желавших вернуть утраченные земли. Имея весьма небольшое население и ограниченные экономические возможности, в 1682 г. шведские власти приняли решение создать новую систему комплектования и снабжения армии за счет населения (Ericson, 2004). Отныне каждая провинция королевства – как в военное, так и в мирное время – была обязана выставлять и содержать полк из числа рекрутов. Принцип комплектования кавалерии немного отличался от процесса набора солдат в пехотные полки. Одного кавалериста выставлял и содержал один обеспеченный крестьянин, имевший название рюстхоллера (шв. *rusthåller*). Поскольку снаряжение такого воина обходилось гораздо дороже, чем пехотинца, то власти освобождали выставившего его крестьянина от налогов. Именно рюстхоллером и был первый из известных нам предков рода Валленбергов – житель местечка Херсеберга в провинции Эстергёталанд Пер Ханссон (1670–1741), в 1692 г. заключивший брак с Керстин Шуут (1671–1752). Их сын Якоб Перссон (1699–1758), служивший чиновником, стал первым, кто взял себе фамилию Валберг (шв. *Wallberg*¹). Причины, побудившие его к этому поступку, нам доподлинно неизвестны. Можно предположить, что человек, впервые выделившийся из крестьянского сословия, к которому относились его предки, захотел взять себе фамилию, звучащую не на крестьянский (то есть производную от имени отца, например, Ханссон или Перссон), а на дворянский манер.

Происхождение фамилии «Валберг» также остается неясным. Учитывая популярность немецкого языка в Швеции XVII–XVIII вв., можно сделать предположение, что она как-то связана со словом «wal» в одном из возможных значений – «поле битвы»; принимая во внимание также высокую распространенность на территории страны голландского языка, легко допустить перевод слова «wal» как «берег», «стена», «вал». Также необходимо указать, что на территории Священной Римской империи как минимум с XVI в. существовал дворянский род Валленберг, позднее использовавший фамилию «фон Валленберг»². Представители этой семьи проявили себя на государственной службе в Пруссии в XIX в. Возникшая у автора версия о возможной связи этой семьи с родом шведских финансистов в процессе проведенной исследовательской работы не подтвердилась.

Возвращаясь к основной линии повествования, отметим, что фактически нам ничего неизвестно о карьере и деятельности Якоба Валберга. Он занимал пост крунолэнсмена (шв. *Kronolänsmän*), который содержал в себе черты фискального служащего, но при этом являлся связующим звеном между местным церковным приходом, локальной властью и администрацией губернатора провинции. Иными словами, Якоб был частью сложного, но достаточно эффективного бюрократического механизма, выстроенного в Швеции во второй половине XVII в., сумевшего выдержать трудности Великой Северной войны, утрату великодержавного статуса королевства без каких-либо заметных сбоев в каждодневной работе чиновничьего аппарата, обеспечивавшего функционирование всей государственной машины.

Зрелые годы Валберга пришлись на непростые для королевства времена: большие людские жертвы и материальные затраты длительной и неуспешной войны крайне негативно сказались на

¹ The Swedish Family Calendar 1989. Stockholm, 1989. S. 360 (на нем. яз).

² Kneschke E. Neues allgemeines deutsches Adels – Lexicon. Band 9: Steinhaus – Zwierlein. Leipzig, 1870. S. 457 (на нем. яз).

экономике Швеции. Пока в Стокгольме кипели политические баталии (в 1719 г. произошло первое в истории страны ограничение королевской власти государственным советом и парламентом – риксдагом (Мелин и др., 2002: 140)), простым людям приходилось восстанавливать нормальную жизнь королевства. В браке с дочерью священнослужителя Анной Тилберг у Якоба Валберга родилось не менее 16 детей, седьмым из которых стал родившийся в 1746 г. сын, также названный Якобом (Westerlund, Setterdahl, 1915: 292–294). И хотя этот человек (к слову, впервые назвавшийся не Валбергом, а Валленбергом) не оставил законных наследников, ему было суждено прославить свою фамилию и оказать большое влияние на последующие поколения своих родственников.

Несмотря на смерть отца, юный Якоб Валленберг решает получить образование и в 1763 году поступает в Уппсальский университет, старейшее и крупнейшее высшее учебное заведение в Скандинавии. Поработав несколько лет частным педагогом, образованный молодой человек решил попытаться счастья в коммерческой сфере и поступил на службу в шведскую Ост-Индскую компанию, созданную в 1731 г. для ведения международной морской торговли с азиатскими странами (Frängsmyr, 1976: 21). Говоря о шведской Ост-Индской компании, конечно, следует учитывать, что масштаб ее деятельности был гораздо более скромным, чем у аналогичных корпораций в Нидерландах и Британии. Тем не менее дорогие индийские и китайские товары – главным образом шелк, чай, фарфор и специи – с большой выгодой распродавались на оживленных аукционах, а затем расходились по всей Европе, занимая довольно значительное место в шведском экспорте (Frängsmyr, 1976: 70–74).

Символично, что один из основателей династии ведущих шведских финансистов начал свою карьеру на службе в подобной крупной торговой фирме, отправлявшей корабли вслед за английскими и голландскими купцами к богатым берегам Персидского залива, Китая и Индии, непрестанно манивших к себе европейцев. Совершив ряд деловых поездок в соседние европейские страны и уже тогда начав делать первые путевые заметки, Якоб в должности корабельного пастора (а заодно и одного из корреспондентов своей конторы, расположенной в Гётеборге) в 1769 г. отправился в путешествие к берегам Китая на борту корабля «Финляндия» (Wilpert, 1988: 1598). Позднее он с хорошим чувством юмора опишет его в ставшей знаменитой книге «*Min son på galejan*» («Мой сын на галере»), которая до сих пор считается выдающимся литературным памятником скандинавской литературы XVIII столетия¹. К сожалению, Якоб Валленберг не увидел выхода в свет своих мемуаров: продолжив свою карьеру пастора-путешественника на посту викария в местечке Лилла Фурса, он скоропостижно скончался в 1778 году в возрасте 32 лет, тем не менее оставив в наследство своим родственникам и потомкам образ незаурядного шведа эпохи Просвещения.

Его младший брат Маркус (1744–1799), который также был священнослужителем и, по совместительству, преподавателем теологии в местной гимназии, ничего особо выдающегося в своей жизни не совершил, и поэтому в истории своей семьи он остался как отец Маркуса Валленберга (1774–1833), принявшего в 1819 г. сан епископа (Elfström, 2000: 144) в небольшом шведском городе Линчёпинг и игравшего заметную роль в экономической и культурной жизни провинции Эстергёталанд. Именно линчё-пингский епископ (интересно, что Маркус, как и его дядя, был не чужд литературе: он полностью перевел на шведский с древнегреческого «Иллиаду» и «Одиссею» Гомера, что позволило ему получить статус почетного члена шведской королевской академии словесности (Hildebrand, 1992: 29)), и стал первым Валленбергом, занявшимся предпринимательской деятельностью. Необходимо заметить, что именно с периода рубежа XVIII–XIX веков практически всем мужчинам в семье Валленберг до сих пор дается имя либо Маркус, либо Якоб, и это является незыблемой семейной традицией.

Отходя в сторону от описания жизни Маркуса Валленберга, необходимо отметить, что судьба первых представителей династии хорошо отражает социальные процессы, протекавшие в ряде европейских стран в XVIII в.: выходцы из среды обеспеченных крестьян-фермеров, они постепенно удаляются от исключительно сельскохозяйственной сферы, получают образование и за несколько десятилетий становятся представителями формирующегося среднего класса: чиновниками, преподавателями, пасторами и коммерсантами. Именно этой социальной группе предстояло сыграть важную роль в новом XIX столетии.

Правивший на рубеже XVIII–XIX вв. король Густав IV не стремился проводить активную политику в крайне непростых внешнеполитических условиях на фоне революционных и наполеоновских войн в Европе. Воспользовавшись представившейся возможностью, в начале 1808 года Россия атаковала Швецию, стремясь занять Финляндию, располагавшуюся слишком близко к

¹ Wallenberg J. *Min son på galejan: eller en ostindisk resa innehållande allehanda bläckhornskram, samlade på skeppet Finland, som afsegilde ifrån Götheborg i Dec. 1769, och återkom dersammastädes i Junii 1771* [Электронный ресурс] // Google Книги. URL: <https://clck.ru/oxVfM> (дата обращения: 25.04.2022) (на швед. яз.).

Санкт-Петербургу и Ревелю. Как известно, война закончилась победой России, и в 1809 г. Финляндия на правах обширной автономии вошла в состав Российской империи.

После смещения Густава IV с трона фактическая власть была сосредоточена в руках высшей аристократии, а в результате избрания наследником бездетного короля в 1810 г. наполеоновского маршала Жана-Батиста Бернадота, князя Понте-Корво – перешла к последнему и его ближайшим сподвижникам. После кончины короля Бернадот, ранее усыновленный им и уже выполнявший обязанности регента королевства, вступил на шведский престол как король Карл XIV Юхан, основав новую династию Бернадотов, сохраняющую свой статус по настоящее время. Отметим, что после завершения эпохи наполеоновских войн Швеция прекратила участие в вооруженных конфликтах европейских держав: Карл XIV Юхан последовательно стремился проводить неконфликтную внешнюю политику, что стало основой последующего шведского нейтралитета. С этого периода основные силы шведского общества были направлены на собственное созидательное развитие.

В целом, промышленное развитие Швеции до 1830 года шло довольно медленно. Как отмечал выдающийся отечественный скандинавист А.С. Кан, «у шведских промышленников недовостало отечественного каменного угля и дешевого колониального хлопка – этих двух важнейших сырьевых предпосылок промышленного переворота того времени» (История Швеции ..., 1974: 352). Постепенное оживление экономической жизни Швеции с конца 1820-х гг. было связано в первую очередь с растущими потребностями мирового рынка в сырье и полуфабрикатах. С завершением промышленного переворота в Англии потребности эти настолько возросли, что вновь нашло растущий спрос и шведское древесно-угольное железо, несмотря на его дороговизну (История Швеции ..., 1974: 352). В качестве постоянных покупателей шведской продукции выступили теперь вслед за Британией Франция и Бельгия, также переживавшие начальный период индустриализации (Derry, 1979: 312–313).

Начало промышленного переворота в самом королевстве сопровождалось важными сдвигами в области транспорта. Обилие водных путей сообщения, протяженность расстояний между крупнейшими экономическими центрами, особенности рельефа и недостаток капиталов задержали широкое железнодорожное строительство в Швеции вплоть до второй половины XIX в. Но своего рода аналогом масштабного прокладывания железных дорог, происходившего в тот период в Британии и Бельгии, стало строительство Гёта-канала – грандиозного проекта, который в 1832 г. соединил Балтийское море с проливом Каттегат через озера Веттерн и Венерн. В результате была установлена быстрая связь между двумя главными экономическими центрами Швеции – окрестностями Стокгольма на востоке страны и Гётеборгом на ее юго-западе, что стало мощным импульсом для ускорения развития всего королевства. Для реализации этой непростой задачи было создано «Акционерное общество интересов предприятия Гёта-канала», с деятельностью которого оказались связаны и коммерческие интересы линчепингского епископа Маркуса Валленберга. Его основной деловой операцией стала скупка земельных участков вдоль строящегося канала с целью их последующей перепродажи (Elfström, 2000: 145). Заклучив несколько выгодных сделок, епископ создал первоначальный семейный капитал, тем самым заложив фундамент будущего благосостояния всей семьи Валленберг. Именно его сын, Андре Оскар Валленберг (Гехт, 2021б), станет в 1856 г. основателем «Stockholms Enskilda Bank», будущего центра финансовой и промышленной империи семьи Валленберг.

Список источников

- Derry T. A History of Scandinavia: Norway, Sweden, Denmark, Finland and Iceland. L., 1979. 447 p.
 Elfström G. Wallenbergarna i Linköping // Svenska Turistföreningens årsbok 2000: Östergötlan. Linköping, 2000. S. 144–145 (на швед. яз.).
 Ericson L. Svenska Knektar. Lund, 2004. 320 s. (на швед. яз.).
 Frängsmyr T. Ostindiska Kompaniet. Stockholm, 1976. 175 s. (на швед. яз.).
 Hildebrand B. Matrikel över ledamöter av Kungl. Vitterhetsakademien och Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets akademien (1753–1953). Stockholm, 1992. 176 s. (на швед. яз.).
 Westerlund J., Setterdahl J. Linköpings stifts herdaminne. Linköping, 1915. 300 s. (на швед. яз.).
 Wilpert G. von Lexikon der Weltliteratur. Stuttgart, 1988. 1793 s. (на нем. яз.).
 Гехт А.Б. Династия Валленбергов. М., 2021а. 243 с.
 Гехт А.Б. У истоков финансово-промышленной группы семьи Валленберг: основные вехи биографии А.О. Валленберга // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021б. Т. 11, № 9 (78). С. 2583–2589. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.78.9.017>.
 История Швеции / под ред. А.С. Кана. М., 1974. 719 с.
 Мелин Я., Юханссон А., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002. 400 с.

References:

- Derry, T. (1979) *A History of Scandinavia: Norway, Sweden, Denmark, Finland and Iceland*. London. 447 p.
 Elfström, G. (2000) Wallenbergarna i Linköping // *Svenska Turistföreningens årsbok 2000: Östergötlan*. Linköping, pp. 144–145 (in Sweden).

- Ericson, L. (2004) *Svenska Knektar*. Lund. 320 s. (in Sweden).
- Frängsmyr, T. (1976) *Ostindiska Kompaniet*. Stockholm. 175 s. (in Sweden).
- Gekht, A. B. (2021) At the Origins of the Wallenberg Family's Financial and Industrial Group: the Key Aspects of A.O. Wallenberg's Biography. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*. 11 (9 (78)), 2583–2589. Available from: doi:10.35775/PSI.2021.78.9.017 (in Russian).
- Gekht, A. B. (2021) *Dinastiya Vallenbergov [Wallenberg Dynasty]*. Moscow. 243 p. (in Russian).
- Hildebrand, B. (1992) *Matrikel över ledamöter av Kungl. Vitterhetsakademien och Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets akademien (1753–1953)*. Stockholm. 176 s. (in Sweden).
- Kan, A. S. (ed.) (1974) *Istoriya Shvecii [History of Sweden]*. Moscow. 719 p. (in Russian).
- Melin, Ya., Yuhansson, A. & Hedenborg, S. (2002) *Sveriges Historia*. Moscow. 400 p. (in Russian).
- Westerlund, J. & Setterdahl, J. (1915) *Linköpings stifts herdaminne*. Linköping. 300 p. (in Sweden).
- Wilpert, G. von (1988) *Lexikon der Weltliteratur*. Stuttgart. 1793 p. (in German)

Информация об авторе

А.Б. Гехт – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=737002.

Information about the author

A.B. Geht – PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of History and Regional Studies of Saint-Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M.A. Bonch-Bruevich, Saint-Petersburg, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=737002.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 146–151.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 146–151.

Научная статья
УДК 314.74(574)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.25>

Миграционная политика Казахстана (90-е гг. XX в. – начало XXI в.)

Людмила Николаевна Игнатьева

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия, luda_uk@mail.ru

Аннотация. Миграция в формировании населения Казахстана играла значительную роль на протяжении последних почти двухсот лет истории страны. Обретенная независимость в первые же годы обернулась огромными миграционными потерями, которые повлекли за собой изменения в этнодемографической структуре населения и на рынке труда республики. Государство вынуждено было реагировать на возникшую проблему. С интервалом в 14 лет были приняты два закона о миграции, а также разрабатывались Концепции государственной демографической и миграционной политики и Программы демографического развития Казахстана. Они были призваны урегулировать миграционные процессы и решить проблему нехватки квалифицированных кадров, возникшую в результате эмиграции специалистов. Некоторые проблемы частично решались и решаются, другие, возможно, никогда не решатся. При этом резкое сокращение численности населения удалось остановить за счет естественного прироста населения (в основном представителей казахского этноса).

Ключевые слова: миграция, эмиграция, иммиграция, репатрианты (оралманы), реэмигранты, государственная демографическая политика, государственная миграционная политика, эмиграционная ниша, миграционные потери, трудовые ресурсы

Для цитирования: Игнатьева Л.Н. Миграционная политика Казахстана (90-е гг. XX в. – начало XXI в.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 146–151. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.25>.

Original article

The Migration Policy of Kazakhstan (Late XX – The Beginning of XXI Century)

Ludmila N. Ignatyeva

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, luda_uk@mail.ru

Abstract. Migration has been playing a significant role in the formation of Kazakhstan population over almost the past two hundred years of the country's history. In the very first independent years, the gained independence turned into large migration losses, that led to the changes in the development of the ethno-demographic structure of the population and in the labor market of the republic. The state had to react to the problem that had arisen. With an interval of 14 years, two laws on migration were adopted, and the authorities developed the concepts of the state demographic and migration policies and the programs of the demographic development of Kazakhstan. They were designed to regulate migration processes and solve the problem of the shortage of highly qualified specialists that appeared as a result of the emigration of specialists. Some of the problems have been partially solved and are being solved, while others may never be solved. At the same time, a sharp decline in the population was stopped due to the natural population growth (mainly with the representatives of the Kazakh ethnic group).

Keywords: migration, emigration, immigration, repatriates (oralmans), re-emigrants, state demographic policy, state migration policy, emigration niche, migration losses, labor resources

For citation: Ignatyeva, L.N. (2022) The Migration Policy of Kazakhstan (Late XX – The Beginning of XXI Century). *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 146–151. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.25](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.25) (In Russian).

Казахстан, столкнувшийся на заре своей независимости с мощнейшим миграционным оттоком населения, вынужден был искать способы урегулирования миграционных процессов. Для рассмотрения миграционной политики использовался ретроспективный анализ нормативно-правовых актов и программных документов руководящих органов Республики Казахстан. Анализом миграционных проблем занимаются казахстанские демографы, в частности, А.Н. Алексеенко и О. Колесникова (2018), которые рассматривают миграционные процессы в исторической ретроспективе и их современное состояние, Е.Ю. Садовская, которая основное внимание уделяет миграциям в независимом Казахстане, в особенности трудовой миграции¹.

¹ Садовская Е.Ю. Международная трудовая миграция в Центральной Азии в начале XXI века (на примере Республики Казахстан). М., 2013.

Первые шаги республиканского руководства скорее провоцировали эмиграционные настроения многонационального населения. В 1989 г. был принят закон «О языках в Казахской ССР»¹, в нем казахский язык признавался государственным, а русский становился языком межнационального общения. Как форму государственности самоопределившейся казахской нации определила Казахстан первая Конституция Республики 1993 г. При этом отмечалось, что равные права будут обеспечены всем гражданам². Вторая Конституция 1995 г. источником власти провозглашала народ Казахстана. Статус казахского языка как государственного подтверждался, а русский становился официальным языком³.

Все эти документы прямо или косвенно способствовали возникновению или усилению эмиграционных настроений в среде нетитульных этносов республики, в результате эмиграционные потери Казахстана с 1991 по 2000 г. составили 2 756 267 человек. Самый большой отток отмечался среди русских, немцев, украинцев, белорусов и других так называемых пришлых этносов. Для восполнения миграционных потерь было решено вернуть в республику казахов, которые вынуждены были откочевать в сопредельные государства и республики СССР в период коллективизации. Изначально никто не обращал внимания на разницу в уровне квалификации между выезжающими из Казахстана и въезжающими в него. Осознание проблемы придет гораздо позднее, и приоритетной станет проблема восполнения именно квалифицированных специалистов, а не просто населения в количественном измерении.

Первым документом, призванным регулировать миграционные процессы, стал принятый 13 декабря 1997 г. Закон «О миграции населения». В нем утверждались принципы регулирования миграции населения, среди которых следует отметить общепризнанные в международных договорах, подписанных Казахстаном: права человека на свободный выбор места проживания, свобода выезда, свобода передвижения. В то же время были выделены специфические, связанные с всесторонним содействием репатриации казахов на свою историческую родину, помощью в организации их расселения, созданием для них рабочих мест и осуществлением комплекса других мер для обеспечения адресной помощи и социальной защиты переселенцев коренной национальности⁴. Основной упор в Законе был сделан на возвращение репатриантов (оралманов). Согласно Закону «О миграции населения» (ст. 27), статус репатрианта (оралмана) предоставлялся категориям лиц коренной национальности, являющимся жертвами массовых политических репрессий, а также их потомкам. В статье 29 перечислялись льготы, компенсации и другие виды адресной помощи, предоставляемые репатриантам (оралманам)⁵. В Законе очень четко просматривалась установка не на сохранение населения республики, а на возвращение репатриантов (оралманов). При этом не учитывалось, будет ли равноценной такая замена в плане трудовых ресурсов – республику покидали высококвалифицированные специалисты, а приезжали люди, не отвечающие требованиям современного рынка труда Казахстана.

Следующим шагом в решении уже в целом демографических проблем стало принятие Постановления Правительства Республики Казахстан «О концепции государственной демографической политики Республики Казахстан» 17 августа 2000 г. В Концепции давался анализ демографической ситуации, которая рассматривалась как неблагоприятная, так как произошло снижение рождаемости, и вместе с тем – повышение смертности, а также увеличение миграционного оттока населения. В ней было отмечено, что за этот период изменилась этническая структура населения. Одной из причин ситуации была названа эмиграция представителей других этносов на свою историческую родину. По мнению авторов Концепции, на снижение численности населения в целом оказали влияние два фактора: снижение естественного прироста и отрицательное сальдо миграции населения.

Целью демографической политики провозглашалось преодоление негативных тенденций в демографических процессах, предотвращение депопуляции, обеспечение количественного и

¹ О языках в Казахской ССР : Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 22 сентября 1989 года [Электронный ресурс] // Законы, Постановление, Приказы, Кодексы в РК 2022 | Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005765&pos=3;-104#pos=3;-104 (дата обращения: 03.06.2022).

² Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 года [Электронный ресурс] // Там же. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010212 (дата обращения: 03.06.2022).

³ Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.) [Электронный ресурс] // Там же. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029#sub_id=0 (дата обращения: 03.06.2022).

⁴ О миграции населения : Закон Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 204-І : с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.07.2011 г. [Электронный ресурс] // Там же. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008461 (дата обращения: 03.06.2022).

⁵ Там же.

качественного роста населения в соответствии с долгосрочной стратегией развития страны¹. Приоритетной задачей для достижения поставленной цели стало регулирование миграционных процессов.

Концепция определяла то, какими должны быть приоритеты и основные направления реализации государственной демографической политики, также была разработана стратегия действий на долгосрочную перспективу, которая была определена как период социально-экономической стабилизации и устойчивого развития страны. На первом этапе предлагалось реализовать меры для снижения уменьшения численности населения и её стабилизации. Решение этой проблемы виделось в сокращении эмиграции и в создании благоприятных условий для возвращения репатриантов (оралманов). Второй этап предполагал обеспечить общий рост населения как в количественном, так и в качественном отношении. Это предполагалось достичь за счет положительного сальдо миграции².

Мероприятия, направленные на реализацию государственной демографической политики, носили четко ориентированный этнический характер. За общими фразами упорядочения миграции, снижения смертности, повышения рождаемости красной нитью проходила главная цель – увеличение абсолютной и относительной численности казахов в этнодемографической структуре населения Казахстана. Отсюда главными становились вопросы регулирования иммиграции, которые были связаны с репатриацией этнических казахов. При этом для них определялись квоты (экономически обоснованные) с оговоркой, что должны учитываться экономические возможности страны. Государство должно было обеспечить прием и обустройство соотечественников, которые возвращаются на родину, и их интеграцию в социальную среду. Параллельно на эту цель работало уделение особого внимания казахской диаспоре за рубежом, с которой планировалось развивать взаимодействие, в частности, путем привлечения молодежи для обучения в казахстанских учебных заведениях на общих основаниях. Упрощенный порядок выхода из гражданства для казахов предполагалось закрепить в международных соглашениях со странами, из которых они выезжали. Обеспечение контролируемости иммиграционных процессов происходило путем введения и осуществления иммиграционного контроля.

В развитие Постановления Правительства РК «О Концепции государственной демографической политики РК» Правительством РК 30 октября 2001 г. была разработана и утверждена «Программа демографического развития Республики Казахстан на 2001–2005 годы». Программа регулировала основные процессы естественного и механического движения населения страны, а также рождаемости, смертности и миграции³. В Программе проанализирована демографическая ситуация и сделан вывод, что эмиграция населения влияет на уменьшение общей численности населения, на снижение трудового и генеративного потенциала, так как подавляющее большинство эмигрантов – это лица трудоспособного возраста. В том числе происходит активизация внутренней миграции. Переселение из села в город, особенно молодежи, по мнению авторов Программы, поменяет репродуктивные установки мигрантов. Цели и задачи Программы повторяли те, что были изложены в Концепции. Основные направления и механизмы реализации Программы в области миграционной политики делали упор на снижение отрицательного сальдо миграции именно за счет привлечения иммигрантов. В первую очередь речь шла об оралманах, а также о реэмигрантах и создании для них нормальных условий. Также прописывалось регулирование внутренней миграции с точки зрения медико-экологических и медико-социальных аспектов. Здесь уже миграционная проблема рассматривается с точки зрения не только механических потерь населения, но и качественных – потеря трудоспособного населения. И вновь решение проблемы виделось в привлечении оралманов (этнических казахов).

Регулированию миграционных процессов уделялось особое внимание. Для этого предлагалось реализовать следующие меры:

- ежегодно увеличивать квоты иммиграции;
- создавать благоприятные условия для приема и обустройства оралманов и их скорейшей интеграции в социальную сферу;

¹ О Концепции государственной демографической политики Республики Казахстан. Постановление Правительства Республики Казахстан от 17 августа 2000 года № 1272 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P000001272_ (дата обращения: 03.06.2022).

² Там же.

³ О Программе демографического развития Республики Казахстан на 2001–2005 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 октября 2001 года N 1380 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P010001380_ (дата обращения: 03.06.2022).

- поддерживать и развивать конструктивные взаимоотношения с казахской диаспорой за рубежом;
- создавать условия для добровольной миграции лиц, проживающих в депрессивных районах, в другие, более благополучные районы;
- обеспечивать поддержку в решении социальных вопросов реэмиграции;
- изучать эмиграционное настроение населения.

В Программе обозначался ожидаемый результат от её реализации: к 2010 г. ожидаемая численность населения – 16,0 млн человек, а к 2030 г. – 20,0 млн (при благоприятных условиях – 22,0 млн человек). В 2010 г. численность населения Казахстана немного превысила 16 млн человек.

Следующий этап развития миграционной политики – принятие Указа Президента Республики Казахстан об утверждении «Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2007–2015 годы» 28 августа 2007 г. Концепция рассматривает и анализирует состояние и перспективы процессов миграции на момент принятия документа. В частности, отмечается достижение положительного сальдо миграции и увеличение квот для этнических иммигрантов. В документе представлены основные направления миграционной политики: миграционная политика в области эмиграции, миграционная политика в области иммиграции, регулирование трудовой миграции, регулирование внутренней миграции, регулирование незаконной миграции. Все эти направления разработаны с необходимостью решения стоящих перед республикой проблем в области демографии. В завершение в Концепции изложены ожидаемые результаты, среди которых: усовершенствование системы регулирования миграционных потоков, создание условий для приема этнических казахов, их адаптации и интеграции в казахстанское общество, использование возможностей внешней трудовой миграции для формирования квалифицированного национального рынка труда. В Концепции предусмотрены конкретные сроки реализации изложенных мер. Этапы реализации мер зависят от их приоритетности:

- в 2008–2010 гг. – усовершенствование и формирование единой систематизированной и унифицированной нормативно-правовой базы регулирования миграции;
- в 2010–2012 гг. – создание системы проведения селективной политики в области миграции, основанной на привлечении мигрантов с высоким образовательным, инновационным и инвестиционным потенциалом;
- в 2013–2015 гг. – урегулирование рынка рабочей силы в соответствии с социально-политическими потребностями страны.

Реализация Концепции должна была защитить трудовые и социальные права мигрантов; успешно адаптировать и интегрировать иммигрантов в казахстанское общество; обеспечить потребности экономики в высококвалифицированной рабочей силе и сбалансировать спрос и предложение на рынке труда республики¹. Концепция принималась на фоне стабилизации миграционных процессов, когда сальдо миграции имело положительное значение. Отсюда изменение приоритетов миграционной политики с привлечения оралманов на привлечение высококвалифицированных кадров, так как главной проблемой для республики становится именно дефицит квалифицированных специалистов.

Новый Закон «О миграции населения» 2011 г. отразил изменившуюся ситуацию с миграционными процессами в республике. Принципы в области проведения государственной миграционной политики: признание и гарантирование прав и свобод мигрантов². Основной упор был сделан на регулирование различных видов иммиграции.

Законом предусмотрено пять видов иммиграции (ст. 3): с целью возвращения на историческую родину; с целью воссоединения семьи; с целью получения образования; с целью осуществления трудовой деятельности; по гуманитарным и политическим мотивам. Также выделяются две группы эмигрантов (ст. 54): граждане, выезжающие в другое государство для постоянного проживания; граждане, выезжающие в другое государство для временного проживания. Выезд на ПМЖ требует оформления документов на выезд в органах внутренних дел. Закон предусматривает две группы внутренних мигрантов (ст. 50): добровольно переселяемые в регионы, определенные Правительством РК; самостоятельно переселяющиеся по собственному волеизъявлению³.

¹ О Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2007-2015 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 28 августа 2007 года № 399 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U070000399_ (дата обращения: 03.06.2022).

² О миграции населения. Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477> (дата обращения: 03.06.2022).

³ Там же.

Исходя из задач, которые были определены в Законе, можно выделить приоритеты государственной миграционной политики. Если в Законе 1997 г. главным было привлечение в страну оралманов, то в действующей редакции – их рациональное расселение с учетом демографического и социально-экономического развития региона расселения. В настоящий период еще больше обостряется проблема нехватки трудовых ресурсов, поэтому главной задачей становится привлечение высококвалифицированной иностранной рабочей силы, а также интеграция Казахстана в международный рынок труда. Социально-экономические проблемы внутри республики вынуждают решать задачу оптимизации потоков внутренней миграции и рациональное расселение мигрантов на территории страны. В то же время не снимается с повестки дня взаимодействие с бывшими соотечественниками и этническими казахами, которые проживают за рубежом, с целью привлечения их к переселению в Казахстан. Основное внимание также уделяется этническим казахам.

В 2020 г. после внесения поправок в законодательные акты изменилось наименование этнических казахов, возвращающихся на историческую родину. Термин «оралман» (возвращенец, репатриант) заменен на «кандас» (соплеменник). Изменение терминологии было инициировано президентом К-Ж. Токаевым. Считается, что термин «оралман» не способствует стиранию границ между местными казахами и приехавшими. Понятие «кандас» будет способствовать формированию более положительного образа переселенца для казахов, которые ещё находятся за пределами Казахстана.

29 сентября 2017 г. утверждено Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы и Плана мероприятий по реализации Концепции миграционной политики РК на 2017–2021 годы». Документ принят на фоне усилившейся миграции, когда миграционное сальдо вновь становится отрицательным. Но основная идея, предложенная в Концепции, – формирование гибридной системы управления миграцией, в рамках которой внутренняя и внешняя миграция должны быть ориентированы на развитие региональных рынков труда¹. То есть главная проблема, которую обозначают власти Казахстана, – дефицит трудовых ресурсов, особенно в регионах, где компактно проживало европейское население. На юге страны, наоборот, отмечается избыток трудовых ресурсов, но, как и переселение оралманов, это не решает проблему недостатка квалифицированных специалистов. В целом основной смысл Концепции сводится к привлечению квалифицированных иностранных кадров, регулированию внутренней миграции, перераспределению рабочей силы внутри страны, репатриации этнических казахов и их расселению в интересах экономики республики.

Как видно из принимаемых документов по регулированию миграции, руководство Республики Казахстан исходит из принципа свободы передвижения и выбора места жительства. Оно не пыталось и не пытается остановить отток населения из страны. Для решения проблем, возникших в связи с эмиграционными потерями, был выбран путь возвращения на историческую родину репатриантов (оралманов). Возникший кадровый голод было решено устранять путем привлечения специалистов из-за рубежа. Нехватка кадров связана именно с миграцией населения, миграционные потери оказались столь велики, что того количества специалистов, которое готовят вузы Казахстана просто физически не хватает, и они не всегда соответствуют предъявляемым требованиям.

В целом миграционные тенденции 90-х гг. XX в. остаются актуальными и сейчас, хотя и не в таких масштабах. Эмиграционная ниша значительно сократилась, но продолжает существовать и обеспечивать отрицательное миграционное сальдо. Эти процессы изменили этнодемографическую ситуацию в Казахстане. Современное соотношение доминирующих этносов в республике – примерно 18 % русских и более 70 % казахов. На момент распада СССР наблюдалось 44 % русских и 42 % казахов. Ставка руководства Казахстана на замену выехавших специалистов (нетитульных этносов) репатриантами (оралманами) себя не оправдала. Поэтому было принято решение привлекать иностранных специалистов.

Список источников:

Алексеев А., Колесникова О. Казахстан: миграции и особенности суверенных этносоциальных процессов // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени: колл. монография / [сост., науч., лит. ред. С.А. Панарин]. Барнаул, 2018. С. 186–192.

¹ Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы и Плана мероприятий по реализации Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2017–2021 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 сентября 2017 года № 602 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000602> (дата обращения: 03.06.2022).

References:

Alexeenko, A. & Kolesnikova, O. (2018) Kazakhstan: migration and characteristic features of ethnic-cum-social process since sovereignty. In: Panarin, S.A. (ed.) *Migration throughout Times: from the Bronze Age to the Digital Age: a collective monograph*. Barnaul: Altai State University Publishers. Pp. 186–192. (In Russian)

Информация об авторе

Л.Н. Игнатьева – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.

Information about the author

L.N. Ignatyeva – PhD in History, Associate Professor, International Relations and Foreign Regional Studies Department, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 11.05.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.06.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 152–156.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 152–156.

Научная статья
УДК 94(470.41)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.26>

Концепция общественно-правового статуса женщин в трудах З. Кадыри: вызовы времени и возможности

Римма Ришатовна Кадымова

Многопрофильный лицей № 188, Казань, Россия, kadumova-r@mail.ru

Аннотация. В конце XIX – начале XX в. в Российской империи произошли значительные политические, экономические и социальные перемены, которые касались, в том числе, и статуса женщин. В данной статье рассматривается положение женщины в традиционном мусульманском обществе на основе анализа трудов татарского общественного деятеля, историка и богослова Закира Кадыри. Представлена мировоззренческая позиция ученого о социально-правовом статусе женщины-мусульманки, изложенная им в работах «Кызлар дөньясы» («Мир девушек») и «Хатын кыз мәсьәләсе» («Женский вопрос»). Анализируется взаимосвязь между уровнем женского образования и социальным статусом женщины в обществе. Представлены следующие факторы влияния на статус женщин: исламская мораль, ролевые отношения в семье, уровень образованности, социальная активность. Основу рассуждений З. Кадыри при этом составили и наблюдение за современным ему обществом и историческое наследие татарского народа.

Ключевые слова: женщина, общество, З. Кадыри, Российская империя, мир девушек, женский вопрос, социум, концепция

Для цитирования: Кадымова Р.Р. Концепция общественно-правового статуса женщин в трудах З. Кадыри: вызовы времени и возможности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 152–156. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.26>.

Original article

The Concept of the Social and Legal Status of Women in the Works of Z. Kadyri: Challenges of the Time and Opportunities

Rimma R. Kadymova

Multidisciplinary Lyceum No. 188, Kazan, Russia, kadumova-r@mail.ru

Abstract. In the late nineteenth and early twentieth centuries, significant political, economic and social changes took place in the Russian Empire, which concerned, among other things, the status of women. This article examines the position of women in traditional Muslim society based on the analysis of the works of Tatar public figure, historian and theologian Zakir Kadyri. The author presents the ideological position of the scientist on the socio-legal status of a Muslim woman, set out by him in the works “Kyzlar denjyasy” (“The World of girls”) and “Khatyn kyz masyalase” (“Women’s issue”). The relationship between the level of women’s education and the social status of women in society is analyzed. The following factors of influence on the status of women are presented: Islamic morality, role relations in the family, level of education, social activity. At the same time, both the observation of modern society and the historical heritage of the Tatar people made up the basis of Z. Kadyri’s reasoning.

Keywords: woman, society, Z. Kadyri, Russian Empire, world of girls, women’s issue, society, concept

For citation: Kadymova, R.R. (2022) The Concept of the Social and Legal Status of Women in the Works of Z. Kadyri: Challenges of the Time and Opportunities. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 152–156. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.26](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.26) (In Russian).

В последние годы в научном сообществе возросло внимание именно к гендерным аспектам исследования проблем, которые с рубежа XX–XXI вв. стали неотъемлемой частью отечественного гуманитарного знания. В этом смещении парадигм есть своя привлекательная научная сторона: возможность использования теории социального пола при анализе культурно-исторических явлений. Благодаря привлечению внимания к избранной тематике открывается новая предметная область исторического знания. Интересно также проанализировать, какие возможности имеет личность при статусной трансформации, может ли она каким-то образом влиять на изменения состояния общества в отдельный исторический период?

Общественный статус и роль женщины в социальных институтах (будь то государство, этническое пространство, религиозная культура, мир искусства, семья, профессиональное поприще) всегда имел свою специфику. Определяется он целой совокупностью факторов: географическими условиями, историческим пространством времени, религиозными убеждениями, экономическим укладом жизни, различными характеристиками уровня общественного развития народа, сохранностью в нем традиций и обычаев, норм морали и др. Несомненно одно – в любой период истории женщина играла и будет играть значимую роль в обществе.

Вместе с тем история женщин и их положения в социуме с точки зрения индивидуальных взглядов отдельного представителя общественной мысли – ученого (как источника), редко становится темой самостоятельных научных работ. В отечественной исторической науке вопрос о социально-правовом статусе женщин в татаро-мусульманском обществе России начала XX в. исследовался во многих работах. В них представлены материалы, позволяющие получить частичную информацию о специфике и особенностях постановки вопроса женской эмансипации. Так, история развития вопроса борьбы женщины за равноправие и образование стала центральной темой в исследованиях А.Х. Махмутовой (Махмутова, 2003), Т.А. Биктимировой (Биктимирова, 2003); представления татарских просветителей о женщинах были рассмотрены Л.И. Тухватуллиной (Тухватуллина, 2003); вклад Р. Фахреддина в формирование нового статуса женщины был изучен Р.Р. Кадымовой (Кадымова, 2013); вопрос женского образования в периодической печати начала XX в. был проанализирован Л.Р. Муртазиной (Муртазина, 2020).

Имеется и достаточная база источников информации для проведения исследования. В настоящей статье, основываясь на философских сочинениях и общественных трактатах З. Кадыри, будут показаны концептуальные основы и идеи ученого относительно вопроса женской эмансипации, ее общественно-правового статуса, возможные варианты решения определенных задач. Работы просветителя детально характеризуют личную позицию автора на положение женщины в среде мусульманского населения Российской империи начала XX в. Мысли З. Кадыри по данной тематике частично рассматривались нами ранее (Кадымова, 2010), однако после детального анализа трудов ученого удалось выявить концепцию З. Кадыри по вопросу общественно-правового статуса женщины-татарки в конце XIX – начале XX в.

На стыке веков социальные процессы, происходящие между двумя революциями, способствовали активному привлечению женщин к общественным отношениям. Для этого сложился целый ряд предпосылок: для мусульманок Поволжья и Приуралья открывались специализированные школы и гимназии, расширялся ареал социальных функций женщин – они стали осваивать новые профессии (преподавателя, продавца, библиотекаря, медицинской сестры и т. д.).

К теме модернизации статуса женщин начали активно обращаться в художественных произведениях выдающиеся писатели тюрко-татарского мира, например, Р. Фахреддин («Салима, или целомудрие»), Г. Исхаки («Зулейха»), Ф. Амирхан («Татарка») и др. Каждый из них так или иначе хотел внести свою лепту в решение женского вопроса в эпоху общественной трансформации.

Дискурс представителей татарской общественности по вопросу эмансипации женщин был проникнут конструктивной критикой и несогласием с бытующим положением женщины в среде татаро-мусульманского населения России конца XIX – начала XX в. (Кадымова, 2021). Основной площадкой общественной полемики о статусе женщин стали страницы самых разных периодических изданий: газет «Страна», «Время», «Жизнь», журналов «Шура», «Сознание» и др. Ключевой целью общественных дискуссий было всестороннее реформирование общества мусульман Волго-Уральского региона Российской империи. Процесс всестороннего обновления жизни татар-мусульман предполагалось начать с пересмотра статуса женщин и изменения отношения к ним в патриархально-конфессиональном сознании мусульманского социума.

Прославившийся своими прогрессивными религиозными и политическими убеждениями, З. Кадыри был авторитетным представителем общественной мысли в среде татарских интеллектуалов конца XIX – начала XX в. Свои теоретические взгляды о социально-правовом статусе женщин автор опубликовывал в сочинениях философско-дидактического характера под общим названием «Семейная библиотека» («Гаилә китапханәсе»).

Обратимся к структурному содержанию трудов автора. «Кызлар дөньясы» («Мир девушек») – это 4-я книга из серии «Гаилә китапханәсе» («Семейная библиотека»), опубликованная в г. Казани в 1911 г. Книга предназначена для девушек и женщин мусульманских народов России, состоит из отдельных рассуждений автора о жизнеустройстве татарского общества и роли девушек в нем. Работа включает в себя:

- Предисловие от автора (Суз башы)
- Раздел 1 – Возможна ли жизнь без знаний? (Гыйлемсез хәят мөмкинме?)
- Раздел 2 – Девушки татарки (Татар кызлары)
- Раздел 3 – Воспитание девушек (Кызлар тәрбиясе)
- Раздел 4 – Влияние девушек на общественную жизнь (Кызларның хәят җәмгыягә тәэсире)
- Заключение (Соң).

В предисловии к данной работе автор выражает глубокое уважение к женскому полу. З. Кадыри подчеркивает: «Ровно половину всего населения России составляют женщины» (Кадыри, 1911: 3). В первом разделе ученый ставит вопрос «Возможна ли счастливая жизнь без знаний?» (Кадыри, 1911: 4). В поиске ответа на философский вопрос он обращается к хадисам пророка Мухаммада: «Каждый, кто будет обделен первичными знаниями, не сможет подойти к вратам вечности и будет обделен земным счастьем» (Кадыри, 1911: 8). З. Кадыри утверждает, что все люди, появившиеся на свет, вне зависимости от пола должны обучаться, совершенствовать свои знания, которые помогут им в жизни почувствовать себя счастливыми, осмыслить суть жизни и прожить земную жизнь с пользой для себя и окружающих (Кадымова, 2010: 33).

В целом данная работа ученого выдержана в назидательном тоне по отношению к женщинам. Мыслитель жестко критикует схоластическую систему воспитания, безграмотность и безынициативность, домашнее затворничество и отстраненность от общественных процессов молодых мусульманок. В качестве положительного примера З. Кадыри приводит активную общественную позицию и высокий уровень образованности женщин античного мира мусульманского Востока, так называемого золотого века Ислама. Ученый положительно оценивает опыт европейских государств в вопросе эмансипации женщин. Рецепция данного явления в пространство Российской империи начала XX в. вселяет веру в сознание ученого о неизбежности вовлечения женщин в социальную сферу активности и возможность участия в них девушек-мусульманок «нового поколения». «Ежедневно мы наблюдаем, как русские девушки и представительницы других национальностей задействованы в общественном труде. Их можно встретить везде: в магазине, аптеке, на базаре, почте, телеграфах и т. д. Каждая из них освоила навыки определенной профессии, став полезной для социума, успешно справляясь с домашними и бытовыми, семейными и общественными обязанностями» (Кадыри, 1911: 17).

Естественно, изменения в стране, происходившие в исторический период между двумя революциями, не могли не затронуть татаро-мусульманский мир имперской России. В качестве составной части переоценки ценностей традиционного татарского общества встал вопрос о женской эмансипации. Рассматривая становление проблемы переоценки статуса женщины у татар-мусульман Волго-Уральского региона как одну из первостепенных задач преобразования татарского общества, З. Кадыри не исключал возможности участия образованных женщин в общественно значимых процессах.

Вторая работа З. Кадыри – «Хатын-кыз мәсьәләсе» («Женский вопрос») – направлена на осмысление женских реалий мусульманки татарского общества начала XX в. 5-я книга из серии дидактико-философских сочинений «Гаилә китапханәсе» («Семейная библиотека»), опубликованная в г. Уфе в 1915 г., представлена в виде конспекта лекции. Как отмечает И. Тюркоглу, состоялась она [лекция] «1 мая 1914 года в мусульманском отделении Народного университета Уфы. Она была адресована З. Кадыри мусульманским женщинам и девушкам, которые не присутствовали на уроке» (Тюркоглу, 2019: 131). Книга состоит из следующих разделов:

- Предисловие автора (Суз башы)
- Раздел 1 – Женщины в историческом пространстве (Тарих алдында хатын-кыз)
- Раздел 2 – Женщина в Европе (Ауропада хатын-кыз)
- Раздел 3 – Женщина на Востоке (Шәректа хатын-кыз)
- Раздел 4 – Знаменитые женщины эпохи джахилия (Жаһилия чоры мәшһүр хатыннары)
- Раздел 5 – Арабские женщины эпохи Халифов рода Рашида (Халифаи Рашедин дәверендә гарәп хатын-кызлары)
- Раздел 6 – Арабские женщины после эпохи Халифов рода Рашида (Халифаи Рашедин дәвереннән соң гарәп хатын-кызлары)
- Раздел 7 – Женщины в современном тюркском мире (Бүгенге төреклардә хатын-кыз мөхтәрәмнәрем)
- Раздел 8 – Женский вопрос в Европе (Ауропада хатын-кыз мәсьәләсе)
- Раздел 9 – Женский вопрос в исламском мире (Ислам дөньясында хатын-кыз мәсьәләсе)
- Раздел 10 – Женщины в Турции (Төркиядә – хатын-кыз мөхтәрәмнәр)
- Раздел 11 – Женщины в арабской литературе (Гарәп әдәбиятында хатын-кыз)
- Раздел 12 – Женский вопрос у татар (Татарларда хатын-кыз мәсьәләсе).

Анализируя данную работу, можно сказать, что в ракурсе исторической ретроспективы З. Кадыри удалось проследить эволюционный путь развития женского вопроса и трансформацию общественно-политического статуса женщин на примере разных стран и народов мира. Автор дает пояснение по истории женского вопроса в странах Запада и Востока в различные исторические эпохи от античного мира до современности.

При рассмотрении особенностей женского вопроса на примере работ З. Кадыри «Кызлар дөньясы» («Мир девушек») и «Хатын кыз мәсьәләсе» («Женский вопрос») можно выделить следующие актуальные для автора вопросы:

- изменение общественного сознания по отношению к женскому полу и ее правам в социуме по средствам ислама;
- воспитание и образование женщин;
- неравенство гендерных ролей в семейно-брачных отношениях.

З. Кадыри тщательно и скрупулезно разбирает положения ислама о женщинах и девушках. Ученый обращает пристальное внимание на преимущества, которые ислам дал женщине по сравнению с другими религиозными нормами и установками домусульманского (джахилия) периода. Мыслитель неоднократно приводит примеры и комментирует суры и аяты Священного Корана, посвященные женщинам, четко регламентирующие правила и отношения к ним (Кадыри, 1911: 33). Стоит отметить, что З. Кадыри приводит в качестве примера арабов, иудеев, индусов (доисламского периода), количество жен которых было не ограничено численным составом. Автор делает акцент, что в те далекие времена женщины были лишены всяких прав и часто считались имуществом мужа: «По желанию мужа жена могла быть продана по подобию вещи» (Кадыри, 1915: 4); «В Индии женщина была лишена всяких прав. Она жила и умирала ради мужа» (Кадыри, 1915: 24). В индийском обществе считалось нормой захоронить жену живьем в случае смерти мужа. Мыслитель повествует о женской дискриминации, считавшейся закономерностью в период доисламского невежества (джахилия). Так, к примеру, рождение девочки было большим несчастьем для семьи. По свидетельству автора, у отдельных арабских племен существовала традиция хоронить заживо новорожденных девочек. Благодаря исламу были отменены правила и обычаи, противоречащие гуманному отношению к женщине и жизни человека в целом. Таким образом, З. Кадыри утверждает, что мусульманская религия реформировала общественные и семейные отношения, совершенствуя их нравственно-этические и правовые аспекты.

Отводя целый раздел вопросу воспитания девушек в работе «Кызлар дөнъасы» («Мир девушек»), З. Кадыри подчеркивает важность получения образования, отвечающего запросам времени, подробно описывается его влияние на качество жизни женщин и нации в общем. Имея практический опыт в данном направлении, мыслитель внес значительный вклад в развитие женского образования и с точки зрения практики: в Уфе он преподавал в Народном университете и женском медресе «Анасия», там же вел кратковременные лекционные курсы для женщин.

В основе концепции З. Кадыри о воспитании и образовании девушек «нового времени» лежит механизм объединения обучения и воспитания в теорию поэтапного формирования организации единого учебного процесса, включающий в себя бытовое (тән тәрбиясе), нравственное (әхлак тәрбиясе) и умственное воспитание (гакыл тәрбиясе).

В аналитической литературе, посвященной статусу женщины в мусульманском обществе, З. Кадыри не выделяет отдельную главу семейно-бытовым правам и обязанностям супругов. Однако при разборе отдельных вопросов встречаются примеры, свидетельствующие о неравных ролевых отношениях в семье между женщиной и мужчиной. Остановимся на некоторых из них. Определяя иерархию семейных отношений, З. Кадыри ссылается на священное писание для всех мусульман, отдавая главенствующую позицию мужчине. «Мужья стоят выше жен, потому что бог дал первым преимущество над вторыми» (Кадыри, 1911: 6), закрепляя тем самым доминирующую позицию в семье за мужем. В качестве негативных аспектов традиционной татарской жизни того периода автор отмечает отсутствие права голоса девушек при заключении брачного союза (никаха). З. Кадыри с негодованием относится к такому явлению, как брак по принуждению, т. е. процессу вступления в брачный союз без учета личного согласия девушки: «Зачастую муллы читают никах, выдавая замуж молодых девушек за престарелых дедов старше 80 лет, больных, лежащих и неспособных вести самостоятельно быт» (Кадыри, 1911: 26). Следует отметить, что такие мероприятия проводились с согласия отца девушки, взамен муж выплачивал определенную сумму денег (калым), что по заявлению автора, противоречит нормам исламского законодательства.

Анализируя взгляды З. Кадыри о ролевых отношениях супругов в семье, можно сказать, что автор объясняет бесправное, а порой даже униженное положение женщины в мусульманской семье следствием низкого культурного уровня общества. Автор пишет: «Проблемы в семье, невежество, предрассудки, а иногда даже и невысокая доля нравственности женской части общества – все это непосредственное следствие запрета на посещение ими общественных мест, низкий уровень воспитанности и образованности, значительная отстраненность от общественного прогресса» (Кадыри, 1911: 24).

Ссылаясь на труды именитого ученого Востока К. Амина, З. Кадыри полагал, что женщина не должна вести затворнический образ жизни и проводить большую часть своей жизни дома взаперти.

Целью З. Кадыри было решение женского вопроса путем преодоления исторических пережитков, внедряя процесс современного образования в жизнь молодых девушек. В основе концептуального подхода в решение вопроса модернизации общественно-правового статуса женщин лежит сохранность мудрости и дальновидности восточных традиций в сочетании с рационалистическими идеями Запада.

Подводя итог, необходимо отметить, что в отечественной общественной и научной мысли начала XX в. вопрос о положении женщины-татарки в традиционном обществе получил достаточную огласку. Особое внимание уделил ему выдающийся ученый и общественный деятель З. Кадыри. Его заслугой является попытка объективного и всестороннего рассмотрения изменчивого положения роли женщины в социуме. Рассматривая его в ретроспективе, ученый надеялся на качественные преобразования социального статуса женщины в будущем. Философско-дидактические сочинения З. Кадыри «Кызлар дөньясы» («Мир девушек») и «Хатын-кыз мәсьәләсе» («Женский вопрос») представляют богатый материал для изучения проблематики женщин во многих аспектах: общественной, хозяйственной, семейно-бытовой, правовой жизни. Мыслитель отлично понимал, что будущее нации напрямую зависит от того, какое место в нем занимают женщины. Это и обусловило концептуальность его подхода к вопросу о социально-правовом статусе женщин в среде мусульман в начале XX в.

Список источников:

- Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. Казань, 2003. 184 с.
 Кадымова Р.Р. Вклад Ризаэддина Фахрединна в формирование нового статуса женщины в татарском обществе конца XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 24 с.
 Кадымова Р.Р. Дискурс татарской общественности о статусе женщин в традиционном обществе последней трети XIX – начала XX вв. [Электронный ресурс] // *Universum: Общественные науки*. 2021. № 1-2 (71). <https://doi.org/10.32743/UniSoc.2021.71.1-2.12-15>.
 Кадымова Р.Р. Специфика гендерной проблематики в творчестве Закира Кадыри // *Минбар*. 2010. Т. 3, № 2 (6). С. 31–38. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2010-3-2-31-37>
 Кадыри З. Кызлар дөньясы [Мир девушек]. Казань, 1911. 34 с.
 Кадыри З. Хатын-кыз мәсьәләсе [Женский вопрос]. Уфа, 1915. 46 с.
 Махмутова А.Х. Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби). Казань, 2003. 455 с.
 Муртазина Л.И. «Хорошее обучение одной девушки выгоднее, чем обучение десяти юношей» (проблемы женского образования на страницах газеты «Вақыт» в 1906–1918 гг.) // *Из истории и культуры народов среднего Поволжья*. 2020. Т. 1, № 10. С. 71–85.
 Тухватуллина Л.И. Проблема человека в трудах татарских богословов: конец XIX – начало XX веков. Казань, 2003. 207с.
 Тюркоглу И. Новые штрихи к творческой биографии Закира Кадыри-Угана // *Tatarica*. 2019. № 12. С. 121–135.

References:

- Biktimirova, T.A. (2003) *Stupeni obrazovaniya do Sorbonny* [Stages of Education up to the Sorbonne]. Kazan, Alma-Lit. (In Russian)
 Kadyмова, R.R. (2010) *Specifika gendernykh predstavleniy v trudah Zakira Kadyri* [Specificity of gender representations in the works of Zakir Kadyri]. *Minbar. Islamic Studies*. 3 (2), 31-38. Available from: doi:10.31162/2618-9569-2010-3-2-31-37 (In Russian)
 Kadyмова, R.R. (2021) The Discourse of the Tatar Public on the Status of Women in Traditional Society in the Last Third of the XIX – Early XX Centuries. *Universum: Obshchestvennyye nauki* [Universum: Social Sciences]. (1-2). Available from: doi:10.32743/UniSoc.2021.71.1-2.12-15 (In Russian)
 Kadyмова, R.R. (2013) *Vklad Rizaeddina Fahreddina v formirovaniye novogo statusa zhenshchiny v tatarskom obshchestve konca XIX – nachala XX vv.* [Contribution of Rizaeddin Fakhreddin to the Formation of a New Status of Women in Tatar Society in the Late 19th–Early 20th Centuries]. Kazan. (In Russian)
 Kadyri Z. (1915) *Khatyn-kyz mäsyulse* [The Women's Question]. Ufa, Turmush. (In Tatar)
 Kadyri Z. (1911) *Kyzlar dnyasi* [The World of Girls]. Kazan, V. Ereemeev i Shashabrin. (In Tatar)
 Mahmutova, A. H. (2003) *Lish' tebe, narod, sluzhen'ye!* (*Istoriya tatarskogo prosvetitel'stva v sud'bah dinastii Nigmatullin-Bubi*) [My service is only to you, people! (History of Tatar Enlightenment Movement and the Fate of Dynasty of Nigmatullin-Bubi)]. Kazan, Magarif. (In Russian)
 Murtazina, L.I. (2020) "A Good Training of One Girl is More Profitable than Training of Ten Young Men" (Coverage of the Problems of Female Education in the Newspaper "Vakyt", 1906–1918). *Iz istorii i kul'tury narodov srednego Povolzh'ya* [From History and Culture of the Peoples of Middle Volga Region]. 1 (10), 71-85. (In Russian)
 Tikhvatullina, L.I. (2003) *Problema cheloveka v trudah tatarskikh bogoslovov: konec XIX – nachalo XX vekov* [The Problem of Man in the Works of Tatar Theologians: The End of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
 Türkoglu, I. (2019) Adding a New More Touches to Zakir Kadyri-Ugan's Creative Biography. *Tatarica*. 12, 121-135. (In Russian)

Информация об авторе

Р.Р. Кадымова – кандидат исторических наук, преподаватель истории и обществознания Многопрофильного лицея № 188, Казань, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=633721.

Information about the author

R.R. Kadyмова – PhD in History, teacher of history and social studies, Multidisciplinary Lyceum No. 188, Kazan, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=633721.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.05.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 30.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 157–161.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 157–161.

Научная статья
УДК 94(571.6)“18/19”
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.27>

Деятельность фирмы «Кунст и Альберс» на Дальнем Востоке в периоды политической нестабильности

Елена Геннадьевна Молчанова

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, lenmolch@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей ведения деятельности немецкой фирмы «Кунст и Альберс» на Дальнем Востоке в условиях политической нестабильности региона. Хронологические рамки исследования охватывают период с момента основания организации до начала Первой мировой войны. В работе анализируется влияние на деятельность торгового дома событий, связанных с военными конфликтами, международными кризисами, гражданскими беспорядками. Отмечается, что в условиях серьезных внешних рисков владельцам фирмы удавалось не только сохранить свой бизнес, но и получать прибыли. Это достигалось за счет наличия у предприятия значительных активов, которые позволяли покрывать непредвиденные расходы и давали возможность адаптироваться к изменившимся условиям. Значительную роль в этом сыграло умение владельцев фирмы и служащих идти на оправданный риск, оперативно реагировать на изменяющуюся конъюнктуру рынка.

Ключевые слова: история Дальнего Востока России, фирма «Кунст и Альберс», внешние риски, международные кризисы, политическая нестабильность, восстание ихэтуаней, русско-японская война, Владивосток, Порт-Артур

Для цитирования: Молчанова Е.Г. Деятельность фирмы «Кунст и Альберс» на Дальнем Востоке в периоды политической нестабильности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 157–161. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.27>.

Original article

The Activities of the Company “Kunst and Albers” in the Far East During Periods of Political Instability

Elena G. Molchanova

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, lenmolch@mail.ru

Abstract. The article reveals the consideration of the peculiarities of the activities of the German company “Kunst and Albers” in the Far East in the conditions of political instability of the region. The chronological framework of the study covers the period from the foundation of the organization to the beginning of the First World War. The paper analyzes the impact on the activities of the trading house of events related to military conflicts, international crises, civil unrest. It is noted that in conditions of serious external risks, the owners of the company managed not only to keep their business, but also to make profits. This was achieved due to the presence of significant assets at the enterprise, which made it possible to cover unforeseen expenses and made it possible to adapt to the changed conditions. A significant role in this was played by the ability of the company's owners and employees to take justified risks, to respond promptly to changing market conditions.

Keywords: history of the Russian Far East, Kunst and Albers, external risks, international crises, political instability, Boxer Rebellion, Russo-Japanese war, Vladivostok, Port Arthur

For citation: Molchanova, E.G. (2022) The Activities of the Company “Kunst and Albers” in the Far East During periods of Political Instability. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 157–161. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.27](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.27) (In Russian).

Существенное влияние на деятельность предпринимателей оказывает внешняя среда. Форс-мажорные обстоятельства часто наносят ущерб бизнесу и заставляют представителей деловых кругов приспосабливаться к изменившимся условиям. Одним из серьезнейших факторов, от которых зависит успешность бизнеса, является политическая стабильность в регионе.

Настоящая работа посвящена рассмотрению деятельности крупнейшей немецкой фирмы «Кунст и Альберс» на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях так называемых политических рисков, связанных с войнами, гражданскими беспорядками, международными кризисами и геополитическими изменениями.

Цель статьи – показать степень влияния политической нестабильности на деятельность торгового дома «Кунст и Альберс», проанализировать способы его адаптации к изменяющимся условиям и форс-мажорным обстоятельствам, а также методы преодоления его владельцами негативных последствий.

Исследование данной проблемы является актуальным, так как сейчас мы живем в условиях серьезного кризиса, вызванного геополитическими изменениями, санкциями. Поэтому изучение исторического опыта деятельности предпринимателей в свете воздействия на них внешних неблагоприятных факторов является полезным для выработки стратегии ведения бизнеса в современном мире.

Хронологические рамки статьи включают период с первых лет деятельности фирмы до 1914 г. События, связанные с Первой мировой войной, не учитывались при проведении исследования. Это связано с тем, что деятельность немецких предпринимателей на Дальнем Востоке России в этот сложный период уже рассматривалась нами в предыдущих публикациях (Молчанова, 2020 и др.).

Свой бизнес немецкие коммерсанты Густав Кунст и Густав Альберс начали во Владивостоке в 1864 г. в относительно благоприятных для себя условиях (Томас, 1999: 211). В российских дальневосточных портах действовал режим порто-франко, и иностранным предпринимателям предоставлялись те же льготы, что и российским гражданам¹.

Рост и развитие фирмы «Кунст и Альберс» шли вместе с освоением Приамурья и Приморья. По мере увеличения населения региона, его транспортного освоения предприятие увеличивало обороты, развивало сеть филиалов. К началу XX в. фирма стала одной из крупнейших не только на российском Дальнем Востоке, но и во всей Восточной Азии.

Несколько раз в истории этого предприятия отмечались сложные периоды, спровоцированные серьезными внешними рисками. Рассмотрим некоторые из них.

В конце 70-х гг. XIX в. обострились противоречия между Россией и Китаем по поводу разграничения территорий в Илийском крае. Начались военные приготовления к возможным столкновениям двух стран не только в Центральной Азии, но и на Дальнем Востоке. Производилась реорганизация и перевооружение воинских частей, расположенных вдоль всей русско-китайской границы (Сергеев, 2012: 147). Во Владивостоке были возведены оборонительные сооружения, защищающие город и порт, предприняты меры для усиления воинских частей в Приамурье и Уссурийском крае. Владельцам фирмы «Кунст и Альберс» удалось воспользоваться возникшими обстоятельствами и получить первый крупный контракт на поставку провианта для Сибирского флотского экипажа. Для его выполнения фирма взяла кредит в 200 тыс. руб. Перевозка продовольствия из Америки должна была осуществляться при помощи зафрахтованного парусника «Кадет». Выполняя этот контракт, торговый дом зарекомендовал себя надежным поставщиком. Так была создана основа для его дальнейшего многолетнего сотрудничества с гражданскими и военными учреждениями, связанного с казенными поставками и подрядами (Деев, 2002: 97).

Следующий международный кризис доставил немало сложностей и тревог руководству фирмы. Он произошел в 1885 г. и был связан с масштабным англо-русским соперничеством из-за сфер влияния в Центральной Азии. Напряженность между Англией и Россией достигла предела, возникла угроза военных столкновений не только в Афганистане, но и в других регионах, в том числе и на Дальнем Востоке (Сергеев, 2012: 181–182). Под влиянием этих событий возникла паника на рынках. Для покрытия военных рисков Г. Альберс пытался застраховать суда, перевозящие товары для фирмы. Он вступил в переговоры с самой крупной тогда компанией морского страхования – лондонским «Ллойдом». Однако стороны не пришли к соглашению по страховым выплатам.

В силу напряженной обстановки и угрозы войны упал курс рубля, и банки-кредиторы фирмы, опасаясь ее банкротства в случае начала военных действий, стали требовать возврата своих денег. Ситуация стала критической. Г. Альберсу потребовалось немало усилий, чтобы успокоить банкиров и доказать устойчивость, солидность и платежеспособность своего предприятия. Он разъяснил им, что все кредиты обеспечены имеющимися во Владивостоке товарами, что порт хорошо защищен от британского вторжения, и у фирмы есть возможность в случае необходимости перебазировать склады в Никольск-Уссурийск, расположенный в отдалении от морского побережья (Деев, 2002: 119). Таким образом выдержать и преодолеть кризис фирме помогли настойчивость и усилия ее совладельцев, а также наличие значительных активов.

В конце XIX в. Россия стала особое внимание уделять дальневосточному направлению своей внешней политики и активно включилась в борьбу за сферы влияния в регионе. Было принято решение провести восточный участок Транссибирской магистрали по территории Китая. В 1897 г. началось строительство КВЖД. В 1898 г. Россия подписала с Китаем соглашение о об

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1265. Оп. 9. Д. 169. Л. 1; 8.

аренде двух незамерзающих портов на Ляодунском полуострове – Порт-Артура и Дальнего, которые впоследствии были соединены железнодорожной веткой с КВЖД (Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений ..., 2013: 59). В Порт-Артур из Владивостока были переведены воинские части, туда же была перебазирована Тихоокеанская эскадра. Такие перемены стали серьезным испытанием для фирмы, т.к. она являлась крупным поставщиком для российских воинских частей и флота, а военнослужащие составляли значительную часть покупателей ее магазинов. Усугубило ситуацию решение российских властей в 1901 г. отменить порто-франко во Владивостоке. В это же время иностранные товары в Порт-Артур и Дальний могли ввозиться бесполошно.

Эти события сильно изменили условия для ведения предпринимательской деятельности в регионе. Владивосток стал терять свое значение основного порта России на Дальнем Востоке, центра оптовой торговли. В городе стала снижаться деловая активность. В своей докладной записке на имя министра финансов от 26 сентября 1902 г. Владивостокский биржевой комитет писал: «За последние два года во Владивостоке было средних фирм 40, из которых 15 ликвидировали свои дела, в это число не включены десятки китайских фирм. Данные крупнейших фирм показывают, что их оптовая торговля упала на 60–70 % в сравнении с прошлыми годами»¹.

Серьезные изменения в расстановке сил в регионе стали испытанием и для фирмы «Кунст и Альберс». Однако у нее было достаточно сил и ресурсов, чтобы адаптироваться к изменившимся условиям. Более того, предприимчивые немцы рассчитывали получить солидную прибыль, развернув свою деятельность в южной части Ляодунского полуострова. Реакция владельцев фирмы на новые обстоятельства была молниеносной. В апреле 1898 г. совладелец фирмы А. Даттан собрал команду сотрудников и отправился на пароходе «Дафне» в Порт-Артур, чтобы открыть там отделение своего торгового дома. В 1898 г. был открыт филиал в Харбине, и фирма активно приступила к поставкам строительных материалов и других необходимых товаров для строящейся КВЖД (Деег, 2002: 155–156). Та оперативность, с которой отреагировали владельцы фирмы «Кунст и Альберс» на изменившуюся обстановку, принесла свои плоды. Доход ее филиала в Порт-Артуре в 1899 г. составил около 1,2 млн руб., а в 1900 – уже около 2,3 млн руб. Порт-Артур активно строился и развивался, спрос на товары был огромным. Уже на четвертый год своего существования отделение фирмы в Порт-Артуре получило большую прибыль, чем головное предприятие во Владивостоке (Sieveking, 1941: 290).

В 1900 г. проходившее в Китае восстание ихэтуаней, направленное против европейцев, перекинулось на Маньчжурию. Эти события отразились и на деятельности торгового дома «Кунст и Альберс». Руководство филиала в Порт-Артуре, опасаясь нападений и погромов, было вынуждено организовать круглосуточную охрану своих магазинов. Из Харбина в Хабаровск эвакуировались женщины и дети, в их числе были члены семей сотрудников фирмы. Накапилась ситуация и в российских дальневосточных городах, так как в них проживало значительное количество китайцев. Немало опасных моментов пришлось пережить служащим фирмы во время нападения китайцев на Благовещенск летом 1900 г. Во время беспорядков была разграблена и сожжена баржа с 25 тоннами жести, сгорело здание филиала фирмы в Хуньчуне. Для столь крупного предприятия, как «Кунст и Альберс», эти потери были сравнительно невелики и восполнимы. Более того, владельцы торгового дома нашли возможность в это сложное время получить прибыль, ведь, как известно, во время военных событий при наличии определенных навыков и ресурсов можно прилично заработать.

Фирма в 1900 г. активно подключилась к перевозке в Китай военнослужащих из Владивостока, занималась снабжением воинских частей, принимающих участие в подавлении восстания на территории Северо-Восточного Китая. Значительный доход получил торговый дом и после окончания военных действий на поставках стройматериалов в Маньчжурию для восстановления разрушенных объектов и строительства новых (Деег, 2002: 164–168).

Серьезным испытанием для организации «Кунст и Альберс» стала русско-японская война. После ее начала Страной восходящего солнца были конфискованы некоторые суда, на которых перевозились принадлежащие фирме товары. Служащим приходилось решать многочисленные вопросы с возмещением ущерба со стороны страховых компаний. Владивосток оказался в морской блокаде, что сильно затрудняло снабжение города. Российские власти, чтобы стимулировать доставку товаров в порт, отменили таможенные пошлины. В распоряжении фирмы «Кунст и Альберс» был пароход «Тунгус», который несколько раз совершал смелые рейды и доставлял товары во Владивосток в обход японской блокады. При выполнении этих рискованных рейсов содействие фирме оказывали ее финансовые и торговые партнеры в разных странах.

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 28. Оп. 1. Д. 298. С. 84 об.

Самые большие сложности пришлось на долю сотрудников отделений фирмы, находящихся на Ляодунском полуострове. После нападения японцев на Порт-Артур многие предприниматели покинули этот город. Руководство и коллектив отделения фирмы «Кунст и Альберс» решили остаться и продолжить свою деятельность. Они осознанно шли на риск, полагая, что в условиях, когда основные конкуренты покинули город, можно хорошо заработать. Глава отделения в Порт-Артуре Август Релль, проявив предприимчивость, стал скупать товары с заблокированных в порту судов и со складов закрывшихся после начала войны предприятий. Расчет оказался верным и деятельность отделения «Кунст и Альберс» в Порт-Артуре оказалась прибыльной (Sieveking, 1941: 293). Л. Деег приводит слова А. Релля, который сообщал А. Даттану 8 августа 1904 г.: «Как ни удивительно, но пока дела идут очень хорошо... С начала войны, то есть с 27 января 1904 г. по сегодняшний день чистая выручка наличными составила 712 тыс. рублей» (Деег, 2002: 187).

Служащим фирмы приходилось работать в сложных и опасных условиях. Несколько раз помещения отделения и дома, в которых жили служащие, попадали под обстрелы. Один сотрудник погиб, несколько были ранены. Для служащих было устроено бомбоубежище. В декабре 1904 г. командование крепости сообщило А. Реллю, что Порт-Артур будет сдан японцам, и рекомендовало поднять над зданием фирмы немецкий флаг. Глава отделения фирмы «Кунст и Альберс» в Порт-Артуре был включен в русско-японский капитуляционный комитет. Благодаря этому ему удалось сохранить имущество фирмы и вступить в контакт с японскими властями. Всего за шестилетнее существование отделения в Порт-Артуре фирма «Кунст и Альберс» получила прибыль в 1,5 млн руб. (Sieveking, 1941: 294–295).

Не успели предприниматели оправиться от потрясений, связанных с русско-японской войной, как возникла еще одна опасность для их бизнеса. В стране разворачивались революционные события. Моральное состояние гарнизона Владивостока ухудшилось. Солдаты жаловались на невыплату денег, плохие условия жизни, требовали скорейшей отправки домой. 30–31 октября (12–13 ноября) 1905 г. во Владивостоке произошёл бунт, повсюду слышались выстрелы, вспыхивали пожары. Руководство города потеряло контроль над ситуацией (Агапов, Бутырин, 2016: 139). Универмаг фирмы «Кунст и Альберс» во Владивостоке был разграблен и подожжен. Сотрудники пытались отбить нападение, потушить пожар, но безуспешно. Жительница Владивостока Э. Прей писала: «В огромном магазине “Кунст и Альберс” были выломлены двери, и от товаров в нем не осталось и следа, а о размерах магазина можно судить хотя бы по тому, что в нем занято около ста служащих. В отделе, торгующем масляными красками, был пожар»¹. В ходе этих событий была проведена эвакуация жен и детей служащих на пароход «Эрна», организована вооруженная охрана имущества. Потери фирмы оценивались в 315 тыс. руб. Попытки добиться возмещения ущерба от российских властей не принесли результатов. Но торговый дом располагал достаточными ресурсами, чтобы восстановить разрушенное и успешно продолжить свою деятельность (Деег, 2002: 197–198).

После поражения в русско-японской войне российские власти направили значительные средства для развития и укрепления дальневосточной окраины страны. Владивосток вновь стал выполнять роль главного порта России на Тихом океане. Это позволило фирме «Кунст и Альберс» наращивать здесь свои обороты. В 1908 г. началось строительство Амурской железной дороги. Владельцы фирмы «Кунст и Альберс» быстро отреагировали на эти изменения и открыли новые филиалы в Приамурье, т.к. это давало перспективу хороших прибылей. Так, были открыты отделения в Пашково, Облучье, Ивановке, Тамбовке и других населенных пунктах. К 1914 г. торговый дом имел уже 31 филиал в различных уголках Дальнего Востока. Его годовой оборот составлял около 17 млн руб.²

Таким образом, в условиях военных конфликтов, международных кризисов, внутривосточной нестабильности руководству и служащим фирмы «Кунст и Альберс» удавалось не только сохранить бизнес, но зачастую и приумножить прибыль. Такая возможность была обеспечена наличием у предприятия солидных активов, налаженных контактов с поставщиками товаров, банками, государственными структурами. Конечно же, свою роль в этом сыграло умение владельцев фирмы и служащих идти на оправданный риск, оперативно реагировать на изменяющиеся условия, конъюнктуру рынка.

Список источников:

Агапов В.Л., Бутырин Д.А. Октябрьские события 1905 года во Владивостоке в освещении местной прессы // Россия и АТР. 2016. № 2. С. 135–150.

¹ Прей Э. Избранные письма, 1894–1906. Владивосток, 2012. С. 286.

² Российский исторический архив Дальнего Востока. Ф. 702. Оп. 2. Д. 506. Л. 94–97.

- Деег Л. Кунст и Альберс Владивосток. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924). Владивосток, 2002. 336 с.
- Молчанова Е.Г. Немецкие предприниматели на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6. С. 105–108. <https://doi.org/10.24158/fik.2020.6.20>
- Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М., 2013. 704 с.
- Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. 454 с.
- Томас Л. Отношения немецких предпринимателей Дальнего Востока с деловым миром Москвы в конце XIX – начале XX вв. // Немецкие предприниматели в Москве. М., 1999. С. 209–217.
- Sieveking H. Die Hamburgisch Firma Kunst und Albers in Wladiwostok 1864–1914 // Vierteljahresschrift für Sozial – und Wirtschaftsgeschichte. 1941. № 34. S. 268–299 (на нем. яз.)

References:

- Agapov, V. L. & Butyrin, D. A. (2016) October Events of 1905 in Local Press in Vladivostok. *Rossiya i ATR*. (2), 135–150 (in Russian).
- Deeg, L. (2002) *Kunst i Al'bers Vladivostok. Istoriya nemetskogo trgovogo doma na rossiiskom Dal'nem Vostoke (1864–1924)* [*Kunst, Al'bers Vladivostok. Istoriya nemetskogo trgovogo doma or rossiiskom Dal'nem Vostoke (1864–1924)*]. Vladivostok. 336 p. (in Russian).
- Lukin, A. V. (ed.) (2013) *Rossiya i Kitai: chetyre veka vzaimodeistviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii* [*Russia and China: Four Centuries of Interaction. History, Current State and Prospects of Development of Russian-Chinese Relations*]. Moscow. 704 p. (in Russian).
- Molchanova E. G. (2020) German Entrepreneurs in the Russian Far East during World War I. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 105–108. Available from: <https://doi.org/10.24158/fik.2020.6.20> (in Russian).
- Sergeev, E. Yu. (2012) *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [*The Big Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia*]. Moscow. 454 p. (in Russian).
- Sieveking, H. (1941) Die Hamburgisch Firma Kunst und Albers in Wladiwostok 1864–1914. *Vierteljahresschrift für Sozial – und Wirtschaftsgeschichte*. (34), 268–299 (in German).
- Tomas, L. (1999) Otnosheniya nemetskikh predprinimatelei Dal'nego Vostoka s delovym mirom Moskvy v kontse XIX – nachale XX vv. [Relations of German Entrepreneurs of the Far East with the Business World of Moscow in the Late XIX – Early XX Centuries]. *Nemetskie predprinimateli v Moskve*. Moscow, pp. 209–217 (in Russian).

Информация об авторе

Е.Г. Молчанова – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=387423.

Information about the authors

E.G. Molchanova – PhD in of History, Associate Professor of the Department of National and Universal History of Pacific State University, Khabarovsk, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=387423.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.05.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 162–166.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 162–166.

Научная статья

УДК 930.85

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.28>

Духовные и мирские аспекты жизни кёльнского духовенства в начале XIII в.

Ирина Сергеевна Редькова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия,
irinaredkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1655-1707>

Аннотация. В статье изучается положение духовенства Кёльна как представителей церкви, которые стали деятельной частью городской общины в начале XIII в., когда происходит расцвет коммунального движения в Европе. Источником в данном исследовании служит труд Цезария Гейстербахского «Диалог о чудесах». Автор анализирует особенности служения клириков в городе, рассматривает разные аспекты их повседневной жизни, конфликты, возникающие между горожанами и клириками, и приходит к выводу, что дихотомия города и Церкви, горожан и клира, характерная для предыдущего столетия, исчезает. В это время освоение и освящение городского пространства идет не только через активное присутствие клира в городе, но и через распространения почитания местных святынь – для Кёльна это святая Урсула и 11 тысяч кёльнских дев.

Ключевые слова: город, Кёльн, топография, средние века, духовенство, цистерцианцы, каноники, епископ

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта: «Град земной и град небесный: средневековый город как зеркало Иерусалима» при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция».

Для цитирования: Редькова И.С. Духовные и мирские аспекты жизни кёльнского духовенства в начале XIII в. // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 162–166. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.28>.

Original article

Between Spiritual and Secular: The Clergy of Cologne in the XIII Century

Irina S. Redkova

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia,
irinaredkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1655-1707>

Abstract. The author analyzes the state of the clergy in Cologne in the XIII century as representatives of the Church on the one hand and as an integral and dynamical part of the urban community on the other hand. The source for this study is the work of Caesarius of Heisterbach "Dialogus miraculorum". The author touches upon the issues of the cura animarum in Cologne, considers different aspects of the clergy routine, their interaction with the inhabitants of the city. The author comes to the conclusion that the opposition between the Church and the City, clergy and laymen turned into adoption and sacralization of the urban space through the clergy activity and expansion of local relic worship, f.e. St. Ursula and 11 thousand virgins of Cologne in case of Cologne.

Keywords: city, Cologne, topography, Middle Ages, Cistercians, clergy, Canons, Bishop

Funding: the study was created as part of the "Earthly city and heavenly city: a medieval city as a mirror of Jerusalem" project sponsored by PSTGU and the Zhivaya traditsiya Foundation.

For citation: Redkova, I.S. (2022) Between Spiritual and Secular: The Clergy of Cologne in the XIII Century. Society: Philosophy, History, Culture. (6), 162–166. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.28](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.28) (In Russian).

XIII век в истории Европы – это зенит средневековой христианской цивилизации, характерной особенностью которой было развитие городов, становление городских коммун, куда входили представители знати, рыцари, отдельные горожане, торговые корпорации, ремесленные цеха. Европейские города внесли огромный вклад в создание социальной структуры средневекового общества, в развитие политических, экономических и образовательных процессов. Важную роль в формировании облика средневекового города играли Церковь и духовенство, которое также было частью городского сообщества: на плечи клира ложилось пастырское окормление (cura animarum) горожан (Редькова, 2020). Жизнь в городе, формирование особой городской культуры представляли собой вызов для представителей первого сословия, требовали осмысления и адаптации как на теоретическом уровне (в богословии появляется новое направление – теология города), так и в повседневности (Усков, 1999: 197).

В данной работе будет исследоваться то, каким было Кёльнское духовенство XIII в. в представлении очевидцев, каковы были особенности жизни и быта клирика в средневековой митрополии, какие конфликты могли возникать между мирянами и духовенством, как клирики воспринимали свое служение в городе в духовном и материальном аспектах. Кёльн был столицей архиепархии, где, по оценкам историков, в XII в. проживало более 20 тысяч человек (Groten, 1998: 2), а в XIII в. этот город переживает зенит развития своей средневековой истории, когда окончательно складываются структуры управления, городской совет.

В качестве источника в данном исследовании будет привлекаться труд Цезария Гейстербахского «Диалог о чудесах». Цезарий родился около 1180 г. в Кёльне или его пригороде, здесь же провел детство и юность, он учился в школе при церкви св. Андрея, а затем в соборной школе у схоластика Рудольфа, а в октябре 1198 г. принял монашеские обеты в цистерцианском монастыре Гейстербах (Кёльнский диоцез), который прославится именно благодаря литературным трудам Цезария. В 20-х гг. XIII в. Цезарий становится магистром новициев (новоначальных) и во время своего служения в этом статусе в монастыре он накапливает огромный дидактический материал, который обретаёт форму диалога между опытным монахом и новицием. В своих рассказах цистерцианец пытается быть предельно точным, указывает большое количество конкретных деталей, как то: имена действующих лиц, место их служения, в качестве датировки дает отсылки к правлению светских королей, архиепископов или конкретные исторические события (такие, как схизма или проповедь Пятого крестового похода), перечисляет звенья передачи рассказа (часто это либо те, кого он знал лично, либо то, что было передано с указанием свидетелей и участников событий).

«Диалог о чудесах» является самым известным сборником *exempla*, возникших в ордене цистерцианцев. *Exempla* – это сборники коротких историй неожиданного содержания, из чудесного или из повседневной жизни, с религиозно-моральным выводом¹. Данный литературный жанр часто использовался в Средневековье для нравоучений: читателям показывали образцовые примеры человеческих слабостей и страстей, которые первоначально извлекались из античной литературы. Потом *exempla* стали называть любую историю, служившую наглядным разъяснением теологической доктрины (Курциус, 2021: 145–146). Цезарий является бесценным свидетелем повседневной жизни кёльнского духовенства, детали которой можно обнаружить в его «Диалоге о чудесах», в цистерцианской литературе его цитировали как *auctoritas* для подтверждения подлинности рассказа (Смирнова, Поло де Болье, 2013: 156) и хотя задача автора – это наставление в вере, благочестии, в обучении добродетелям, достигает он ее через свои истории, происходившие в недавнем для него прошлом, которые разыгрывались в знакомых автору и слушателям местах.

Как житель Кёльна Цезарий был хорошо знаком с реалиями городской жизни и отражал ее в своих рассказах, он сам свидетельствует, что знает многих в миру – как духовенство, так и светских людей (Caesarius, 2009: 787). Чаще всего в его рассказах фигурируют каноники церкви св. Андрея². Например, клирик этой церкви по имени Годфрид (Caesarius, 2009: 791) решил уйти в цистерцианский монастырь, когда был «старым и большим», и он проходил пробный год с Цезарием. В конце пробного периода Годфрид остро стал ощущать нехватку тех удобств, которые имеет духовенство в миру и от которых придется отказаться, принимая монашеские обеты. Жизнь в монастыре – это тяжесть одеяний, долгие ночные молитвы, молчание, жара летом и холод зимой, постоянные посты и скромная пища, которая была вегетарианской, почти без специй³. Учитывая возраст и состояние здоровья, столь разительные перемены в образе жизни представлялись канонику невыносимыми. В качестве компромисса между стремлением к удобствам мира и небесному Иерусалиму он хотел было вернуться к своей пребенде (то есть вернуться в свою коллегия каноников, где он имел бенефиций) и найти жилье рядом с монастырем. От идеи оставить монастырь отвратила мысль о реакции своих товарищей (*сopсапопiсi*). Годфрид представил, что каждый раз, когда он будет проходить мимо них, сидящих в портике церкви, он будет предметом их сплетен, осуждения и споров, спасен он или погиб. А вечером, когда остальные каноники будут сидеть у огня, попивая напитки, он станет их «*psalmus*» (то есть о нем будут петь насмешливые песенки). Опасение стать предметом насмешек и осуждения стало более весомым аргументом, чем тягости аскезы монастыря, и каноник решил остаться в обители цистерцианцев.

Духовенству города был свойственен nepoтизм, примеры которого можно также найти в «Диалоге о чудесах». Декан соборной школы (автор подчеркивает, что по происхождению тот

¹ Гуревич А.Я. *Exemplum* // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М., 2007. С. 594–597.

² Коллегиальная церковь в Кёльне с X в.

³ В 1224 г. буллой папы Гонория III подтверждалось, что даже папские легаты в монастыре не имеют права претендовать на мясные блюда.

был швабом), воспользовавшись своим влиянием, устроил своего родственника Конрада в церковь св. Андрея каноником. Пребенда позволяла иметь свои доходы, которыми каноники могли распоряжаться по своему усмотрению. Например, каноник Райнер, ставший позже монахом в Гейстербахе, авансом заплатил двум купцам, отправлявшимся в дальние страны по торговым делам, пять шиллингов за шкуру белого медведя: ею собирались покрывать алтарь храма. С одной стороны, этот факт свидетельствует о том, что мех белого медведя являлся предметом роскоши и был товаром, который был знаком и который можно приобрести благодаря развитию Северной торговой зоны, связывавшей между собой страны Балтики, Северного Моря, Северо-Восточной Атлантики. Позже эта шкура была преподнесена церкви как дар в благодарность за чудесное спасение во время шторма, а уплаченные вперед деньги возвращены канонику.

Доходы, получаемые с церковной должности, каноники могли использовать на личные нужды по собственному усмотрению, и порой траты были далеко неблагочестивыми, как в истории с каноником Леонием из церкви Богоматери у ступеней (St. Maria ad Gradus) (Caesarius, 2009: 247). Этот каноник первоначально хотел уйти в монастырь и даже принял монашеское одеяние в монастыре Химмерод (это была материнская обитель Гейстербаха, и Цезарий слышал эту историю от ее насельников). У него был брат, могущественный рыцарь, который, услышав о решении своего брата, поспешил в монастырь и убедил его снять хабит и вернуться в мир, чтобы оплатить сначала свои долги. Он вернулся к своей пребенде, но «больше был занят своими пороками, нежели возвратом долгов». По прошествии нескольких лет Леоний серьезно заболел душевно, и грешил с «продажными женщинами», когда оставался в рассудке. Этот эпизод свидетельствует, что нравы клира города Кёльн могли быть достаточно свободными, что аскетический и нравственный образ жизни был скорее желательным, нежели обязательным условием пребывания в церковной должности. Например, настоятель Диткирхен (в настоящее время это церковь св. Апостола Петра и Иоанна Предтечи, Штифгассе, Бонн) был человеком, по выражению Цезария, «бесстыдным» (Caesarius, 2009: 986) и любил играть в кости со своим родственником, причем любил настолько, что однажды пренебрег просьбой прихожанки исповедать ее перед смертью.

Доходы у клириков могли быть разными, например, каноник Арнольд из церкви св. Апостолов в Кёльне был богатым и изнеженным, однако часто спал в хоре во время богослужений, а значит, не слишком усердно исполнял свои обязанности, а вот у Эберхарда, настоятеля церкви св. Якова, не было достаточно средств, чтобы оплатить медицинскую помощь (Caesarius, 2009: 930). Он очень страдал от головных болей и поэтому пришел к опытному врачу с просьбой о помощи. Однако врач потребовал авансом за лечение три кёльнских марки, и эта сумма показалась Эберхарду слишком высокой: он мог заплатить только полмарки. За такую цену врач отказался работать, в ответ священник сказал, что даже если бы у него и было три марки, он предпочел бы отдать их бедным. Врачи и лекари в средневековых городах уже в XII–XIII вв. занимали высокое положение в городской иерархии, они, как правило, лечили население города и округа и жили за счет платы, которую получали от своих пациентов (Бергер, 1999: 276), а указание на то, что врач являлся опытным, может свидетельствовать о репутации и широкой и успешной практике лекаря.

Между клириками и мирянами могли возникать и денежные споры, которые решались в судебном порядке. Об этом свидетельствует история Гиоминбольда, декана коллегиальной церкви в Бонне (Caesarius, 2009: 815), у которого был брат, рыцарь Цезарий из Кёнигсвинтера (это местечко между Бонном и Кёльном). Декан одолжил своему брату 20 Кёльнских марок (что было значительной суммой) из денег церкви, однако, когда он умер и каноники стали требовать вернуть долг, рыцарь отказался возвращать эту сумму. Свидетелей духовенство не могло найти и потребовало присяги, рыцарь же дал ложную присягу и «уехал на своей лошади». Данная история свидетельствует, с одной стороны, о злоупотреблениях декана церкви, который распоряжался ее имуществом в своих личных целях (кредитуя брата), что представляется уже недопустимым в начале XIII в. — это имущество следует отличать от тех доходов с должности, которые получает клирик и которыми он волен распоряжаться по своему усмотрению. С другой стороны, мы видим попытку урегулировать конфликт между коллегией каноников и мирянином, в отношении которого выдвигаются требования вернуть долг, теми правовыми механизмами, которые предлагает эпоха: это поиск свидетелей, присяга в суде. Эта попытка оканчивается для коллегии каноников неудачно, и лишь божественное вмешательство, по рассказу автора, заставляет рыцаря раскаяться и вернуть долг церкви.

Особую роль в жизни духовенства и горожан играло такое явление, как почитание святынь. Например, Цезарий упоминает, что в церкви св. Георга был крест из металла, который особенно почитался в городе, и женщины имели обыкновение зажигать перед ним множество свечей. Имена некоторых клириков упоминаются в «Диалоге» именно в связи с приобретением реликвий для церкви, например, Герман, декан церкви св. Гереона в Кёльне, во время своего служения получил реликвиарий с мощами Иоанна Предтечи.

XII–XIII вв. – это становление культа почитания св. Урсулы и 11 тысяч Кёльнских дев. Распространение этого культа связано с обнаружением христианских погребений при строительстве новых городских стен в начале XII в., что в глазах современников являлось наглядным свидетельством легенды о мученичестве св. Урсулы и ее сподвижниц (Кувшинская, 2016: 304). В 1135 г. освящается церковь св. Урсулы, при ней же возникает женский конвент. Цезарий, на глазах которого происходит распространение почитания св. Урсулы и Кёльнских дев, описывает, как происходит открытие новых мощей: в логике монаха начала XIII в. святые сами указывают место своего упокоения в благочестивых видениях. Так, монахиня конвента при церкви св. Урсулы настоятельно просит расширить dormitorio (спальное помещение), поскольку две прекрасных девы неоднократно являлись ей в видении и жаловались на «неудобства». И действительно, при расширении помещения обнаруживаются два захоронения. Аббат одного из цистерцианских монастырей приезжает в Кёльн в монастырь св. Урсулы и указывает место, где следует копать, чтобы открыть останки святых дев. При раскопках обнаруживаются не только мощи, но также и прекрасная гребенка, которую одна из монахинь пытается присвоить. Желание личного обладания святыней являлось своеобразным, характерным для этой эпохи проявлением благочестия. «Диалог» приводит свидетельства кражи реликвий кёльнских дев, когда сугубое почитание этих святых заставляет обращаться к помощи в приобретении.

Духовенство Кёльна в начале XIII в. – это значимая часть городской общины, каноники коллегиальных церквей, соборного капитула живут на доходы, которые получают от своей церковной должности. Они ведут обычную жизнь горожан, могут играть в кости, пить по вечерам, носить красивые одежды, страдать от болезней, иметь сожительниц или случайные связи, ввязываться в судебные тяжбы с мирянами, хлопотать о судьбе своих родных как в миру, так и в Церкви, оказывая помощь в продвижении по карьерной лестнице. Противопоставление города и Церкви, характерное для начала XII в., сходит на нет, город является естественной и знакомой средой, которая создает людям возможности досуга, лечения, более комфортного проживания. Освящение, одухотворение этой среды шло не только через пастырскую деятельность, но и через получивший широкое распространение в высокое средневековье культ почитания святых и святынь: в Кёльне это происходило через распространение культа местных святых – св. Урсулы и 11 тысяч кёльнских дев.

Список источников:

- Бергер Е.Е. Лекари, аптекари и цирюльники // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. Жизнь и деятельность горожан / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. С. 276–278.
- Кувшинская, И.В. Паломничество святой Урсулы: история создания легенды и ее отражение в искусстве XIV–XV веков // Искусствознание. 2016. № 1–2. С. 298–315.
- Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское средневековье. В 2-х т. М., 2021.
- Редькова И.С. Город глазами средневекового монаха (по экзегетическим текстам первой половины XIII века). М.: СПб., 2020.
- Смирнова В.В., Поло де Болье М.А. Цистерцианское искусство убеждения (XIII–XIV вв.). «Диалог о чудесах» Цезария Гейстербахского и его рецепция // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2013. Вып. 4 (34). С. 152–160.
- Усков Н.Ф. Монашество в духовной жизни города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.2. Жизнь и деятельность горожан / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. С. 197–220.
- Caesarius von Heisterbach. *Dialogus miraculorum*. Dialog über die Wunder. Bd. 1–5. / Komment. und übersetzt von N. Noesges und H. Schneider. Turnhout, 2009.
- Groten M. Köln im 13. Jahrhundert. Gesellschaftlicher Wandel und Verfassungsentwicklung. Köln, 1998.

References:

- Berger, E.E. (1999) Lekari, aptekari i cirul'niki [Doctors, pharmacists and barbers]. In: A.A. Svanidze (ed.) *Gorod v srednevekovoy civilizacii Zapadnoy Evropy*. T. 2. Zhizn' i deyatel'nost' gorozhan [City in the medieval civilization of Western Europe. Vol. 2. Life and work of citizens]. Moscow: Nauka. P. 276–278. (In Russian)
- Caesarius von Heisterbach (2009) *Dialogus miraculorum*. Dialog über die Wunder. Bd. 1–5. / Komment. und übersetzt von N. Noesges und H. Schneider. Turnhout: Brill. (In German)
- Curtius, E.R. (2021) *Evropeyskaya literatura i latinskoe srednevekov'e* [European Literature and the Latin Middle Ages]. In 2 Vol. Moscow: YaSK. (In Russian)
- Groten, M. (1998) Köln im 13. Jahrhundert. Gesellschaftlicher Wandel und Verfassungsentwicklung. Köln: Böhlau. (In German)
- Kuvshinskaya, I.V. (2016) Palomничество svyatoy Ursuly: istoria sozdania legendy i ee otrazhenie v iskusstve XIV–XV vekov [Pilgrimage of St. Ursula: the history of the creation of the legend and its reflection in the art of the XIV–XV centuries]. *Art studies magazine*. (1–2). 298–315. (In Russian)
- Redkova, I.S. (2020) *Gorod glazami srednevekovogo monakha (po ekzegeticheskim tekstam pervoy poloviny XIII veka)* [Town through the eyes of a medieval monk. (According to exegetical texts of the first half of the XII century)]. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ. (In Russian)
- Smirnova, V.V., Polo de Beaulieu, M.A. (2013) Cistercian art of persuasion (13th–16th centuries): *Dialogus miraculorum* by Caesarius of Heisterbach and its reception. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*. (4). 152–160. (In Russian)
- Uscov, N.F. (1999) Monashество v duhovnoy zhizni goroda [Monasticism in the spiritual life of the city]. In: A.A. Svanidze (ed.) *Gorod v srednevekovoy civilizacii Zapadnoy Evropy*. T. 2. Zhizn' i deyatel'nost' gorozhan [City in the medieval civilization of Western Europe. Vol. 2. Life and work of citizens]. Moscow: Nauka. P. 197–220. (In Russian)

Информация об авторе

И.С. Редькова – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=128362.

Information about the author

I.S. Redkova – PhD in History, Associate Professor, Department of World History, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=128362.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.05.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 26.05.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 167–174.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 167–174.

Научная статья

УДК 327:341.24

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.29>

Сирийское направление российской внешней политики (2012–2018 гг.): историография проблемы

Андрей Николаевич Рыбалкин

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, anrybalckin@yandex.ru

Аннотация. В статье исследована историография проблемы сирийского вектора российской внешней политики (2012–2018 гг.). По результатам анализа обобщаемого материала выявлены основные группы работ, в числе которых: труды по теории международных отношений, истории дипломатии, конфликтологии, политологии и геополитике; научная литература, посвященная эволюции российской внешней политики, деятельности международных организаций; труды, содержащие данные по истории и современному состоянию региона Ближнего Востока; работы, посвященные военно-политическим процессам XX–XXI вв.; труды, исследующие российскую военную помощь России Сирии. Отмечается, что рассматриваемая проблематика недостаточно обеспечена фундаментальными научными исследованиями, поэтому задачу комплексного анализа и осмысления сирийского направления российской внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке российским специалистам в сфере международных отношений только еще предстоит решить.

Ключевые слова: российская политическая поддержка, военная и гуманитарная помощь, внутри-сирийский конфликт, гражданская война

Для цитирования: Рыбалкин А.Н. Сирийское направление российской внешней политики (2012–2018 гг.): историография проблемы // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 167–174. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.29>.

Original article

Syrian Direction of Russian Foreign Policy (2012–2018): Historiography of the Problem

Andrey N. Rybalkin

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, anrybalckin@yandex.ru

Abstract. The article examines the historiography of the problem of the Syrian vector of Russian foreign policy (2012–2018). Based on the results of the analysis of the generalized material, the main groups of works are identified, including: works on the theory of international relations, the history of diplomacy, conflictology, political science and geopolitics; scientific literature on the evolution of Russian foreign policy, the activities of international organizations; works containing data on the history and current state of the Middle East region; works devoted to the military-political processes of the XX–XXI centuries.; works investigating Russian military assistance to Syria. It is noted that the issues under consideration are insufficiently provided with fundamental scientific research, therefore, the task of a comprehensive analysis and understanding of the Syrian direction of the Russian foreign policy strategy in the Middle East has yet to be solved by Russian specialists in the field of international relations.

Keywords: Russian political support, military and humanitarian aid, intra-Syrian conflict, civil war

For citation: Rybalkin, A.N. (2022) Syrian Direction of Russian Foreign Policy (2012–2018): Historiography of the Problem. Society: Philosophy, History, Culture. (6), 167–174. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.29](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.29) (In Russian).

Введение. В конце XX века межгосударственные отношения приобрели современный вид, обусловленный разрушением мирового хозяйства, выстроенного на основе биполярной геоэкономической структуры, научно-техническими прорывами, ростом влияния транснациональных компаний, переделом рынка сбыта, в том числе вооружений и военной техники, продукции двойного назначения. При этом усилились тенденции политизации межгосударственных отношений; выросло также влияние фактора военной силы на мировую политику в целом,

укрепились политические отношения между государствами (блоками, коалициями). Как следствие, современный мир стал больше подвержен конфликтам¹.

Актуальность изучения сирийского вектора российской внешней политики (2012–2018 гг.) обусловлена рядом обстоятельств.

1. Трансформация мировой политики на рубеже веков XX–XXI вв. обусловила обострение ближневосточной политической и военной напряженности, нестабильность многих регионов планеты, массовые исходы беженцев и неконтролируемую миграцию. В таких условиях традиционно позитивные межгосударственные отношения РФ и Сирийской Арабской Республики (САР) приобрели особую важность.

2. Российская Федерация остается одним из самых выгодных партнеров для САР, стабильным во внешней политике и способным влиять на ход урегулирования проблем Ближнего Востока. В начале 2000 годов был заложен новый этап отношений между РФ и САР, который характеризуется политическим, экономическим и военно-техническим сотрудничеством, что стало прологом для организации российско-сирийского взаимодействия по урегулированию острых проблем в Ближневосточном регионе.

3. Выход в Средиземное море имеет огромное геостратегическое, внешнеполитическое, экономическое и оборонное значение для российского государства. Несмотря на отсутствие общих границ с САР², в условиях, когда мусульманские экстремисты-террористы³ угрожают захватом Сирии, существует потенциальная опасность продвижения бандформирований «Исламского государства» (запрещено в РФ) в направлении Армении, Азербайджана, российского Северного Кавказа⁴. Исторический опыт свидетельствует о необходимости обезвреживания опасного и крайне агрессивного врага, не дожидаясь его прихода в Россию.

4. Оказание всеобъемлющей российской помощи дружественному арабскому государству основано на принципах соблюдения Устава ООН и выработанных международно-правовых нормах, договорах и соглашениях. Вместе с тем приходится вести борьбу с мусульманскими экстремистами в условиях игнорирования суверенности САР⁵ США и их союзниками, прежде всего Турцией и рядом государств Персидского залива, которые вмешиваются во внутренние дела Сирии, используя не только свои политические, экономические и финансовые возможности, но и военных, оснащенных самым современным вооружением и боевой техникой. Данный факт, во-первых, неминуемо создает угрозу непреднамеренного боестолкновения российской группировки и коалиционных сил на сирийской территории, снижает эффективность боевого применения сил и средств Сирийской арабской армии во взаимодействии с Воздушно-космическими силами РФ (ВКС РФ); во-вторых, препятствует достижению поставленных целей и задач в ходе реализации российской внешней политики по оказанию политической, военной и гуманитарной помощи сирийскому государству.

5. Данная тема разрабатывается в российской исторической науке, однако ещё недостаточно раскрыта на данный момент, что обуславливает актуальность рассмотрения ее в рамках специальной истории «История международных отношений и внешней политики».

Историография сирийского направления российской внешней политики (2012–2018 гг.). Источники, научные исследования и литература, формирующие область исторических знаний сегмента российской ближневосточной политики, характеризуются особенностями, детерминированными закрытым характером, новизной исследуемой проблематики.

¹ Опираясь на подходы политической конфликтологии, целесообразно учитывать, что международный конфликт – это один из видов политических конфликтов, открытое политическое столкновение двух и более государств (или иных международных акторов) на основе несовпадения или противоречия их интересов; это открытое политическое столкновение международных акторов на основе противоречия их основополагающих интересов, базовых ценностей и самоидентификаций (См.: Международные организации и урегулирование конфликтов : учебное пособие / В.А. Аватков [и др.]. М., 2017. С. 31).

² САР не является сопредельным государством РФ, но находится на удалении в пределах 700 км (См.: РФ – САР // Яндекс. Карты. URL: <https://clck.ru/pkiJd> (дата обращения: 30.06.2020)).

³ «Фронт ан-Нусра» (сирийская «Аль-Каида») и «Ахрараш-Шам» (все запрещены в России) являются ведущими сирийскими террористическими группировками, захватившими мухафазу (провинцию) Идлиб в 2015 г. В 2016 г. насчитывалось порядка 100 группировок, воюющих с сирийскими правительственными войсками.

⁴ Боевики «Исламского государства Ирака и Леванта» (запрещено в России) не один раз в видеообращении обещали развязать войну в Чечне и в целом на Кавказе, а также угрожали лично российскому Президенту В.В. Путину за поддержку сирийского президента Б. Асада (См.: Боевики ИГИЛ грозят начать поход в Чечню и на Кавказ: «Путин, твой трон пошатнулся» [Электронный ресурс] // Medialeaks. URL: <http://medialeaks.ru/news/igil-rohod-v-chechnyu> (дата обращения: 30.06.2020)).

⁵ Абсолютное пренебрежение к суверенитету САР – бомбардировка французскими ВВС из контингента коалиции под эгидой США в сентябре 2015 г. позиций боевиков на территории САР без какого-либо мандата ООН или сирийской власти.

Существующая специальная российская и зарубежная литература не в полной мере раскрывает историю международных отношений и внешней политики, реализуемой в сирийском направлении Российской Федерацией в 2012–2018 гг. Недостаточность комплексных трудов, посвященных данной проблематике, затрудняет изучение и осмысление взаимосвязи главных исторических событий по урегулированию внутрисирийского конфликта.

Историография проблемы включает следующие основные группы работ.

1. *Общие труды по теории международных отношений, истории дипломатии, конфликтологии, политологии и геополитике.* Среди данных работ выделяются труды Е.П. Бажанова¹, И.А. Истомина², Т.В. Кашириной³, М.А. Неймарка (2018), М.М. Наринского, А.В. Торкунова⁴ и других специалистов.

2. *Литература, посвященная истории российской внешней политики, международных организаций.* Данная группа представлена трудами видных ученых, таких как В.В. Аверков, А.Д. Богатуров⁵, А.В. Фененко⁶.

Английские ученые Ч. Ловотти, Е.Т. Амбросетти, К. Хартвел, А. Шмиелевска исследовали деятельность России на Ближнем Востоке и в Северной Африке, анализировали факторы, лежащие в основе текущей политики РФ (Lovotti, ..., et al., 2020).

Канадский исследователь О. Гыкджян посвятил свой труд изучению внешнеполитических целей России, ее соперничества с Западом и присутствия на Ближнем Востоке (Geukjian, 2022).

В своей работе Н. Тарек исследует российскую внешнюю политику в отношении Сирии после арабской весны (Tarek, 2021). Цель ученого – показать основные причины российского вмешательства на Ближнем Востоке, в то время как она не делала этого в 2000-х годах. В этом исследовании утверждается, что Россия вмешалась в Сирию, чтобы защитить свои интересы на Ближнем Востоке, которому угрожали Соединенные Штаты.

Заслуживает внимание работа А. Радины, К. Рича, в которой изучаются российские взгляды на международный порядок (Radin, Reach, 2017). Авторы анализируют отношение России к международному порядку, возглавляемому США, путем описания ее национальных интересов, взглядов на мироустройство и политику в отношении ключевых его компонентов. Цель исследователей состояла в том, чтобы выявить ключевые точки, в которых взгляды России и США на международный порядок противоречат друг другу, тем самым обозначив риски и возможности для реализации или компроматации американского видения международного порядка.

Изучая многогранность политики России в Сирии, представитель Арабского центра Вашингтона Ж. Афандилян утверждает, что, учитывая неопределенность будущего Сирии, несколько игроков реализуют в стране различные стратегии, которые по большей части находятся вне контроля России. Несмотря на заявленную цель, согласно которой сирийское правительство должно вернуть себе всю национальную территорию, РФ знает, что некоторые части страны останутся за пределами ее и сирийского режима еще какое-то время. Тем не менее эта сложная картина по-прежнему служит интересам России, поскольку она превратилась в ключевого посредника власти по сравнению с ограниченной и уменьшающейся ролью США⁷.

Исследователь М.Н. Кац, изучая конкурирующие политические интересы России в Сирии и на Ближнем Востоке, приходит к выводам о том, что остается неясным, смогут ли силы президента САР восстановить контроль над большей частью или даже над всей сирийской территорией. Но даже если Б. Асаду не удастся восстановить контроль над страной, его оппоненты вряд ли будут серьезно угрожать выживанию его режима или отвоевывать у него территорию. Хотя это свидетельствует об успехе российской политики, ситуация в Сирии и вокруг нее остается сложной для РФ из-за того, что многие игроки преследуют там противоречивые политические цели⁸.

Заслуживает внимания работа П.К. Баева, изучавшего влияние сирийской интервенции на российскую стратегическую культуру. Исследователь приходит к выводам, что российское политическое руководство и военное командование накопили большой опыт в ходе вмешательства в

¹ Современная мировая политика : учебник / А.В. Атаев [и др.] ; под ред. Е.П. Бажанова. М., 2018. 450 с.

² Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике : пособие для магистрантов и аспирантов. М., 2018. 296 с.

³ Политические проблемы современных международных отношений : учебное пособие / В.А. Аватков [и др.] ; ответ. ред. Т.В. Каширина, К.А. Феофанов. М., 2020. 270 с. <https://doi.org/10.31085/9785392305711-2020-272>

⁴ Торкунов А.В., Наринский М.М. История международных отношений : учебник : в 3 т. М., 2018. Т. 1. 400 с. ; Т. 2. 496 с. ; Т. 3. 552 с.

⁵ Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений 1945–2017 : учебное пособие. М., 2018. 560 с.

⁶ Фененко А.В. История международных отношений: 1648–1945 : учебное пособие. М., 2018. 784 с.

⁷ Aftandilian G. Russia's Multifaceted Policy in Syria [Электронный ресурс] // Arab Center Washington DC. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/russias-multifaceted-policy-in-syria/> (дата обращения: 30.12.2021).

⁸ Katz M.N. Russia's Competing Policy Interests in Syria and the Middle East [Электронный ресурс] // Russian Matters. URL: <https://www.russiamatters.org/analysis/russias-competing-policy-interests-syria-and-middle-east> (дата обращения: 30.12.2021).

сирийскую войну и склонны считать этот эксперимент по проецированию силы успешным. Политические и военные уроки, извлеченные из этого предприятия, совершенно разные, поэтому трансформация российской стратегической культуры далеко не последовательна. Политическое руководство стремится обрести свободу маневра на международной арене, а военное командование ориентировано на создание надежных стратегических союзов¹.

В исследовании российской позиции в Сирии Б. Барабанди приходит к выводам, что, когда разразилась сирийская гражданская война, напряженность между Россией и США усилилась впервые после холодной войны, что значительно снизило шансы на успешный политический исход в Дамаске. Подход России к Сирии с годами изменился. Эти трансформации можно рассматривать как этапы выработки РФ своей принципиальной конструктивной позиции по Ближнему Востоку с учетом национальных интересов в Сирии².

Представляет определенный научный интерес справочник по внешней политике России, составленный А. Цыгановым³. Предлагаая всесторонний обзор направлений внешней политики России, автор основывает свое рассуждение на многочисленных теоретических традициях, касающихся соображений обеспечения национальной безопасности и международного признания в качестве источников внешней политики страны.

Заслуживает внимания труд А. Борщевской, утверждающей, что вмешательство России в Сирию следует рассматривать в более широком контексте. Автором исследуется общий подход России к Ближнему Востоку, отмечается, что исторически у Москвы сложились особые отношения с Дамаском, прослеживаются политические, дипломатические, военные и внутренние аспекты взаимодействия двух стран (Borshchevskaya, 2021). А. Борщевская исследует военную кампанию России, общественное мнение в России, а также тактику российской дипломатии в ООН.

В своей работе Д. Маер, М. Пипер⁴ сосредоточили внимание на изучении взаимосвязи между консолидацией режима и транснационализацией энергетики в Сирии. Интерпретация военного вмешательства РФ в САР в основном основана на рассмотрении политических мотивов России. Также анализируются экономические мотивы России для военного присутствия на Ближнем Востоке, а именно строительство многомиллиардного газопровода через Иран, Ирак и Сирию. Сообщается, что российское вмешательство в сирийский конфликт обусловлено необходимостью обеспечения безопасности участков, имеющих стратегическое значение для указанного трубопровода. Кроме того, реализуются долгосрочные политические и коммерческие интересы России, касающиеся будущих трубопроводных проектов. Факты свидетельствуют о том, что российская военная политика в отношении Сирии вряд ли будет мотивирована в первую очередь перспективой строительства газопровода, но такая ориентация режима является более непосредственной политической целью. Автором статьи также утверждается, что российское вмешательство имеет отчетливую «двойную логику», направленную на интеграцию интересов ключевых региональных игроков в транснациональную энергетическую сеть при одновременной стабилизации регионального доминирования России в ней.

Изучая сирийско-российские глобальные и военные стратегии, М. Мирон, Р.В. Торнтон утверждают, что западные источники, при всем разнообразии подходов и представленных данных, должны оценивать сирийский конфликт также и через призму мнения российской стороны. Исследуется, как именно применялась российская «стратегия ограниченных действий» и почему РФ теперь провозглашена единственной истинной «победительницей» во всей сирийской неразберихе (Miron, Thornton, 2021).

Заслуживает внимания диссертационное исследование Мохаммада Ибрахима Назира⁵ посвященное военно-политическим отношениям РФ и САР в 2000–2012 гг. В своей работе он провел комплексный анализ военно-политических отношений Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики, укрепляющих оборонное могущество последней, основанное на российском присутствии в Ближневосточном регионе и военно-политическом двустороннем сотрудничестве.

3. *Труды, посвященные истории и современному состоянию региона Ближнего Востока, а также связанным с ним социальным и политическим проблемам.* В свете нашего исследования интересен труд К. Филиппса, утверждающего, что жестокая и продолжительная гражданская

¹ Baev P.K. The Impacts of the Syrian Intervention on Russian Strategic Cultur [Электронный ресурс] // Marshall Center. URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/impacts-syrian-intervention-russian-strategic-culture-0> (дата обращения: 30.12.2021).

² Barabandi B. Understanding the Russian Position in Syria [Электронный ресурс] // New Lines Institute. URL: <https://newlinesinstitute.org/russia/understanding-the-russian-position-in-syria-2/> (дата обращения: 30.12.2021).

³ Tsyganov A. Routledge Handbook of Russian Foreign Policy. Philadelphia, 2018. 456 p.

⁴ Maher D., Pieper M. Russian Intervention in Syria: Exploring the Nexus between Regime Consolidation and Energy Transnationalisation [Электронный ресурс] // Political Studies Association. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0032321720934637> (дата обращения: 30.12.2021).

⁵ Назир М.И. Военно-политические отношения Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики в 2000–2012 гг.: историческое исследование : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 244 с.

война в Сирии – результат внутреннего противостояния, которое началось в 2011 году, а иностранные государства оказались вовлеченными в него вторично (Philips, 2020). В своей книге Кристофер Филлипс показывает решающую роль, которую с самого начала сыграли Соединенные Штаты, Россия, Иран, Саудовская Аравия, Турция и Катар в войне в Сирии. Он анализирует международное влияние на трагический конфликт и освещает стратегию Запада, направленную против ИГИЛ¹, потерю авторитета США в регионе и многое другое (Philips, 2020).

С.М. Абрамов и С.А. Акулов в своей статье приходят к выводу, что во второй половине XX века Голанские высоты стали объективным фактором возникновения неразрешимых противоречий в сирийско-израильском конфликте (Абрамов, Акулов, 2021). Отмечается, что сочетание необходимости урегулирования арабо-израильского конфликта и одновременно территориального противостояния с Сирией создавало дополнительные препятствия для обеспечения безопасности в ближневосточном регионе.

Имеет также значение работа А. Мунира², который приходит к выводам, что в результате потери контроля режимом Б. Асада над территорией южной Сирии она превратилась в дикий пограничный регион, бросающий вызов безопасности Израилю и Ближневосточному региону.

Заслуживает внимания труд Г. Хету в котором исследуются глобальные последствия сирийского конфликта и роль России, Ирана и США в его возникновении. Автор внимательно изучает истоки политических беспорядков в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (MENA), анализируя растущее влияние России и Ирана на этих территориях в военном, экономическом и дипломатическом плане в ущерб обороноспособности и национальным интересам США (Hetou, 2019).

4. *Работы, посвященные военно-политическим процессам XX–XXI вв. в Ближневосточном регионе.* Франко-сирийский политик Р. Кассис³ в своем эссе предоставила западному читателю панораму геополитической ситуации в крупных странах этого стратегического региона через шесть лет после начала так называемых восстаний арабской весны, которая быстро превратилась в «исламистскую зиму» с прорывом радикального суннитского исламизма – как в его мягкой версии, воплощенной в победе «Братьев-мусульман» на нескольких демократических выборах, так и в апокалиптическом терроризме (Kassis, 2018).

Российский ученый С.Г. Мелконян посвятил свое исследование⁴ внешней политике Израиля в отношении САР, сформулировал понимание стратегических императивов, которые могут оказать позитивное влияние на реализацию российской ближневосточной стратегии. Исследователь приходит к выводу, что в процессе развития вооруженного конфликта в Сирии территория арабской республики постепенно превратилась в арену противостояния региональных и глобальных игроков. Исключением не стала и Россия, которая находится в авангарде борьбы с международным терроризмом⁵.

В работах израильских исследователей раскрываются различные аспекты рассматриваемой проблемы. Прежде всего, ими описываются факты, определяющие контуры политического будущего Сирии, а также определяющие географию надвигающегося столкновения между Израилем, «Хезболлой» и другими союзными Ирану боевиками⁶. Некоторые из аналитиков предположили, что грядущее поражение ИГИЛ⁷ и повстанческих сил в Сирии положит конец семилетнему конфликту, но все зависит от позиции Ирана, Израиля, Турции, России и Соединенных Штатов⁸.

Заслуживает внимания работа Н. Граевского⁹, в которой раскрывается эволюция российско-иранского сотрудничества в Сирии. Автор характеризует регулярные военно-политические обмены,

¹ ИГИЛ (Исламское государство) – запрещенная организация в РФ.

² Munir A. Strategic opportunities arising in border regions – Syria as a test case [Электронный ресурс] // Israel Defense Forces. URL: <https://www.idf.il/אתרים/מרכז-ידדו / גליון-1/לאור/הזמניות-אסטרטגיות-בעת-התהוות-אזורי-ספר-> (дата обращения: 24.12.2021).

³ Ранда Кассис – сопредседатель сирийской светской и демократической оппозиционной делегации на Женевских переговорах, один из инициаторов Астанинской платформы, разработчик проекта конституции, призванного организовать новые межобщинные властные отношения и форму будущего режима на основе взаимных гарантий.

⁴ Мелконян С.Г. Политика государства Израиль в отношении Сирийской Арабской Республики (2009–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 190 с.

⁵ Мелконян С. Война в Сирии и российско-израильские отношения [Электронный ресурс] // Новый оборонный заказ. URL: <https://dfnc.ru/ekspertnoe-mnenie/vojna-v-sirii-i-rossijsko-izraelskie-otnosheniya/> (дата обращения: 24.12.2021).

⁶ Israel, Hizbollah and Iran: Preventing Another War in Syria [Электронный ресурс] // International Crisis Group. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/eastern-mediterranean/syria/182-israel-hizbollah-and-iran-preventing-another-war-syria> (дата обращения: 23.12.2021).

⁷ ИГИЛ – запрещенная организация в РФ.

⁸ Syria's War Has Never Been More International [Электронный ресурс] // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/02/syria-civil-war-next/ 553232/> (дата обращения: 23.12.2021).

⁹ Grajewski N. The Evolution of Russian and Iranian Cooperation in Syria [Электронный ресурс] // Center for strategic & international studies (CSIS). URL: <https://www.csis.org/analysis/evolution-russian-and-iranian-cooperation-syria> (дата обращения: 24.05.2022).

которые укрепляли отношения между Россией и Ираном на протяжении всей сирийской гражданской войны, способствуя большей согласованности действий между Москвой и Тегераном в отношении границ и параметров сотрудничества. В связи с изменением военной динамики в Сирии Россия, Иран и Турция возглавили Астанинский процесс. Однако дипломатические и военные успехи Москвы вовлекли ее в более широкий региональный конфликт между США, Израилем и Ираном.

Представляет научный интерес монография А. Эрдемир, С. Сидди, Дж. Харди, в которой исследователи приходят к выводам, что уход Анкары с Запада отражает фундаментальный сдвиг во внешней политике Турции (Erdemir et al., 2021). И хотя Р. Эрдоган не стремится выйти из НАТО, он пытается балансировать между Востоком и Западом, что делает маловероятным сохранение Турцией своей прежней роли стойкого союзника трансатлантического государства. Внешняя политика как Москвы, так и Анкары имеет глубокие внутренние корни, и Вашингтону потребуются разработать скоординированную стратегию, чтобы справиться с последствиями турецко-российского согласия.

В своей работе М. Питерс утверждает, что жестокость сирийского лидера Б. Асада и беспрецедентная угроза, исходящая от Исламского государства Ирака и Сирии¹, разделили международное сообщество по поводу того, как разрешать сирийскую гражданскую войну². Интересы России и Запада в САР во многом несовместимы. Российские национальные внешнеполитические стратегии привели к стойкой поддержке режима Б. Асада, в то время как Запад способствовал отстранению сирийского президента от власти.

Особое место в ряду других занимает диссертационное исследование А.А. Черных, посвященное эволюции позиции России по кризису в арабских странах (2010–2015 гг.), который приводит к выводам, что на момент начала «арабской весны» этот регион находился на периферии внимания российского руководства³. Соответственно, политика РФ на Ближнем Востоке и в Северной Африке не в полной мере учитывала значимые общенациональные интересы российского государства. Причиной пересмотра данной политической линии стали события в Ливии, когда пассивная роль РФ и фактическая передача инициативы странам Запада привели к свержению режима М. Каддафи. Это было воспринято российским руководством как доказательство агрессивности Запада, нарушение принципа суверенитета и привело к финансовым потерям российского бизнеса. Впоследствии в отношении Сирии, где протесты стали перерастать во внутреннюю войну, позиция РФ изменилась.

5. *Труды, исследующие российскую военную помощь САР.* Английский исследователь Тим Рипли, используя различные источники (спутниковые изображения российских позиций в Сирии, наблюдение в режиме реального времени за передвижениями российских, сирийских, иранских самолетов и кораблей) дает беспрецедентное представление о самой амбициозной военной российской кампании (Ripley, 2018). Автор приходит к выводам о вступлении войны в свою заключительную фазу, благодаря российской военной помощи, позволившей переломить ситуацию в пользу правительства Башара Асада в Дамаске.

Английский исследователь Т. Купер утверждает, что для многих действия российских военных в этой войне были явной демонстрацией передовых технологий, улучшенной подготовки, внушающей страх огневой мощи и большой мобильности (Cooper, 2018). Работа предоставляет уникальное и глубокое исследование политических целей, стратегии, доктрины, процесса выбора цели, российской военной технологии и тактики, повседневных операций и способов сотрудничества РФ с различными местными союзниками.

Американский автор А.Х. Амин в своем исследовании приходит к выводам, что сирийское повстанческое движение поддерживается доверенными лицами четырех государств – США, Турции, Иордании и Саудовской Аравии. Автор разделяет точку зрения американского генерала Бридли о том, что российские средства радиоэлектронной борьбы победили подконтрольные силы четырех государств в Сирии, парализовав разведывательные центры, работа которых была основана на использовании спутников ДРЛО «Боинг» и американских аппаратов Onyx Lacrosse (Amin, 2015).

Французский военный и историк М. Гойя⁴ утверждает, что после пяти лет активных действий стало ясно, что военное вмешательство России в Сирию было успешным, поскольку позволило добиться значительного прогресса в направлении поставленных политических задач. Этот успех, достигнутый с ограниченными ресурсами, обусловлен несколькими оперативными и тактическими факторами, которые проанализированы в его работе (Goya, 2019).

¹ ИГИЛ – запрещенная организация в РФ.

² Peters M. The Tug of War for Syria: Can the West and Russia Cooperate on Syria? [Электронный ресурс] // CGSRS. URL: <http://cgsrs.org/publications/24> (дата обращения: 30.12.2021).

³ Черных А.А. Эволюция позиции России по кризису в арабских странах. 2010–2015 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 24 с.

⁴ Мишель Гойя родился 19 апреля 1962 года в Монто, французский военный и историк. Он был полковником военно-морских войск, затем – преподавателем и писателем, специализирующимся на военной истории и анализе конфликтов.

Исследуя российскую гуманитарную интервенцию в Сирии, американские исследователи М. Сосновски, П. Хэстингс отмечают, что военное вмешательство России в сирийскую гражданскую войну привело к тому, что в конфликте основная роль перешла от оппозиции к сирийскому правительству. В последние несколько лет Россия реализует контроль над ситуацией в Сирии через гуманитарные институты¹.

Ученый из итальянского института международных политических исследований Э. Дрейфус приходит к выводам, что военная политика – важнейший инструмент реализации российской стратегии в отношении Сирии, а военное вмешательство РФ в САР в 2015 году знаменует собой поворотный момент, который продемонстрировал миру наращивание российской военной мощи².

Р.Е. Хамилтон, К. Миллер, А. Штейн, изучая российскую войну в Сирии, проводя оценку военного потенциала, исследуют различные роли, которые Россия и ее вооруженные силы сыграли в сирийской гражданской войне и борьбе с Исламским государством (Hamilton, ..., et al., 2021).

В монографии сотрудника французского института международных отношений Д. Адамского исследуется сирийская кампания России и делается попытка ответить на следующие вопросы: как проявилось российское стратегическое искусство, как РФ разработала кампанию, а затем оценила ее операционные результаты, исходя из собственных целей, какие уроки усвоило российское стратегическое сообщество, какие выводы могут повлиять на стратегическое поведение России в будущем, какие стратегические тенденции более вероятны, чем другие (Adamsky, 2018).

В монографии С.В. Воробьева, О.В. Матвеева, М.Е. Родионовой, А.Н. Рыбалкина, посвященной российской помощи Сирийской Арабской Республике в урегулировании внутрисирийского конфликта (2012–2018 гг.), представлены методологические аспекты научного анализа сирийского вектора в российской ближневосточной политике в указанный период. С этой целью проведено системное исследование содержания российской помощи САР в урегулировании внутрисирийского конфликта, выявлены основные фазы противостояния, вскрыты причины и факторы российско-сирийских отношений, определены основные направления и особенности российской политической, военной и гуманитарной поддержки САР (Российская помощь Сирийской Арабской Республике в урегулировании внутрисирийского конфликта (2012–2018 гг.). Часть I ..., 2021).

Изучение степени разработанности проблемы в историографии, посвященной периоду 2012–2018 гг., показало, что большинство специализированных трудов подвергают научному анализу:

- военно-политический кризис на Ближнем Востоке и военные конфликты в этом регионе;
- геополитические и геостратегические факторы, выступающие основой для процессов, происходящих на этой территории;
- национальные интересы как сопредельных государств, так и стран западно-атлантического альянса по отношению к кризисной ситуации в Сирии;
- практики экономического, военного и технологического российско-сирийского сотрудничества, а также других государств.

В настоящее время в стадии развития находятся отдельные отраслевые направления наук (политические, экономические, социологические, военные), способствующие объективному раскрытию интересующей нас темы. Обзор научной историографической базы по избранной теме позволяет сделать вывод, что российская историческая наука сегодня недостаточно внимания уделяет направлению, касающемуся истории международных отношений и внешней политики. Чрезвычайно мало издано исследовательских работ, отражающих научное познание практики реализации целей и задач сирийского вектора внешнеполитической деятельности РФ на ближневосточном направлении.

Все вышеуказанное дает основание утверждать, что дальнейшее исследование проблематики сирийского вектора российской внешней политики на Ближнем Востоке в 2012–2018 годы востребовано и актуально.

Список источников:

- Абрамов С.М., Акулов С.А. Сирийско-израильский конфликт: непройденный маршрут // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13, № 3. С. 79–94. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2021-13-3-79-94>
- Мировая политика в фокусе современности / ответ. ред. М.А. Неймарк. М., 2018. 514 с.

¹ Sosnowski M., Hastings P. Exploring Russia's Humanitarian Intervention in Syria [Электронный ресурс] // Washington Institute. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/exploring-russias-humanitarian-intervention-syria> (дата обращения: 30.12.2021).

² Dreyfus E. Military Police: A Crucial Tool in Russia's Syria Policy [Электронный ресурс] // Italian Institute for International political studies. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/military-police-crucial-tool-russias-syria-policy-32097> (дата обращения: 30.12.2021).

- Российская помощь Сирийской Арабской Республике в урегулировании внутрисирийского конфликта (2012–2018 гг.). Часть I / С.В. Воробьев [и др.]. М., 2021. 232 с.
- Adamsky D. Moscow's Syria Campaign: Russian Lessons for the Art of Strategy. P., 2018. 36 p.
- Amin A.H. Electronic Warfare – How Russia Broke the Back of Four State Proxies in Syria. Washington, 2015. 28 p.
- Borshchevskaya A. Putin's War in Syria: Russian Foreign Policy and the Price of America's Absence. N. Y., 2021. 256 p.
- Cooper T. Moscow's Game of Poker: Russian Military Intervention in Syria, 2015–2017. L., 2018. 80 p.
- Erdemir A., Ciddi S., Hardie J. Collusion or Collision? Turkey – Russia Relations Under Erdogan and Putin. Washington, 2021. 60 p.
- Geukjian O. The Russian Military Intervention in Syria. Montreal, 2022. 312 p.
- Goya M. Etoile Rouge: Enseignements Opérationnels de Cinq ans D'engagement Russe en Syrie. P., 2019. 50 p. (на фр. яз.)
- Hamilton R.E., Miller C., Stein A. Russia's War in Syria: Assessing Russian Military Capabilities and Lessons Learned. Philadelphia, 2021. 186 p.
- Hetou G. The Syrian Conflict. The Role of Russia, Iran and the US in a Global Crisis. Philadelphia, 2019. 174 p.
- Kassis R. La Syrie et le Retour de la Russie. Geneva, 2018. 310 p. (на фр. яз.)
- Lovotti C., Ambrosetti E.T., Hartwell C., Chmielewska A. Russia in the Middle East and North Africa: Continuity and Change (Europa Regional Perspectives). Philadelphia, 2020. 188 p.
- Miron M., Thornton R. Emerging as the 'Victor'(?): Syria and Russia's Grand and Military Strategies // The Journal of Slavic Military Studies. 2021. Vol. 34, iss. 1. P. 1–23. <https://doi.org/10.1080/13518046.2021.1923991>
- Philips C. The Battle for Syria. International Rivalry in the New Middle East. New Haven, 2020. 384 p.
- Radin A., Reach C. Russian Views of the International Order. Santa Monica, 2017. 124 p.
- Ripley T. Operation Aleppo. Russia's War in Syria. Lancaster, 2018. 216 p.
- Tarek N. The Russian Foreign Policy Towards Syria after the Arab Spring // Open Access Library Journal. 2021. Vol. 8, iss. 10. P.1–32. <https://doi.org/10.4236/oalib.1107976>

References:

- Abramov S. M. & Akulov S. A. (2021) Syrian-Israeli Conflict: Route not Traveled. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'*. 13 (3), 79–94. Available from: [doi:10.17748/2075-9908-2021-13-3-79-94](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2021-13-3-79-94) (in Russian).
- Adamsky, D. (2018) *Moscow's Syria Campaign: Russian Lessons for the Art of Strategy*. Paris. 36 p.
- Amin, A. H. (2015) *Electronic Warfare – How Russia Broke the Back of Four State Proxies in Syria*. Washington. 28 p.
- Borshchevskaya, A. (2021) *Putin's War in Syria: Russian Foreign Policy and the Price of America's Absence*. New York. 256 p.
- Cooper, T. (2018) *Moscow's Game of Poker: Russian Military Intervention in Syria, 2015–2017*. London. 80 p.
- Erdemir, A., Ciddi, S. & Hardie, J. *Collusion or Collision? Turkey – Russia Relations Under Erdogan and Putin*. Washington. 60 p.
- Geukjian, O. (2022) *The Russian Military Intervention in Syria*. Montreal. 312 p.
- Goya, M. (2019) *Etoile Rouge: Enseignements Opérationnels de Cinq ans D'engagement Russe en Syrie*. Paris. 50 p. (in French).
- Hamilton, R. E., Miller, C. & Stein, A. (2021) *Russia's War in Syria: Assessing Russian Military Capabilities and Lessons Learned*. Philadelphia. 186 p.
- Hetou, G. (2019) *The Syrian Conflict. The Role of Russia, Iran and the US in a Global Crisis*. Philadelphia. 174 p.
- Kassis, R. (2018) *La Syrie et le Retour de la Russie*. Geneva. 310 p. (in French).
- Lovotti, C., Ambrosetti, E.T., Hartwell, C. & Chmielewska, A. (2020) *Russia in the Middle East and North Africa: Continuity and Change (Europa Regional Perspectives)*. Philadelphia. 188 p.
- Miron, M. & Thornton, R. (2021) Emerging as the 'Victor'(?): Syria and Russia's Grand and Military Strategies. *The Journal of Slavic Military Studies*. 34 (1), 1–23. Available from: [doi:10.1080/13518046.2021.1923991](https://doi.org/10.1080/13518046.2021.1923991)
- Neimark, M. A. (ed.) (2018) *Mirovaya politika v fokuse sovremennosti [World Politics in the Focus of Modernity]*. Moscow. 514 p. (in Russian).
- Philips, C. (2020) *The Battle for Syria. International Rivalry in the New Middle East*. New Haven. 384 p.
- Radin, A. & Reach, C. (2017) *Russian Views of the International Order*. Santa Monica. 124 p.
- Ripley, T. (2018) *Operation Aleppo. Russia's War in Syria*. Lancaster. 216 p.
- Tarek, N. (2021) The Russian Foreign Policy Towards Syria after the Arab Spring. *Open Access Library Journal*. 8 (10), 1–32. Available from: <https://doi.org/10.4236/oalib.1107976>
- Vorob'ev, S. V., Matveev, O. V., Rodionova, M. E. & Rybalkin, A. N. (2021) *Rossiiskaya pomoshch' Siriiskoi Arabskoi Respublike v uregulirovani vnutrisiriiskogo konflikta (2012–2018 gg.). Chast' I [Russian Assistance to the Syrian Arab Republic in the Settlement of the Intra-Syrian Conflict (2012–2018). Part I]*. Moscow. 232 p. (in Russian).

Информация об авторе

А.Н. Рыбалкин – соискатель кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1127448.

Information about the author

A.N. Rybalkin – postgraduate of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1127448.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 175–181.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 175–181.

Научная статья
УДК 94(47).084.6
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.30>

За кем придут корабли? Узник колымских лагерей Валерий Синяков

Андрей Валерьевич Сушков

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия, suschkow@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается судьба узника колымских лагерей Валерия Синякова, приговорённого в 1941 году к расстрелу по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР за «контрреволюционный саботаж». В 1990-е годы Валерий Синяков был реабилитирован и включён в магаданскую книгу памяти «За нами придут корабли...». Как свидетельствуют доступные архивные документы, в середине 1930-х годов В.А. Синяков являлся главарём преступной группировки, был дважды судим за кражи и бандитизм, причастен к убийствам и причинению тяжких телесных повреждений. По мнению автора статьи, обоснованность его реабилитации по судимости 1941 года требует дополнительной проверки и изучения. Однако детально рассмотреть обстоятельства осуждения и реабилитации В.А. Синякова не представляется возможным ввиду ограниченного доступа к соответствующим архивным документам. В статье делается вывод о том, что недоступность для исследователей огромных массивов документов негативно отражается на освещении советского прошлого, создаёт условия для намеренного искажения исторической действительности в угоду самым различным интересам и концепциям.

Ключевые слова: Нижний Тагил, Магадан, Магаданская область, Уралвагонзавод, школы фабрично-заводского ученичества, уголовные преступления, политические репрессии, реабилитация жертв политических репрессий, прокуратура Магаданской области, информационный центр УМВД России по Магаданской области

Для цитирования: Сушков А.В. За кем придут корабли? Узник колымских лагерей Валерий Синяков // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 175–181. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.30>.

Original article

Who will the Ships Come for? Prisoner of the Kolyma camps Valery Sinyakov

Andrey V. Sushkov

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia, suschkow@mail.ru

Abstract. The article examines the fate of Valery Sinyakov, a prisoner of the Kolyma camps who was sentenced in 1941 to death under Article 58 of the RSFSR Criminal Code for “counter-revolutionary sabotage”. In the 1990s, Valery Sinyakov was rehabilitated and included in the Magadan book of memory “Ships will come for us ...”. According to available archival documents, in the mid-1930s V.A. Sinyakov was the leader of a criminal group, was twice convicted of theft and banditry, and was involved in murder and infliction of grievous bodily harm. According to the author of the article, the validity of his rehabilitation on the basis of his 1941 criminal record requires additional verification and examination. The circumstances of V.A. Sinyakov’s conviction and rehabilitation cannot, however, be examined in detail due to limited access to the relevant archival documents. The article concludes that the inaccessibility of huge arrays of documents for researchers negatively affects the coverage of the Soviet past, creates conditions for deliberate distortion of historical reality in favor of a variety of interests and concepts.

Keywords: Nizhny Tagil, Magadan, Magadan Oblast, Uralvagonzavod, factory apprenticeship school, criminal offences, political repression, rehabilitation of the victims of political repression, Magadan Oblast Prosecutor’s Office, Information Centre of the Russian Ministry of Internal Affairs for Magadan Oblast

For citation: Sushkov, A.V. (2022) Who will the Ships Come for? Prisoner of the Kolyma Camps Valery Sinyakov. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 175–181. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.30](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.30) (In Russian).

Политические репрессии 1930-х гг. остаются одной из самых острых дискуссионных тем в российском обществе. Об этом можно судить хотя бы по тому накалу страстей, когда в центре общественного внимания по какой-либо причине появляется фигура И. Сталина. Вступая в ожесточённую полемику, противоборствующие стороны пускают в бой «тяжёлую артиллерию» –

цифры, обозначающие количество жертв массовых репрессий. Оппонентами приводятся различные количественные показатели, заимствованные из многочисленных источников: это и результаты подсчётов историков-специалистов, и мнения писателей и публицистов, а также сведения из баз данных общественных организаций. За лавиной всевозможных цифр перестают различаться отдельные человеческие судьбы...

Третьего февраля 1942 года пуля оборвала жизнь двадцатичетырёхлетнего узника колымских лагерей Валерия Синякова. Несколькими месяцами ранее Военный трибунал войск НКВД по Дальстрою приговорил его к расстрелу по печально знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР.

Полвека спустя, в 1995 году, прокуратура Магаданской области пересмотрела уголовное дело В.А. Синякова, и в соответствии с принятым 18 октября 1991 года Законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» он был реабилитирован¹. Скупые биографические данные о незаконно репрессированном были размещены в книге «За нами придут корабли...», увидевшей свет в Магадане в 1999 году². Книга содержит краткие сведения о почти восьми тысячах узников колымских лагерей, смертные приговоры в отношении которых были приведены в исполнение на территории Магаданской области. Все эти узники, как и Валерий Синяков, были реабилитированы³.

С 2011 года у подножия монумента Маска Скорби в Магадане – мемориала жертвам политических репрессий – звучат имена из мартиролога «За нами придут корабли...». «Сегодня очень актуально, чтобы они продолжали жить в памяти и настоящих, и грядущих поколений, потому что это наш долг, наша обязанность перед теми, кто строил колымскую трассу, возводил посёлки, создавал всё то, чем мы пользуемся сейчас, – говорилось на акции «Забвению не подлежат», состоявшейся в Магадане 29 октября 2021 года. – С 2011 года люди разных профессий, из разных общественных организаций, люди, имеющие непосредственное отношение к репрессиям, то есть это или дети, рождённые в лагерях, или потомки тех, кто невинно отсидел или погиб в лагере, участвуют в этой акции. Механизм памяти не может и не должен останавливаться. Поэтому мы продолжаем эту акцию. Этот мартиролог – призыв: “Пусть приходят к нашим берегам корабли памяти”»⁴.

Что известно о тех людях, чьи фамилии звучат на памятных мероприятиях в Магадане? Кроме их дат рождения, ареста, расстрела и реабилитации – тех сведений, которые приведены в мартирологе «За нами придут корабли...»? Ведь очевидно, что за скупыми биографическими сведениями, обнародованными в книге, стоят непростые судьбы.

В сборнике «За нами придут корабли...» сообщается, что уроженец Новосибирской области Валерий Андреевич Синяков был арестован в 1936 году, и лишь в 1941-м был осуждён по 58-й статье и приговорён к расстрелу⁵. Из чего можно сделать вывод, что долгие пять лет он провёл в застенках НКВД под следствием. Однако анализ архивных документов показывает, что это далеко не так. Синяков действительно был арестован органами НКВД в 1936 году, но уже в следующем 1937-м над ним состоялся суд, который не упоминается в сборнике по одной простой причине: отнюдь не за «контрреволюционные преступления» Синяков отправился на Колыму...

Осенью 1934 года шестнадцатилетний Валерий Синяков стал одним из учеников школы ФЗУ при Уралвагонзаводе – школы, призванной готовить профессиональные рабочие кадры для возводившегося в Нижнем Тагиле гиганта отечественного машиностроения. Контингент учащихся школы на 80 % состоял из воспитанников детских домов Свердловской области, включая бывших беспризорников. Учащиеся проживали в общежитии, были обеспечены постельным бельём, питанием в столовой. При школе был организован клуб, в котором устраивались киносеансы⁶.

Среди учащихся выделилась небольшая группа отличников и хорошистов – Мальцев, Муляк, Полупанов, Ситник и другие. Их неформальным лидером стал Иван Мальцев, который учился на «хорошо» и «отлично». В школе Мальцев зарекомендовал себя активным общественником и даже талантливым художником, чьи работы украсили клуб школы⁷.

Валерий Синяков тоже стал одним из неформальных лидеров в школе. На пару с ещё одним бывшим беспризорником Алексеем Меньшиковым он возглавил другую группу, которая

¹ Архивная справка информационного центра УМВД России по Магаданской области от 02.02.2022 № 3/222700490336 // Личный архив автора.

² За нами придут корабли... : список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан, 1999. 215 с.

³ Там же.

⁴ Забвению не подлежат // Вечерний Магадан. 2021. 4 ноября.

⁵ За нами придут корабли... : список реабилитированных лиц... С. 181.

⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 236. Оп. 2. Д. 527. Л. 184, 188.

⁷ Там же. Л. 184.

начала устанавливать в школе свои порядки. Учёба их совершенно не интересовала, и потому они организованно сбежали с занятий, хулиганили. В общежитиях распивали алкоголь, играли в карты, мешали другим спокойно учиться и отдыхать. Со временем члены группы начали промышлять кражами. Похищали вещи, чемоданы других учащихся, однажды украли дорогостоящую посылку прямо из почтовой машины. Некоторые стали специализироваться на карманных кражах. Среди прочего подделывали талоны для питания в столовой¹.

В конечном счёте Синякову и Меньшикову удалось сколотить банду, состоявшую из трёх десятков учащихся. На пути к абсолютному доминированию в школе они натолкнулись на Мальцева и его товарищей. Мальцев отказался вступить в их банду, за что уже осенью 1934 года был избит группой из пяти человек, использовавших в «воспитательных целях» железную лопату. Но даже это не помогло переубедить упрямого отличника².

Поначалу хорошо успевающим учащимся из противостоящей группировки начали присваивать разные обидные прозвища, подвергать насмешкам. Затем перешли к угрозам, запугиванию и обворовыванию. Мальцев и его единомышленники в свою очередь отмалчиваться не стали и поставили в известность руководство школы о действиях членов банды. Последних по очереди начали исключать из школы за неуспеваемость, непосещение и хулиганство³.

В 1935 году несколько членов группировки Синякова – Меньшикова были осуждены по 162-й статье Уголовного кодекса за кражи. На скамье подсудимых оказался и сам её главарь – Валерий Синяков, который был приговорён к одному году лишения свободы. Аналогичное наказание получил член шайки Никифор Болбат. А Михаил Радченко поначалу, в феврале 1935-го, был осуждён к полугоду исправительно-трудовых работ, но уже в апреле того же года вновь за кражи тройка НКВД приговорила его к году лишения свободы⁴.

Переезд в места лишения свободы нескольких наиболее активных членов шайки предоставил небольшую передышку другим учащимся школы. Однако по отбытии наказания бывшие осуждённые вернулись в Нижний Тагил (судя по документам, некоторые были освобождены досрочно) и принялись жестоко мстить.

Главной их целью становится лидер противоположного лагеря Иван Мальцев. Осенью 1935 года он выступил против нескольких хулиганов на так называемом товарищеском суде. В отместку Синяков, Меньшиков и Мигутин явились в общежитие и на постели Мальцева разложили разбитые стаканы, поставив их острыми краями кверху. Разбитое стекло прикрыли простынёй. Однако их замысел не удался – друзья предупредили Мальцева об уготованной ему западне⁵.

Дополнительным раздражающим фактором для группировки Синякова – Меньшикова стало то обстоятельство, что Мальцев и его окружение начали хорошо зарабатывать на производстве. Сам Иван начинал с месячного заработка в 82 рубля, но с повышением квалификации мастера-электромонтёра и к тому же за перевыполнение нормы он стал получать до 600 рублей. К Первомайским праздникам 1936 года Мальцев обзавёлся новым костюмом, рубашкой, джемпером и сапогами. Но радость его была недолгой. Члены банды похитили эти вещи из общежития. А ещё спустя несколько дней Синяков, Меньшиков и Мусин попытались избить Мальцева, однако тому удалось скрыться от преследователей. Накопившуюся злобу троице удалось выместить лишь на товарище Мальцева – тоже ученике школы ФЗУ Скоробогаче⁶.

Обстановка всё более накалялась. Члены группировки Синякова – Меньшикова, несмотря на исключение из школы ФЗУ, имели свободный доступ к школе, общежитию и клубу. Встречая там Мальцева и его товарищей, они открыто угрожали им расправой: «Если вы про нас будете что говорить, мы вас изрежем», «Погодите, мы придём к вам и вас перебьём». Это были не пустые слова: нескольких учеников из «мальцевской группы» они избили, причём некоторым были причинены тяжёлые травмы. В июне 1936 года членам группировки удалось подстеречь и избить Ивана Мальцева. При этом ему также угрожали: «Если ты, Мальцев, ещё будешь что-нибудь говорить про нас, то мы тебя изрежем»⁷.

Невзирая на реальные угрозы, Мальцев и его товарищи обращались к начальнику школы Николаеву, массовику школы, проформу и помполиту (по всей видимости, имеется в виду помощник начальника школы по политической части). Тем не менее никаких мер реагирования принято не было. Хотя все знали, кто украл вещи Мальцева в общежитии и кто устраивает драки. Было также известно, что главари и некоторые члены банды нигде не работают, что главный источник

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 527. Л. 184–185, 188, 191.

² Там же. Л. 184.

³ Там же. Л. 184, 188–189, 191.

⁴ Там же. Л. 191.

⁵ Там же. Л. 184, 188.

⁶ Там же. Л. 184–185, 188–189.

⁷ Там же. Л. 185, 189, 191.

их доходов – кражи. По подозрению в воровстве их неоднократно доставляли в милицию¹. Несмотря на большие «успехи» группировки Синякова – Меньшикова в дезорганизации учебного процесса в школе ФЗУ, нет никаких сведений о том, чтобы руководство строительства и дирекция Уралвагонзавода, партком, комсомольская организация прилагали какие-либо усилия по нейтрализации бандитской группировки. Если школьное руководство наглые и агрессивные члены банды могли либо запугать, либо подкупить, то объяснить самоустранение заводского хозяйственного, партийного и комсомольского начальства от проблем в подведомственной им школе ФЗУ очень сложно. Ведь в их руках было достаточно властных полномочий, чтобы вмешаться в сложившуюся ситуацию и навести необходимый порядок.

Развязка наступила 18 сентября 1936 года. В этот день Валерий Синяков, Алексей Меньшиков и Михаил Радченко повстречали в городе Ивана Мальцева и его приятелей – Корнея Полупанова, Павла Муляка и Василия Малычева. Принялись угрожать им, попытались спровоцировать драку, для чего Синяков ударил Мальцева по лицу, повредив ему глаз. «Отличников» предупредили: «Мы сегодня ночью придём к вам и вас перебьём»².

По возвращении на Вагонстрой Синяков, Меньшиков и Радченко собрали группу из двух десятков человек. Вооружённая ножами, железными прутьями и металлическими болтами банда направилась к школе ФЗУ. Расположились в здании клуба. Туда же решили заманить своего главного врага – Ивана Мальцева. С этой целью Алексей Меньшиков направился в общежитие, нашёл там Мальцева и вызвал его на улицу. Последний сделал вид, что подчинился. Однако, зайдя вместе с Меньшиковым в клуб, он сумел сбежать от недоброжелателей и спрятаться в одном из общежитий. Дальнейшие события показали, какая участь его ожидала, не сумей он вовремя скрыться.

Серьёзный прокол с Мальцевым не разрушил планы банды. В это время к клубу на киносеанс стали подходить учащиеся. На свою беду пришли и приятели Мальцева. Они-то и стали основной целью банды. Уже во время просмотра кинокартины Меньшиков с улицы принёс в кинозал «железину» (так в документе), и спрятал её за печь. В перерыве к учащемуся школы, отличнику, приятелю Мальцева Павлу Ситнику подошёл Валерий Синяков, ткнул его в грудь и вывел из зала «на разговор». В фойе клуба члены банды набросились на Ситника. Валерий Синяков нанёс ему удары ножом по лицу и правой руке. Другой член банды Иван Хороших начал бить жертву металлическим болтом по голове и спине. На помощь Ситнику прибежали другие ученики. Завязалась драка, в ходе которой Синяков орудовал ножом. Другие члены банды – Радченко, Болбат, Перминов и Меньшиков – также пустили в ход ножи, металлические болты и прутья. Когда тяжело раненый Ситник сумел вырваться и выбежать из клуба, за ним бросилась вся банда. На счастье Ситника, бандиты переключились на других учащихся, которых они повстречали на улице.

Тем временем в клубе продолжался киносеанс. Валерий Синяков вернулся в зал. Пользуясь темнотой, сзади он подкрался к ещё одному приятелю ненавистного Мальцева, отличнику Павлу Муляку. Синяков воткнул ему нож в спину и убежал. Павел Муляк был доставлен в больницу, однако полученное ранение оказалось для него смертельным.

Синяков присоединился к остальным членам банды, которые продолжали охоту на «отличников». Увидев одного из них – Корнея Полупанова, группа из десяти человек, включая Синякова, Меньшикова, Мигутина, Болбата и других, накинулась на него, нанося удары ножами и железными прутьями. Раненый Полупанов сумел вырваться и забежать в барак, уже там упал без сознания. Службой скорой помощи он был доставлен в больницу, где почти сразу скончался от полученных ранений. В тот же вечер избиениям подверглись и другие учащиеся. Мальцеву повезло: выследить его бандитам так и не удалось³.

По факту случившегося органами милиции было заведено уголовное дело против Валерия Синякова, Алексея Меньшикова, Михаила Радченко, Павла Мигутина, Никифора Болбата, Ивана Хороших и Михаила Перминова. Всем им предъявили обвинения по статье 59 часть 3 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшей ответственность за бандитизм. Ещё один член группировки Синякова – Меньшикова – Александр Куперов был обвинён в хулиганстве (статья 74 часть 2). Вскоре уголовное дело из милиции было изъято и передано для расследования старшему следователю Уралвагонзавода Шнек. Последний очень быстро закончил следственные мероприятия, и уже 11 и 12 декабря 1936 года в клубе школы ФЗУ состоялось выездное судебное заседание Свердловского областного суда. Однако в его ходе вскрылись новые важные обстоятельства, и потому было признано, что дело расследовано недостаточно тщательно. В частности, органам не удалось установить убийцу Павла Муляка. Под вопросом осталась роль и степень

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 527. Л. 185, 191, 208.

² Там же. Л. 189.

³ Там же. Л. 183, 185, 189–190.

участия некоторых обвиняемых в драках. И особо следует отметить, что следователь Шнек проигнорировал лежавшие на поверхности факты, свидетельствующие о том, что члены шайки Синякова – Меньшикова длительное время, с момента зачисления в школу, занимались дезорганизацией учебного процесса в ней, издевались над лучшими учениками, угрожали им и жестоко их избивали, промышляли кражами¹. По всей видимости, тем самым следователь Шнек вполне осознанно выводил из-под ответственности местные правоохранительные структуры (не исключено, что и себя), которые долгое время «не замечали» действий бандитской группировки, открыто и нагло терроризирующей школу ФЗУ.

Все эти недостатки пришлось устранять в ходе нового расследования, которое было принято под руководством прокурора Нижнего Тагила Холодова. Следствие установило новые эпизоды по уголовному делу шайки Синякова – Меньшикова, которые можно было бы квалифицировать по 58-й статье УК РСФСР. Как выяснилось, накануне очередной годовщины Октябрьской революции члены шайки сорвали и уничтожили три флага. Кроме того, распевали «контрреволюционные» частушки:

«С неба полудённого
Летят штаны Будённого,
Рубашка Ворошилова,
Подштанники плешивого»².

Прокурор города в докладной записке, направленной в областную прокуратуру и в Нижнетагильский горком партии, пояснил, что под «плешивым» подразумевался В.И. Ленин.

Тем не менее эти факты никак не отразились на квалификации преступлений членов банды: обвинения по 58-й статье им предъявлять не стали. Прокуратура проигнорировала также возможность привлечения злоумышленников к ответственности по статьям УК РСФСР «Умышленное убийство» и «Угроза убийством». Группировку Синякова – Меньшикова судили по статье «Бандитизм»³.

Вот при каких обстоятельствах главарь бандитской группировки Валерий Синяков оказался на Колыме.

Но и там, судя по всему, он остался верен своим жизненным принципам. Как уже ранее говорилось, в ноябре 1941 года Валерий Синяков попал под военный трибунал. В вину ему вменили неоднократный отказ от выполнения работ и умышленное членовредительство. Учитывая криминальное прошлое Синякова, его категорическое нежелание учиться и честно трудиться, эти обвинения не выглядят надуманными. Действия его были квалифицированы по статье 58 пункт 14 Уголовного кодекса РСФСР – «Контрреволюционный саботаж». Формулировка этой статьи звучала следующим образом: «Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определённых обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата»⁴. Приговором военного трибунала Синяков был осуждён и приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. Именно по этой судимости в июне 1995 года прокуратура Магаданской области реабилитировала В.А. Синякова. Два других приговора – за воровство и бандитизм – остались в силе⁵.

Насколько правомерна квалификация действий Синякова по пункту 14 статьи 58 УК РСФСР, каким образом их следует рассматривать – это вопросы компетенции уполномоченных органов: прокуратуры, суда и т.д. На наш взгляд, реабилитация Синякова по судимости 1941 года выглядит достаточно спорной. Следует учитывать то обстоятельство, что его отказ от выполнения работ имел место в тяжелейшее военное время, когда на тех же заводах Урала многие умирали прямо в цехах от истощения и переутомления, работая без отдыха по несколько смен подряд⁶. Судили Синякова в ноябре 1941 года, когда решалась судьба страны – причем не только на полях сражений, но и в трудовом тылу.

Нельзя также забывать об «организаторских способностях» рецидивиста Синякова, который и в лагере вполне мог претендовать на лидирующие позиции среди заключённых, оказывать влияние на их поведение. Правда, это всего лишь предположение.

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 527. Л. 183–184.

² Там же. Л. 185.

³ Там же. Л. 188, 191.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР : официальный текст с изменениями на 15 октября 1936 г. с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1936. С. 30–31.

⁵ Архивная справка информационного центра УМВД России по Магаданской области от 02.02.2022 № 3/222700490336 ...

⁶ Аристов А. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 31 ; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2766. Оп. 1. Д. 144. Л. 31, 32–32 об.

Чтобы более детально разобраться в обоснованности осуждения в 1941 году В.А. Синякова и последующей его реабилитации, необходимо тщательно изучить весь комплекс документов. Однако сделать это в настоящее время не представляется возможным. Проблема заключается в том, что Свердловский областной суд, ссылаясь на нормативно-правовую базу, отказался предоставить для научных целей копии обвинительного заключения и приговора по делу о бандитской шайке, возглавляемой Синяковым. Информационный центр УМВД по Магаданской области, в свою очередь, не посчитал возможным предъявить автору для ознакомления копии документов, касавшихся осуждения Синякова не только по общеуголовным статьям, но и даже по «политической» 58-й статье. Основание для отказа – статья 11 упомянутого закона «О реабилитации жертв политических репрессий», согласно которой, по мнению руководства центра, право на получение копий документов имеют исключительно реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти – родственники¹.

Несмотря на отсылки к действующему законодательству, отказ информационного центра УМВД в предоставлении сведений из дела В.А. Синякова, по нашему мнению, противоречит требованиям закона. Обозначенная выше статья 11 этого документа регламентирует доступ к материалам прекращенных уголовных и административных дел, не ограничивая круг возможных претендентов на него исключительно реабилитированными лицами и их родственниками: «Ознакомление других лиц с указанными материалами производится в порядке, установленном для ознакомления с материалами государственных архивов»². Как известно, в соответствии с действующим законодательством в области архивного дела обозначены ограничения на доступ к подобным документам на срок 75 лет. С момента осуждения и расстрела В.А. Синякова прошло уже 80 лет.

Как следует из архивной справки информационного центра УМВД, в находящемся там на хранении деле В.А. Синякова имеются сведения о его судимости за кражи и бандитизм³. Тем не менее это обстоятельство не помешало включить его данные в сборник «За нами придут корабли...», составителями которого выступали именно сотрудники информационного центра. В книгу памяти вошли краткие сведения о нескольких тысячах колымских заключённых, расстрелянных, как указывалось во вступительной статье А.М. Бирюкова, по необоснованным постановлениям и впоследствии реабилитированных⁴. Однако эти сведения далеко не полные, подобраны тенденциозно и не отражают реальной картины. В сборнике указаны лишь «политические статьи», которые явились основанием для вынесения смертного приговора. Общеуголовные же статьи, которые, в частности, «привели» того же Синякова на Колыму (и не его одного), не нашли отражения в издании. Вот каким образом бандит, убийца и вор В.А. Синяков был зачислен в жертвы сталинских репрессий, включён в базу данных «Мемориала»⁵ и единую базу данных жертв репрессий в СССР «Бессмертный барак». А сколько ещё подобных «синяковых» оказалось среди этих тысяч расстрелянных на Колыме заключённых, остаётся только догадываться.

Подводя итоги, следует отметить, что огромные массивы документов, крайне важных для понимания политических процессов в СССР в 1930-е – 1950-е гг., до сих пор остаются недоступными для исследователей. Действующая в РФ нормативно-правовая база создаёт препятствия для всестороннего объективного изучения профессиональными историками соответствующих архивных документов. Благодаря такому положению дел исторические работы не имеют необходимой источниковой базы, достаточной для достоверного освещения советского прошлого. Создаются условия для намеренного искажения исторической действительности в угоду самым различным интересам и концепциям.

Информация об авторе

А.В. Сушков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=446635.

¹ Сопроводительное письмо информационного центра УМВД России по Магаданской области от 02.02.2022 № 3/222700490336 // Личный архив автора.

² О реабилитации жертв политических репрессий : Закон РСФСР от 18.10.1991 № 1761-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428. С. 1693.

³ Архивная справка информационного центра УМВД России по Магаданской области № 3/222700490336 от 02.02.2022 // Личный архив автора.

⁴ За нами придут корабли... : список реабилитированных лиц... С. 2, 60.

⁵ Общество «Мемориал» внесено в список некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента; ликвидировано решением Верховного Суда РФ от 28.02.2022.

Information about the author

A.V. Sushkov – PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=446635.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.05.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 30.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 182–186.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 182–186.

Научная статья

УДК 94(470.55):070.23“193”

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.31>

Стенная печать в контексте развития смеховых практик на Магнитогорском металлургическом комбинате в 1930-е гг.

Нина Викторовна Чернова¹, Надежда Николаевна Макарова²

^{1,2}Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия

¹nina_chernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6279-406X>

²makarovanadia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1662-0338>

Аннотация. История стенных газет не является новой для отечественной историографии. Как часть периодической печати, средство пропаганды и воспитания они рассматривались нередко. Однако проблема использования смеховых практик в стенгазетах является новой. Стенгазеты Магнитогорского металлургического комбината 1930-х гг. дают возможность проследить становление и развитие заводского юмора. Особенность проблемы заключается в том, что в Магнитогорске еще не было практики стенников. Стенгазеты и смеховые практики в них зарождаются и развиваются одновременно. Помимо этого, в статье уделяется внимание разнообразию стенников: от непосредственно стенгазет, до бюллетеней, молний и «Крокодилов», периодичности их выхода, эволюции тематики юмора и его форм. Особенно сделан акцент на функциональности смеховых практик в стенных газетах Магнитогорского металлургического завода.

Ключевые слова: стенгазета, Магнитогорск, периодическая печать, юмор, эмоции, металлургический комбинат, рабочие, карикатура, дружеский шарж

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 21-09-43032 «Повседневная жизнь и эмоциональный режим промышленного города (по материалам Магнитогорска 1930–1950-х гг.)».

Для цитирования: Чернова Н.В., Макарова Н.Н. Стенная печать в контексте развития смеховых практик на Магнитогорском металлургическом комбинате в 1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 182–186. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.31>.

Original article

Bulletin Board in the Context of Laughter Practices Development at the Magnitogorsk Iron and Steel Works in the 1930s

Nina V. Chernova¹, Nadezhda N. Makarova²

^{1,2}Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

¹nina_chernova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6279-406X>

²makarovanadia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1662-0338>

Abstract. The history of bulletin board newspapers is noted in Russian historiography. They were often considered as part of the periodical press, a means of propaganda and a means of education. However, the issue of using laughter practices in bulletin board newspapers is new. The bulletin board newspapers of the Magnitogorsk Iron and Steel Works of the 1930s provide an opportunity to trace the formation and development of factory humor. The peculiarity of the problem lies in the fact that in Magnitogorsk there was no practice of bulletin board newspapers yet. Bulletin board newspapers and laughter practices in them were born and developed at the same time. In addition, the authors pay attention to the diversity of bulletin board newspapers: from direct bulletin board newspapers to bulletins, breaking news and “Crocodiles”, the frequency of their release, the evolution of humor and its forms. Particular emphasis is placed on the functionality of laughter practices in the bulletin board newspapers of the Magnitogorsk Iron and Steel Works.

Keywords: bulletin board newspaper, Magnitogorsk, periodicals, humor, emotions, metallurgical plant, workers, caricature, friendly caricature

Funding: the reported study was funded by RFBR, project number 21-09-43032 “Everyday Life and the Emotional Regime of an Industrial City (Based on Materials from Magnitogorsk in the 1930–1950s)”.

For citation: Chernova, N.V. & Makarova, N.N. (2022) Bulletin Board in the Context of Laughter Practices Development at the Magnitogorsk Iron and Steel Works in the 1930s. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 182–186. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.31](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.31) (In Russian).

История отечественной печати в историографии давно и прочно заняла свое место. Причем авторы рассматривают различные аспекты данной темы (Хрусталева, 2020; Ватник, 2019). В последнее время все больше уделяется внимания развитию стенгазет как неотъемлемой части партийно-советской печати, специфическому эмоционально окрашенному средству воспитания и пропаганды. Значительное число трудов посвящено стенгазетам 1920-х, и лишь отчасти 1930-х гг. (Сафонов, 2015). Рассматриваются стенгазеты в русле локальной истории отдельной местности или микроистории: стенновки определенной организации, социальной группы (Скребнев, 2014). В качестве векторов исследований выступают пропаганда, мобилизация, история печатных изданий и периодической печати в целом. В то же время стенгазеты можно рассматривать как элемент развлечения, несущий в себе различные формы смеховых практик.

Магнитогорские стенные газеты на сегодняшний день не являлись полем для исследования, хотя смеховым практикам в Магнитогорске 1930-х гг. историки уделяли внимание (Макарова, Макаров, 2016; Чернова, 2013). Причиной игнорирования стенгазет во многом является то, что в реальном виде посмотреть их не представляется возможным. Однако понять тематику, содержание, форму, периодичность, функциональность заводских стенновок позволяет газета «Магнитогорский металл». Это заводская газета, которая выходила в 1930-е гг. практически ежедневно. Пропуски выпусков связаны с техническими неполадками, о чем редакция сообщала в предшествующем выпуске. «Магнитогорский металл» был своего рода шефом стенновок и отражал последовательно этапы становления стенгазет, следил за качеством материала и периодичностью, стимулировал деятельность редколлегий цеховых газет и рабкоров, занимался обучением редакторов и художников тому, как ярко и красочно доносить информацию до читателя.

Исследование стенных газет как средства формирования смеховых практик в отдельно взятом городе заслуживает внимания. Дело в том, что Магнитогорск, в отличие от многих населенных пунктов, где расцвет стенгазет приходится на период 1920-х гг., не имел подобного опыта. Импульсом к формированию стенновок можно считать два фактора: приезд на Магнитострой команды профессиональных журналистов-сатириков журнала «Крокодил» и становление и развитие заводской газеты «Магнитогорский металл». Последняя воспитывала кадры рабкоров больше в силу собственной необходимости: были необходимы поиск и хотя бы первичная обработка информации со строительства заводских объектов. Крокодиловцы заразили магнитостроевцев долей здорового юмора, стали примером для подражания и зародили ростки смеховых практик на производстве. Утверждать о причастности крокодиловцев к этому процессу позволяет то, что некоторые стенные газеты в цехах металлургического завода имели аналогичное название. При этом понятие «Крокодилы» было комплексным. Помимо общезаводской стенной газеты «Крокодил»¹, выпускались еще и сменные «Крокодилы» в обжимном цехе (основная газета «За 1 700 000 тонн стали»)², у ремонтников (основная газета «Котельщик ремонта»)³ и т. д.

В представленном исследовании рассматриваются вопросы становления и развития смеховых практик в стенных газетах Магнитогорского металлургического комбината с 1935 по 1940 гг. Хронологические ограничения связаны с источниковой базой: нижняя рамка – начало издания газеты «Магнитогорский металл»; верхняя – начало Великой Отечественной войны, когда в стенгазетах произошли существенные изменения, которые требуют отдельного исследования. К сожалению, газеты за 1941 г. недоступны для исследования. Впрочем, имеющиеся номера дают возможность сделать вполне определенные выводы и проследить динамику развития стенгазет и процесс зарождения смеховых практик в них. Территориально стенновки ограничены производственными площадями Магнитогорского металлургического комбината – первенца сталинской пятилетки – и местами проживания рабочих. Следует отметить, что стенгазеты выпускались практически в каждом цеху, в мастерской, заводоуправлении и т. п. В некоторых цехах работало сразу несколько редколлегий: у каждой смены, а также отдельная – у комсомольцев. Периодичность их издания составляла 3–4 номера в месяц. Однако в период становления между выпусками номеров могли оказаться довольно значительные периоды: от месяца до полугода и более.

Кроме полноценных стенновок, в цехах выпускались бюллетени (специальные выпуски, например, к партийному собранию)⁴, газеты-молнии (листовки, нередко выходящие каждый час; в основном применялись как средство мобилизации в стахановские сутки, пятidineвки и т. п.)⁵, «Крокодилы» (по периодичности и функциям аналогичны молниям, однако именно они были носителями смеховых практик).

¹ Крокодил // Магнитогорский рабочий. 1941. 5 мая.

² Юрьев «Улита едет, когда-то будет...» // Магнитогорский металл. 1940. 27 января

³ Исаков М. Стенгазета «Котельщик ремонта» // Магнитогорский металл. 1940. 20 мая.

⁴ Чубаров Газете нужно помогать // Магнитогорский металл. 1935. 15 декабря.

⁵ Рубина Газета помогла // Магнитогорский металл. 1936. 17 января.

Проблема кадров для цеховых редколлегий решалась постепенно путем привлечения новых рабкоров и художников и последовательного их обучения. Главным учителем и шефом выступала заводская газета «Магнитогорский металл». Помимо проведения разнообразных слетов рабкоров, конкурса стенновок, семинаров и т. п., она на своих страницах вела разъяснительную беседу на тему «Как оформлять стенную газету», показывая типичные ошибки редколлегий и объясняя, как их можно избежать.

Нередко к воспитанию кадров рабкоров и художников подключались и парторганизация и заводоуправление. В декабре 1935 г. в окружке ВКП(б) было созвано «совещание рабочих художников, интересующихся и практически занимающихся изобразительным искусством»¹. При чем в приглашении на совещание, опубликованном в «Магнитогорском металле», художники перечислялись пофамильно, т. е. были хорошо известны. Обеспечить явку поименованных персон предлагалось профоргам. Одновременно в Заводоуправлении проводился семинар редакторов стенных газет.

Тематика смеховых практик весьма разнообразна. Так, в бюллетенях центральной электростанции в декабре 1935 г. было помещено сразу две карикатуры. Первая была посвящена международной тематике и изображала «фашиста, злобно смотрящего на веселую группу советских рабочих. В руках рабочих газета с лозунгом: “Жить стало лучше, жить стало веселее”. “Мне грустно оттого, что весело тебе”, – злобно шипит фашист»². Вторая касалась проблем заводских: «Через весь лист помещен рисунок мчащегося поезда. “Прочь с дороги!” – кричит машинист. На паровозе надпись: “Даем 18–25 клм”. На путях сидит саботажник. Он кричит: “Тише! Не больше 13–14 клм”». Одновременно с карикатурами место нашел и дружеский шарж, изображающий забойщика. Над ним надпись: «Молния. Кузбасс. Забойщик т. Борисов за смену дал 770 тонн». Особенностью представленных смеховых практик является то, что они не самостоятельны: «редколлегия бюллетеня стремится подражать центральным газетам, освещать общеполитические вопросы». В то же время основная задача – отражение местного материала.

В последующие годы ситуация постепенно менялась: местные темы и художники вымещали «гостевой» юмор со страниц заводских стенновок. Реализации Указа Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г. были посвящены несколько номеров общезаводского «Крокодила». В одном из них «прогульщик Евсеев (копровой цех) и покровитель прогульщиков – начальник основного механического цеха Сытин – были зло высмеяны, “погостив” на трезубце “Крокодила”»³. В другом – общий рисунок был озаглавлен «Фрукты и ягоды». Суть карикатуры заключалась в том, что «начальник электроремонтного цеха Саванин [...] охотно выдавал увольнительные записки любителям пособирать... ягоды». Другими словами, общесоюзные приказы в стенгазетах находили местное преломление.

Отдельно следует остановиться на формах подачи материала газетами. Изначально смеховых форм было немного. Особой популярностью пользовались стихи. Талантов в цехах оказалось немало: проводились стихотворные конкурсы, результаты которых и освещали стенновки. Однако сатирических стихов было недостаточно. Кроме этого, среди форм использовались «передовые», которые «толково и обстоятельно» разъясняли сущность стахановского движения, и статьи, например, «Стахановцы братья Зуевы».

Иначе дело обстояло с юмористическими формами. Учитывая «профессионализм» цеховых редколлегий, текстовые смеховые формы им были не всегда подвластны. Дело в том, что и простые заметки страдали от безграмотности или излишней теоретизированности авторов⁴. Последнее, впрочем, также объяснялось неподготовленностью рабкоров: проще было воспользоваться фразой из чьего-нибудь доклада или статьи из центральной газеты, чем самостоятельно, простым языком донести мысль до читателя. Замахнуться же, например, на фельетон, удачно рассказать байку или анекдот и вовсе не получалось. Наиболее востребованными оказались рисованные формы юмора: дружеские шаржи и карикатуры. Однако, чтобы воспользоваться ими, нужно было в редколлегии иметь художника, что тоже было нечастым явлением. В период подготовки кадров часто прибегали к практике заимствования рисунков. Их просто вырезали из других газет и журналов и вклеивали в стенгазету.

Со временем едкие карикатуры, сопровождавшиеся пояснительными заметками, и дружеские шаржи со стихотворным сопровождением стали наиболее востребованными формами смеховых практик. Такая расстановка сюжетов была созвучна набиравшему силу «доброму» и «злому» юмору на страницах самого «Магнитогорского металла». Часто наличие подобных форм

¹ Вниманию рабочих-художников // Магнитогорский металл. 1935. 2 декабря.

² Ценная инициатива не доведена до конца // Магнитогорский металл. 1935. 5 декабря.

³ Герасименко Л. Досадная пауза // Магнитогорский металл. 1940. 7 сентября.

⁴ Писать простым, грамотным языком // Магнитогорский металл. 1935. 20 декабря.

в номере объяснялось только наличием или отсутствием художника, способного творить в сатирической манере. Сами же смеховые практики, начиная с 1930-х гг., стали неотъемлемой частью магнитогорской периодической печати и повседневности.

Говоря о становлении и развитии смеховых практик в заводских стенгазетах, нельзя обойти вопросы причинности и функциональности. Изначально появление в газетах ярких интересных рисунков помогало привлечь внимание рабочих к стенновкам. Наиболее емко это демонстрирует фраза: «Нет рисунков – не хочется читать!»¹. Кроме того, карикатурный и шаржевый элементы более доходчиво доносили информацию, нежели простой текст. Рисунки были доступны для всех рабочих: как грамотных, так и малограмотных. Персонажи рисованных сюжетов были узнаваемы, поэтому попасть в едкую карикатуру было болезненно. «Магнитогорским металлом» зафиксировано несколько случаев, когда персонажи карикатур срывали стенную газету – воспитательная функция на лицо². Учитывая, что вторая половина 1930-х гг. – время стахановского движения, смеховые практики в молниях и «Крокодилах» играли мобилизационную роль, бичуя бракоделов, требуя прямых ответов на вопрос: «Почему плохо работали?»³, обстреливая прогульщиков и пьяниц, сигнализируя «всему коллективу завода о необходимости решительно усилить темпы и с большой настойчивостью бороться за первое место в черной металлургии»⁴.

Еще одной немаловажной функцией стала развлекательная. В Магнитогорске 1930-х гг. досуг не был столь разнообразным, чтобы удовлетворять потребности рабочих. Стенновки с их непосредственным, искрометным, порой наивным юмором стали отдушиной для заводского коллектива. Они позволяли посмотреть смешные картинки, посмеяться и повеселиться, если, конечно, вы не являлись персонажем карикатуры. Подобные практики веселья объединяли рабочих между собой, а нередко и с инженерно-техническими кадрами, особенно если последние своевременно реагировали на сигналы стенновок. Таким образом формировался корпоративный дух металлургического завода.

Итак, стенгазеты Магнитогорского металлургического комбината в 1930-е гг. прошли путь от подражательства (крокодиловцам, центральным газетам) до уникальности. Они научились со временем умело и специфично отражать местные темы. Должное место в стенновках занимали смеховые практики. Их тематика была разнообразна и часто зависела от событий, происходящих на производстве, иногда и в стране, и в мире. Среди форм смеховых практик использовались в основном рисованные: дружеские шаржи и карикатуры. Еще одной формой юмора, но менее востребованной были стихи. Другие словесные сатирические практики не применялись в силу отсутствия профессиональных кадров и уровня грамотности рабочих завода. Функциональная направленность заводского юмора многогранна: от воспитания, просвещения, мобилизации, до ротации кадров и формирования духа корпоративизма. Пройдя путь обучения, нивелировки тем и форм подачи материала, к началу Великой Отечественной войны стенгазеты приобрели свой особенный колорит. В свою очередь, смеховые практики стали неотъемлемой, если не ключевой, частью не только стенновок, но и заложили основы производственного юмора Магнитогорского металлургического комбината.

Список источников:

- Ватник Н.С. Ученическая печать в российской провинции в 1917 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 5 (79). С. 2.
- Макарова Н.Н., Макаров А.Н. Мир в зеркале карикатуры (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2016. С. 135–148.
- Сафонов Д.А. Стенгазеты как элемент советской действительности 1920–1930-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (13). С. 136–155.
- Скребнев В.А. Стенная печать Тамбовской губернии 1920-х гг.: методы формирования // Альманах современной науки и образования. 2014. № 12 (90). С. 109–111.
- Чернова Н.В. «Смешного бояться – правды не любить»: реалии Магнитогорска 1930-х – начала 1940-х гг. сквозь призму сатиры // Проблемы российской истории. 2013. № 1 (12). С. 165–173.
- Хрусталева А.В. Провинциальная печать и цензура в годы нэпа (на примере Саратовской, Самарской губерний и АССР НП) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 3. С. 392–411. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-392-411>.

References:

- Chernova, N.V. (2013) "Ridiculous fear – not to love of truth": the realities of Magnitogorsk 1930 – the beginnings the 1940s through the prism of satire. *Problemy rossiyskoy istorii [Problems of Russian history]*. (1). 165–173. (In Russian)

¹ Шибанов Г. Как оформлять стенную газету // Магнитогорский металл. 1936. 12 января.

² Серый Сцепщик Андрищенко сорвал стенную газету // Магнитогорский металл. 1936. 26 января.

³ Панченко Л. «Молния на стане «300» // Магнитогорский металл. 1936. 26 января.

⁴ В борьбе за первое место в металлургии // Магнитогорский металл. 1936. 28 января.

Khroustaleva, A.V. (2020) Regional press and censorship in the new economic policy period (Saratov, Samara regions and the German autonomy). *Studia Litterarum*. (5:3). 392–411. Available from: doi:10.22455/2500-4247-2020-5-3-392-411. (In Russian)

Makarova, N.N., Makarov, A.N. (2016) Mir v zerkale karikatury (po materialam Magnitogorska 1930-kh gg.) [The world through a caricature (based on materials from Magnitogorsk in the 1930s)] In: Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [Russia and the world through each other's eyes: from the history of mutual perception]. Moscow. P. 135–148. (In Russian)

Safonov, D.A. (2015) Wall newspaper as an element of soviet reality of 1920–1930. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. (1). 136–155. (In Russian)

Skrebnev, V.A. (2014) Wall newspaper press of Tambov province in the 1920s: methods of formation. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya [Almanac of modern science and education]*. (12). 109–111. (In Russian)

Vatnik, N. (2019) The student press in the Russian province in 1917. *Istoriya [History]*. (5). 2. (In Russian)

Информация об авторах

Н.В. Чернова – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=692836.

Н.Н. Макарова – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=686239.

Information about the authors

N.V. Chernova – PhD in History, Associate Professor, World History Department, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=692836.

N.N. Makarova – PhD in History, Associate Professor, World History Department, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=686239.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 187–192.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 187–192.

Научная статья

УДК 930.1

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.32>

Отражение исторической наукой ценностных основ государственности советского периода середины 1950–1960-х годов

Светлана Станиславовна Шалаева¹, Елена Алексеевна Колоярцева²

¹Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова, Саратов, Россия, clar13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7351-8551>

²Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, ElenaK-22@mail.ru

Аннотация. Историческая мысль всегда выступала инструментом массового сознания, которое сохраняло единство страны. В данной статье представлен краткий анализ проблем концептуализации исторической науки, имевших место в период середины 1950–1960-х годов в контексте некоторой либерализации устоявшегося строя жизни советского общества. Новые веяния в стране после XX съезда КПСС позитивно были встречены историческим сообществом. В науку вошло молодое поколение историков-«шестидесятников», которые олицетворяли так называемое «новое направление» и считали источниковедение основой исторических исследований. Но с середины 1960-х годов вновь происходит ужесточение цензуры, ограничивается доступ историков к источникам отечественной и зарубежной информации. Отмечено, что в этих условиях развитие науки все же продолжалось, а противостояние истории и политики в стране объясняется стремлением правительства к сохранению единства социума, недопущения вольнодумства, расширяющего устои государственности, что и сегодня остается актуальным для российского общества.

Ключевые слова: государственность, риски глобализации, историческая мысль, историческая наука, политико-идеологическая реальность, оценки и интерпретация прошлого, исторические знания

Для цитирования: Шалаева С.С., Колоярцева Е.А. Отражение исторической наукой ценностных основ государственности советского периода середины 1950–1960-х годов // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 187–192. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.32>.

Original article

Historical Scholarship's Reflection of the Value Bases of Soviet Statehood in the Mid-1950–1960s

Svetlana S. Shalaeva¹, Elena A. Koloyartseva²

¹Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia, clar13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7351-8551>

²Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, ElenaK-22@mail.ru

Abstract. Historical thought has always been an instrument of mass consciousness, which preserved the unity of the country. A brief analysis of the problems of conceptualization of historical scholarship that took place in the mid-1950–1960s in the context of some liberalization of the established order of Soviet society is presented in this article. New trends in the country after the XX Congress of the CPSU were positively received by the historical community. A young generation of “sixties” historians, who embodied the so-called “new direction” and regarded source studies as the basis of historical research, entered science. But since the mid-60s, censorship has been tightening again and historians’ access to sources of domestic and foreign information has been restricted. It was noted that in these conditions the development of science nevertheless continued, and the confrontation between history and politics in the country is explained by the government’s desire to preserve the unity of society, to prevent freethinking, shaking the foundations of statehood, which remains relevant for Russian society today.

Keywords: statehood, risks of globalization, historical thought, historical science, political and ideological reality, assessments and interpretation of the past, historical knowledge

For citation: Shalaeva, S.S. & Koloyartseva, E.A. (2022) Historical Scholarship's Reflection of the Value Bases of Soviet Statehood in the Mid-1950–1960s. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 187–192. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.32](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.32) (In Russian).

В современном глобальном мире «без границ» актуальным становится осмысление перспектив сохранения территорий национальных государств. С позиций глобализационных структур суверенное государство рассматривается как историческое излишество. Однако ещё не появилось глобальное социальное общество, аналогичное политической организации той или иной

нации. Государства по-прежнему не утратили регулятивных инструментов, мотивирующих консолидацию народов, проживающих в их территориальном пространстве. Не менее важной выступает задача укрепления ценностных основ государственности для нашей страны с её континентальными масштабами и полиэтническим, поликонфессиональным составом населения, так как любое ослабление её единства и территориальной целостности может вести к негативным последствиям, усугубляемым глобальными рисками.

Во все времена мощным инструментом формирования в массовом сознании мысли о необходимости сохранения национальной и государственной общности страны вступала отечественная историческая наука. Именно история, «поколений связующая нить», выполняла формирующую функцию, обеспечивающую сохранение страны, её самоидентификацию в мире. История и на современном этапе остается орудием идейной борьбы различных политических сил, имеющих неоднозначное отношение к оценкам прошлого. «Проблематика взаимоотношения исторической науки с политико-идеологической реальностью сохраняет актуальность и ныне. В современной историографии осознается неустрашимость» идеологизированного воздействия на исторические представления (Шалаева, Волкова, 2015: 197). По-прежнему затруднения в области методологии истории вызывает проблема познающего субъекта, детерминированность горизонта его видения былой реальности определенными установками, концепциями современного ему времени.

Учитывая, что история, прежде всего, полезна своими уроками, в данной работе поставлена цель проанализировать процесс развития исторической науки в середине 1950–1960-х гг. В данный период в исследованиях историков появились новые концептуальные подходы к интерпретации событий прошлого, которые могли вести к размыванию базовых основ историко-культурной памяти, деформации ментальности населения этого времени. В связи с этим представляет интерес, как в условиях некоторой либерализации политического режима осуществлялись процессы переосмысления устоявшейся к этому времени модели систематизации накопленных исторических знаний.

Новую страницу в жизни общества открыл прошедший в феврале 1956 года XX съезд партии, начавший процесс преодоления деформации «ленинских норм» в деятельности партийных и государственных органов, сложившейся традиции миропонимания в контексте только сталинских представлений. На съезде с критических позиций оценивался «Краткий курс» истории партии, определявший прежде всю направленность деятельности по исследованию исторических событий как в ретроспективе, так и в текущей реальности.

В стране набирал обороты процесс реабилитации репрессированных людей, формировалось представление о том, что осуждению граждане подвергались без веских на то причин. Эти тенденции оказывали влияние на умонастроения творческих работников. В литературу и публицистику проникали сюжеты и персонажи, игнорируемые исторической наукой. Все эти процессы не могли не находить отклик в среде ученых, которых не менее напрягало двоемыслие в жизни и науке, конформизм как стиль существования (Кожурин, 1998: 156).

Ускорению процесса десталинизации массового сознания во многом способствовал доклад Н.С. Хрущева на закрытом заседании съезда «О культе личности и его последствиях», в котором подвергалась осуждению репрессивная практика сталинского режима, деятельность самого И.В. Сталина, приведшая к попустительству беззакония в стране. В докладе подчеркивалось, что культ личности не свойственен марксизму-ленинизму, и умалчивалось о том, что он был одним из побочных следствий сформировавшейся в стране политической системы. Эвфемизм «культ личности» позволил поколению соратников И.В. Сталина, пришедшему к власти, устанавливать границы практике разоблачения преступлений режима. В зоне умолчания оставались многие события, порождённые большевизмом, что было неизбежно при существующем в то время раскладе сил в партийном руководстве (Шейнис, 2006). После съезда сообщённая его делегатам информация стала достоянием всей страны, а сам доклад Н.С. Хрущева – крупнейшим событием в её социально-политической жизни.

Вместе с тем развенчание культа личности И.В. Сталина в сознании людей, воспитывавшихся в духе беспредельной ему преданности, привело к серьёзным последствиям в социуме, к десакрализации авторитетов, к «расколдованию» коммунистической риторики. И хотя Н.С. Хрущев считал, что достижение идеалов коммунизма будет обеспечено уже при жизни поколения его современников, существенно ослабла уверенность людей в том, что это реально осуществимо. Вместе с тем концептосфера советского коммунизма обеспечивала легитимность социального порядка и обосновывала значение грандиозных планов переустройства страны (Батыгин, Рассохина, 2002: 61).

Новые веяния позитивно воспринимались в среде профессиональных историков. За годы идеологического прессинга большинство из них не утратило навыков научного анализа первоисточников. Учёные получили доступ к архивам, широко публиковались документальные материалы, мемуарная литература.

Однако дух уходящей эпохи не исчез, политическая система страны сохранила запас прочности, продолжала регулировать процесс пробуждения общества от монополии единомыслия. Особое внимание по-прежнему уделялось идеологическому контролю освещения истории. Руководством страны поддерживались процессы возрождения творческого духа в среде профессиональных историков, однако наряду с этим осуждалась «излишняя самостоятельность» в поиске новых подходов в изучении истории. Те историки, которые в понимании прошлых событий, выходили за пределы, дозволенные властью, несли суровые наказания.

В 1956–1957 гг. объектом нападок со стороны руководящих сил стал единственный в то время общесоюзный исторический журнал «Вопросы истории», во главе которого стояли академик А.М. Панкратова и Э.Н. Бурджалов. В издании, не посягавшем на идеологические устои, разворачивались дискуссии, освещались исторические факты, которые подвергались фальсификации в сталинское время. Однако не слишком привычная в ту пору линия журнала на открытость и остроту выступлений его авторов, встретила неприятие у высокопоставленных противников обновления. Руководителей издания подвергали жёстким проработкам за отступление от принципа партийности исторической науки, за стремление в очернительском плане пересмотреть отечественную историю. «Кампания критики позиции журнала велась под флагом защиты марксистско-ленинской методологии и неприятия “объективистского подхода”» (Пыжиков, 2002: 226, 227). В марте 1957 г. ЦК КПСС было принято постановление «О журнале “Вопросы истории”», в котором обосновывалась значимость соблюдения историками марксистской направленности исторических исследований. Главному редактору А.М. Панкратовой было указано на серьезные недостатки в руководстве журналом, её заместитель Э.Н. Бурджалов был снят с работы. Не выдержав прессинга острой критики, уже тяжелобольная, А.М. Панкратова умерла.

Однако после XX съезда сохранить привычный status quo в исторической науке становилось сложнее. В пространство советской исторической науки входило молодое поколение историков-«шестидесятников», с профессиональной деятельностью которых связывается появление «нового направления», обеспечившего существенное укрепление методологии исторического источниковедения как исходной основы исторических исследований, препятствующей искажению прошлого. На необходимость укрепления этого направления, в том числе источниковедения как основы советской документалистики, неоднократно указывал академик М. Тихомиров.

Заметную роль в реанимации значимости источниковедения сыграл Институт истории АН СССР, руководил которым А.Л. Сидоров, придерживавшийся в прошлом ортодоксальных взглядов. Но именно вокруг него образовалась группа молодых исследователей (К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер), придававших в своей работе большое внимание изучению и анализу исторических первоисточников. Важность методологии исторических исследований признавалась и другими молодыми учеными – В.П. Даниловым, Н.А. Ивницким, М.А. Вылцаном, И.Е. Зелениным, внесшими большой вклад в становление аграрной истории.

Стремление исследователей нового толка вернуть в науку поиск достоверных исторических знаний в ходе более глубокого изучения первоисточников, их сопоставления не было должным образом оценено. Перемены в области познания прошлого не оказались устойчивыми. С начала 1960-х годов, импульсы, приданные развитию исторической науки процессом её десталинизации стали затухать (Сидорова, 2001: 196). На очередном XXI съезде партии тема культа личности уже отсутствовала (Пыжиков, 2003: 54). В период подготовки к 20-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне начался новый этап переоценки деятельности И.В. Сталина. В стране вновь реанимировалась память о нем как о великом военачальнике, обусловившая укрепление очередного идеологического диктата в области познания прошлого. Возвеличение личности И.В. Сталина, особенно в контексте военной истории, в очередной раз служило упрочению позиций новой руководящей элиты, пришедшей к власти в стране после отставки Н.С. Хрущева.

Начатый в период «оттепели» процесс либерализации общественно-политической жизни в стране усиливал опасность радикализации перемен, которые в условиях отсутствия реальных возможностей для их реализации могли привести к негативным последствиям – разрушению гарантируемого государством социального порядка. Достижение стабильности общества новые руководящие силы связывали с переходом к умеренно-консервативному курсу в политике и идеологии. В стране вновь ужесточалась цензура. Как и прежде, для исследователей был ограничен доступ к источникам отечественной и зарубежной информации. В сфере идеологии сохранялись

пределы, за которые выходить не допускалось. В целях политической целесообразности использовалась манипуляция историей (Каменский, 2006: 22). В таких условиях профессиональным историкам было сложно обеспечивать объективный прогресс в исследовании прошлого, так как это требовало проявления несогласия с политикой партии.

Вместе с тем и в среде историков были те, кто стремился выйти из границ насаждаемых сверху идеологических схем, но это крайне негативно отражалось на их дальнейшей судьбе. К примеру, жёсткому преследованию подвергся историк В.М. Алексеев, исключенный из партии за сочувствие мятежным венграм, выступавшим против насаждения в их стране советских порядков. Учёному долгие годы пришлось работать «в стол» (Стыкалин, 1998: 173).

Важным событием в жизни сообщества историков Академии наук были выборы «демократического парткома» Института истории, в который не вошли представители институтской администрации. Избранные в руководящий орган института молодые ученые В.П. Данилов, К.Н. Тарновский и их единомышленники отстаивали необходимость пересмотра многих исследовательских схем, состоявшихся в исторической науке. Упоминание учёными института фигур умолчания – Л.Б. Каменева, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина – в руководящих кругах было воспринято в качестве реабилитации оппортунистских уклонов. В 1967 г. работу парткома института проверила комиссия Московского горкома партии, которая в итоговой справке критической оценке подвергла научную деятельность Е.Г. Плимака, М.Я. Гефтера и др.

Учёные института по-новому подходили к интерпретации многих сюжетов отечественной истории: признавали высокую степень развития капиталистических отношений в стране дореволюционного времени, не исключали возможность создания единого блока демократических сил в борьбе с самодержавием, проявляли интерес к дореволюционной исторической мысли, отстаивали правомочность существования концепции цикличности истории, а не только линейного прогрессизма, поднимали проблему цены революции. Все эти новые концепции нашли отражение в вышедшей в свет в 1969 г. книге «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (Данилова, 2007: 47). Однако этот труд со стороны властных структур был предан осуждению.

Стагнация интеллектуальной мысли в стране, противоречивость движения к социальному прогрессу – всё это, отражаясь в общественном сознании, способствовало зарождению в СССР диссидентского движения, сторонники которого придерживались неофициальных взглядов либерального толка. Движение объединяло небольшие группы преимущественно столичной интеллигенции, проявляющей неприязненное отношение к официальной идеологии. В это время были заложены основы «самиздата» – машинописных текстов, распространяющихся нелегально, в которых резкой критике подвергались существующие в стране порядки (Савельев, 1998; Козлов, 2003).

Особенно усилилась борьба с инакомыслием после чехословацких событий 1968 года. В стране заглушались зарубежные радиостанции, передающие идеологически неустойчивую для советских людей информацию (Смыкалин, 2011). За политическую неблагонадёжность оппозиционно настроенная часть интеллигенции стала вытесняться за границу, однако идеи, отстаиваемые диссидентами, создавали социально-политические предпосылки для грядущих перемен.

По мере всё более заметного разрыва между идеалами коммунизма и реальным положением дел в стране влияние официальной идеологии ослабевало как внутри страны, так и за её пределами. Желание руководства государства сохранить статус-кво социалистической системы приводило к усилению идеологического нажима, ужесточению цензуры.

Вместе с тем даже в пространстве коммунистической риторики, остающейся лексической формой научных исследований, многим ученым удавалось развивать новые подходы к познанию истории. Выполняя установку власти на обеспечение идейного противодействия буржуазным фальсификациям советского пути развития, учёные имели возможность глубже знакомиться с сущностью некоторых западных научных концепций (Hofstadter, 1992: 64; Шлезингер, 1992). Обновлялся словарный запас обществоведческих наук, появлялась возможность развивать идеи, выходящие за рамки официального идеологического канона (Зудин, 1999: 64). Крупные успехи были достигнуты в области развития методологии исторических исследований, методики анализа источников (Мельников, 1997: 106).

«В современной отечественной историографии признается, что к вытеснению интеллектуальной истории в советский период привела идеологизированность исторических исследований» (Шалаева, Волкова, 2015: 199). Однако следует подчеркнуть, что конфронтация исторической науки и политики имеет давнюю историю. И исследуемый период мало чем отличался от предшествующих, являясь не лучшим, но и не худшим в отечественной истории. В любой стране правительство в стремлении обеспечивать социальный порядок, стабильное развитие общества, прибегает к различным формам воздействия на население, поддерживает то, что укрепляет позиции государственности, пресекает то, что угрожает обществу дестабилизацией. Любой поли-

тический режим, определяя меру свободомыслия, исходит из собственных ресурсных возможностей обеспечивать действия по нормализации ситуации, когда она выходит из-под контроля, определяет степень ответственности за негативные последствия популяризации радикальных идейных крайностей. Забегание вперед в обретении свобод, которыми общество не готово было конструктивно воспользоваться, могло привести к негативным последствиям – разрушению установившегося строя жизни общества.

Следует отметить, что ослабление государственного регулятивного воздействия на формирование исторических представлений нежелательно и сегодня, в связи с чем более востребованными в организации исследований прошлого являются подходы, обеспечивающие консолидацию общества. Кроме того, политически целесообразными выступают задачи формирования положительного образа государственности, её значения в сохранении стабильности и социальной солидарности в стране. В современных исследованиях подчеркивается, что не всякое общество способно выстроить государство, для этого необходимы определённые условия, прежде всего, складывание культурной и психологически однородной общности, существование «духа нации», общей системы ценностей, патриотизма. Вне такой общности возможен распад нации, её дробление на этнические фрагменты. Поэтому и сегодня важно средствами истории обеспечивать сохранение государства в контексте его значения как формы и способа антропологического бытия, выживания всего населения страны в условиях глобализационных рисков.

Список источников:

- Батыгин Г.С., Рассохина М.В. Семантический коллапс коммунизма. Дискурс о будущем в журнале «Новый мир», 1950-гг. // Человек. 2002. № 6. С. 61–77.
- Данилова Л.В. Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966–1968 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44–80.
- Зудин А.Ю. Культура советского общества: логика политической трансформации // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 59–72.
- Каменский А.Б. Российские реформы: уроки истории // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 21–39.
- Кожурин В.С. Рецензия на книгу: Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого после сталинского десятилетия. М., 1997 // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 156–158.
- Козлов В.А. Крамола. Инакомыслие при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. // Отечественная история. 2003. № 4. С. 93–111.
- Мельников Ю.Н. Цикличность в истории России // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 103–107.
- Пыжиков А.В. Историческая наука в годы «оттепели» // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 6. С. 221–230.
- Пыжиков А.В. Проблема культа личности в годы хрущевской оттепели // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 47–57.
- Савельев А.В. Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950–1970-х годов // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 109–121.
- Сидорова Л.А. «Шестидесятники» в исторической науке России. Рецензия на книгу: Markwick R.D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Palgrave, 2001 // Отечественная история. 2001. № 5. С. 195–197.
- Смыкалин А.С. Идеологический контроль и Пятое управление КГБ СССР в 1967–1989 гг. // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 30–40.
- Стыкалин А.С. Еще раз о трактовке венгерских событий 1956 года // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 172–175.
- Шалаева С.С., Волкова М.Б. Модернизационные изменения теоретическо-методологического изучения исторической науки конца XX начала XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4-1 (54). С. 197–200.
- Шейнис В.Л. XX съезд КПСС: история и современность // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 114–116.
- Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992. 685 с.
- Hofstadter R. The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington. N. Y., 1968. 336 p.

References:

- Batygin, G. S. & Rassokhina, M. V. (2002) Semanticheskii kollaps kommunizma. Diskurs o budushchem v zhurnale «Novyi mir», 1950-gg. [The Semantic Collapse of Communism. Discourse on the Future in the New World Magazine, 1950s.]. *Chelovek*. (6), 61–77 (in Russian).
- Danilova, L. V. (2007) The Party Organisation of the Academic Institute of History in Ideological Confrontation to the CPSU Establishment, 1966–1968. *Voprosy istorii*. (12), 44–80 (in Russian).
- Hofstadter, R. (1968) The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington. New York. 336 p.
- Kamenskii, A. B. (2006) Rossiiskie reformy: uroki istorii [Russian Reforms: History Lessons]. *Voprosy filosofii*. (6), 21–39 (in Russian).
- Kozhurin, V. S. (1998) Retseziya na knigu: Sidorova L.A. Otpepel' v istoricheskoi nauke. Sovetskaya istoriografiya pervogo posle stalinskogo desyatletiya. M., 1997 [Book Review: Sidorova L.A. Thaw in Historical Science. Soviet Historiography of the First Post-Stalinist Decade. 1997]. *Voprosy istorii*. (10), 156–158 (in Russian).
- Kozlov, V. A. (2003) Sedition: the Heterodoxy in the USSR under Khrushchev and Brezhnev, 1953–82 (Unclassified Documents of the USSR Supreme Court and the Office of Public Prosecutor). *Domestic history*. (4), 93–111 (in Russian).
- Mel'nikov, Yu. N. (1997) Tsiklichnost' v istorii Rossii [Cyclicity in Russian History]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. (5), 103–107 (in Russian).
- Pyzhikov, A. V. (2002) Istoricheskaya nauka v gody «otpepli» [Historical Science in the Thaw Years]. *Sotsial'no-gumantarnye znaniya*. (6), 221–230 (in Russian).
- Pyzhikov, A. V. (2003) Problema kul'ta lichnosti v gody khrushchevskoi otpepli [The Problem of the Cult of Personality During the Khrushchev Thaw]. *Voprosy istorii*. (4), 47–57 (in Russian).
- Savel'ev, A. V. (1998) Politicheskoe svoeobrazie dissidentskogo dvizheniya v SSSR 1950–1970-kh godov [The Political Identity of the Dissident Movement in the USSR of the 1950s and 1970s]. *Voprosy istorii*. (4), 109–121 (in Russian).

Shalaeva S.S., Volkova M.B. (2015) Modernization Changes of Theoretical and Methodological Studies of Historical Science of the End of the XX – the Beginning of the XXI Century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* (4-1 (54)), 197–200 (in Russian).

Sheinis, V. L. (2006) XX s"ezd KPSS: istoriya i sovremennost' [XX Congress of the CPSU: History and Modernity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. (4), 114–116 (in Russian).

Shlezinger, A. M. (1992) *Tsikly amerikanskoi istorii* [Cycles of American History]. Moscow. 685 p. (in Russian).

Sidorova, L. A. (2001) «Shestidesyatniki» v istoricheskoi nauke Rossii. Retsenziya na knigu: Markwick R.D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Palgrave, 2001 [The "Sixties" in Russian Historical Scholarship. Book Review: Markwick R.D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Palgrave, 2001]. *Otechestvennaya istoriya.* (5), 195–197 (in Russian).

Smykalin, A. S. (2011) Ideologicheskii kontrol' i Pyatoe upravlenie KGB SSSR v 1967–1989 gg. [Ideological Control and the Fifth Directorate of the KGB of the USSR in 1967–1989]. *Voprosy istorii.* (8), 30–40 (in Russian).

Stykalin, A. S. (1998) Eshche raz o traktovke vengerskikh sobytii 1956 goda [Once Again about the Interpretation of the Hungarian Events of 1956]. *Voprosy istorii.* (10), 172–175 (in Russian).

Zudin, A. Yu. (1999) Kul'tura sovetskogo obshchestva: logika politicheskoi transformatsii [Culture of Soviet Society: the Logic of Political Transformation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. (3), 59–72 (in Russian).

Информация об авторах

С.С. Шалаева – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки» Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова, Саратов, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=476910.

Е.А. Колоярцева – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=476910.

Information about the authors

S.S. Shalaeva – PhD in History, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=476910.

E.A. Koloyartseva – PhD in Political Science, Associate Professor, Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=476910.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 193–199.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 193–199.

Научная статья
УДК 379.85(1-924.16)“192/193”
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.33>

Особенности использования историко-культурного потенциала Кольского Севера в туристско-экскурсионной деятельности (1920–1930-е гг.)

Андрей Александрович Бертош

Кольский научный центр Российской академии наук, Апатиты, Россия, bertosh.andrei@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности актуализации историко-культурного наследия Кольского Севера в 1920–1930-е годы средствами туристско-экскурсионной деятельности. Новизна работы заключается в анализе данного процесса на основе архивных и опубликованных источников, что позволило выявить его основные направления. Актуальность темы определяется необходимостью изучения советского опыта организации туризма, что делает возможным его сопоставление с современными практиками. В рассматриваемый период наблюдается изменение подходов к использованию историко-культурного потенциала региона, выражаемое в противопоставлении материальных воплощений традиционной и после-революционной культур. Отмечается, что в экскурсионной работе увеличивается значение мест и объектов, связанных с революционными событиями, интервенцией и Гражданской войной на территории края. Указанные изменения стали результатом деятельности местных органов государственного управления, руководства Мурманской железной дороги (МЖД) и региональных структур Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ).

Ключевые слова: Кольский Север, туризм, экскурсионная деятельность, историко-культурное наследие, историко-революционные памятники

Для цитирования: Бертош А.А. Особенности использования историко-культурного потенциала Кольского Севера в туристско-экскурсионной деятельности (1920–1930-е гг.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 193–199. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.33>.

Original article

Features of Using the Historical and Cultural Potential of the Kola North in Tourist and Excursion Activities (1920–1930s)

Andrey A. Bertosh

Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, bertosh.andrei@yandex.ru

Abstract. The paper examines the features of actualization of historical and cultural heritage of the Kola North in 1920–1930s by means of tourist and excursion activity. The novelty lies in the analysis of this process on the basis of the archival and published sources, which made it possible to identify its main directions. The actuality of the theme is determined by the necessity to study the Soviet experience in organizing tourism, which makes it possible to compare it with modern practices. In the period under consideration, there has been a change in approaches to the use of the historical and cultural potential of the region, expressed in the contrasting material embodiments of traditional and post-revolutionary culture. It is noted that the importance of places and sites connected with revolutionary events, intervention and the Civil War on the territory of the region is increasing in excursion work. The above changes were the result of the activities of the local state administration, the management of the Murmansk Railway and the regional structures of the Proletarian Tourism and Excursion Society.

Keywords: the Kola North, tourism, excursion activities, historical and cultural heritage, historical and revolutionary monuments

For citation: Bertosh, A.A. (2022) Features of Using the Historical and Cultural Potential of the Kola North in Tourist and Excursion Activities (1920–1930s). *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 193–199. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.33](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.33) (In Russian).

Темпы освоения северо-западной части российской Арктики, резко ускорившиеся в начале XX в., вызвали на Кольском Севере¹ масштабные социальные, экономические и культурные преобразования. Миграционные процессы привели к снижению доли коренного и старожильского

¹ В данной статье термином «Кольский Север» обозначается исторически сложившийся регион, территория которого соответствует современной Мурманской области; административный статус региона и его границы в рассматриваемый период неоднократно менялись.

населения в общей численности жителей региона, что оказало влияние на культурную память людей. Интенсификация экономического развития запустила процессы активной трансформации культурных ландшафтов края, а послереволюционное переустройство всех сторон жизни государства и общества усилило данные тенденции.

После интеграции региона в советскую государственную систему актуальным стал вопрос формирования таких вариантов региональной идентичности, которые сочетали бы исторические традиции с новыми революционными преобразованиями и содействовали бы культурной адаптации населения в суровых природных условиях. Для решения указанной проблемы предполагалось задействовать, в том числе, потенциал историко-краеведческого движения, направленный на реактуализацию памятников истории и культуры методами туристско-экскурсионной деятельности, а также на популяризацию объектов и мест, связанных с периодом революционных событий и Гражданской войны.

Особенности использования историко-культурного потенциала Кольского Севера при формировании турмаршрутов в 1920–1930-е годы не становились объектами специального исследования. Отдельные аспекты данной темы были кратко затронуты в обобщающих работах, посвященных туризму в северных регионах (Глушанок, 2018; Цекина, 2012) и отечественной туристической в целом (Орлов, Юрчикова, 2010), а также в исследованиях истории туристского (Бертош, 2021) и краеведческого движения на Севере (Голов, 2007). В настоящей статье основные тенденции актуализации историко-культурного наследия региона в рассматриваемый период анализируются на основе документов Государственного архива Мурманской области (ГАМО) и опубликованных источников.

Туризм в раннесоветскую эпоху воспринимался государством как важное общественное явление, тесно связанное с другими социально-культурными феноменами – историко-краеведческим движением, внеурочной образовательной работой, идеологически наполненной экскурсионно-просветительской деятельностью и различными видами активного отдыха (альпинизмом и т.д.). Основными факторами, формировавшими туристскую систему 1920–1930-х годов, были: государственная политика, направленная на решение определенных задач (Ларионов, 2012: 249), рекреационно-оздоровительные потребности населения, а также гражданские инициативы, целью которых являлся поиск новых форм активности в изменившихся условиях жизни.

В этот период советская сфера туризма развивалась по нескольким основным направлениям, к числу которых относились путешествия на коммерческой основе (оздоровительно-курортная деятельность, путевочный туризм и т.п.), поездки с экскурсионно-просветительскими целями и самостоятельный туризм, включавший различные формы отдыха. Эти виды туристской активности зачастую пересекались, взаимодополняя друг друга. Бюро школьных экскурсий, созданное Народным комиссариатом просвещения, начало свою деятельность в общегосударственном масштабе с 1918 года (Арцыбашев, Арцыбашева, 2019), а в феврале следующего года была образована экскурсионная секция при отделе единой трудовой школы Наркомпроса.

Освоение северных и арктических территорий считалось одной из важных задач советской государственной политики, на решение которой были направлены значительные материальные и человеческие ресурсы. Параллельно с научным изучением, налаживанием добычи полезных ископаемых, основанием городов, развитием транспортной инфраструктуры и другими формами индустриального развития Севера, в общественном сознании активно формировался и популяризировался привлекательный образ этих регионов. Поездки в северные районы страны фактически стали одной из составляющих идеолого-пропагандистской работы. Во время них решались также некоторые конкретные задачи – проводилось исследование территорий, разведка природных ресурсов, организовывался обмен производственным опытом, осуществлялась военно-прикладная подготовка граждан и т.д.

В первые послереволюционные десятилетия Кольский Север не рассматривался с точки зрения места, пригодного для оздоровительно-курортного отдыха, как из-за суровых природно-климатических условий, так и по причине сравнительно слабой освоенности территории. Но эти же обстоятельства, а также интенсивное производственное развитие региона, обусловили интерес к нему в контексте путевочного, экскурсионно-познавательного и самостоятельного направлений туризма.

Сохранились сведения об одной из наиболее ранних экскурсий на Кольский Север, подготовленной в 1921 году Н.П. Анциферовым для учеников 15-й трудовой школы города Петрограда¹. Организатором предполагалось, что в результате поездки у ее участников «должен со-

¹ Анциферов Н.П. По пути в Мурманский край (экскурсионная школьная разведка) // Север. Вологда, 1923. Кн. 2. С. 182–198.

здаться целостный образ, отражающий самые разнообразные стороны жизни края, все его особенности»¹. При описании историко-культурного потенциала территории Н.П. Анциферов во многом следовал подходам, сформировавшимся еще до революции, акцентируя внимание на двух исторических прибрежных поселениях края – Кандалакше, расположенной на Белом море, и Коле, находящейся вблизи Кольского залива Баренцева моря. В представлении путешественника Кандалакша являлась местом, где сохранилась традиционная культура русских селений Севера, внешним выражением чего были старые дома, «обетные» кресты и деревянная четырехъярусная церковь Рождества Иоанна Предтечи конца XVIII века². В то же время Кола, утратившая «в значительной степени черты древнерусского города», по мнению Н.П. Анциферова, представляла интерес с точки зрения своего исторического местоположения, что делало необходимым дополнительную актуализацию этого населенного пункта в экскурсионной деятельности³.

В культурно-антропологическом контексте Н.П. Анциферов выделяет несколько групп населения края – карел (проживающих вплоть «до северных окраин Белого моря» и подвергшихся значительному «воздействию русского быта»), поморов («особую разновидность русского народа»), «лопарей» (саамов, хранящих «традиции, которым можно насчитать десятки тысячелетий»), а также «пришельцев» из других регионов страны⁴. В качестве материальных воплощений «новой жизни», которая столкнулась с патриархальным укладом Русского Севера и начала быстро его менять, путешественник называет железную дорогу и город Мурманск.

В целом, Н.П. Анциферовым, в соответствии с духом революционных преобразований, декларирувалась позиция об отказе Советской России от захватнических «империалистических тенденций», на смену которым должно прийти освоение того, чем государство уже обладает, и превращение Кольского края в «новую Америку»⁵ вполне укладывалось в эту концепцию.

В 1924 году специалист в области методики преподавания естествознания Г.Н. Боч организовал для учащихся 168-й школы Выборгского района Ленинграда экскурсию на Север, по итогам которой была выпущена брошюра⁶. В качестве главной цели поездки было обозначено познание природы края⁷, поэтому акцента на культурном наследии региона не делалось. Г.Н. Боч помимо естественнонаучных наблюдений приводит еще и сведения о Мурманской железной дороге⁸, городах Мурманске⁹ и Александровске^{10,11}, Мурманской биологической станции¹². Касаясь истории края, автор упоминает Колу, относя первое упоминание о ней к 1264 году¹³, но отмечая, что сейчас здесь не сохранилось «никаких сколько-нибудь значительных исторических ценностей». В описании города Г.Н. Бочем кратко указывается, что Кола ранее была местом ссылки, а в Гражданскую войну захватывалась англичанами¹⁴, однако исследователь не приводит рекомендаций по дополнительной актуализации этих фактов.

Начиная с середины 1920-х годов, благодаря деятельности Мурманской железной дороги (МЖД), организация туристско-экскурсионной деятельности на территории Карелии и Кольского Севера становится более системной. Железная дорога не только обеспечивала транспортные перевозки, но и занималась комплексным развитием северных регионов, по которым проходил ее маршрут. 25 мая 1925 года при коммерческом отделе МЖД было создано Дорожное экскурсионное бюро (ДЭБ), в задачи которого входило выявление природных богатств края, «ознакомление с его красотами, старинными памятниками, народным хозяйством, промышленными перспективами и достижениями»¹⁵.

В целях популяризации туристско-экскурсионной деятельности руководство Мурманской железной дороги проводило обширную рекламно-просветительскую работу. С июня 1925 года в журнале «Вестник Карело-Мурманского края»¹⁶, издававшемся Правлением МЖД и Совнаркомом Автономной Карельской Социалистической Советской Республики, появился постоянный

¹ Анциферов Н.П. Указ. соч. С.186.

² До настоящего времени не сохранилась.

³ Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 193.

⁴ Там же. С. 191–192.

⁵ Там же. С. 196–197.

⁶ Боч Г.Н. Экскурсия на Север (Мурман и Хибин). Л., 1926. 115 с.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Там же. С. 15–17.

⁹ Там же. С. 21–23.

¹⁰ В настоящее время – город Полярный Мурманской области.

¹¹ Боч Г.Н. Указ. соч. С. 29–30.

¹² Там же. С. 27–29.

¹³ Указанная дата не подтверждается историческими исследованиями (Ушаков, 1972: 70–71), в настоящее время считается, что Кола была основана в XVI веке.

¹⁴ Боч Г.Н. Указ. соч. С. 21.

¹⁵ Дорожное экскурсионное бюро // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 17–18 (32–33). С. 14.

¹⁶ В 1924–1926 годах журнал назывался «Вестник Карело-Мурманского края», с 1926 года – «Карело-Мурманский край».

раздел – «Листок Дорожного экскурсионного бюро»¹. В том же году ДЭБ подготовило издание иллюстрированного «Спутника экскурсанта по Карело-Мурманскому краю»².

В публикациях экскурсионного бюро МЖД, содержащих описания природных ландшафтов и явлений, освещаются также перспективы хозяйственного освоения биологических ресурсов края и добычи полезных ископаемых. Тематика, связанная с Мурманской железной дорогой, а также ее деятельностью по изучению и колонизации северных территорий, обозначается в качестве одной из основных для экскурсионной работы³. К осмотру рекомендуются, в том числе, метеорологические станции⁴ и самая северная в мире Хибинская опытно-агрономическая станция⁵, находящиеся в ведении МЖД. Также в качестве экскурсионного объекта указывается биологическая станция, расположенная в Александровске⁶. В публикациях бюро образцами успешного посереволюционного освоения территории названы Мурманский порт и сам город Мурманск⁷, противопоставляемый Александровску, в основном развивавшемуся до 1917 года⁸, и Коле, характеризующейся как «кусочек уже ушедшей жизни Лапландии»⁹.

Особое внимание в трудах авторов бюро уделяется культуре и быту «коренного населения» Севера, к которому относят русских, карел, финнов, «лопарей» (саамов), «самоедов» (ненцев), «зырян» (коми-ижемцев), норвежцев и шведов¹⁰.

Изданиями железной дороги последовательно популяризируются различные составляющие историко-культурного наследия Кольского Севера. Описывается «поморское селение» Кандалакша, история которого возводится к временам викингов¹¹, с расположенным там храмом Рождества Иоанна Предтечи¹². В качестве объектов, заслуживающих внимания, называются также «древний город» Кола¹³ и стоящий в нем поклонный крест 1635 года¹⁴, которому с сожалением предсказывается скорая гибель¹⁵. Вместе с тем достопримечательностями признаются и сравнительно новые объекты, связанные с событиями революции и Гражданской войны в России (места погребения иностранных интервентов и памятные щиты, обозначающие территории их пребывания), на основе которых предлагается подготовить экскурсию «По следам интервенции»¹⁶.

В конце 1920-х годов на общегосударственном уровне наметились тенденции к централизации туристско-экскурсионной деятельности, результатом чего стало постановление Совета народных комиссаров СССР «О слиянии акционерного общества «Советский турист» с Обществом пролетарского туризма и о создании «Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий» от 08 марта 1930 года (Оборина, 2010: 111). Мурманский окружной совет ОПТЭ¹⁷ был сформирован 16 декабря 1933 года на 1-й Мурманской конференции данного общества¹⁸.

В начале 1935 года Ленинградский областной совет ОПТЭ с целью выстраивания контрольно-консультационной работы «с наибольшим учетом местных особенностей и практических нужд» организовал анкетирование районных советов указанного общества¹⁹. Одной из задач сбора сведений было обобщение информации по объектам возможного экскурсионного показа, к числу которых в анкете были отнесены «музеи, заводы, городские постройки, станции, рудники,

¹ Звенов В.К. Д.Э.Б. (Дорожное экскурсионное бюро) // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 17–18 (32–33). С. 1–2.

² Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю / под ред. В.К. Звенова. Петрозаводск, 1925. 66 с.

³ Там же. С. 24, 31–32; Шагин В. По новым путям // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 19 (34). С. 14; Шагин В. По новым путям (окончание) // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 20–21 (35–36). С. 15–17.

⁴ Шагин В. По новым путям (окончание) ... С. 14–15.

⁵ Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю ... С. 22; Шагин В. По новым путям ... С. 15.

⁶ Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю ... С. 29; Шагин В. По новым путям (окончание) ... С. 13–14.

⁷ Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю ... С. 24.

⁸ Шагин В. По новым путям ... С. 14–15.

⁹ Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю ... С. 24–25.

¹⁰ Там же. С. 32–38; Результаты первой зимней экскурсии ДЭБ и БДЭ (ИМВР) // Вестник Карело-Мурманского края. 1926. № 8. С. 13; Шагин В. По новым путям (окончание) ... С. 17.

¹¹ Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю ... С. 20.

¹² Шагин В. По новым путям (окончание) ... С. 17.

¹³ Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю ... С. 24.

¹⁴ Крест сохранился до настоящего времени, находится в храме Благовещения Пресвятой Богородицы в городе Коле, признан объектом культурного наследия федерального значения.

¹⁵ Шагин В. По новым путям (окончание) ... С. 17.

¹⁶ Шагин В. По новым путям ... С. 14.

¹⁷ В 1927–1938 годах регион имел административный статус Мурманского округа Ленинградской области.

¹⁸ ГАМО. Ф. Р–196. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5.

¹⁹ ГАМО. Ф. Р–196. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

заповедники, географические места, интересные в археологическом, краеведческом или в каком-нибудь другом отношении, колхозы, фермы»¹.

Такая анкета, заполненная Мурманским бюро ОПТЭ в отношении города Мурманска и населенных пунктов, расположенных рядом с ним, позволяет оценить типы объектов, считавшихся обществом привлекательными в экскурсионном отношении: два музея (в том числе краеведческий), траловый и торговый порты, судоремонтный завод, радиостанция, другие городские объекты и сам город Мурманск в целом, а также крупные стройки и зверосовхозы вблизи него. Экскурсантов предполагалось знакомить не только с посещаемой местностью, ее историей и природными особенностями, но и с опытом освоения территории, производственной и сельскохозяйственной деятельностью в регионе².

В том же году был издан путеводитель по Карелии и Кольскому полуострову, в значительной степени ориентированный на инфраструктуру ОПТЭ³. В нем отмечается, что туризм должен «изучить ... неисследованные места нашего Союза, помочь их освоению», поэтому книга в основном описывает маршруты «по самым глухим местам Карелии и Кольского полуострова»⁴, а историко-культурный потенциал края рассматривается в ней кратко и фрагментарно. Издание сообщает о возможности познакомиться в ходе экскурсий с бытом саамских оленеводов⁵, а также поморов-рыбаков, проживающих на Кандалакшском и Терском берегах Кольского полуострова⁶. При описании Колы, обозначенной как «стариннейшее поселение русских на берегах Мурмана», кратко упоминается, что оно пострадало в 1918–1919 годах от действий английских интервентов⁷, но без дополнительных уточнений в отношении этих событий.

С конца 1930-х годов в регионе начинается систематическая работа по выявлению и актуализации объектов, имеющих отношение к репрессивной политике дореволюционной России, событиям 1917 года и Гражданской войне. Одна из наиболее ранних попыток учета имеющихся историко-революционных памятников была предпринята Мурманским окружным исполнительным комитетом в 1937 году. В составленном по поручению исполкома списке, помимо названий, местонахождения, краткого описания и другой информации об объектах, также содержались сведения о массовой работе, связанной с ними⁸. Мурманским краеведческим музеем в июне 1940 года, по указанию отдела агитации и пропаганды областного комитета ВКП (б), был подготовлен перечень памятников и мест, имеющих отношение к революционным событиям, содержащий предложения по их мемориализации⁹.

Указанные списки позволяют проанализировать категории объектов, рекомендуемых для актуализации в тот период. К числу историко-революционных памятников были отнесены места содержания под стражей и казней политических противников антибольшевистского правительства в 1918–1920 годах, их братские могилы, а также помещения в городе Мурманске, связанные с подготовкой и осуществлением просоветского восстания 1920 года¹⁰. Мемориализировать рекомендовалось не только здания и сооружения, но и места, где они ранее находились, а также иные территории, имеющие отношение к этим событиям. В перечнях отмечены даже целые населенные пункты, жители которых подверглись репрессиям из-за участия в партизанском движении 1918–1920 годов (Ковда, Колвица, Титовка и другие). Отдельно, как «место ссылки политических» в XVII–XX веках, указана Кола¹¹. В качестве средств актуализации памяти о революционной борьбе предлагалось установить мемориальные доски и знаки, а также использовать эти исторические объекты в массовой политической работе¹².

В целом следует заключить, что в первые послереволюционные десятилетия прослеживается изменение подходов к использованию историко-культурного потенциала Кольского Севера в туристско-экскурсионной деятельности. Акцентирование внимания на исторических поселениях, отдельных памятниках прошлого и этнографических особенностях местных жителей дополняется новыми тенденциями. В представлении объектов показа начинает проявляться дихото-

¹ ГАМО. Ф. Р–196. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

² Там же. Л. 9.

³ Бартольд Е. Ф. По Карелии и Кольскому полуострову. Путеводитель. Л., 1935. 139 с.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 95–98.

⁶ Там же. С. 83–85.

⁷ Там же. С. 112–113.

⁸ ГАМО. Ф. П–102. Оп. 1. Д. 28. Л. 99–100.

⁹ Там же. Л. 96.

¹⁰ ГАМО. Ф. П–102. Оп. 1. Д. 28. Л. 96, 99–100.

¹¹ Там же. Л. 96.

¹² Там же. Л. 96, 99.

мия культуры традиционной, выраженной в памятниках истории, и культуры революционной, проявляющей себя в процессах модернизации и хозяйственного освоения территории (строительство железных дорог, основание городов, предприятий и т.д.).

Другой важной особенностью актуализации исторического наследия края стало выявление и популяризация объектов, связанных с революцией 1917 года, а также последовавших за ней иностранной интервенцией и Гражданской войной. Происходит переосмысление отдельных составляющих культурного потенциала края, примером чего является презентация Колы не только как одного из древнейших населенных пунктов региона, но и как места, связанного с репрессивной политикой дореволюционной России.

Для реализации задач по широкому освещению деятельности, направленной на исследование и развитие северных территорий, а также в целях содействия утверждению на местах советской трактовки прошлого, государство стремилось использовать возможности культурного наследия края. Начинаются процессы мемориализации событий, произошедших сравнительно недавно, и утверждения новых подходов к более ранним историческим периодам. На Кольском Севере указанные тенденции проявились в туристско-экскурсионной деятельности, являющейся одним из наиболее распространенных средств актуализации памятников истории для широких слоев общества.

Список источников:

- Арцыбашев Д.В., Арцыбашева Т.Н. Детско-юношеская туристско-экскурсионная деятельность в Советском Союзе: государственная политика и формы организации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). С. 70–79.
- Бертош А.А. Институционализация советской системы туризма на Кольском Севере // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 55–60. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.584>
- Глушанок Т.М. История туризма Карелии. Петрозаводск, 2018. 176 с.
- Голов А.Г. Краеведческое движение на Европейском Севере России в 1920–1930-е годы (по материалам Республики Карелия и Мурманской области): постановка проблемы // Вестник Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана. 2007. Т. 10, № 3. С. 359–363.
- Ларионов А.А. Феномен пролетарского туризма и его развитие в СССР в 1920–1930-е годы // Экология: синтез естественнонаучного, технического и гуманитарного знания. Саратов, 2012. С. 249–251.
- Оборина Е.А. «Пролетарский» туризм 1920-х – середины 1950-х гг. как социально-культурное явление // Вестник Пермского университета. Серия: История и политология. 2010. № 1. С. 110–113.
- Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М., 2010. 224 с.
- Ушаков И.Ф. Кольская земля : очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. 672 с.
- Цекина М.В. История туристской деятельности в регионах Заполярья России // История изучения и освоения Арктики – от прошлого к будущему. Архангельск, 2012. С. 96–98.

References:

- Artsybashev, D. V. & Artsybasheva, T. N. (2019) Detsko-yunosheskaya turistsko-ekskursionnaya deyatel'nost' v Sovetskom Soyuze: gosudarstvennaya politika i formy organizatsii [Children's and Youth Tourist and Excursion Activities in the Soviet Union: State Policy and Forms of Organization]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. (3 (51)), 70–79 (in Russian).
- Bertosh, A. A. (2021) Institutionalization of the Soviet Tourism System in the Kola North. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 43 (2), 55–60. Available from: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.584> (in Russian).
- Glushanok, T. M. (2018) *Istoriya Turizma Karelii [History of Karelia Tourism]*. Petrozavodsk. 176 p. (in Russian).
- Golov, A. G. (2007) Kraevedcheskoe dvizhenie na Evropeiskom Severe Rossii v 1920–1930-e gody (po materialam Respubliki Kareliya i Murmanskoi oblasti): postanovka problemy [The Local History Movement in the European North of Russia in the 1920s–1930s (Based on the Materials of the Republic of Karelia and the Murmansk Region): Problem Statement]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni N.E. Baumana*. 10 (3), 359–363 (in Russian).
- Larionov, A. A. (2012) Fenomen proletarskogo turizma i ego razvitiye v SSSR v 1920–1930-e gody [The Phenomenon of Proletarian Tourism and Its Development in the USSR in the 1920s–1930s]. In: *Ekologiya: sintez estestvennonauchnogo, tekhnicheskogo i gumanitarnogo znaniya*. Saratov, pp. 249–251 (in Russian).
- Oborina, E. A. (2010) «Proletarskii» turizm 1920-kh – serediny 1950-kh gg. kak sotsial'no-kul'turnoe yavlenie [«Proletarian» Tourism of the 1920s – mid. 1950s as a Socio-Cultural Phenomenon]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya i politologiya*. 2010. (1), 110–113 (in Russian).
- Orlov, I. B. & Yurchikova, E. V. (2010) *Massovyi turizm v stalinskoj povsednevnosti [Mass Tourism in Stalin's Everyday Life]*. Moscow. 224 p. (in Russian).
- Tsekina, M. V. (2012) Istoriya turistskoi deyatel'nosti v regionakh Zapolyar'ya Rossii [History of Tourism Activities in Russia's Polar Regions]. In: *Istoriya izucheniya i osvoeniya Arktiki – ot proshlogo k budushchemu*. Arkhangel'sk, pp. 96–98 (in Russian).
- Ushakov, I. F. (1972) *Kol'skaya zemlya : ocherki istorii Murmanskoi oblasti v dooktyabr'skii period [Kola Land : Essays on the History of the Murmansk Region in the Pre-October Period]*. Murmansk. 672 p. (in Russian).

Информация об авторе

А.А. Бертош – аспирант Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=655073.

Information about the author

A.A. Bertosh – a postgraduate student at the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=655073.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 200–205.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 200–205.

Научная статья

УДК 801.73

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.34>

Глобалистская прогностика в романе Дж. Оруэлла «1984». Культурологический анализ

Александр Владленович Каменец¹, Мария Юрьевна Алексеева²

^{1,2}Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹kamenez.a@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3558-7035>

²alekseeva_nov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7199-1743>

Аннотация. Культурологическая прогностика развития глобальных процессов является одним из наименее разработанных направлений гуманитарных исследований. Тем не менее запрос на проведение таких исследований сохраняется, что связано с возрастанием экологических рисков для существования человечества, порожденных расчеловечиванием современной цивилизации и ее разрывом с гуманистическими ценностями. Роль литературных антиутопий в культурологическом изучении процессов глобализации остается достаточно значимой, так как определяется востребованностью художественного прогнозирования будущего современной цивилизации. В статье осуществлен культурологический анализ литературной антиутопии Дж. Оруэлла, представляющий собой попытку сопоставления произведения писателя с реальными процессами изменения современных обществ под влиянием глобализации. Произведение Дж. Оруэлла в этой связи является опытом реализации системного подхода в прогнозировании глобальных процессов, который достаточно актуален для современной научной прогностики, что и раскрывается в данной статье.

Ключевые слова: глобализация, антиутопия, общество, личность, культура, прогнозирование

Для цитирования: Каменец А.В., Алексеева М.Ю. Глобалистская прогностика в романе Дж. Оруэлла «1984». Культурологический анализ // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 200–205. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.34>.

Original article

The Globalist Prognostics in the Novel «1984» by George Orwell. The Culturological Analysis

Aleksandr V. Kamenets¹, Maria Yu. Alekseeva²

^{1,2}Russian State Social University, Moscow, Russia

¹kamenez.a@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3558-7035>

²alekseeva_nov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7199-1743>

Abstract. The culturological prognostics of the global processes development continues to be one of the least developed areas of the humanitarian research. Nevertheless, there is the demand for such studies, because it is connected with the increasing environmental risks for the existence of mankind, caused by the dehumanization of modern civilization and its break with humanistic values. The role of literary dystopias in the culturological study of the processes of globalization remains quite significant, that is due to the demand for artistic prediction of the future of modern civilization. The study provides the culturological analysis of Orwell's literary dystopia, which is an attempt to compare the writer's work with the real processes of the change of modern societies under the influence of globalization. In this regard, the work of G. Orwell is an experience in implementing a systematic approach in forecasting global processes, which is quite relevant for the modern scientific prognostics, so the author discloses it in this paper.

Keywords: globalization, dystopia, society, personality, culture, forecasting

For citation: Kamenets, A.V. & Alekseeva, M.Yu. (2022) The Globalist Prognostics in the Novel «1984» by George Orwell. The Culturological Analysis. Society: Philosophy, History, Culture. (6), 200–205. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.34](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.34) (In Russian).

Введение. В настоящее время продолжает увеличиваться количество научных работ, которые посвящены исследованию стремительно развивающихся процессов дегуманизации современной цивилизации, а также ее последствий (Бек, 2001; Турчин, Батин, 2013; Яковец, 2001).

В истории культуры известно множество вариантов художественного постижения будущего, которые в науке определяются термином «предугадывание». Предугадывание вмещает в себя смыслы, располагающиеся в поле образно-символистского конструирования вероятностного будущего. «Художественная футурология, как правило, теснейшим образом связана с духом

эпохи, образом времени, в котором творит художник, стремящийся осмыслить Бытие как целое. Отсюда рождается само стремление постичь не только настоящее, но и грядущее, присутствующее в Бытии в скрытой форме. Принципиально отличаясь от научного прогнозирования, художественное предвидение создает более широкую панораму предстоящих изменений, включающих предусматривание отдельных случайных событий и ситуаций, которые для научного познания представляются непрогнозируемыми» (Красильникова, 2011: 246).

Литературные романы-антиутопии в известной мере восполняют дефицит научного прогнозирования глобальных процессов, их последствий и возможных опасностей для всех жителей планеты. Произведение Дж. Оруэлла «1984» оценивается различными специалистами и исследователями как наиболее показательный и заверченный прогноз развития обществ в качестве глобальной тенденции, присутствующей и в современной цивилизации. Несмотря на то, что сам писатель не считал себя профессиональным прогнозистом, благодаря интуиции и наблюдательности художника ему удалось сформировать картину будущего человечества, представляющую несомненный интерес для ученых-культурологов, осваивающих эту проблематику (Оруэлл, 2001).

Суть представленного ниже культурологического анализа романа Дж. Оруэлла «1984» заключается в акцентировании прежде всего проблем духовного кризиса, переживаемого современной цивилизацией, и его социальных и культурных последствий, которые предвосхитил писатель.

Методы исследования. Основными методами исследования явились социокультурная прогностика и системное моделирование на основе изучения данного романа-антиутопии (Воржецов, 2010; Каменец, 2015; Луков, 2010; Марков, Бирженюк, 1998; Мир нашего завтра..., 2003; Орлова, 2008; Прогнозное социальное проектирование..., 1994) и соответствующей интерпретации художественного текста произведения, в котором присутствует обобщение описываемых общественных процессов и явлений, средствами литературно-художественного исследования. Такой тип исследования присутствовал уже в трудах Гесиода¹, который осуществил всестороннюю критику «сильных мира сего», широко используя фольклорный материал.

Прогностические исследования, осуществляемые в социальном и культурном аспекте, хотя и имеют определенные достижения, но их можно рассматривать преимущественно как попытку сценарирования желательного будущего (утопий) в качестве ориентира для человечества в его движении к гуманному и справедливому мироустройству (Аристотель, 1997; Гегель, 1990; Кампанелла, 1954; Мор, 1978). В то же время при всей значимости таких исследований становится все более востребованной негативная прогностика будущего человечества, которая позволяет принимать своевременные меры и коррективы, чтобы избежать грядущих рисков для выживания всего человечества (Зиновьев, 2004; Сумерки глобализации..., 2004; Турчин, Батин, 2013).

Несомненным достижением авторов романов-антиутопий является то, что их произведения обладают достаточной целостностью и глубиной анализа негативных сторон современной реальности. В этом отношении Дж. Оруэлл добился особенно впечатляющих результатов и убедительности, что позволяет считать его произведение ориентиром для других создателей антиутопий. Полученные писателем результаты не потеряли своего значения для исследования современного состояния глобализации, которое можно изучать при помощи соответствующего научного моделирования средствами современной культурологии.

Описание антиутопии Дж. Оруэлла с использованием метода моделирования включало в себя фреймирование поведения каждого индивида в качестве универсального принципа саморегуляции общества будущего («Старший Брат смотрит на тебя»). В данном случае наличие «всевидящего ока» позволило выявить надвигающуюся экспансию тотального контроля над социумом с использованием информационных технологий (Ракитов, 2013).

Результаты исследования. Изучение глобализации как параметра культурного измерения современности предполагает исследование процессов тотального воздействия на каждого члена общества (Занина и др., 2017). Это всепроникающее воздействие «Старшего Брата» включает в себя использование технических средств в соответствии с требованием англо-английского социализма), формирующего самосознание каждого члена общества.

Исследовались и результаты влияния глобализации на постсоветское общество, так как она по многим ее проявлениям оказалась близкой к созданной Дж. Оруэллом антиутопии (Глобализация и постсоветское общество..., 2001).

В рамках формирования контроля над мышлением всех членов общества предполагается наличие «двоемыслия», умения верить в заведомую ложь и по приказу легко менять свое мнение на противоположное. Чтобы исключить проявления самостоятельного мышления предлагается манипулировать людьми, используя различные средства влияния на них. Если же кто-то пытается оказать этому сопротивление, он становится «мыслепреступником».

¹ Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. 256 с.

В романе присутствует некоторая пародийность в изображении способов манипуляции сознанием масс, которая обесценивает значимость общечеловеческих ценностей во имя разрушения самой важности гуманизации самосознания всех людей, чтобы управлять ими для достижения корыстных целей манипуляторов. Это манипулирование выражается в навязывании таких абсурдных лозунгов, как «война – это мир», «свобода – это рабство», «незнание – сила».

При всей пародийности, которая используется писателем в изображении этого вида манипулирования массовым сознанием, здесь можно обнаружить характерную для глобализма тенденцию нормирования тотального отрицания общечеловеческих ценностей, что мотивировано необходимостью сохранения утверждаемого системного мира, частью которого становится каждый житель планеты. Несмотря на некоторые положительные стороны глобализации, заключающиеся в появлении новых возможностей объединения усилий всего человечества в решении многих проблем, имеющих общецивилизационное значение, издержки этого процесса становятся катастрофическими.

В антиутопии показано, как с помощью соответствующих информационных манипуляций происходит потеря реального следования подлинному значению содержания языка, его понятий и смыслов. С этой целью придумывается «новояз», суть которого заключается в устранении тех слов, которые считаются «лишними», среди них такие части речи, как прилагательное и глагол, также считается недопустимым использование переносного значения слов, например метафор, и т. д., что в результате приводит к еще большей бессодержательности языковой реальности. Вместо этого предлагается в качестве языковой нормы «речекряк», вообще лишенный той или иной содержательности и смысла. В свою очередь вводимый «новояз» является инструментом последовательного тотального уничтожения каких-либо культурных значений во имя потери смысла речевого общения как такового.

С предельным цинизмом по отношению к принципам гуманизма названы основные министерства, потому что цель их функционирования противоположна названию. Это «Министерство изобилия», занимающееся «бумажными» показателями вымышленного изобилия; «Министерство любви», которое осуществляет регулярные пытки тех, чьи мысли и убеждения не совпадают с официальной идеологией; «Министерство мира», непосредственно отвечающее за ведение постоянный боевых действия в качестве нормы социального существования; «Министерство правды», занятое в основном фальсификацией исторических событий, уничтожением правдивых сведений и документальных свидетельств, которые невыгодны правящему режиму.

Война при этом составляет основное содержание общественной жизни и смысл существования органов власти. Она необходима, чтобы сохранять подчиненность основной массы населения господствующему социальному порядку и отвлекать общество от решения реальных социальных проблем. Для этого культивируется постоянный страх и чувство ненависти к тем или иным конструируемым врагам как внутри страны, так и вне ее.

Культурное наследие при этом тотально уничтожается, вплоть до полного его забвения, и для этого работает огромное количество профессионалов, осуществляющих истребление какой-либо культурной и исторической памяти в обществе.

Обсуждение результатов. Выделенные черты антиутопии, представленные в произведении Дж. Оруэлла, позволяют осуществить их сопоставление с особенностями современной глобализации. В самом общем виде результаты такого сравнения представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сопоставление характеристик антиутопии Дж. Оруэлла и современного глобализма

№ пп.	Антиутопия Дж. Оруэлла	Глобализм
1	2	3
1	Всевидящий «Старший Брат»	Глобальный контроль за социально-экономическим устройством, состоянием культуры в различных странах
2	Глобальные образования в виде «Океании», «Евразии», «Остазии»	США, Россия и Китай
3	«Министерство правды», «Министерство любви», «Министерство мира», «Министерство изобилия»	Информационное прикрытие античеловеческих и антигуманистических установок в виде официально провозглашаемых названий соответствующих глобальных структур
4	Культивирование ненависти по отношению к разным членам общества с помощью кинопродукции, театрализованных шоу, демонстраций казни и т. д.	Создание образа врага глобалистов по отношению к тем, кто не подчиняется их сценариям и стратегии
5	Наличие внутреннего врага в виде «Голдстейна», а также «Евразии» или «Остазии»	Конструирование образа врага внутри общества и использование в качестве врагов глобализма России и Китая

Продолжение таблицы 1

1	2	3
6	Придуманный конспирологический образ внутреннего врага («Братства»)	Преследование внутри страны политических оппонентов, угрожающих господству глобализма
7	Доносы детей на родителей	Ювенальная юстиция с ее деструктивными установками в глобальном масштабе
8	«Двоемыслие»	«Двойные стандарты»
9	«Новояз»	Глобальная унификация языков
10	Официозные программы единодушного ликования	Демократия и права человека как содержание глобального информационного манипулирования
11	Неуправляемые бомбардировки населения городов	Бомбардировки как средство решения задач глобалистов
12	«Пролы»	Отнесение большинства человечества к рабам глобалистов
13	Девальвация культурных ценностей	Жертвование культурой во имя материального процветания глобалистов
14	Беспардонное вторжение в интимно-личную жизнь граждан	Незащищенность интимно-личной жизни граждан перед контролем за ней глобалистов
15	Демонстрируемые моральность и нравственная безупречность	Морализирование в качестве информационного манипулирования в интересах глобалистов
16	Уничтожение художественной литературы и примитивизация последней	Вытеснение массовой культурой художественной литературы для обеспечения манипуляции массовым сознанием ради блага глобалистов
17	Исчезновение поэзии для детей	Исчезновение детской литературы во имя дебилизации подрастающего поколения
18	Разделение всех людей внутри общества и в глобальном масштабе на низшие, средние и высшие классы	Насаждение социальной стратификации для утверждения господства «избранных» в глобальном масштабе
19	Массовая бедность как неизбежность	Социальное неравенство в качестве универсальной социальной нормы
20	Война вместо обеспечения материального благополучия граждан	Милитаризованная экономическая реальность как возможность сохранения социального неравенства
21	Деление общества на «мозговой» центр, исполнителей задач этого центра и остальных членов общества	Закрытые центры принятия решений в интересах глобалистов
22	Узаконенная фальсификация истории	Переделывание исторической памяти в интересах глобалистов
23	Государство в качестве главного фальсификатора истории	Переписывание исторических фактов как инструмента государственной политики в угоду глобалистам
24	Создание государством новой виртуальной реальности, заменяющей реальную действительность	«Фейки» и виртуальность как альтернатива правдивости и истинной реальности для достижения глобальных целей мирового господства
25	Физическое уничтожение и истощение граждан, сопротивляющихся политическому режиму	Дискредитация и физическое уничтожение носителей правды и гуманизма
26	«Молодежный антиполовой союз»	Транссексуальность как альтернатива половой самоидентификации на основе природных признаков
27	«Мыслепреступление»	Контроль за инакомыслием
28	Культурное нормирование социальных антагонизмов	Трансляция социального неравенства как культурной нормы в глобальном масштабе
29	Война с внешними врагами, носящая перманентный характер	Последовательное уменьшение численности населения с помощью войн ради выгоды меньшинства «избранных» как главных глобализаторов
30	Вступление в различные глобальные союзы и борьба между теми или иными «сверхдержавами»	Попытка поддержания постоянного глобального напряжения с помощью войн для утверждения глобализма

Представленные в таблице 1 характеристики описываемого в произведении Дж. Оруэлла общества и реального глобализма можно объединить в несколько групп. Одна из этих групп представляет проявление стандартных показателей лояльности и разностороннего контроля за всеми гражданами (пункты 1, 10, 14, 15, 21–24, 26, 27). Следующая группа – культивируемое социальное неравенство, которое навязывается в качестве глобального (пункты 12, 18–20, 25, 28). Еще одна группа – уничтожение культурных традиций и культурного наследования (пункты 9, 13, 16). Наконец, последняя группа представляет постоянно ведущуюся тотальную войну разных народов и стран и соответственно создание военных блоков и союзов (пункты 2–7, 11, 17, 29, 30).

Заключение. Осуществленное культурологическое рассмотрение романа Дж. Оруэлла «1984» и сравнение его с исследованиями основных тенденций глобализации позволяют сделать вывод о неизбежности согласия многих стран и народов стать частью нового глобального миропорядка, который предполагает тоталитарное управление «избранными» государствами остальной частью человечества. Причем это стремление стать соучастниками разворачивающейся глобализации наблюдается уже внутри отдельных стран. Изучение описываемого процесса для различения признаков этого явления – одно из приоритетных направлений культурологической науки.

Список источников:

- Аристотель. Политика. Афинская полиция. М., 1997. 460 с.
 Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М., 2001. 304 с.
 Воржецов А.Г. Основы социального прогнозирования. Казань, 2010. 44 с.
 Гегель, Г.В.Ф. Философия права. Москва, 1990. 524 с.
 Глобализация и постсоветское общество / под ред. А.Ю. Согомонова, С.Е. Кухтерина. М., 2001. 224 с.
 Занина К.Д., Ермилова А.Н., Каменец А.В. Глобализация как параметр культурного измерения современности // Художественное пространство культуры третьего тысячелетия: проблемы науки и образования : сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2017. С. 28–34.
 Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб., 2004. 601 с.
 Каменец А.В. Введение в теорию социального взаимодействия. М., 2015. 464 с.
 Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1954. 228 с.
 Красильникова М.Ю. Основания футурологии Д.С. Мережковского // Антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры : сборник научных трудов / под ред. В.П. Океанского. Иваново; Шуя, 2011. С. 244–247.
 Луков В.А. Социальное проектирование. М., 2010. 240 с.
 Марков А.П., Бирженюк Г.М. Основы социально-культурного проектирования. СПб., 1998. 361 с.
 Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики / ред.-сост. И.В. Бестужев-Лада. М., 2003. 512 с.
 Мор Т. Утопия. М., 1978. 415 с.
 Орлова Э.А. Теоретические основания изучения социального взаимодействия // Обсерватория культуры. 2008. № 1. С. 4–13.
 Оруэлл Дж. 1984 / пер. с англ. Д.Л. Шепелева. М., 2001. 608 с.
 Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / под ред. Т.М. Дридзе. М., 1994. 304 с.
 Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М., 2013. 289 с.
 Сумерки глобализации: настольная книга антиглобалиста / под ред. А.Ю. Ашкерова. М., 2004. 348 с.
 Турчин А.В., Батин М.А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа. М., 2013. 263 с.
 Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001. 346 с.

References:

- Aristotle (1997) Politics. The Constitution of the Athenians. Moscow. 460 p. (In Russian)
 Ashkerov, A. Yu. (ed.) (2004) Sumerki globalizatsii: nastol'naya kniga antiglobalista [Twilight of Globalization: the Anti-globalist's Handbook]. Moscow. 348 p. (In Russian)
 Beck, U. (2001) What Is Globalization? Translated from German by Grigoriev, A. & Sedelnik, V. (2001) Moscow. 304 p. (In Russian)
 Bestuzhev-Lada, I. V. (ed.) (2003) Mir nashego zavtra: Antologiya sovremennoj klassicheskoy prognostiki [The World of our Tomorrow: An Anthology of Modern Classical Prognostics]. Moscow. 512 p. (In Russian)
 Campanella, T. (1954) The City of the Sun. Moscow. 228 p. (In Russian)
 Dridze, T. M. (ed.) (1994) Prognoznoe sotsial'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy [Forecasting Social Design: Theoretical, Methodological and Methodological Problems]. Moscow. 304 p. (In Russian)
 Hegel, G. W. F. (1990) Elements of the Philosophy of Right. Moscow. 524 p. (In Russian)
 Kamenets, A. V. (2015) Vvedenie v teoriyu sotsial'nogo vzaimodeistviya [Introduction to the Theory of Social Interaction]. Moscow. 464 p. (In Russian)
 Krasilnikova, M. Yu. (2011) Osnovaniya futurologii D.S. Merezhkovskogo [The Foundations of Futurology by D.S. Merezhkovsky]. In: Okeansky, V. P. (ed.) Antikrizisnyi potentsial russkoi intellektual'noi kul'tury [Anti-crisis Potential of Russian Intellectual Culture]. Ivanovo, Shuya, pp. 244–247. (In Russian)
 Lukov, V. A. (2010) Sotsial'noe proektirovanie [Social Design]. Moscow. 240 p. (In Russian)
 Markov, A. P. & Birzhenyuk, G. M. (1998) Osnovy sotsial'no-kul'turnogo proektirovaniya [Fundamentals of Socio-cultural Design]. Saint Petersburg. 361 p. (In Russian)
 More, Th. (1978) Utopia. Moscow. 415 p. (In Russian)
 Orlova, E. A. (2008) Theoretical Foundation for Social Interaction Studying. Observatory of Culture. (1), 4–13. (In Russian)
 Orwell, G. (2001) Nineteen Eighty-Four. Translated from English by Shepelev, D. L. (2001) Moscow. 608 p. (In Russian)
 Rakitov, A. I. (2013) Filosofiya komp'yuternoi revolyutsii [Philosophy of the Computer Revolution]. Moscow. 289 p. (In Russian)
 Sogomonov, A. Yu. & Kukhterina, S. E. (eds.) (2001) Globalizatsiya i postsovetское obshchestvo [Globalization and Post-Soviet society]. Moscow. 224 p. (In Russian)
 Turchin, A. V. & Batin, M. A. (2013) Futurologiya. XXI vek: bessmertie ili global'naya katastrofa [Futurology. XXI Century: Immortality or Global Catastrophe]. Moscow. 263 p. (In Russian)
 Vorzhetsov, A. G. (2010) Osnovy sotsial'nogo prognozirovaniya [Fundamentals of Social Forecasting]. Kazan. 44 p. (In Russian)
 Yakovets, Yu. V. (2001) Globalizatsiya i vzaimodeistvie tsivilizatsii [Globalization and Interaction of Civilizations]. Moscow. 346 p. (In Russian)
 Zanina, K. D., Ermilova, A. N. & Kamenets, A. V. (2017) Globalizatsiya kak parametr kul'turnogo izmereniya sovremenosti [Globalization as a Parameter of the Cultural Dimension of Modernity]. In: Khudozhestvennoe prostranstvo kul'tury tret'ego tysyacheletiya: problemy nauki i obrazovaniya [Artistic Space of Culture of the Third Millennium: Problems of Science and Education]. Moscow, iss. 3, pp. 28–34. (In Russian)
 Zinoviev, A. A. (2004) Na puti k sverkhobshchestvu [On the Way to a Super-society]. Saint Petersburg. 601 p. (In Russian)

Информация об авторах

А.В. Каменец – доктор культурологии, профессор, профессор факультета искусств Российского государственного социального университета, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=499221.

М.Ю. Алексеева – кандидат культурологии, доцент, доцент факультета искусств Российского государственного социального университета, Москва, Россия

Information about the authors

A.V. Kamenets – D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Faculty of Arts, Russian State Social University, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=499221.

M.Yu. Alekseeva – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Faculty of Arts, Russian State Social University, Moscow, Russia. https://www.elibrary.ru/author_items.asp

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.05.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.06.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 206–210.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 206–210.

Научная статья

УДК 008:625.1

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.35>

Образ железной дороги как воплощение идей техницизма и антитехницизма (XIX – начало XX в.)

Елена Александровна Мальцева^{1,2}

¹Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия,
eamaltseva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6425-9888>

²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

Аннотация. В статье анализируется художественный образ железной дороги как воплощение идей техницизма и антитехницизма. Использование совокупности философских, культурологических, искусствоведческих методов, привлечение в качестве эмпирического материала произведений изобразительных и выразительных искусств позволило сделать вывод об особенностях художественной интерпретации железной дороги как технического объекта. Бурное развитие техники в XIX–XX вв. и ее активное воздействие на социокультурное пространство вызвало развернутую научную дискуссию о значении техники в жизни человека и общества, о ее влиянии на культуру. В результате сложились две исследовательские позиции – техницизм и антитехницизм, представители которых предложили противоположные оценки техники и технического развития. Исследование образа железной дороги с точки зрения данных позиций показало, что обе оценки – положительная и отрицательная – нашли свое выражение в художественной культуре. Это позволило сделать вывод о биполярности образа железной дороги, воплощенного в широком круге художественных произведений.

Ключевые слова: художественная культура, художественный образ, железная дорога, техницизм, антитехницизм, символ, прогресс

Для цитирования: Мальцева Е.А. Образ железной дороги как воплощение идей техницизма и антитехницизма (XIX – начало XX в.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 206–210. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.35>.

Original article

The Art Image of the Railway as the Embodiment of the Ideas of Technicism and Antitechnicism (The XIX – Early XX Centuries)

Elena A. Maltseva^{1,2}

¹Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia,
eamaltseva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6425-9888>

²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The study analyzes the art image of the railway as the embodiment of the ideas of technicism and antitechnicism. The use of a combination of philosophical, cultural and art history methods, as well as works of fine and expressive arts as empirical material, allowed a conclusion to be drawn about the special aspects of the art interpretation of the railway as a technical object. The rapid development of technology in the XIX–XX centuries and its active impact on the sociocultural space caused a detailed scientific discussion about the importance of technology in the life of man and society and about its influence on culture. As a result, two research positions appeared – technicism and antitechnicism, which representatives proposed opposite assessments of technology and technical development. The study of the image of the railway from the point of view of these positions showed that both estimates – positive and negative – found their expression in art culture. This made it possible to conclude about the bipolarity of the image of the railway embodied in a wide range of works of art.

Keywords: art image, art culture, railway, technicism, antitechnicism, symbol, progress

For citation: Maltseva, E.A. (2022) The Art Image of the Railway as the Embodiment of the Ideas of Technicism and Antitechnicism (The XIX – Early XX Centuries). *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 206–210. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.35](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.35) (In Russian).

Железная дорога, буквально ворвавшись в XIX в. в техническую сферу жизни общества и став в XX в. ее неотъемлемой частью, оказала серьезное влияние на культуру в целом, изменив представления человека о времени и пространстве, построив его новые взаимоотношения с окружающим миром. Так как железная дорога стала значимой частью технического прогресса и одной

из наиболее ярких страниц развития техники в Новое и Новейшее время, ее образ нашел воплощение в многочисленных произведениях искусства. Оценка степени и направленности влияния железной дороги на социокультурное пространство лежит в русле философских и культурологических размышлений о влиянии техники на культуру, общество и человека. Наверное, ни один известный мыслитель XX в. не обошел своим вниманием данную проблематику, так или иначе выразив свое понимание взаимоотношения гуманитарной и технической составляющих культуры.

Если обобщить способы отношения человека к технике, можно выделить три варианта: нейтральное (потребительское) отношение, преклонение перед техникой и ее боязнь (Горохов, 2015). Последние варианты получили отражение в техницизме и антитехницизме – двух исследовательских позициях, сложившихся в осмыслении техники вообще и использующихся в частности в художественном осмыслении такого технического объекта, как железная дорога.

Техницизм стал выражением убеждения в благотворности для человечества развития техники, провозглашая ее основным двигателем общественного прогресса и утверждая ее положительную значимость для культуры. Ряд авторов XX в. разрабатывали концепции технократии, согласно которым общество должно регулироваться правилами технической рациональности, и утверждали, что научные открытия и инженерные навыки наделили человечество силами, которые способны привести к решению общественных проблем. Согласно идеям Т. Веблена, Г. Скотта, Дж. К. Гелбрейта и др., техническая элита может и должна управлять не только техникой, но общественными процессами, стать ведущей силой культуры.

Представители антитехницизма видят в технике источник бед и страданий, развитие техники считают губительным для культуры. В работах О. Шпенглера, Н.А. Бердяева, Т. Адорно и других мыслителей высказываются идеи о разрыве между техникой и гуманностью, порабощении человека техникой. Рост техносферы, с точки зрения авторов, приводит к механизации природы, а далее – человека, к потере духовности, способности к творчеству. Человек, посчитав себя повелителем природы, становится рабом технологии.

Обе позиции находили свою визуализацию и вербализацию в произведениях искусства. В литературе, графике, живописи, музыке создавались яркие образы, характеризующие взаимоотношения человека и техники. Железнодорожная тематика в этой ситуации оказывалась наиболее востребованной. Именно железная дорога, а конкретнее – паровоз или железнодорожный состав оказались той силой, которая могла как восхищать, так и ужасать публику, а потому данный образ надолго вошел в мир художественной культуры.

Художественный образ железной дороги эволюционировал по мере интеграции данного технического объекта в общественную жизнь и культуру. За достаточно короткое время железная дорога проделала путь от совершенно нового, непонятного объекта до привычной и неотъемлемой части современного мира. Все оттенки чувств и переживаний по поводу данной технической системы отразились в произведениях искусства XIX–XX вв. Безусловно, в разных национальных культурах можно обнаружить различия в степени и направленности влияния железной дороги на культуру и, соответственно, различия в созданных художественных образах. Это связано с особенностями внедрения железнодорожной техники в промышленную и экономическую жизнь страны, политическими и историческими событиями, в которых так или иначе участвует транспортная система страны, особенностями сложившихся в обществе мировоззренческих установок. Однако можно выделить основные и общие тенденции.

Изображение железной дороги как символа прогресса присутствует в произведениях разных видов искусства и появилось оно уже в первые годы работы железнодорожного транспорта. Одним из первых «железнодорожных» произведений в культуре России стала «Попутная песня» М.И. Глинки, написанная на стихотворение Н.В. Кукольника (1840). В этой вокальной миниатюре композитор, используя разнообразные средства музыкальной выразительности, мастерски изобразил мир железной дороги и передал чувства человека, в нем очутившегося. Нетерпение, восторг, радостное ожидание новых впечатлений и встреч – целую палитру положительно окрашенных эмоций вызывает только-только появившаяся железная дорога у авторов произведения и его героев.

Появление железных дорог дало толчок к созданию новых музыкальных произведений, поискам новых средств выразительности. Композиторы не могли пройти мимо столь вдохновляющего технического изобретения, буквально ворвавшегося в жизнь человека и общества и преобразившего ее. Музыкальный отклик железная дорога получила достаточно быстро. В числе ярких произведений первой половины XIX в. (времени рождения железной дороги) назовем невероятно динамичный и передающий представления о поразительной скорости поезда фортепианный этюд «Железная дорога» Ш.-В. Алькана (1844), создающий иллюзию отправляющегося с платформы и постепенно набирающего скорость паровоза симфонический танец-галоп «Первая паровая железная дорога в Копенгагене» Х.К. Люмбю (1847), начинавшийся и заканчивавшийся звуками паровоза «Же-

лезнодорожный вальс наслаждения» (1836) И. Штрауса-старшего, торжественную и мощную кантату для тенора и хора «Песнь железных дорог» Г. Берлиоза (1846) и др. Авторы по большей части захватывала возможность передать в музыке новые ритмы и скорости, привнесенные железной дорогой, а она сама воспринималась как положительный источник стремительного движения вперед.

Эта тенденция продлилась и в музыкальных произведениях следующих периодов. Среди все увеличивающегося количества работ железнодорожной тематики выделяется оркестровая пьеса «Пасифик 231» французского композитора А. Оннегера (1923), названная в честь паровоза с тем же названием, самого мощного и скоростного на тот момент. В интервью автор признавался в любви к паровозам, а о своем произведении говорил: «...я стремился передать музыкальными средствами зрительные впечатления и физическое наслаждение быстрым движением» (Павчинский, 1972).

Представление о железной дороге как о проявлении силы человеческого разума нашло свое отражение в художественной литературе. Первым поэтическим произведением на тему железной дороги считается стихотворение «Железный конь», написанное А. фон Шамиссо в 1830 г., за пять лет до того, как была проложена первая немецкая железная дорога. В стихотворении автор описывает локомотив как огромную лошадь, преодолевающую историческое время: благодаря невероятной скорости она скачет вокруг Земли так быстро, что прорывается в прошлое. Рыцарь локомотива становится свидетелем своего рождения, попадает на свадьбу деда, встречает Наполеона – и все это с помощью «непобедимого железного коня». Так выглядело первое поэтическое осмысление невероятной для того времени скорости, развиваемой паровозом.

В рассказе русского писателя рубежа XIX–XX вв. Л. Андреева «На станции» (1903) звучит признание в любви к этой мощной технике и понимание ее глобального значения: «Я люблю этих железных гигантов, когда они проносятся мимо, покачивая плечами и переваливаясь на рельсах от колоссальной тяжести и силы, и уносят куда-то незнакомых мне, но близких людей. Они кажутся мне живыми и необыкновенными; в их быстроте я чувствую огромность земли и силу человека, и, когда они кричат повелительно и свободно, я думаю: так кричат они и в Америке, и в Азии, и в огненной Африке» (Андреев, 1990).

Оптимистический взгляд на появление нового вида транспорта присутствует и в живописных произведениях. В картине американского художника А. Дюрана «Прогресс» (1853) нашла выражение идея прогресса как применения технологий для совершенствования общества. В ней не чувствуется жесткое противопоставление старого и нового, не заметен конфликт. Скорее, это осознание тех изменений, которые принес XIX в., признание значимости технических изобретений для общества и мира в целом. Однако надо отметить, что есть исследователи, которые не так однозначно оценивают данную картину, в частности Р. Беделл видит в данном полотне двойственное отношение художника к техническому прогрессу, полагая, что в картине можно почувствовать «беспокойство Дюрана по поводу уничтожения природы, уничтожения творений Божьих» (Bedell, 2019).

При этом в истории живописи обнаруживаются примеры однозначного признания железной дороги как значимого технического изобретения, приносящего человечеству пользу. Так, в 1873–1876 гг. немецкий художник П. Мейерхейм создал цикл картин «История жизни локомотива» из шести полотен, изобразив весь сложный процесс создания паровоза от момента добычи руды до его отправки покупателю. Этот несколько идеализированно представленный производственный процесс должен был передать пафос рождения мощного технического объекта.

Художник И.К. Айвазовский не только изобразил железную дорогу на одном из своих полотен, а своей деятельностью способствовал появлению железнодорожной линии в Феодосии – своем родном городе. Айвазовский был ярым сторонником строительства и одним из главных учредителей «Акционерного общества феодосийской железной дороги», а оптимистичную по своему звучанию картину «Первый поезд в Феодосии» (1892) написал еще до того, как дорога была построена.

Особое звучание образ железной дороги обрел в советском искусстве. Она стала символом обновления страны, прогресса не только технического, но и социального. Так, строительство Туркестано-Сибирской магистрали (Турксиба), соединившей Сибирь и Среднюю Азию, стало темой многочисленных произведений. Например, художник-экспрессионист А.А. Лабас, стремившийся охватить все грани современной ему действительности и запечатлеть многообразие и темп нового мира, не прошел мимо столь яркого события. В картине «Первый паровоз на Турксибе» (1931) художник изобразил стремительно несущийся по жаркой степи черный мощный локомотив. Этот обобщенный образ, не изображающий конкретную модель паровоза, не передающий детали, предстал символом движения в будущее к новым свершениям и открытиям.

Однако восприятие железной дороги не было однозначно положительным. Частью дискурса о роли прогресса стали чувства волнения и ужаса перед техническими достижениями и дерзостью господства над природой. Дискуссии об отрицательном воздействии железной дороги на окружающий мир и человека, которые велись в обществе, нашли свое отражение в разных видах искусства, в частности в художественной литературе.

«Ужасные предчувствия издержек технического прогресса в его неуклонном и динамическом развитии» отмечает в русской и английской поэзии XIX в. Г.Ю. Филипповский (2018). Так, У. Вордсворт в цикле сонетов «На проект железной дороги Кендал – Виндермир» (1844) выступает против железной дороги, предполагая, что она разрушит красоту ландшафта.

Известный немецкий поэт Детлев фон Лилиенкрон в стихотворении «Поезд-экспресс» (1903) наглядно и безжалостно описывает столкновение двух поездов – железнодорожную катастрофу, результатом которой стала гибель людей. Так и в целом технический прогресс может привести человечество к катастрофе. Глубоким пессимизмом и бессилием проникнуто его стихотворение «Новая железная дорога». В нем тишина кладбища нарушается строительством железной дороги, при этом разрушаются могильные склепы, и никакие заслуги похороненных здесь людей не могут заставить остановить этот процесс, а жалобы умерших перекрывает звук спешащего по рельсам первого поезда.

Тревожными мыслями наполнены произведения русской литературы XIX – начала XX в., посвященные железной дороге. Она становится символом нового времени, уничтожающего как традиционный образ жизни общества, так и жизнь отдельного человека. Смерть под колесами поезда описывали Л. Толстой, А. Блок, И. Бунин, А. Белый и другие авторы. Так, многие исследователи рассматривают символику железной дороги в романе «Анна Каренина» Л. Толстого. Железная дорога в нем – главный символ, имеющий драматическое звучание и ведущий к драматической развязке в судьбе главной героини. Ключевые события романа так или иначе все время связаны с вокзалом, поездом, здесь переплетаются судьбы героев, здесь трагически обрываются жизни (в начале романа – неизвестного сторожа, в конце – главной героини).

В XIX в. железнодорожная тема ярко развивается в британской журнальной графике. В ней отражались представления о разрушительной силе железной дороги и для экономики, и для природы, и для пассажиров. «Эти карикатуры передавали тревогу, вызванную растущим господством железных дорог в ландшафте. Сухопутный змей с тянущимся в бесконечность хвостом стал хозяином Британии. Эти монстры оккупировали всю страну и, подобно “железнодорожному дракону”, вторгались в дома и сеяли нищету» (Taylor, 2005). Такого дракона, ворвавшегося в комнату и поедающего продукты с обеденного стола, изобразил Г. Крукшенк на офорте «Железнодорожный дракон» (1845). Понятен ужас, с которым семья разбегается от этого чудовища. На гравюре «Великий сухопутный морской змей» (1849), созданной для журнала «The Puppet-Show» неизвестным художником, железнодорожный состав изображен как извивающийся змей, пожирающий деньги инвесторов, вложивших средства в железнодорожные компании.

В живописи идея предчувствия издержек технического прогресса, опасения последствий противостояния техники и природы находит воплощение в произведениях разных стилей и направлений. Возможно, наиболее ярко идея изображения поезда как символа насильственного уничтожения старого, отжившего мира прозвучала в творчестве футуристов. Ф. Маринетти в «Манифесте футуризма» (1909) яростно призывал отбросить старые образы, изображать мир высоких скоростей, новыми героями сделать «прожорливые вокзалы, проглатывающие дымящихся змей; ... локомотивы с широкой грудью, которые топчутся на рельсах, как огромные стальные лошади, взызданные длинными трубами» (Маринетти, 1986).

Так, на картине И. Паннаджи «Скоростной поезд» (1922) мощный локомотив изображен с помощью разноцветных геометрических фигур. Они помогают передать импульс стремительного движения из глубины картины на зрителя поезда, все сметающего все на своем пути. Столь же неумолимым изображено движение железнодорожного состава на картинах Л. Руссо «Динамизм бегущего ночного поезда» (1911) и «Динамизм поезда» (1912). В представлении футуристов мир железной дороги, как и в целом мир скоростей, превратился в особый мир – грозный и угрюмый, но обладающий своей брутальной красотой. В работах, посвященных военной тематике (а войну футуристы приняли с восторгом), поезд покрыт броней и становится военным орудием. Именно таким, ошетилившимся огнестрельным оружием, предстает железнодорожный состав на картине Дж. Северини «Бронепоезд в действии» (1915), где дым от ружей и пушечный огонь перекрывают природный ландшафт, а железнодорожный состав становится символом военной мощи.

Практически параллельное развитие двух линий в оценке значения железной дороги для культуры свидетельствует об изначальной амбивалентности данного объекта цивилизации. Радость от скорости и комфорта путешествия на поезде всегда сопровождалась страхом потенциального разрушения и смерти. Гениальное техническое изобретение продвинуло развитие общества вперед, но это движение несло в себе помимо созидательной и разрушительную энергию.

К середине XX в. железная дорога утратила свою экстраординарность, стала повседневностью, не вызывающей бурных эмоций. Ее образ не исчез из художественной культуры, но начал наполняться новыми смыслами и содержанием. А паровоз, когда-то восхищавший или ужасавший, стал предметом ностальгии: «...отношение к технике прошлого, в частности к паровым механизмам и транспортным средствам, сегодня окрашено флером особой эстетики, которая проявляется в ретродвижении, различных воплощениях в искусстве и в человеческих переживаниях на примере ностальгии» (Ламохина, 2020).

Итак, железная дорога стала связующим звеном между техническим прогрессом и обществом, она заставила каждого человека столкнуться с цивилизацией лицом к лицу. Каким было это столкновение – ярким и многообещающим или страшным и разрушительным? Оба варианта воплотились в жизнь. Железная дорога – система биполярная. Так же как любая другая техническая система, она может как продвигать человечество к счастливому будущему, так и разрушать жизнь вокруг себя. Паровоз дал человечеству новые скорости и возможности, сделал перемещение в пространстве более комфортным, позволил почувствовать себя увереннее в окружающем мире. Но тот же паровоз способен стать причиной катастрофы – экологической, социальной, психологической.

Локомотив как воплощение красоты, силы и скорости изображался представителями разных видов искусства. В живописи, музыке, литературе и кинематографе созданы многочисленные произведения, где представлен его мощный образ, вызывающий восхищение. Однако существуют литературные, живописные и графические работы, передающие другую сторону этого образа, подчас чудовищную. Такая двусторонность образа железной дороги, возможно, и сделала его столь интригующим и привлекательным для мастеров искусства и публики.

Список источников:

- Андреев Л.Н. На станции // Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Рассказы. 1898–1903. М., 1990. С. 485–489.
 Горохов В.Ф. Техника как ценность культуры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10 (5). С. 127–132.
 Ламохина Н.И. Путешествие в прошлое: техника как фактор ностальгии // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 2 (43). С. 38–43. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-2-38-43>.
 Маринетти Ф. Первый манифест футуризма // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. М., 1986. С. 158–162.
 Павчинский С.Э. Симфоническое творчество А. Онеггера. М., 1972. 226 с.
 Филипповский Г.Ю. Мотив железной дороги в английской и русской поэзии XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 8–13. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10130>.
 Bedell R. Asher Durand's Progress Reconsidered // *Panorama: Journal of the Association of Historians of American Art*. 2019. Vol. 5, no. 1 <https://doi.org/10.24926/24716839.1688>.
 Taylor J. Business in Pictures: Representations of Railway Enterprise in the Satirical Press in Britain. 1845–1870 // *Past & Present*. 2005. No. 189. P. 111–145.

References:

- Andreev, L. N. (1990) Na stancii [At the Station]. In: Andreev, L. N. *Collection of Works*. In 6 vols. Vol. 1. Stories. 1898–1903. Moscow, pp. 485–489. (In Russian)
 Bedell, R. (2019) Asher Durand's Progress Reconsidered. *Panorama: Journal of the Association of Historians of American Art*. 5 (1). Available from: doi: 10.24926/24716839.1688.
 Filippovsky, G. Yu. (2018) Motive of the Railroad in the English and Russian Poetry of the 19th Century. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*. (3), 8–13. Available from: doi:10.24411/2499-9679-2018-10130. (In Russian)
 Gorokhov, V. F. (2015) Tekhnika kak cennost' kul'tury [Technology as a Value of Culture]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 10 (5), 127–132. (In Russian)
 Lamohina, N. I. (2020) Journey into the Past: Heritage of Science and Technology as a Factor in Nostalgia. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2 (43), 38–43. Available from: doi:10.30725/2619-0303-2020-2-38-43. (In Russian)
 Marinetti, F. (1986) Pervyj manifest futurizma [The Manifesto of Futurism]. In: *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: Programmnnye vystupleniya masterov zapadno-evropejskoj literatury XX veka* [To Call Things by Their Proper Names: Program Speeches of Masters of Western-European Literature of the XX Century]. Moscow, pp. 158–162. (In Russian)
 Pavchinsky, S. E. (1972) *Simfonicheskoe tvorchestvo A. Oneggera* [Symphonic Works of A. Honegger]. Moscow. 226 p. (In Russian)
 Taylor, J. (2005) Business in Pictures: Representations of Railway Enterprise in the Satirical Press in Britain 1845–1870. *Past & Present*. (189), 111–145.

Информация об авторе

Е.А. Мальцева – кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения, Новосибирск, Россия; доцент кафедры народной художественной культуры и музыкального образования Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=632809.

Information about the author

E. A. Maltseva – PhD in Arts, Associate Professor, Department of Philosophy and Culturology, Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia; Department of Folk Art Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=632809.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 211–214.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 211–214.

Научная статья
УДК 82-17:392.72
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.36>

Репрезентация русского гостеприимства в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»

Анна Ивановна Данилова

Кубанский государственный университет (филиал в г. Новороссийске), Новороссийск, Россия,
ann7466@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6251-0477>

Аннотация. Статья посвящена исследованию такого важного феномена русской культуры, как гостеприимство. Хранительницей культурных феноменов является русская литература. Вот почему в качестве объекта исследования взят текст бессмертной поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Автор последовательно рассматривает прелиминарные, лиминарные, постлиминарные, сублиминарные обряды и связанные с ними аспекты (приют, угощение, одаривание, проводы). Отражение их в поэме – это пласт традиционной культурной жизни мелкопоместного русского дворянства и чиновничества. Результатом исследования является обоснование положения, что гость и хозяин представлены в разных ипостасях, но в любом случае обряды гостеприимства так или иначе исполняются всеми. Изменения, которые наблюдаются в их исполнении, объясняются социальными и культурными изменениями в жизни общества.

Ключевые слова: русская культура, феномен гостеприимства, обряды гостеприимства, приют, угощение, одаривание, проводы

Для цитирования: Данилова А.И. Репрезентация русского гостеприимства в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 211–214. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.36>.

Original article

Representation of Russian Hospitality in N.V. Gogol's Poem "Dead Souls"

Anna I. Danilova

Kuban state university (Novorossisk subsidiary), Novorossisk, Russia,
ann7466@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6251-0477>

Abstract. The article is devoted to the research of such phenomenon of the Russian culture as the hospitality. Russian literature is the research is the immortal text of the poem "Dead souls" by N.V. Gogol. The author insistently reveals preliminary, liminary, postliminary and subliminary rituals and such linked aspects as shelter, treatment, gifting and seeing off. Presenting all these facts in the poem is the layer of traditional cultural life of a small estate Russian nobles and officialdom. The result of the study is the substantiation of the position that the guest and the host are represented in different guises, but in any case, everyone somehow performs the rites of hospitality. At the same time, such changes of the Russian culture as the culture of hospitality are presented.

Keywords: russian culture, phenomenon hospitality, ceremonies of hospitality, refuge, treating, gifting, seeing-off

For citation: Danilova, A.I. (2022) Representation of Russian Hospitality in N.V. Gogol's Poem "Dead Souls". *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 211–214. Available from: doi:10.24158/fik.2022.6.36 (In Russian).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля гостеприимство определено как «радушiе въ приѣмѣ и угощенiи посѣтителѣй; безмездный приѣмъ и угощенiе странниковъ или страннопрiимство»¹. «Большая Энциклопедiя» трактует гостеприимство как «обычай, предписы- вающiй считать всякого путешественника и нуждающагося въ пристанищѣ и защитѣ чужеземца за друга и гостя и предоставлять въ его распоряженiе все, что имѣется въ домѣ...»². Главное условие гостеприимства – искренность.

Гостеприимство – феномен кросскультурный и трансистоический, но сегодня, когда рус- скую культуру, русскую литературу представители «цивилизованного» Запада пытаются вычерк- нуть не только из мировой культуры, но и из памяти человечества, тем более важно проанализи- ровать этот феномен с точки зрения именно русской культуры. Русская литература является

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб.; М., 1880. Т. 1: А–З. С. 397.

² Большая Энциклопедiя : в 20 т. – СПб., 1901. Седьмой томъ: Глазъ – Гюго. с. 347.

своеобразной хранилищем культурных феноменов, а поэму Н.В. Гоголя «Мертвые души» с полным правом можно назвать энциклопедией русского гостеприимства. И хотя сам автор говорит, что его задача – «показать недостатки и пороки русского человека, а не его достоинства и добродетели»¹, но, изображая путешествующего по России Чичикова, он невольно показывает и особенности русского гостеприимства. На основе культурно-исторического метода исследования литературного произведения мы рассмотрим данный феномен.

Традиционная культура исходит из того, что мир делится на «свой» и «чужой». Концептом «своего» мира – мира знакомого и освоенного – является Дом, центр мироздания для человека. Дом гостя, напротив, – мир неизвестный, неосвоенный, «чужой», мир сакральный. Однако «сакральное не сакрально само по себе, но может оказаться таковым в определенных ситуациях. Человек, который живет в своем доме, в своем клане, живет в светском мире, но как только он отправляется в путешествие и оказывается в качестве чужака вблизи неизвестного лагеря, то оказывается уже в сфере сакрального» (Геннеп, 1999: 16–17). Таким образом, гостеприимство связано с принятием чужого человека как своего.

Чтобы «чужой» стал «своим», соблюдались специальные обряды. А. ван Геннеп выделил 3 группы таких обрядов: прелиминарные (обряды отделения от прежнего мира), лиминарные (обряды, совершаемые в промежуточный период) и постлиминарные (обряды включения в новый мир) (Геннеп, 1999). На наш взгляд, необходимо выделить также сублиминарные обряды, т. е. обряды исхода, при которых гость возвращается в «чужой» мир.

Рассмотрим, как эти обряды отражаются в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». Если считать город NN и имения помещиков «чужим» миром, то Павел Иванович Чичиков прошел все этапы входа в него. Конечно, время вносит свои коррективы, и путешествующий по России Чичиков уже не осознает себя в «чужом» мире, но обряды, быть может, неосознанно выполняются всеми – и приезжими, и встречающими. Прелиминарные обряды требовали освобождения от всего, что было связано с дорогой: «во дворе остается повозка; у порога – обувь и посох, в сенях – верхняя одежда и сумки» (Вейнмейстер, 2013). Павел Иванович, прежде чем найти приют в гостинице губернского города NN, оставляет перед ее порогом коляску, в своем номере «скинул с себя картуз и размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку»².

Прелиминарные обряды включали угощение. Обед должен был продемонстрировать хлебосольство встречающей стороны, радушие хозяев. Конечно, при описании обеда каждое слово дышит иронией (щи были поданы «с слоеным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких недель», «вечный слоеный сладкий пирожок, всегда готовый к услугам»³), но нельзя не заметить, что даже в этом, весьма убогом, месте соблюдены все ритуалы гостеприимства: гость встречен, размещен в номере, накормлен, причем кормление сопровождается обязательной беседой.

После знакомства с городскими чиновниками, признаком гостеприимства у которых является угощение, происходит посещение Чичиковым имений помещиков. Первым в этой череде стоит Манилов. С ним Чичиков знакомится в городе. Приехавший гость – долгожданный гость! – уже воспринимается как «свой», поэтому прелиминарные и лиминарные обряды либо опускаются, либо совершаются очень быстро, и мы наблюдаем соблюдение постлиминарных обрядов, при которых происходит переход Чичикова из мира «чужого» (мира гостя) в мир «свой» (мир хозяев): обе стороны уже готовы к дружескому общению, происходит не просто рукопожатие – «Оба приятеля очень крепко поцеловались, и Манилов увел своего гостя в комнату»⁴. Соблюдение постлиминарных обрядов проявляется в пропуске гостя вперед. У Манилова этот обряд затянулся, но постоянное упоминание добродетелей гостя говорит о безоговорочном принятии Чичикова в «свой» мир. Здесь важно заметить, что неслучайно герои остановились в дверях, так как «дверь – это рубеж между чуждым миром и миром домашним» (Геннеп, 1999: 24).

Постлиминарные обряды предполагают совместную трапезу, поскольку она «трансформирует ездока в едока, человека дороги в члена домашнего коллектива» (Вейнмейстер, 2013: 151). Кроме того, при совместной трапезе «двое людей на деле дают залог доброго расположения друг к другу; один гарантирует другому, что не будет злоумышлять против него; ведь совместная еда физически объединила их и всякий вред, причиненный сотрапезнику, рикошетом с той же силой ударит по злоумышленнику» (Фрэзер, 2006: 16). Приглашение к столу сопровождается обязательным извинением: «Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах, у нас просто, по русскому обычаю, щи, но от чистого сердца»⁵.

¹ Гоголь Н.В. Мертвые души : Собр. худ. произведений в пяти томах : т. 5. М., 1960. 568 с.

² Там же.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 42.

Манилов знакомит Чичикова не только с женой (которая тоже воспринимает его как давнего знакомого), но и с детьми, что является свидетельством высшего доверия к гостю.

Сублиминарные обряды предполагают момент одаривания и такой исход гостя, при котором он, с одной стороны, как можно дольше остается в зоне хозяев, а с другой – должен унести с собой хорошие воспоминания о них. Все это мы наблюдаем при прощании четы Маниловых с Чичиковым. Правда, одаривание происходит весьма своеобразно. Чичиков прибыл в дом Манилова без подарков, поэтому он обещал в следующий раз привезти детям гостинцы: саблю и барабан. Прощание оказывается продолжительным: хозяин дома «долго стоял на крыльце, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала невидна, он все еще стоял, куря трубку... А Чичиков в довольном расположении духа сидел в своей бричке, катившейся давно по столбовой дороге»¹.

Таким образом, все законы гостеприимства – совершенно искренне – в семье Маниловых соблюдены.

Особенно яркое соблюдение всех обрядов мы наблюдаем в имении помещицы Настасьи Петровны Коробочки. Чичиков попадает в ее дом случайно, так как во время разыгравшейся непогоды возница сбился с дороги. Чичикова не сразу пускают в дом. Казалось бы, законы гостеприимства нарушены, но и этому факту есть объяснение. С развитием постоянных дворов, с появлением гостиниц постепенно уходила традиция принимать чужого человека в доме. Однако дворянское звание сыграло свою роль – Чичикову предлагают ночлег. И вновь можно наблюдать последовательное соблюдение всех обрядов вхождения человека в «чужой» мир: предлагается удобная постель, снимается испачканная верхняя одежда (которая будет высушена и вычищена). Единственно, о чем сокрушается хозяйка – нечем накормить неожиданного гостя, хотя чай предлагается. Радужие Коробочки проявляется в том, что она предлагает Чичикову, узнав, что его коляска опрокинулась, чем-нибудь потереть спину, почесать перед сном пятки. Важно отметить, что в строгом соответствии с прелиминарными обрядами Коробочка ни о чем не расспрашивает приезжего (он, кстати, тоже именем хозяйки не интересуется).

Знакомство состоялось только утром. И тут гостеприимство хозяйки проявилось сполна. Из угощения «на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припеккой с лучком, припеккой с маком, припеккой с творогом, припеккой со сняточками, и невесть чего не было»². В «невесть что» попали пресный пирог с яйцом и блинки.

Соблюдается и обряд одаривания. Чичиков «дарит» Настасье Петровне «какой-то лист в рубль ценою»³, а та, в свою очередь, в строгом соответствии с правилами сначала всячески задерживает его, а потом тоже одаривает: дает девчонку, чтобы проводила. Кроме того, одаривание проявляется в том, что лошади гостя были вычищены, а хомут искусно зашит.

Ноздрев единственный из героев поэмы не придерживается никакой последовательности в соблюдении обрядов. С Чичиковым он «в несколько минут сошелся на такую короткую ногу, что начал уже говорить *ты*, хотя, впрочем, он с своей стороны не подал к тому никакого повода»⁴. Для Ноздрева, на наш взгляд, существует только «свой» мир. Именно поэтому он с легкостью включает в «свои» не только людей, но и владения соседей. И все-таки законы гостеприимства соблюдены и Ноздревым, хотя дом его не предназначен для гостей в отличие от Манилова, у которого даже «кресло... ассигновано для гостя»⁵. Правила гостеприимства соблюдаются в части угощения. Правда, «обед, как видно, не составлял у Ноздрева главного в жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорело, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что повар руководствовался более каким-то вдохновеньем и клал первое, что попадалось под руку...». Главным предметом угощения стали вина: портвейн, госотерн («потому что в губернских и уездных городах не бывает простого сотерна»), мадера, особенная бутылка, которая «была и бургоньон и шампаньон вместе», рябиновка, бальзам⁶.

Несмотря на то, что между новоиспеченными друзьями произошла размолвка, Ноздрев все-таки предлагает Чичикову ночлег, правда, доброй ночи желать не хочет.

И уж совсем не соблюдаются сублиминарные обряды. «Гостеприимство» Ноздрева заканчивается потасовкой. Исход был печальным, так как Чичикову пришлось спасаться бегством.

Собакевич, который также был знаком с Чичиковым, тоже довольно быстро вводит его в «свой» мир, о чем свидетельствует и характер их «дружеской» беседы, и, конечно, угощение, представленное по всем правилам русского гостеприимства. Именно при угощении Собакевич четко делит мир на «свой» и «чужой». Он ругает повара-француза и хвалит русский обед.

¹ Гоголь Н.В. Мертвые души... С. 56.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Там же. С. 107–108.

Сублиминарные обряды тоже соблюдаются: Чичиков получает приглашение еще раз посетить имение, и проводы достаточно долгие: «Когда бричка выехала со двора, он оглянулся назад и увидел, что Собакевич все еще стоял на крыльце...». Однако в отличие от Манилова Собакевичем движет не искренность, а желание узнать о дальнейших намерениях гостя. И у Чичикова в ответ на это вырывается только «Подлец, до сих пор еще стоит!»¹.

Как видим, гостеприимство Собакевича хотя и традиционно, но носит характер внешний, является корыстным.

Обряды гостеприимства, правда, весьма своеобразно, соблюдает даже Плюшкин. Как пишет Н.В. Гоголь, «так как гостеприимство у нас в таком ходу, что и скряга не в силах преступить его законов, то он прибавил тут же несколько внятнее: “Прошу покорнейше садиться!”»².

Плюшкин хорошо знаком с законами гостеприимства. Он приглашает Чичикова в комнаты, а далее перечисляет все, что должно быть выполнено: надо накормить не только гостя, но и его лошадей. Однако на этом перечислении прелиминарные обряды и заканчиваются.

Из обрядов гостеприимства Плюшкин делает попытку соблюсти обряды угощения, одаривания и проводов. Приказано поставить самовар и принести сухарь из кулича, предложена рюмочка ликера; делается попытка задержать гостя. Вершиной проснувшихся чувств Плюшкина является мысленное желание одарить Чичикова часами, замененное на упоминание в завещании.

Таким образом, исследование текста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» показывает, что как гость, так и хозяин представлены в разных ипостасях: ожидаемый гость – радушный хозяин, неожиданный гость – гостеприимный хозяин, внезапный гость – нежеланный хозяин, знакомый гость – расчетливый хозяин, нежеланный, неожиданный гость – скупой хозяин. В соответствии с этим обряды гостеприимства соблюдаются в разном объеме и с разной долей искренности, но в любом случае исполняются всеми. Изменения, которые наблюдаются в исполнении обрядов гостеприимства, объясняются социальными и культурными переменами в жизни общества: постепенно уходила патриархальность, порождая настороженность к незнакомцам («чужим»), появление зачатков капитализма приводило к проявлениям меркантильности в отношениях между людьми.

Список источников:

Вейнмейстер А.В. Гостеприимство: к определению понятия // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 2. С. 147–153.

Геннеп А. Ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М., 1999. 198 с.

Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М., 2006. 958 с.

References:

Frezer, J.G. (2006) *Zolotaya vetv: Issledovaniye magii i religii* [The Golden Branch: The Research of Magic and Religion. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Gennep, A. van. (1999) *Obrady perehoda: Sistematicheskoye izuceniye obradov* [Ceremony of Passing: Systematic Study of Ceremonies]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. (In Russian)

Veynmeyster, A.V. (2013) *Gostepriimstvo: k opredeleniyu ponatiya* [Hospitality: The Essence of Notion]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, socialnaya sfera, tehnologii* [Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology]. (2), 147-153. (In Russian)

Информация об авторе

А.И. Данилова – кандидат культурологии, доцент кафедры педагогического и филологического образования Кубанского государственного университета (филиала в г. Новороссийске), Новороссийск, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=825561.

Information about the author

A.I. Danilova – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor of the Pedagogical and Philological Department of the Kuban State University (Novorossisk Subsidiary), Novorossisk, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.04.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

¹ Гоголь Н.В. Мертвые души.... С. 154.

² Там же. С. 172.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 215–221.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 215–221.

Научная статья
УДК 124.4:7.012
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.37>

Актуальные аспекты дизайн-деятельности в коммуникационном пространстве визуальной айдентики современных российских образовательных журналов

Анастасия Геннадьевна Епифанова

Южно-Уральский технологический университет, Челябинск, Россия, Ag-epifanova@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ визуальной айдентики образовательных интернет-журналов как инструмента создания эффективной коммуникации между авторами образовательного контента и читателями, реализованный через призму дизайн-деятельности как культурной практики. В тексте предпринята попытка понимания содержания дизайна визуальной айдентики в целом и визуальной айдентики образовательной коммуникации в частности. Автор рассматривает актуальные репрезентации дизайн-проекта образовательного онлайн-журнала, реализуемые в процессе создания дизайн-продукта в условиях цифровой коммуникации, на примере нескольких периодических изданий. Делается вывод, что визуальная айдентика как инструмент коммуникации, ориентированный на социальные потребности современного общества, позволяет влиять на качество восприятия контента и оценку предлагаемой информации, а также способствует повышению эффективности взаимодействия в условиях цифровизации культуры в целом.

Ключевые слова: дизайн-деятельность, визуальная айдентика цифровых коммуникаций, коммуникация, образовательный контент, образовательный онлайн-журнал

Для цитирования: Епифанова А.Г. Актуальные аспекты дизайн-деятельности в коммуникационном пространстве визуальной айдентики современных российских образовательных журналов // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 215–221. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.37>.

Original article

Actual Aspects of Design Activity in the Communication Space of Visual Identity of Modern Russian Educational Journals

Anastasia G. Epifanova

South Ural Technological University, Chelyabinsk, Russia, Ag-epifanova@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the visual identity of educational online journals as a tool for creating effective communication between the authors of educational content and readers, implemented through the prism of design activity as a cultural practice. The text attempts to understand the content of visual identity design in general and visual identity of educational communication in particular. The author examines the actual representations of the design project of an educational online magazine, implemented in the process of creating a design product in the context of digital communication, using the example of several periodicals. It is concluded that visual identity as a communication tool focused on the social needs of modern society, allows you to influence the quality of perception of content and evaluation of the information offered, and also contributes to improving the effectiveness of interaction in the conditions of digitalization of culture as a whole.

Keywords: design activity, visual identity of digital communications, communication, educational content, educational online magazine

For citation: Epifanova, A.G. (2022) Actual Aspects of Design Activity in the Communication Space of Visual Identity of Modern Russian Educational Journals. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 215–221. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.37](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.37) (In Russian).

Цифровизацию имеет смысл рассматривать как основной фактор, отвечающий за осуществление процессов прототипирования, анализа, тестирования и уточнения решения на всех этапах разработки дизайна визуальной айдентики организации или компании до тех пор, пока качество и функциональность объекта не будут соответствовать задачам проектирования. Цифровизация как глобальный тренд сегодня во многом определяет полноту, универсальность и доступность содержания современной интернет-коммуникации, реализуя в качестве фундаментальной культурообразующую функцию информационной среды.

Целью данного исследования является анализ визуальной айдентики образовательных интернет-журналов как инструмента создания эффективной коммуникации между авторами образовательного контента и читателями через призму дизайн-деятельности как культурной практики. Для достижения цели поставлены следующие задачи: выявить культурологическую сущность и содержание дизайна визуальной айдентики в целом и визуальной айдентики цифровых комму-

никаций в частности; рассмотреть актуальные области реализации цифровых коммуникаций дизайна через особенности разработки дизайн-проекта образовательного онлайн-журнала, реализуемые в процессе создания дизайн-продукта в условиях цифровой коммуникации.

Изменения современного ритма жизни, вызванные глобализацией, выражаются в том числе в усилении роли визуальных образов в коммуникации во всех сферах жизни человека. Вследствие этого дизайн-деятельность выходит на первый план, провоцируя проявление импульсного, неосознаваемого потребления как результата эстетически обусловленного восприятия ее продуктов, выполняя тем самым присущую ей функцию эстетизации культурной среды в более широком, самоценном смысле. Следует подчеркнуть, что сегодня практически любое потребление детерминировано конгломератом различных культурообразующих факторов, среди которых особое место занимает дизайн визуальной айдентики цифровых коммуникаций. Его возникновение как особого способа взаимодействия человека с вещью совпадает с тем моментом, когда он наиболее быстро, точно и полно научился интериоризировать культурные смыслы, представленные в визуальной айдентике коммуникации, обеспечивая эффективную ориентацию и адаптацию личности в социокультурной среде. Стоит обратить внимание и на тот факт, что сейчас социокультурное пространство, точнее наиболее прогрессивная его часть, формируется и репрезентируется в большинстве своем через информационную сеть Интернет. В свою очередь, «открытое пространство местообитания человека позволяет явиться тому, что касается человеческого существа и, захватывая его, пребывает в его близости» (Хайдеггер, 1993: 91).

По мере появления и развития в современном обществе потребности в вовлечении в контент большего количества пользователей из любой точки мира возникла необходимость в высококлассном исполнении графической составляющей материала. Пользователь уже не реагирует на большинство старых методов привлечения, поэтому формируется запрос на изобретение новых посредством дизайн-деятельности, преследующих главную цель – увеличение количества пользователей, времени их пребывания на сайте, конвертирование пользователя в читателя/слушателя/зрителя и последующее его монетизирование.

Следовательно, дизайн-деятельность в контексте визуальной айдентики цифровых коммуникаций – это социокультурная практика конструирования высококачественной и конкурентной пользовательской среды, способной стимулировать потребительскую активность и решать задачи адаптации интернет-проектов под разные запросы целевой аудитории, формируя прирост лояльного комьюнити.

Опосредованная компьютерными технологиями дизайн-деятельность осуществляется под влиянием двух основных факторов, определяющих тенденции ее развития. Первый из них – социальный запрос, реализуемый через поисковые сервисы Google, Yandex и др.; социальные сети; сервисы YouTube, Twitch, Clubhouse, VC.ru и др.; мессенджеры Telegram, WhatsApp, Viber и др. Динамика развития социума диктует необходимость быстрого восприятия информации, закрепления узнаваемых образов в сознании человека, имеющих отношение к определенной сфере, в которой новые смыслы становятся неотъемлемыми элементами истории или сторителлинга, а также формирования возможностей удобного пользования средой (навигация, инфографика и прочие компоненты). Второй фактор – уровень технического развития: современные технологии позволяют создавать высококачественные визуальные формы, которые выступают элементами айдентики и визуальной графической идентификации через составляющие креолизованного текста (Костина, Кожаринова, 2014).

Следует сказать, что креолизованный текст – это знаковое образование – текст, состоящий из вербальной и невербальной (изображение) частей: речевой цепи и изображения предмета, описанного в этой речевой цепи (Креолизованный текст..., 2020: 9). Иными словами, в результате перцептивной обработки знакового образования (текста) у людей одного поколения, прошедших сходную инкультурацию, обладающих определенной общностью сознания, происходит признание текста как «(системообразующей) стратегии текстообразования и смыслопорождения» (Креолизованный текст..., 2020: 40). Следовательно, восприятие информации происходит эффективнее: «Люди лучше обучаются при помощи текста и изображений, чем при помощи только текста» (Mayer, 2002).

Таким образом, визуальная коммуникация представляет собой совокупность информационных текстов, созданных при помощи моделирования разнородных визуальных знаков и систем. В социокультурном пространстве данная коммуникация выполняет координирующую, регулятивную, организационную функции. Дизайн в этом случае отвечает как за эстетический аспект, так и за функциональный (простота восприятия, наглядность, узнаваемость) (Татаринцева, Постникова, 2020: 23). Дизайн-проектирование системы визуальной айдентики цифровых коммуникаций сочетает в себе несколько основополагающих задач, среди которых следует выделить оптимизацию связи виртуального пространства и персонального восприятия человека, быстрое и верное прочтение информационных текстов интернет-среды, а также помощь в регулировании ориентации в интернет-пространстве, в том числе в сфере образования, которое имеет сегодня востребованный онлайн-формат.

Выделим несколько элементов, позволяющих ориентироваться в коммуникационном пространстве визуальной айдентики современных российских образовательных онлайн-журналов:

– навигация, подразумевающая помощь в ориентации субъекта в пространстве посредством выбора символов, создания и расположения указателей и иных визуальных носителей айдентики;

– функция и деятельность, обеспечивающие абитуриентам и студентам получение полной информации: учебной – об условиях, параметрах и структуре образовательного процесса; организационной – о миссии организации, функциональных связях между объектами довузовского, дополнительного образования и повышения квалификации; научной – о функционировании и мероприятиях научно-исследовательских, проектных и производственных подразделений организации.

В связи с этим в рамках культурологического исследования проанализированы наиболее востребованные в контексте темы исследования образовательные интернет-издания. Так, журнал «Потенциал» выпускается ежемесячно при участии преподавательского состава Московского физико-технического института и Московского государственного университета. Специализация – юношеский образовательный журнал с научно-техническим уклоном. «Потенциал» имеет как печатную версию, так и электронную, с которой можно ознакомиться на его сайте www.edu-potential.ru.

Цель сайта интернет-журнала «Потенциал», главным редактором которого является предприниматель Г.А. Четин, – прирост базы пользователей с последующей ее монетизацией за счет объединения печатной и цифровой сред журнального бренда, удваивающего KPI (ключевые показатели эффективности) рекламных кампаний. При анализе сайта наблюдается отсутствие интерактивной версии издания – приобщиться к миру химических реакций и биологических процессов возможно только приобретя печатную или электронную версию журнала.

Основой представления контента интернет-журнала «Потенциал» является раздел сайта «Новости/объявления/события». Нужно заметить, что на сайте имеются большие «воздушные зоны», информация, представленная на ресурсе, выстроена четкими блоками, расположенными друг под другом, но сайт не перегружен информацией и ее легко считывать с журнальных страниц. Такой эффект оказывают продуманный дизайн и верстка издания, а также выбор фирменных цветов: серого и голубого. Кроме того, минималистичный дизайн априори делает более заметными все рекламные баннеры, поскольку они, как правило, представляют собой яркие и анимированные информационные блоки. Однако следует сказать, что коммерческая реклама на страницах интернет-журнала «Потенциал» полностью отсутствует (рисунок 1).

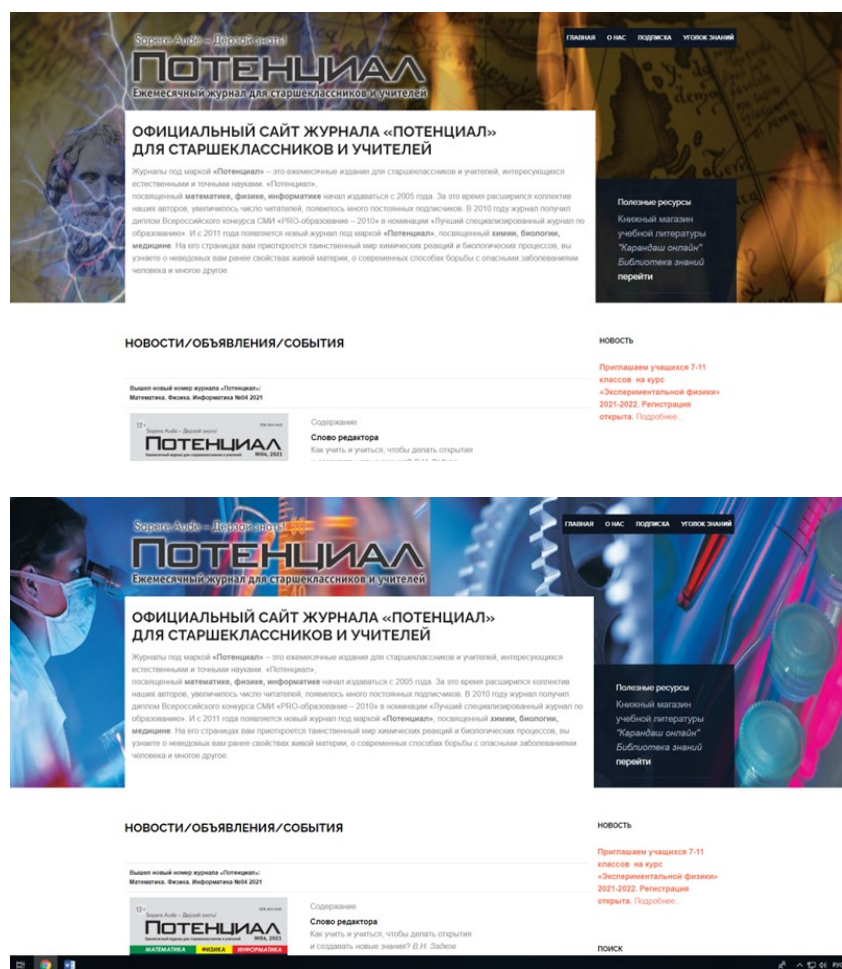

Рисунок 1 – Главная страница журнала «Потенциал»

Следующим примером российского образовательного онлайн-журнала является журнал EdExpert, сайт www.edexpert.ru. Его материалы отражают опыт организаций сферы образования, события на рынке частного образования и в сфере государственного регулирования образовательного процесса. Издание предназначено для специалистов, работающих в сфере частного образования, и владельцев образовательного бизнеса, продвигающих свои продукты на рынке образовательных услуг.

Журнал EdExpert имеет как печатную версию, так и электронную. Контент на сайте в основном выполняет информационную функцию: это актуальные новости и статьи в тематических разделах, в частности об образовательных продуктах в эпоху коронакризиса. Нужно заметить, что сайт благодаря «воздушным зонам» также не перегружен информацией, представленной на ресурсе. Она легко считывается, будучи выстроенной четкими, яркими, анимированными блоками, расположенными рядом друг с другом. Такой эффект обеспечивают продуманный дизайн и верстка издания, а также выбор фирменных цветов: белого и серого. Рекламные баннеры отсутствуют (рисунок 2).

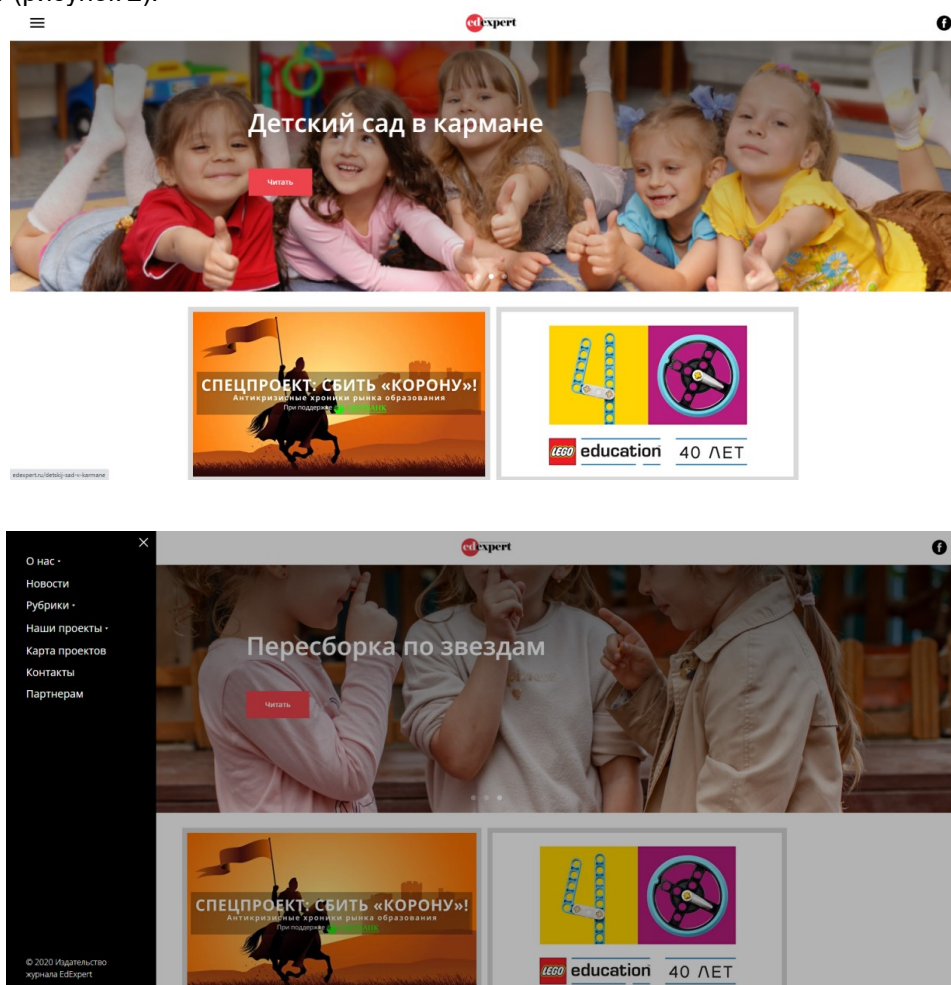

Рисунок 2 – Главная страница образовательного журнала EdExpert

Основой для предъявления контента на сайте онлайн-журнала «Интерактивное образование» являются рубрики, а также блоки и подборки новостей на главной странице издания www.interactiv.ru. Сайт имеет лаконичный дизайн, фирменными цветами выбраны синий и белый. Структура рубрикатора хедера сайта отличается от классической: в ней отсутствуют привычные разделения новостей по тематике, используется жанровое ранжирование: раздел «Допобразование» составляют новостные заметки о профессиональном развитии педагога; «Вуз» – большие публицистические и художественные статьи на тему интерактивного образования, обучения через развлечение (эзьютейнмент); «Колледж» – аналитические материалы о цифровом тьюторстве, онтопрактическом конструировании; «Школа» – популяризация высшего образования; «Детский сад» – но-

ности аполитичного, развивающего характера. Журнал имеет как печатную версию, так и электронную (рисунок 3). В футере сайта есть кнопка, позволяющая подписаться на печатный выпуск. В остальном сайт онлайн-журнала действует как самостоятельный интернет-проект.

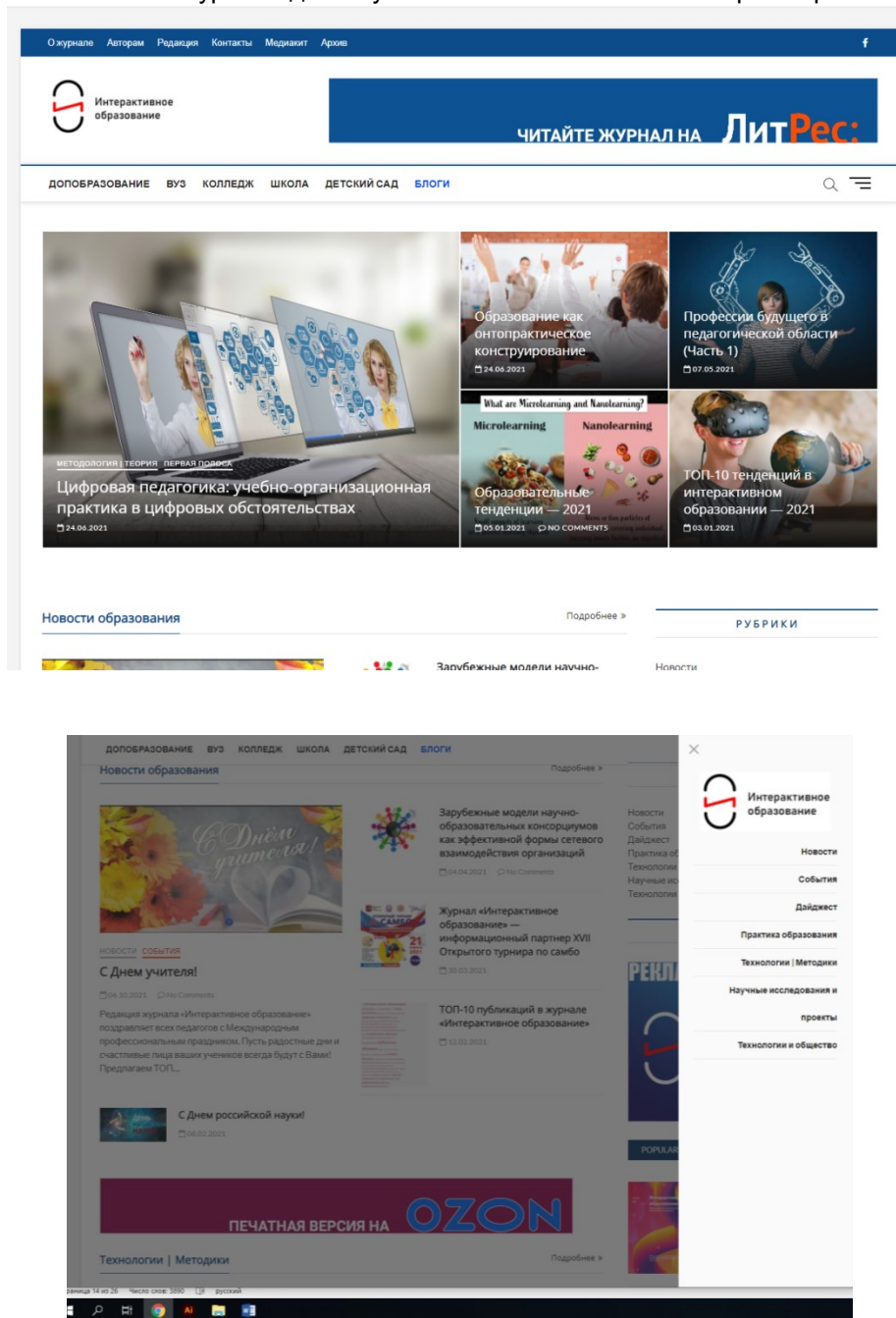

Рисунок 3 – Главная страница онлайн-журнала «Интерактивное образование»

Итак, три сходных по тематике издания «Потенциал», EdExpert и «Интерактивное образование» воплощают различные, но успешные контент-стратегии, актуальность и эффективность которых обусловлены следующими моментами (Деева и др., 2018).

Во-первых, все перечисленные журналы позиционируют свои сайты как самостоятельные интернет-проекты. «Потенциал» хотя и имеет печатную версию, но на сайте о ней мало информации. Журнал тесно сотрудничает с ведущими вузами страны: МГУ, МФТИ, МИФИ, МГТУ им. Н.Э. Баумана, МИСиС, Санкт-Петербургским государственным университетом, Академическим физико-технологическим университетом (Санкт-Петербург), Южно-Уральским государственным университетом (Челябинск) и др. Это позволяет изданию формировать доступное для

школьников современное представление о точных и естественных науках, трендовых практических приложениях. На сайте EdExpert преобладают новостные заметки, представлена карта образовательных проектов России. Весь контент создается сотрудниками редакции, пользователь, даже зарегистрированный на сайте издания, является просто читателем, также он может комментировать материалы, но возможность опубликовать свой материал не предусмотрена. Журнал «Интерактивное образование» издается в печатном виде и предоставляет непосредственный доступ к своему контенту на сайте издательства и в социальных сетях, исходя из главного принципа: свободный и открытый доступ к результатам исследований способствует глобальному распространению и обмену знаниями.

Во-вторых, современное взаимодействие с читателем заставляет издания формировать интерактивный контент и использовать мультимедийность в подаче материалов. Так, характеризуя инфотейнмент интернет-журналов «Потенциал», EdExpert и «Интерактивное образование», можно указать не только на позитивные аспекты, но и на негативные. С одной стороны, темы научного и образовательного контента яркостью иллюстраций и занимательными статьями преследуют благородную цель – облегчение восприятия сложных, многозначных понятий; с другой – подобный инфотейнмент затрудняет установление причинно-следственных связей с другими научными или учебными сообщениями для пользователя, получившего информацию развлекательного характера.

В-третьих, кардинальным отличием сайтов всех перечисленных журналов является визуальная составляющая уникальной концепции UX-дизайна (User Experience – опыт пользователя): сетка интерфейса, шрифты, иконки, цвета.

Таким образом, интерфейс интернет-журналов «Потенциал», EdExpert и «Интерактивное образование» легкий, он наполнен только самым необходимым контентом для пользователя; качественный шрифт с правильными акцентами говорит об однородности верстки; иконки на страницах вычищены до каждого пикселя, что делает интерфейсы точнее, приятнее глазу и более «трендовыми»; минимализм – минимум акцентных цветов, много пространства, все это позволяет концентрироваться на деталях, не отвлекаясь на визуальный шум.

Изучив и проанализировав визуальную айдентику современных российских образовательных журналов, можно сделать вывод, что тема позиционирования визуально-графического образа сейчас актуальна (Татаринцева, Постникова, 2020: 28). В условиях перенасыщенного информацией образовательного рынка учебным заведениям нужно выделяться среди конкурентов, транслировать свою аутентичность. Данные задачи во многом способен решить эффективный визуал, на основе которого выстраивается вся визуально-графическая коммуникация. Он формирует целостный образ учебного заведения, вызывает эмоциональный отклик, помогает читателю сделать осознанный выбор. Грамотно организованная визуально-графическая коммуникация дает множество преимуществ в современной социальной ситуации: она ориентирует целевую аудиторию, создает яркий, запоминающийся образ продукта, сокращает затраты на рекламу, повышает ее результативность, усиливает эстетические аспекты восприятия, содействует укреплению корпоративной культуры образовательного учреждения.

На основании изложенного можно заключить, что дизайн-деятельность социальна по своей сущности. С социально ориентированной точки зрения дизайнер занят проектированием не отдельной предметной области, а окружающей человека реальности. В свою очередь, эта реальность, возникающая в результате дизайнерской деятельности, воспринимается не как совокупность составляющих ее объектов, а как цельная предметно-пространственная среда, ориентированная на социальные потребности современного общества.

Таким образом, проанализировав визуальную айдентику образовательных интернет-журналов как инструмента организации взаимодействия между авторами образовательного контента и его потребителями, можно сделать вывод, что форма и содержание дизайна непосредственно влияют на качество восприятия и оценку информации. Верная визуально-графическая подача способствует повышению эффективности коммуникации в условиях цифровизации культуры.

При этом культурологическая сущность визуальной айдентики цифровых коммуникаций состоит в проектировании актуальных смыслов культуры и репрезентации их посредством интернет-среды. Одной из актуальных областей реализации данных смыслов можно считать пространство онлайн-образования, которое выступает прогрессирующей структурой культуры современного общества, ориентирующегося на ценность знания, просвещения и развития.

Список источников:

- Деева И.В., Кихтан В.В., Клеменова Е.Н. Особенности предъявления контента интернет-изданиями на современном этапе развития // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 2, № 2. С. 212–220.
 Костина А.В., Кожаринова А.Р. Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе. М., 2014. 244 с.
 Креолизованный текст: смысловое восприятие : коллективная монография / отв. ред. И.В. Вашунина. М., 2020. 206 с.

Татаринцева И.В., Постникова Н.А. Визуально-графическая коммуникация образовательного дизайна в социально-культурном контексте // Социально-экономические явления и процессы. 2020. Т. 15, № 1 (108). С. 21–29. [https://doi.org/10.20310/1819-8813-2020-15-1\(108\)-21-29](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2020-15-1(108)-21-29).

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 1993. 447 с.

Mayer R.E. Multimedia learning // *Psychology of Learning and Motivation*. 2002. Vol. 41. P. 85–139. [https://doi.org/10.1016/S0079-7421\(02\)80005-6](https://doi.org/10.1016/S0079-7421(02)80005-6).

References:

Deeva, I.V., Kikhtan, V.V. & Klemenova, E.N. (2018) Peculiarities of presentation of content with internet publications at the present stage of development. *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 2 (2), 212–220. (In Russian)

Heidegger, M. (1993) Time and being: Articles and speeches. Moscow, Respublika. (In Russian)

Kostina, A.V. & Kozharinova, A.R. (2014) Constructive social potential of mass culture: specificity of manifestation in information society. Moscow, Lenand. (In Russian)

Mayer, R.E. (2002) Multimedia learning. *Psychology of Learning and Motivation*. 41, 85–139. Available from: doi:10.1016/S0079-7421(02)80005-6.

Tatarintseva, I.V. & Postnikova, N.A. (2020) Visual and graphic communication of educational design in socio-cultural context. *Social-Economic Phenomena and Processes*. 15 (1), 21–29. Available from: doi:10.20310/1819-8813-2020-15-1(108)-21-29. (In Russian)

Vashunina, I.V. (ed.) (2020) Creolized text: Semantic perception. Moscow, Institut Yazykoznaniya RAN. (In Russian)

Информация об авторе

А.Г. Епифанова – кандидат культурологии, доцент Южно-Уральского технологического университета, Челябинск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=752635.

Information about the author

A.G. Epifanova – PhD in Cultural Sciences, Associate Professor, South Ural Technological University, Chelyabinsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=752635.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.05.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.05.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 222–225.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 222–225.

Научная статья
УДК 392.81(510)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.38>

К вопросу об устойчивости гастрономической картины мира Китая

Ван Цзы¹, Нина Львовна Малинина²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹van.tc@dvfu.ru

²malinina.nl@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0830-3538>

Аннотация. В данной статье на основе герменевтического подхода показаны тенденции развития гастрономической картины мира Китая и ее современное состояние. Отмечена устойчивость кулинарных традиций Поднебесной, что способствует культурной безопасности нации. «Утка по-пекински» позиционируется в статье как феномен, аккумулировавший в себе культурные смыслы нескольких поколений, что подтверждает его рассмотрение в разных контекстах – технологическом, политическом, экономическом, повседневном, праздничном, сообщая ему особое культурное значение, что приводит к приобретению данным блюдом статуса объекта нематериального культурного наследия страны. Отмечается, что традиции и новации кулинарного искусства сосуществуют в гастрономическом пространстве Поднебесной, позволяя ему одновременно сохранять национальное культурное достояние и модернизироваться в соответствии с потребностями граждан. Заключается, что гастрономическая картина мира жителей Китая поддерживает национальную идентичность страны, что оказывается чрезвычайно значимым в условиях тотальной глобализации.

Ключевые слова: гастрономическая картина мира Китая, традиции и новации кулинарного искусства, китайский ресторан, «Утка по-пекински», нематериальное культурное наследие

Для цитирования: Ван Цзы, Малинина Н.Л. К вопросу об устойчивости гастрономической картины мира Китая // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 222–225. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.38>.

Original article

On the Issue of China's Sustainable Gastronomic Worldview

Wang Tzu¹, Nina L. Malinina²

^{1,2}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹van.tc@dvfu.ru

²malinina.nl@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0830-3538>

Abstract. On the basis of a hermeneutic approach, the present paper shows trends in the development of China's gastronomic worldview and its current state. The sustainability of the Celestial Empire's culinary traditions is noted, which contributes to the cultural safety of the nation. "Peking Duck" is positioned in the paper as a phenomenon that has accumulated the cultural meanings of several generations, which confirms its consideration in different contexts – technological, political, economic, daily, festive – giving it a special cultural significance, which leads to its acquisition of the status of an object of intangible cultural heritage of the country. It is noted that the traditions and innovations of culinary art coexist in the gastronomic space of the Celestial Empire, allowing it to simultaneously preserve the national cultural heritage and modernize in accordance with the needs of citizens. Conclusion is drawn that the Chinese people's gastronomic worldview supports the country's national identity, which turns out to be extremely important in the context of total globalization.

Keywords: China's gastronomic worldview, culinary traditions and innovations, Chinese restaurant, "Peking Duck", intangible cultural heritage

For citation: Tzu Wang & Malinina, N.L. (2022) On the Issue of China's Sustainable Gastronomic Worldview. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 222–225. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.38](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.38) (In Russian).

Обращаясь к гастрономической картине мира, следует сказать, что для любой страны она является выражением национальных приоритетов в питании и обусловлена историческими условиями жизни населения, распространением в обществе определенных мировоззренческих убеждений и другими обстоятельствами. В связи со сказанным имеет смысл рассматривать ее с применением герменевтического подхода, то есть с учетом ретроспективы формирования сложившихся приоритетов в питании.

Актуальность настоящего исследования обусловлена современной ситуацией развития мировой гастрономической культуры, которая характеризуется объективным процессом индустриализации, стандартизацией процесса приготовления еды, унификацией блюд. В подобных

условиях идентификационная функция гастрономической культуры отдельных народов минимизируется. Деформационные процессы в этой сфере влекут за собой нарушение ее устойчивости. Аутентичные блюда призваны подчеркивать уникальные национальные особенности социальных общностей, поэтому их распространенность в национальной среде следует рассматривать как признак стабильности гастрономической картины мира соответствующей страны.

Цель настоящего исследования состояла в изучении традиционной культуры питания Китая в свете унификационных тенденций в современном общемировом гастрономическом дискурсе.

Следуя принципам герменевтического подхода, рассмотрим эволюционные процессы в сфере формирования гастрономических традиций Поднебесной.

С усложнением социальной жизни происходит появление различных форм общественного питания. Приготовление пищи решает не только утилитарные потребности удовлетворения голода, но и обеспечивает оформление религиозной, праздничной, политической, военной, туристической сфер жизни человека (У Пэн, 2009).

Китайская цивилизация в своем развитии пришла к необходимости создания форм общественного питания еще в глубокой древности. Массовый потребительский запрос привел к их универсализации в соответствии с социальным заказом; появляются блюда – маркеры ситуации.

Рестораны возникли в городской культуре как решение проблемы питания людей вне дома в удобное для них время, как способ проведения досуга. Ресторанное блюдо должно было отличаться от приготовленного в домашних условиях, отвечать потребностям собирательного субъекта, быть более сложным, чтобы привлекать гостей заведения своим неповторимым вкусом, который создает мастер кулинарного искусства. Непростая технология приготовления блюда в ресторане разбивается на небольшие последовательные этапы, которые встраиваются в некий производственный конвейер для сокращения времени ожидания гостем. В результате шедевр неизменно оставляет у посетителя яркое воспоминание о себе и вызывает желание прийти в это место общественного питания снова.

Один из ресторанов в Пекине, позиционирующий себя как наследник древних кулинарных традиций, – «Bianyifang» («Дешевое место»). Заведение ведет свою историю со времен правления династии Мин – с 1416 г. Оно было перенесено в Пекин из Нанкина и использовало для привлечения внимания посетителей рекламу, соответствующую своему времени. Так, по обеим сторонам двери были сделаны надписи: «Чувствуешь аромат еды – слезай с лошади» и «Остановись, отведай вкус еды»¹.

Рестораны бренда «Bianyifang» сегодня придерживаются унаследованных стратегий общественного питания, не игнорируя, однако, и инновационные разработки в этой сфере, поскольку стремятся внести позитивный вклад в развитие гастрономического пространства Китая и удовлетворить потребности людей в пище. Для современной культуры большое значение имеют возможности массового изготовления блюд без потери их качества, этому способствует использование высокотехнологического оборудования, специально ориентированного на эти задачи (Ступникова, 2014).

Говоря о гастрономических традициях Поднебесной, нельзя обойти своим вниманием такое национальное блюдо Китая, как «Утка по-пекински». Именно в столице сложились каноны приготовления этого яства, которые были зафиксированы в его названии – 北京烤鸭: эти иероглифы переводятся как «Пекин – жареный на огне – утка» (Зуева, Чжан, 2015). Постепенно блюдо стали готовить и в других регионах Китая, оно приобрело популярность не только на территории Поднебесной, но и во всем мире. За многовековую историю развития кулинарии китайские рестораны сформировали основные правила приготовления этого блюда. Большое влияние на них оказали традиции провинции Шаньдун, согласно которым жареная утка должна быть хрустящей снаружи и нежной внутри. Распространенность и признание вкусовых качеств блюда привели к появлению известной поговорки, согласно которой чтобы понять Китай, нужно сделать две вещи – посетить Великую китайскую стену и попробовать «Утку по-пекински». Таким образом, блюдо национальной кухни выступает направляющим элементом коммуникации для понимания культурного кода населения Поднебесной.

Однако следует сказать, что ожидания путешественников от гастрономической встречи с известным блюдом могут не совпадать с реальностью, потому что помимо вкусовых ощущений «Утка по-пекински» несет в себе концептуальную нагрузку: она имеет разноплановую символику, содержит в себе художественные и культурные ассоциации, которые понятны жителям Китая, но всегда находят отклик у иностранцев².

¹ Bianyifang [Электронный ресурс] // Hmong.ru. URL: <https://hmong.ru/wiki/Bianyifang> (дата обращения: 22.05.2022).

² Как я готовил утку по-пекински в Пекине [Электронный ресурс] // Энди Шеф. Блог со вкусом. URL: <https://andychef.ru/peking-duck/> (дата обращения: 10.05.2022).

В современном ресторане для приготовления блюда используют традиционные приемы, для которых требуются специальные атрибуты – особая печь, дрова красного дерева, крюки для подвешивания уток, копье, бамбуковые пробки. Навыки приготовления блюда вырабатываются годами, чтобы достичь требуемых характеристик готового продукта.

Не меньшего профессионализма требует и подача блюда. Сама традиция нарезания утки в зале ресторана, а не на кухне появилась в связи с тем, что в процессе приготовления блюда изначальный вес птицы значительно уменьшался, поэтому, демонстрируя только что приготовленное целое блюдо гостям, повар показывает свою честность.

Нарезание утки представляет собой также символический процесс. В его основу положены принципы магии чисел, сохраняемой в Китае. Так, принято делить блюдо на количество частей, кратное 9, так как это число считается счастливым в Поднебесной (Чжан, 2019). Приверженность соблюдению канонов нумерологии берет свое начало из средневекового Китая, когда еда делилась на количество частей в соответствии со статусом человека, так, 9 – это императорское число, чиновникам нужно было нарезать блюдо на 72 куска, военным – на 108 (Чжан, 2019). Сегодня появляются и новые смыслы использования цифр при подаче блюда – современному юбиляру его нарезают на 99 кусочков, вкладывая в это действие значение пожелания долголетия, иностранцу, туристу – на 80 или 88 кусочков, так как число 8 считается приносящим процветание, огромное богатство (Чжан, 2019).

Китай готов показать миру верность древним гастрономическим традициям, используя их как инструмент международной коммуникации. В этой связи появился даже термин «утиная дипломатия». В истории XX в. остались свидетельства о банкете, данном премьер-министром Чжоу Эньлаем в январе 1960 г. в честь премьер-министра Мьянмы Не Вин в ресторане «Quanjudu», основанном в 1864 г. на улице Shuaifuyuan. Значение мероприятия сложно переоценить. После основания Нового Китая в 1949 году у страны остались нерешенные пограничные проблемы со многими соседями. Между Китаем и Мьянмой также существовала неоформленная граница, и стороны вели переговоры по этому поводу. Премьер Чжоу Эньлай пригласил на ужин иностранных гостей. Банкет включал в себя богатое меню: пришедшим была предложена не только целая жареная утка, но и четыре холодных блюда – крылышки тушеные, утиные вяленые ломтики, ломтики утиной печени, утиные ножки, а также горячие блюда – четыре утиных сокровища, жареный желудок, жареное сердце, суп из утиных косточек и капусты. Переговоры завершились успешно. Договор между Китаем и Мьянмой был первым документом о границе, подписанным между Новым Китаем и его азиатскими соседями. А банкет, предварявший это соглашение, вошел в историю как пример «дипломатии жареной утки»¹.

Таким образом, блюдо национальной кухни Китая было использовано для выстраивания межгосударственной коммуникации. Гастрономическое влияние и сегодня является составной частью «мягкой силы» Китая, применяемой им по отношению к другим странам: эту традицию непосредственно сформировали в дипломатической практике взаимодействия с другими государствами политики прошлых лет (Чжао, 2019).

Еда является мощным фактором формирования как национальной, так и региональной идентичности такой большой и многонациональной страны, какой является КНР. В 2011 г. в Поднебесной был принят Закон «О нематериальном культурном наследии»². Он содержит перечень объектов, национально значимых для Китая, содержащих в себе уникальные смыслы, позволяющие сохранить этническое своеобразие. Блюдо «Утка по-пекински» приобрело такую известность, что в 2008 г. было включено в национальный список нематериального культурного наследия³. Отмечается культурное значение выработанных приемов его приготовления и возможностей воспроизведения в аутентичном виде. Согласно 4 статье указанного закона нематериальное культурное наследие способствует единству государства и национальной сплоченности, а значит, и национальной безопасности тоже.

В условиях глобализации Китай ставит задачу сохранения культурной автономности страны. Стратегической целью национальной безопасности является культурная идентичность,

¹ 周恩来总理的“烤鸭外交” = «Дипломатия жареной утки» премьер-министра Чжоу Эньлая [Электронный ресурс] // Newspaper.dahe.cn. URL: http://newspaper.dahe.cn/hnsb/html/2008-03/30/content_50807.htm (дата обращения: 10.05.2022) (на кит. яз.).

² О нематериальном духовном наследии : Закон КНР от 25.02.2011 [Электронный ресурс] // Chinalaw.center. URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_intangible_cultural_heritage_law_2011_russian/ (дата обращения: 10.05.2022).

³ 第二批国家级非物质文化遗产名录 = Вторая партия национального списка нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] // Baidu.com. URL: <https://baike.baidu.com/item/第二批国家级非物质文化遗产名录> (дата обращения: 10.05.2022) (на кит.яз.).

которую формируют, в том числе и на основе потребления традиционных блюд национальной кухни, в частности, такого известного блюда, каким является «Утка по-пекински». Глобализация питания не только несет с собой стандарты технологии, гигиены, потребления, но и риск нивелирования вкусов, замены национальной гастрономической картины мира на стандартизированную, массовую, глобализованную. «Утка по-пекински» как известное блюдо национальной китайской кухни своим авторитетом, признанием, историей и распространенностью становится важным элементом противостояния размытию гастрономической картины мира Китая. Данное блюдо играет роль аттрактора для выстраивания не только ресторанного бизнеса, но также внутренней и внешней коммуникации китайского социума (Рожкова, 2020).

Следует заключить, что гастрономическая картина мира Китая отличается национальным своеобразием и устойчивостью, однако актуальные тенденции в мире кулинарии ей тоже не чужды. Так, сегодня в ресторанах Поднебесной любое традиционное блюдо создается на основе новых технологических возможностей с применением современного оборудования, позволяющего обеспечить сохранение нужных параметров приготовления. Признанные шедевры национального кулинарного искусства, такие как блюдо «Утка по-пекински», обеспечивают существование общекайских культурных скреп, активизирующихся в различном контексте – историческом, мифологическом, художественном, экономическом, технологическом, правовом. Признание необходимости поддержания национального своеобразия гастрономической картины мира Китая в условиях глобальных тенденций стремления к стиранию этнических различий и унификации культуры способствует общественной гармонии и устойчивому развитию Поднебесной.

Список источников:

- Зуева Т.А., Чжан Х.Л. Национально-культурные особенности наименований блюд китайской кухни // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2015. С. 268–274.
- Рожкова А.К. Подходы к пониманию нематериального культурного наследия в России и Китае: вопросы правового регулирования культурной безопасности // Правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: история и современность. Иркутск, 2020. С. 93–98.
- Ступникова О. «Утка по-пекински» европейского уровня качества // Мясные технологии. 2014. № 10 (142). С. 24–25.
- Чжан Л. Значение понятия «число» в китайском и русском языках // Экология языка и речи. Тамбов, 2019. С. 96–101.
- Чжао Н. Китайская кухня как инструмент мягкой силы КНР // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 9. С. 205–209.
- 吴澎《中国饮食文化》山东 2009 年 170 页 = У Пэн. Китайская кулинарная культура. Шаньдун, 2009. 170 с. (на кит. яз)

References:

- Chzhan, L. (2019) Znachenie ponyatiya «chislo» v kitaiskom i russkom yazykakh [The Meaning of the Concept of «Number» in Chinese and Russian]. In: *Ekologiya yazyka i rechi*. Tambov, pp. 96–101 (in Russian).
- Rozhkova, A. K. (2020) Approaches to Understanding the Intangible Cultural Heritage in Russia and China: Issues of Legal Regulation of Cultural Security. *Pravovye sredstva obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: istoriya i sovremennost'*. Irkutsk, pp. 93–98 (in Russian).
- Stupnikova, O. (2014) «Utka po-pekinski» evropeiskogo urovnya kachestva [«Peking Duck» of European Quality Level]. *Myasnye tekhnologii*. (10 (142)), 24–25 (in Russian).
- Wu Peng (2009). [Chinese Culinary Culture]. Shandong. 170 p. (in Chinese)
- Zhao Na (2019) Chinese Food Culture as a Tool of «Soft Power» of China. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. (9), 205–209 (in Russian).
- Zueva, T. A. & Chzhan, Kh. L. (2015) Natsional'no-kul'turnye osobennosti naimenovanii blyud kitaiskoi kuhni [Ethno-cultural Features of the Names of Chinese Dishes]. In: *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*. Ekaterinburg, pp. 268–274 (in Russian).

Информация об авторах

Ван Цзы – аспирант департамента искусств и дизайна Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Н.Л. Малинина – профессор департамента искусств и дизайна Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=585138.

Information about the authors

Wang Tzu – PhD student, Department of Art and Design, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

N.L. Malinina – Professor, Department of Art and Design, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=585138.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.05.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 31.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 226–231.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 226–231.

Научная статья

УДК 37.01

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.39>

Понятие и структура вещественной культуры образования

Елена Дмитриевна Дмитриева

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, elena.offic@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2219-4315>

Аннотация. Образование представляет собой одну из форм духовной культуры, важнейший социальный институт, значение которого в общественном развитии сложно переоценить. Рассматривая данный феномен в историческом аспекте, исследователи обращают внимание прежде всего на генезис теоретических подходов, принципов, методик преподавания, содержания обучения. Как правило, за пределами научного интереса остается предметная сторона педагогического процесса – материальные условия, без которых его осуществление было бы невозможно. Данная статья представляет собой попытку решения указанной проблемы путем определения понятия материальной (вещественной) культуры образования, исходя из существующих интерпретаций смежных категорий. В работе представлена структура рассматриваемого явления, в качестве основных компонентов которой выступают: учебное пространство, учебная утварь, средства обучения, одежда и питание учащихся. Каждый из них в отдельности и все они в совокупности составляют основу материальной стороны образования и способствуют пониманию специфики генезиса представляемого им феномена в целом.

Ключевые слова: образование, вещественная культура, предметная среда, учебные здания, учебная форма, учебная утварь, дидактические средства, рацион питания обучающихся

Для цитирования: Дмитриева Е.Д. Понятие и структура вещественной культуры образования // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 226–231. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.39>.

Original article

The Concept and Structure of the Material Culture of Education

Elena D. Dmitrieva

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia,
elena.offic@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2219-4315>

Abstract. Education is one of the forms of spiritual culture, the most important social institution, the importance of which in social development is difficult to overestimate. Considering this phenomenon in the historical aspect, researchers pay attention primarily to the genesis of theoretical approaches, principles, teaching methods, and teaching content. As a rule, the subject side of the pedagogical process remains outside of scientific interest – the material conditions without which its implementation would be impossible. This article is an attempt to solve this problem by defining the concept of material (material) culture of education, based on existing interpretations of related categories. The paper presents the structure of the phenomenon under consideration, the main components of which are: educational space, educational utensils, teaching aids, clothing and nutrition of students. Each of them individually and all of them together form the basis of the material side of education and contribute to understanding the specifics of the genesis of the phenomenon they represent as a whole.

Keywords: education, material culture, matter environment, educational buildings, educational uniforms, educational utensils, didactic tools, learner's nutrition

For citation: Dmitrieva, E.D. (2022) The Concept and Structure of the Material Culture of Education. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 226–231. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.39](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.39) (In Russian).

Термин «материальная культура» хорошо известен, изучен и активно применяется в широком кругу гуманитарных наук, в отличие от не столь распространенного понятия культуры вещественной, однако в действительности последнее может быть более предпочтительно, если отталкиваться от дефиниции «вещь» как элементарной единицы рассматриваемого явления.

В. Даль определяет вещь как «нечто, предмет, отдельную единицу, всякую неодушевленную особь; в обширном смысле всё, что доступно чувствам»¹; А.И. Уемов понимает под этим

¹ Вещь [Электронный ресурс] // Толковый словарь Даля. Академик. ру. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/213714> (дата обращения: 19.05.2022).

словом систему качеств (Уемов, 1964); К.М. Кантор – средство удовлетворения потребностей, сотворенное человеком, причем применение вещи зависит не от ее непосредственных особенностей, а от социальных предпосылок, потребностей человека и общества (Кантор, 1981). Более широко данное понятие рассматривает С.И. Орехов, утверждающий, что вещь – это «единица проявления реальности, существующего» (Орехов, 2002: 41).

Подчеркнем, что помимо такого, естественного, на первый взгляд, свойства, как материальность, вещи присуща и другая особенность – связь с человеком. Со времен Протагора он рассматривается как мера всех вещей. Ценность, значение, полезность вещи определяются посредством человека и общества. Из этого антропоцентричного подхода вытекает отличие вещи от предмета. Последнее является более широким родовым понятием, к которому можно отнести любые материальные объекты живой и неживой природы. Вещественный мир невозможно рассматривать без участия в нем человека, поскольку вещь – это не просто опредмеченная форма материи, но и совокупность смыслов, а ее значение зависит от контекста применения, который обусловлен человеческой деятельностью.

Ю.В. Одношовина выделяет ряд аспектов, через призму которых может рассматриваться вещь: *онтологический* (раскрывает особенности бытия в таких характеристиках, как цвет, размер, форма, тяжесть, высота, симметрия, звук, то есть то, что воспринимается посредством органов чувств), *ценностный* (связанный с субъективным отношением, индивидуальными переживаниями, эмоциями, ожиданиями, воспоминаниями), *знаково-символический* (в зависимости от принятых в культуре традиций – так, изображение пеликана с птенцами на фасадах образовательных учреждений символизирует учителя и учеников), *культурно-исторический* (каждая эпоха наделяет вещи своим уникальным значением, что дает возможность исследователю относить артефакты к той или иной культуре), *художественно-эстетический* (чем глубже в историю проникает наш интерес, тем больше мы обнаруживаем уникальных предметов, обладающих собственной художественной ценностью), *функциональный* (с точки зрения полезности, что особенно характерно для сферы образования и обеспечения учебного процесса) (Одношовина, 2007).

Проанализировав природу вещей, сравним понятия вещественной и материальной культур. Если культуру в целом трактуют как «вторую природу» человека, то есть то, что создано искусственно, все разнообразие артефактов, «где природный материал превращается в вещественный, т.е. в предмет, созданный творческой деятельностью человека»¹, то материальную культуру принято рассматривать как подсистему всей культуры наряду с ее духовной составляющей. Традиционно эти составляющие противопоставляются, причем к материальной культуре относят созданные человеческим трудом физические объекты (здания и сооружения, одежда, предметы обихода, транспорт, средства коммуникации и т.д.), а под духовной – понимают процесс и результат интеллектуальной деятельности (искусство, науку, идеологию, религию, образование, философию, право, мораль и нравственные ценности, традиции и обычаи). Несмотря на указанное разделение рукотворного и мыслетворческого, необходимо подчеркнуть их теснейшую связь. Так, важнейшим свойством творчества принято считать единство формы и содержания как набор уникальных физических и смысловых характеристик. Например, учебник, как и любая книга, является продуктом материальной культуры, овеществленным предметом, но содержащиеся в нем знания – продукт интеллектуальной деятельности, для хранения которого необходим материальный носитель. Образование есть форма проявления духовной культуры, но для его осуществления необходимо наличие широкой материально-предметной базы.

Возникает естественный вопрос, какие группы артефактов следует включить в понятие материальной культуры. Помимо непосредственно готовых вещей, сюда можно отнести сырьевые и энергетические ресурсы, окультуренные земли и поселения, носителей информации, искусственно выведенные растения, а также животных со связанными с ними традициями (Л.А. Штемпель²), способы, технологии производства, культуру производителей и потребителей (Коськов, 2004), культуру быта, физическую культуру (Б.И. Кононенко³). Распространенным является мнение М.С. Кагана, который выделяет в структуре материальной культуры физическую, социальную и техническую составляющие, понимая под первой специфику телесности (заботу о человеческом теле), а под второй – совокупность общественных отношений (в том числе общепринятые нормы поведения и политическое устройство). В свою очередь техническая культура – это мир вещей во всем его многообразии, включающий способы создания и отношения ко всему предметному, имеющему естественное или искусственное происхождение (Каган, 2003).

¹ Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М., 2003. 509 с.

² Культурология. Краткий тематический словарь. Ростов н/Д., 2001. 596 с.

³ Кононенко Б.И. Культура. Цивилизация. Россия: учебное пособие. М., 2003. 337 с.

Как мы видим, понятие материальной культуры весьма широко и нуждается, особенно если мы имеем дело с какой-то определенной сферой, в некоторой конкретизации. Прежде всего, необходимо абстрагироваться от изучения социального и телесного.

В последние десятилетия можно говорить о развитии отдельного направления научного знания – культурной истории вещей. М.Н. Эпштейном некоторое время назад был предложен специальный термин – «реалогия» – для обозначения новой науки¹. В данном случае речь идет, безусловно, не обо всем многообразии материальной культуры, а непосредственно о ее вещественной составляющей.

Таким образом, в поле нашего внимания остается именно мир вещей, для обозначения которого И.И. Докучаев применяет понятие вещественной культуры и характеризует ее как «совокупность искусственно созданных объектов, главная функция которых сугубо утилитарна. Речь идет о созданных из природных материалов путем их поверхностной или глубинной модификации вещей, приобретающих в результате новую сущность, смысл которой заключается в том, чтобы решать ту или иную проблему, которую без этих вещей решить было бы сложнее или вовсе невозможно» (Докучаев, 2021). На основе функционального подхода и обобщения предшествующих исследований автор описывает морфологию вещественной культуры, которая включает такие типы артефактов, как транспорт, коммуникативная техника, ландшафт, domestikаты (домашние животные и растения), утварь, орудия труда, оружие, жилище, костюм, рацион питания и лекарственные средства.

Помимо проанализированных выше определений заслуживает внимания понятие предметной (или пространственно-предметной) среды, достаточно популярное в педагогической литературе. Оно служит для обозначения помещений, оборудования, дидактических материалов, инвентаря, с которыми взаимодействуют участники учебного процесса, но оставляет за пределами своих семантических границ такие элементы, как учебная форма и питание, представляющие для нас особый интерес. По этой причине остановимся именно на понятии *вещественной культуры образования*, понимая под ним совокупность всех применяемых в процессе обучения, так или иначе связанных с данной областью человеческой деятельности и в целом с социокультурным институтом образования вещей.

Исходя из предложенной И.И. Докучаевым морфологии, определим структуру указанного феномена, выделив в ней основные и дополнительные компоненты. К первым будет отнесено пространство обучения (здания и ландшафт), оснащение (предметная среда, состоящая из учебной утвари и средств обучения), одежда и рацион питания, принятые в учебных заведениях. Рассмотрим эти компоненты подробнее.

Учебный процесс предполагает наличие и определенную организацию некоего пространства. С таковым, вероятно, прежде всего, ассоциируется школьное здание. Однако необходимо понимать, что формы рассматриваемого пространства намного шире – например, в традиционной школе ученики могли размещаться в помещениях различного назначения на территории учительского дома, монастыря, в том числе и на открытом воздухе.

Пространство образования – это место получения знаний, которое может быть представлено малокомплектным сооружением или внушительным архитектурным комплексом (в зависимости от специфики учреждения). Оно включает в себя помещения, открытую местность, отдельные здания, в стенах которых ведется обучение, их интерьеры и архитектуру, а также прилежащую территорию (дворовую, садово-парковую, спортивные площадки и т.д.). Большое значение в контексте изучения учебного пространства имеет понятие класса, которое становится основной единицей онога на этапе активного развития вещественной культуры образования.

Учебное заведение, помимо обеспечения своих непосредственных задач, предполагает возможности для пребывания в нем учащихся на протяжении всего дня, обеспечения их жизнедеятельности, развития, досуга, иногда проживания. По этой причине на его территории предусматриваются дополнительные пространства внеучебного характера (трапезная, спальня, рекреация и т.д.).

Место – это одно из условий обучения. Другим необходимым условием является соответствующее наполнение первого – оснащение («предметная среда»), которое включает в себя учебные (дидактические) средства и утварь.

Учебные средства – это «орудия» обучения. Обозначенные вещи, наделенные дидактическим (обучающим) характером, непосредственно применяются для реализации учебных целей, то есть для приобретения знаний и навыков, источником которых наряду с учителем выступают и сами ученики. Собственно обучение можно рассматривать как деятельность по изучению

¹ Эпштейн М.Н. Реалогия // Проектный философский словарь: новые термины и понятия. СПб., 2003. С. 346–350.

подобного рода предметов, поэтому помимо вещественной сущности мы обращаем внимание на изначально заложенное в них нематериальное содержание.

Средства обучения чрезвычайно разнообразны и определяются изучаемой областью. В теории дидактики принято выделять три основных метода: словесный (основанный на восприятии речевой информации или буквенного текста), наглядный (с выраженным иллюстративным характером) и практический (заключающийся в осуществлении познавательной, экспериментальной, творческой, трудовой, физической деятельности). Для первого будет характерно применение прежде всего книг (учебников, словарей, справочников, букварей, прописей, изданий художественной, научной, гуманитарной литературы), а также аудиоматериалов. Наглядный метод реализуется посредством географических карт, схем, рисунков, плакатов, таблиц, презентаций. В свою очередь практическое обучение происходит с использованием природного материала, лабораторного оборудования, музыкальных инструментов, спортивного инвентаря и т.д.

Такое многообразие средств, отражающее развитый уровень вещественной культуры образования, получило распространение сравнительно недавно в историческом масштабе, чему способствовали произошедшая в XIX в. дифференциация учебных предметов и наметившаяся тенденция к просвещению населения.

Помимо дидактических средств оснащение включает предметы, выполняющие по отношению к ним вспомогательную функцию, играя утилитарную роль и предоставляя необходимые для обучения условия. Речь идет об *утвари*, которую в целом можно понимать как «совокупность предметов, принадлежности какого-нибудь обихода»¹. Выражение «школьная утварь» понятно обывателю, вызывая ассоциации с партами и классной доской, однако данный термин можно рассматривать несколько шире, как «учебную утварь», затрагивая и другие ступени образования. К данному кругу вещей относится мебель, специальные приспособления, свойственные сфере образования (доска, мел, указка), канцелярские принадлежности, а также технические устройства. Понятие «утварь», происходящее от глагола «творить», несет в себе значение ремесла, поэтому часто распространяется на предметы старины и гораздо реже употребляется по отношению к современности. Тем не менее технические новшества тоже являются предметами обихода, поэтому функционально могут быть отнесены к данной группе.

Рассматриваемые предметы могут носить сугубо учебный характер (например, школьный ранец предусмотрен только для ученика) или иметь широкое назначение (как значительная часть канцелярии, которая может одновременно применяться в различных областях человеческой деятельности). В некоторых случаях нелегко или даже почти невозможно провести границу между учебной утварью и дидактическими средствами. Так, пустую тетрадь мы скорее отнесем к первой категории, в то время как прописи с набором заданий – ко второй. Их различие подобно разнице между чистым листом и учебником. Ключевое значение в данном случае имеет дидактическая направленность последнего. Если средства обучения – это то, что является источником знания или навыка (посредством чего они приобретаются), то утварь – это вспомогательные условия, в которых эти средства могут быть применены. Следует, например, отнести спортивный инвентарь к *средствам* физического воспитания. Аналогично транспорт и циркуль являются *средствами* изучения углов и окружностей. Письменные принадлежности могут рассматриваться в качестве *средств* формирования навыков чистописания, но в большинстве случаев они представляют собой *утварь*, применяемую для фиксации осваиваемой информации. Вызывают интерес такие элементы предметной среды, как портреты ученых, символы государственности, наградная атрибутика, используемые в сфере просвещения. По своему функциональному значению данные реквизиты являются утварью, обладающей не столько утилитарным, сколько особым символическим смыслом.

Важными компонентами вещественной культуры образования являются одежда и питание учащихся, не связанные напрямую с обучением, но выступающие отдельными звеньями механизма функционирования учебных заведений, поэтому они также включены в рассматриваемую структуру. Отметим, *костюм* в образовательном процессе может быть свободным по усмотрению своего владельца (то есть определяться общими культурными тенденциями времени, погодными условиями региона и предпочтениями самого ученика) или представлять собой определенную форму одежды, по которой можно без труда узнать учащегося вообще или, в отдельных случаях, представителя конкретного учреждения.

Форма одежды вызывает особый интерес, как вещь, обусловленная культурой образования. Она представляет собой правила, способствующие сохранению традиций и закреплённые в соответствующих регламентах. В основе этих правил – эстетический и символический смысл

¹ Утварь [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова. Академик. ру. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1071834> (дата обращения: 19.04.2022).

внешнего вида человека. Цвет, отличительные знаки служат свидетельством его принадлежности к определенному сообществу. Примечательно, что распространение формы в образовании берет свое начало с привилегированных учреждений, где она служила эгалитарным отличием, а позже охватывает широкий круг организаций, стирая социальные различия (имущественные, национальные) между учащимися, подчеркивая их отношение к учебной субкультуре, выделяя на фоне остальных людей. Одновременно форма играет выраженную утилитарную функцию – различный тип одежды предусматривается, например, для письменных занятий, уроков труда или физической культуры, обеспечивая потребности учащегося в удобстве и практичности при выполнении определенного вида деятельности.

Обязательность требований к костюму может варьироваться. Целесообразно выделить промежуточное состояние между свободной и строгой формой одежды – то, что можно назвать «общими правилами рекомендательного характера». Этикет, разумные представления призывают придерживаться определенного стиля в одежде, распространенного в сфере образования. В частности, в истории культуры существуют и негласные традиции внешнего облика преподавателей, отличающие представителей данной профессиональной группы. Подобные правила и форма в целом способствуют поддержанию особого пиетета к институту просвещения, сохранению преемственности в образовании.

Вопрос генезиса *питания* в образовательных учреждениях (его организация и сам рацион) представляет собой исключительно функциональную проблему. Подход к ее решению во многом определяется сложившимися традициями. В целом питание учащихся осуществляется в соответствии с утвердившимся среди населения рационом. С развитием научного знания вырабатываются и внедряются обязательные стандарты функционирования общепита с учетом потребностей растущего организма.

Остальные компоненты вещественной культуры могут присутствовать в образовании, но встречаются гораздо реже и играют в нем дополнительную роль. По этой причине транспорт (школьные автобусы с опознавательными знаками «перевозка детей» и особыми правилами, направленными на обеспечение безопасности учащихся), коммуникативная техника (ИКТ), доместикулы (образцы флоры и фауны, встречающиеся в стенах учебных заведений), оружие (например, на уроках фехтования прошлых веков) и лекарственные средства (имеющиеся в лазаретах при пансионах, применяющиеся в медицинских кабинетах, при вакцинации учащихся) целесообразно рассматривать не отдельно, а в совокупности с основными компонентами ввиду их функционального назначения. Так, техническую аппаратуру можно считать предметом обихода современного класса, то есть элементом учебной утвари, а информационно-образовательные ресурсы – дидактическими средствами. К последним следует отнести и живой уголок в кабинете биологии, но, если мы имеем дело с растениями на подоконниках, предусмотренными в качестве деталей интерьера, то будем характеризовать их в качестве утвари.

Предложенная структура позволяет изучать материальное обеспечение образования во взаимосвязи его компонентов, анализируя специфику генезиса каждого в отдельности и составляемого ими в совокупности феномена в целом.

Список источников:

- Докучаев И.И. Вещественная (материальная) культура как конструкция и функциональная органопроекция // Журнал интегративных исследований культуры. 2021. Т. 3, № 1. С. 14–23. <https://doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-1-14-23>
- Каган М.С. Введение в историю мировой культуры : в 2 кн. СПб., 2003. Кн. 1. 383 с.
- Кантор А.М. Предмет и среда в живописи: проблема взаимоотношений предметного мира и пространственной среды. М., 1981. 127 с.
- Коськов М.А. Предметный мир культуры. СПб., 2004. 342 с.
- Одношвина Ю. В. Многообразие смыслов мира вещей в культуре // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия, Социология. Культурология. 2007. № 14. С. 22–27.
- Орехов С.И. Поиск виртуальной реальности. Омск, 2002. 183 с.
- Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1964. 184 с.

References:

- Dokuchaev, I. I. (2021) Material Culture as a Design and Functional Organoprojection. *Zhurnal integrativnykh issledovaniy kul'tury*. 3 (1), 14–23. Available from: [doi:10.33910/2687-1262-2021-3-1-14-23](https://doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-1-14-23) (in Russian).
- Kagan, M. S. (2003) *Vvedenie v istoriyu mirovoi kul'tury [Introduction to the History of World Culture]*. Vol. 1. Saint-Petersburg. 383 p. (in Russian).
- Kantor, A. M. (1981) *Predmet i sreda v zhivopisi: problema vzaimootnoshenii predmetnogo mira i prostranstvennoi sredy [Subject and Environment in Painting: the Problem of Relationship Between the Objective World and the Spatial Environment]*. Moscow. 127 p. (in Russian).
- Kos'kov, M. A. (2004) *Predmetnyi mir kul'tury [The Subject World of Culture]*. Saint-Petersburg. 342 p. (in Russian).

Odnoshovina, Yu. V. (2007) *Mnogoobrazie smyslov mira veshchei v kul'ture* [The Diversity of Meanings of the World of Things in Culture]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, Sotsiologiya. Kul'turologiya.* (14), 22–27 (in Russian).

Orekhov, S. I. (2002) *Poisk virtual'noi real'nosti* [Search for Virtual Reality]. Omsk. 183 p. (in Russian).

Uemov, A. I. (1964) *Veshchi, svoistva i otnosheniya* [Things, Properties and Relationships]. Moscow. 184 p. (in Russian).

Информация об авторе

Е.Д. Дмитриева – аспирант кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

E.D. Dmitrieva – Postgraduate Student of the Department of Theory and History of Culture of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.04.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.05.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 232–235.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 232–235.

Научная статья
УДК 130.2:791.43/.45
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.40>

Феноменология кино: визуальный поворот и кризис содержания

Ярослав Игоревич Климов

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия, kyai@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются воззрения Ж. Бодрийяра, Х.У. Гумбрехта, И.В. Беленького и других философов и культурологов на развитие кино в контексте культурологического знания. Целью исследования является теоретическое и практическое рассмотрение вопросов визуального и содержательного наполнения фильмов сегодня. В качестве задачи следует отметить рассмотрение вопросов использования визуальных технологий при производстве кино, в том числе и определение кризисного состояния данного вида искусства. Представлен анализ способов применения современных технологий в кино, а также краткий обзор понятия «киновселенная». Поднимается вопрос о кризисе кинематографа в его содержательной части. В качестве новизны следует отметить выделение и подтверждение роли современных спецэффектов в кинематографе: различные образы в фильмах, считающиеся мерой культурного восприятия, формируют определённый код, в котором заключено знание о мире, и позволяют демонстрировать режиссёрский замысел в художественном мире в целостной форме.

Ключевые слова: цифровое кино, ненарративное кино, монтаж, реальность, репрезентация, киновселенные, медиафраншиза

Для цитирования: Климов Я.И. Феноменология кино: визуальный поворот и кризис содержания // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 232–235. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.40>.

Original article

Phenomenology of Cinema: Visual Turn and Crisis of Content

Yaroslav I. Klimov

Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia, kyai@mail.ru

Abstract. This author discusses the views of J. Baudrillard, H.U. Gumbrecht, I.V. Belenky and other philosophers and culture experts on the development of cinema in the context of cultural knowledge. The purpose of the study is the theoretical and practical consideration of the visual and subject content of films nowadays. The use of visual technologies in the production of cinema is considered, as well as the definition of the crisis state of this art form. An analysis of the ways of applying modern technologies in cinema is presented, as well as a brief overview of the concept of cinematic universe. The question of the crisis of cinema in its content is raised. The author allocates and confirms the role of modern special effects in cinema: various images in films can be considered a measure of cultural perception, they form a certain code that contains knowledge about the world and allow demonstrating the director's intention in the artistic world in a holistic form.

Keywords: digital cinema, non-narrative cinema, montage, reality, representation, cinematic universes, media franchise

For citation: Klimov, Ya.I. (2022) Phenomenology of Cinema: Visual Turn and Crisis of Content. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 232–235. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.40](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.40) (In Russian).

Теоретическое обоснование традиционного киноискусства обычно связывают с работами французского кинокритика Андре Базена. Можно сказать, что Базен построил собственную феноменологию кино: посредством «технической редукции» оно конструирует возможные реальности. Но нужно подчеркнуть, что Базен рассматривает кино «как оно есть» – с позиции реализма и как средство реального познания мира, а не в качестве вида развлечения.

В более поздней философии постмодерна кино рассматривается в ином ключе, подразумевающим тайные смыслы, которые специально сокрыты в произведении. Так, Жан Бодрийяр использует понятие «гиперреальность» для обозначения выдуманной вселенной, состоящей из симулякров, «копий без оригинала», репрезентаций того, что не свойственно действительности. Жан Бодрийяр подчёркивает, что гиперреальность создается с той целью, чтобы на неё обратили внимание. В первую очередь, она имеет прямое отношение к массовой культуре.

О кино и гиперреальности он пишет следующее: «Одновременно с этим стремлением к абсолютному совпадению с реальным, кино приближается также к абсолютному совпадению с самим собой – и в этом нет противоречия... Гипотипизация и зрелищность. Кино плагиаторствует у самого себя, вновь и вновь самокопируется, переделывает свою классику, реактивирует свои мифы, переделывает немое кино таким образом, что оно становится более совершенным, нежели изначальное немое кино, и т. д.: все это закономерно, кино заморожено самим собой как утраченным объектом, в точности так, как оно (и мы тоже) заморожено реальным как исчезнувшим референтом»¹. И далее: «В своих сегодняшних попытках кинематограф все больше и все с большим совершенством приближается к абсолютному реальному, с его банальностью, с его правдоподобием, с его обнаженной очевидностью, с его занудством и вместе с тем с его заносчивостью, с его претензией на то, чтобы быть реальным, непосредственным, будничным, – а это самая безумная из всех затей»².

Многие кинокритики полагают, что современное кино переживает кризис идей, выражающихся в отсутствии оригинальных сюжетов и стремлении компенсировать этот дефицит эффектным и реалистичным изображением. Например, в фильме «Гравитация» 2013 года (режиссер Альфонсо Куарон) около 60 % экранного времени занимают компьютерные спецэффекты, а лица актеров Сандры Буллок и Джорджа Клуни – единственное средоточие живой игры в фильме (по режиссерскому замыслу персонажи-космонавты обличены в скафандры) – «вклеены» в сгенерированное изображение. Критики отметили прорывные технологии съемки, несмотря на стереотипный сюжет. Обозреватель портала Afisha.ru С. Зельвенский написал: «История о выживании и связанном с ним перерождении могла произойти и многократно в кино происходила – где угодно, хоть в пустыне, хоть в горах, хоть в море, но Куарон выбрал самые эффектные декорации на свете: за его пределами». Однако при этом сюжет – это «лишь инструментальный, размер, рифмы, но не сами стихи»³. Фильм создан с целью демонстрации зрителю красивой картинке, производящей впечатление абсолютной реальности.

Отсутствие оригинальных сюжетов в культуре – это идея, разработанная в структурализме: любые повествования состоят из функциональных единиц, подобных тем, которые выделяли ученые-классики: В. Пропп в теории волшебных сказок⁴ и К. Леви-Стросс в своих эссе о мифах⁵. В рассказе «Четыре цикла» писатель Х.-Л. Борхес в структуралистском ключе замечает, что сюжеты не сочиняются – а лишь сводятся к четырем базовым историям: об укрепленном городе («Троя», 2004 г.), о возвращении («Гравитация», 2013 г.), о поиске («Индиана Джонс: В поисках утраченного ковчега», 1981 г.) и о самоубийстве божества: «Сколько бы времени нам ни осталось, мы будем пересказывать их – в том или ином виде»⁶. Тот же Леви-Стросс в структурной антропологии отмечал, что теоретически сюжеты сможет компилировать компьютер. Действительно, в компьютерных технологиях до сих пор нет принципиальной грани между творчеством и псевдотворчеством.

По существу, обзор новых жанров в целом показывает, что их новизна заключается в глубоко «красивой картинке» и возможности вовлечения зрителя в созданный кинематографистами мир, причем акцент ставится на предмете, а не на способе повествования.

Вместе с тем Нозль Кэрролл признавал, что в современном ненарративном кино традиционный сюжет не играет столь существенной роли. В то же время Джим Макклеллан, комментируя фильмы «Трон» и «Газонокосильщик», пишет, что де факто современные цифровые блокбастеры снимаются не ради рассказывания истории, а ради демонстрации спецэффектов, которые привлекают максимальное число людей в кинотеатры: «глупый, бессвязный, совершенно предсказуемый сюжет скорее отвлекает от реального зрелища – смены анимированных с помощью компьютера картинок... Повествование, возможно, необходимо лишь для того, чтобы вовлечь зрителя в процесс исследования виртуального мира»⁷. Вероятно, в грядущем сюжет ненарративного кино будет функционировать лишь как пригласительный билет в виртуальный мир, где зритель сможет свободно двигаться в любом направлении (пусть и с учетом авторских и других ограничений)⁸.

¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2017. 320 с.

² Там же.

³ Отзыв о фильме «Гравитация». Поэма о космической аварии [Электронный ресурс] // Афиша. URL: <https://www.afisha.ru/movie/207419/reviews/?reviewId=506003> (дата обращения 01.06.2022).

⁴ Пропп В.Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 2021. 624 с.

⁵ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2011. 544 с.

⁶ Борхес Х.Л. Золото тигров // Х.Л. Борхес. Собрание сочинений. Том 3. Произведения 1970–1979 годов. М., 2011. 703 с.

⁷ McClellan J. Being There: Virtual Reality in the Cinema [Электронный ресурс] // Close-up. URL: https://www.closeupfilmcentre.com/vertigo_magazine/volume-1-issue-3-spring-1994/being-there-virtual-reality-in-the-cinema/ (дата обращения 01.06.2022).

⁸ Там же.

Однако, Х.У. Гумбрехт в своей работе «Производство присутствия: чего не может передать значение» предполагает, что кризис идей в современном искусстве может быть объяснен общей усталостью от культуры значения: «Иногда вместо бесконечных попыток представить себе, что бы еще могло быть иным, мы словно соприкасаемся с таким уровнем нашей жизни, где нам просто нужно, чтобы вещественный мир плотнее прилегал к нашей коже»¹. Однако из его же теории следует, как мы отмечали выше, что суть эстетического переживания состоит в колебании между эффектами присутствия и эффектами значения. Цифровое кино способно бесконечно погружать человека в воображаемые миры, однако, во-первых, мы испытываем потребность в осознании глубины сюжета, во-вторых, по словам В.С. Складаровой, один из аспектов современного визуального поворота – это «накопление обществом “усталости” от технически производимого зрелища и возвращения интереса к живому зрелищному действию, происходящему в общем для “действующих лиц” и аудитории пространстве, сочетающему спонтанное и спроектированное, исключительно созерцательное и интерактивное, использующее весь арсенал доступных человеку средств коммуникации, в том числе и все богатство и разнообразие средств невербальной коммуникации» (Складарова, 2017). Можно вернуться к размышлениям Ф. Трюффо о методе Хичкока: в предисловии, сравнивая мэтра с популярными голливудскими киносделками, Ф. Трюффо характеризует их как крепких «ремесленников», способных получить на экране любую картинку – пеплум, вестерн, сентиментальную мелодраму, имеющих часто свой собственный «конек», но не художественную манеру: «не испытывая настоящей потребности в соотношении своей работы с собственными мыслями о жизни, людях, деньгах, любви, они становятся лишь специалистами шоу-бизнеса»². Ролан Барт писал о «нулевой степени письма» – деперсонализированном языке, к которому пришла в итоге литература и посредством которого происходит массовое производство фильмов. «В нейтральных типах письма... нетрудно различить, с одной стороны, порыв к отрицанию, а с другой – бессилие осуществить его на практике, словно Литература, которая вот уже в течение столетия пытается превратить свой лик в форму, лишенную всяких черт наследственности, обретает таким путем большую чистоту, чем та, которую способно ей придать отсутствие всяких знаков, позволяя наконец сбыться орфеевой мечте: появлению писателя без Литературы»³. Возможно, «кино без актера» движется в подобном направлении – к отсутствию какой-либо идеологии в условиях неразличимости фиктивного и относящегося к фундаментальной реальности.

В то же время И.В. Беленький в послесловии к «Истории кино» представляет логику развития кинематографа, напоминающую парадигмальную модель науки Т.С. Куна: «из хаоса событий в истории кино постепенно вырисовывается довольно стройная композиция. Каждая следующая часть начинается с кризиса на предыдущем этапе, развитие происходит катастрофически, через слом»⁴. В этом процессе есть три «магистралей» – творчество, технологии и рынок, причем бурное движение по одной становится причиной застоя на какой-то другой. По сути история кино развивается циклично, и в соответствии с этой логикой автор предсказывает в относительно скором времени «еще одно обновление кинематографа... когда сегодняшнее увлечение видеоэффектами, новыми/новыми технологиями, компьютерными играми и немеренными деньгами войдет в противоречие либо с изменившимися вкусами зрителей, либо с экономическими возможностями кинопроизводителей, либо и с тем, и с другим»⁵.

Виртуальная/синтетическая модель – это доступный наблюдению, различимый посредством органов чувств объект, напоминающий реально существующие объекты, лишенные некоторых существенных свойств. Цифровые технологии позволяют создавать синтетические объекты, достоверность которых складывается из трех компонентов: «осознанности» мира, который окружает объекты, точности воспроизведения самого объекта и «произведенного» присутствия – зрительского ощущения нахождения внутри картинки (П. Милгрэм, Ф. Кишино, Х.У. Гумбрехт).

Тенденции в современном цифровом/гибридном кино работают на повышение качества визуальной составляющей в кадре: создание кино вселенных, использование максимально достоверных спецэффектов и повышение интерактивности произведений.

Реальность спецэффектов может быть рассмотрена с нескольких точек зрения, однако с позиции эпистемического реализма они способны уменьшать достоверность кинопроизведения (даже будучи безукоризненно исполненными), поскольку зритель обладает знанием о производстве кино. Доказательство тому – негативная реакция зрителей на оживление «легенд» (например, в таких фильмах, как «В поисках Джека» и «Высоцкий: спасибо, что живой»). Возможный

¹ Гумбрехт, Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М., 2006. С. 109.

² Трюффо Ф. Кинематограф по Хичкоку. М., 1996. С. 10.

³ Барт Р. Нулевая степень письма. СПб., 2008.

⁴ Беленький, И.В. История кино. Киносъемки, кинопромышленность, киноискусство. М., 2019. С. 396.

⁵ Там же.

механизм неприятия состоит в том, что сгенерированный/гибридный персонаж мыслится как совершенно детерминированное, лишенное внутреннего мира существо, которому, в отличие от недетерминированного актера, невозможно полноценно сопереживать.

Интерактивность фильма – способность зрителя взаимодействовать с ним. Сильная форма интерактивности – возможность воздействия на структуру сюжета – достигается в некоторых образцах POV-кино, которое пока остается экспериментальным форматом и в ряде случаев неотличимо от компьютерных игр. Традиционное кино слабо интерактивно, однако более высокий, промежуточный уровень интерактивности достигается за счет появления киновселенных (медиафраншиз) и фактического сотворчества кинематографистов и зрителей (в разных формах – от создания фанфильмов и обзоров до изучения киновселенной посредством научного метода).

Киновселенные (медиафраншизы) – это виртуальные миры с собственной мифологией и «населением» в виде действующих лиц фильма, непосредственно не появляющихся в одном сюжете одновременно. Развита киновселенная или медиафраншиза детализирована («эффект Флеминга»), причем детали часто понятны её фанатам. Поскольку кинокомпания, являющиеся держателями авторских прав на персонажей, заинтересованы в увеличении прибыли за счет расширения аудитории, киновселенные постепенно сближаются (фильм «Первому игроку приготовиться»).

Таким образом, кризис в современном кино связан с тем, что крупнейшие киностудии и режиссеры обычно делают акцент на визуальной составляющей кино в ущерб оригинальности сюжета. В будущем возможна как окончательная победа ненарративного кино (Н. Кэрролл) и фильмов «без актера», так и ренессанс нарративного искусства в соответствии с циклической моделью развития кинематографа (И.В. Беленький).

Соответственно, фильмы с оригинальными сюжетами являются большой редкостью, так как многие студии не хотят нести финансовые риски, не веря в успех того или иного проекта. Отсутствие творческой свободы у режиссёра на съёмках также отбивает желание создавать что-то особенное и новое в данном виде искусства. Так, спецэффекты, которыми были увлечены Дж. Кэмерон и С. Спилберг при создании своих фильмов в 1980–1990-е годы, когда это было в новинку, сегодня присутствуют практически в каждом фильме, меняя смыслы и художественную ценность произведения на яркую и сочную картинку.

Список источников:

Склярова, В.С. Визуальные повороты и зрелищная культура: теоретические аспекты и культурные практики // Вестник культуры и искусств. 2017. № 4 (52). С. 116–121.

References:

Skliarova, V. (2017) The visual turns and spectacular culture: theoretical aspects and cultural practices. *Culture and arts herald*. (4). 116–121. (In Russian)

Информация об авторе

Я.И. Климов – аспирант Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Рязань, Россия.

Information about the author

Ya.I. Klimov – PhD student, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.05.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 31.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 236–239.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 236–239.

Научная статья

УДК 316.356.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.41>

Эволюция государственного регулирования эгалитарных семейных отношений

Варвара Дмитриевна Кортнева

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия,
v.kortneva@365.rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4080-5714>

Аннотация. В статье рассматривается трансформация семейных отношений в российском обществе в аспекте влияния на них государственно-политического фактора. Цель исследования – показать взаимообусловленность процессов эгалитаризации семейных отношений с проводимой государством семейно-демографической политикой в исторической ретроспективе и в текущий период. Объектом выступает эгалитарная модель семейной жизни с присущими ей ценностями гендерного равенства, справедливости, свободы воли и взаимоуважения. В результате реализации цели удается обнаружить истоки разрушения традиционного уклада семейного бытия в сторону его эгалитаризации; дать обзор и оценку политико-законодательных мер, принимаемых в отношении семьи советским государством; определить вектор развития современной российской политики по регулированию семьи в провозглашаемых ею решениях; представить полярность взглядов исследователей на данную проблему. Научная новизна состоит в выявлении рассогласованности основных направлений семейно-демографической политики с реально существующими социокультурными практиками семейной жизни, которые сегодня приобретают все более эгалитарный характер.

Ключевые слова: семья, трансформации, патриархальный уклад, эгалитаризм, гендерное равенство, государственное регулирование, современная политика

Для цитирования: Кортнева В.Д. Эволюция государственного регулирования эгалитарных семейных отношений // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 236–239. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.41>.

Original article

The Evolution of State Regulation of Egalitarian Family Relations

Varvara D. Kortneva

Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia,
v.kortneva@365.rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4080-5714>

Abstract. The article examines the transformation of family relations in Russian society in the context of the state-political factor's impact on them. The aim of the study is to show the interdependence of the processes of egalitarianisation of family relations with the state's family and demographic policy in historical retrospect and in the current period. The object is an egalitarian model of family life with its inherent values of gender equality, justice, free will and mutual respect. The aim is to discover the origins of the destruction of the traditional family way of life towards its egalitarianisation; to review and assess the political and legislative measures taken in relation to the family by the Soviet state; to determine the development vector of modern Russian policy on family regulation in the solutions it proclaims; and to present the polarity of researchers' views on the issue. The scientific novelty lies in the identification of the incoherence between the main directions of family and demographic policy and the actual existing socio-cultural practices of family life, which are now becoming increasingly egalitarian in nature.

Keywords: family, transformation, patriarchy, egalitarianism, gender equality, state regulation, current policy

For citation: Kortneva, V.D. (2022) The Evolution of State Regulation of Egalitarian Family Relations. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 236–239. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.41](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.41) (In Russian).

В условиях социокультурных трансформаций общества, в том числе в сфере семейных отношений в направлении их эгалитаризации, изучение вопросов, связанных с разработкой и реализацией государственной семейно-демографической политики, имеет значимость и актуальность. Несмотря на то что в различных этнокультурных условиях совокупность принимаемых органами власти мер будет иметь свою специфику, именно решение проблем семьи и обозначение перспектив ее развития как базового института социального бытия способно задать основной вектор динамики социокультурных процессов в обществе, отвечающих потребностям государ-

ства. Еще в Кодексе РСФСР о семье 1926 г. (А.А. Дорская называет его одним из самых либеральных в истории современного семейного права (2016)) задачи укрепления семьи рассматривались исключительно с позиций обеспечения публичных интересов государства.

В семье, как в зеркале, отражаются социальные процессы в обществе и государстве. Обнаруживается следующая логика общественного развития: по мере демократизации социума патриархальная организация, где в качестве главы семьи или государства выступает авторитарный правитель, сменяется установлением эгалитарной модели как оптимального и гармоничного сочетания феминного и маскулинного (Верещагина, Самыгин, 2015: 11). Подобную закономерность выявляют и зарубежные исследователи К. Сантос, Н. Кампана, И. Гомес, указывающие, что современное демократическое государство ценит и защищает эгалитарные отношения, а процесс демократизации семьи, регулирующий гендерные отношения, – есть кульминация модернизации политической системы (Santos et al., 2019: 6). По их оценкам, сегодня такие страны, как Швеция, Нидерланды, Канада, в большей степени продвигают эгалитарные ценности.

Необходимо отметить, что все более широко применяемое в научном дискурсе понятие эгалитарной семьи пока не получило точной и утвердившейся дефиниции, что вызывает терминологическую путаницу. Однако, на наш взгляд, эгалитарной можно назвать такую семью, в которой не только и не столько преобладают установки на юридическое равноправие супругов или равное распределение домашних обязанностей, но также в достаточной степени присутствуют категории справедливости, свободы воли членов семейного союза и их взаимного уважения. Во многих современных трактовках эгалитарные семейные отношения противопоставляются традиционным отношениям с патриархальным укладом жизни.

Распад патриархальной семьи, сохраняющей доминирующие позиции в российском обществе вплоть до Второй мировой войны, проявился уже в конце XVIII – начале XIX в. с развитием индустриального производства. После Первой русской революции процесс перехода от патриархальной формы организации семьи к современной становится вполне очевидным и находит отражение в значимых научных публикациях, а после Октябрьской революции 1917 г. идеи женского равноправия, брака как союза свободных и независимых членов коммунистического общества получают все большую артикуляцию (Бим-Бад, Гавров, 2010: 120–121). Формальное равенство в брачно-семейных отношениях стало очерчиваться еще со второй половины XVIII в., а в Российской империи вклад в выравнивание наиболее несправедливых дискриминаций в семье внесли длительное время находившиеся у власти женщины-правительницы (Верещагина и др., 2016: 50).

Социальную политику, проводимую Советским государством по отношению к семейной сфере, нельзя назвать последовательной, отмечаются ее ограниченность и бессистемность, волнообразный характер принимаемых властью мер (Рабжаева, 2004: 90–94). Поиск путей реализации закрепленного в 1917 г. формального равенства между мужчиной и женщиной продолжался вплоть до окончания советских времен. По мнению П.В. Романова, В.Н. Ярской и Е.Р. Ярской-Смирновой, результатом этого законодательного поиска стала Конституция 1977 г., одна из тем которой – равномерное распределение семейных обязанностей между супругами (Романов и др., 2005: 59). По другой версии, процесс формального закрепления эгалитарной семьи завершился в период принятия Конституции 1993 г., провозгласившей равенство мужа и жены в семье и перед государством, а также семейно-брачных прав и обязанностей (Верещагина, 2013: 102). Ш. Курильски-Ожвен называет текст нового основного документа революционным, устанавливающим строгое двустороннее равенство полов (1995: 166).

Современная российская политика по регулированию семьи в провозглашаемых ею решениях не обнаруживает большой поддержки новых либерально-демократических ценностей. Действующая Конституция хотя и закрепляет равенство прав и возможностей мужчин и женщин (ст. 19, ч. 3), в том числе заботу о детях и их воспитание как равные права и обязанности родителей (ст. 38, ч. 2), в результате внесения поправок в 2020 г. также предусматривает отдельный новый пункт о защите семьи, материнства, отцовства, детства, института брака как союза мужчины и женщины (ст. 72, ч. 1, п. ж. 1)¹, несмотря на то что данная норма уже была закреплена ранее в Семейном кодексе Российской Федерации. Обозначенное обстоятельство свидетельствует об усилении внимания государства к вопросам развития семьи и укреплении консервативной позиции властных субъектов в отношении сохранения традиционного семейного уклада.

Курс на сохранение и защиту российских традиционных духовно-нравственных ценностей озвучивался президентом не единожды: «Очень важно, чтобы они <дети> восприняли подлинные ценности многодетной семьи, что семья – это любовь, счастье, радость материнства и отцовства,

¹ Конституция РФ [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что семья – это крепкая связь нескольких поколений, где уважение к старшим и забота о детях всегда объединяют, дают чувство уверенности, защищенности, надежности» (Послание Федеральному собранию, 2020 г.); «Сейчас для нас на первый план вышли семья, дружба, взаимовыручка, милосердие, сплоченность. Духовно-нравственные ценности, о которых в ряде стран уже забывают, нас, напротив, сделали сильнее. И эти ценности мы всегда будем отстаивать и защищать» (Послание Федеральному собранию, 2021 г.)¹. В соответствии со Стратегией национальной безопасности России институт брака и семейные ценности, базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои подверглись разрушительному воздействию, чему способствовали абсолютизация свободы личности, пропаганда вседозволенности, эгоизма, культ потребления и наслаждения, потому защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей должна быть обеспечена в том числе укреплением института семьи и сохранением традиционных семейных ценностей, преемственности поколений². О необходимости кардинального поворота к институту традиционной семьи как национальной идее, приоритетной задаче государственной семейной политики «по дороге от пропасти национального самоуничтожения» пишет В.Н. Лексин (2016: 250–253). Отметим, однако, что ввиду возникшего общественного резонанса проект указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» пока не принят и находится на доработке.

Разработка содержательных основ и реализация современной семейной политики также подвергаются критике со стороны научного сообщества. Отмечается ощутимый перекося в сторону материально-экономической поддержки нуждающихся семей, стимулирования рождаемости. А.В. Верещагина называет правила и нормы, формируемые на государственном уровне, неадекватными, обосновывая тезис о несоответствии обозначенной в Конституции РФ эгалитарной модели семьи реальному поведению мужчин и женщин в семейных отношениях, где фиксируется возрастание семейного насилия и нарушения прав ребенка³, ввиду чего, по мнению автора, на формальном уровне необходимо проводить поддержку эгалитарного типа семейных отношений. Т.А. Гурко, давая экспертную оценку Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 г., ставит под сомнение возможность и целесообразность возврата к традиционным семейным ценностям, предлагая выстраивать современную политику, базируясь на объективных тенденциях развития института семьи и ориентируясь на поддержку позитивных тенденций и новых семейных ценностей (уважение личностной автономии, справедливое распределение семейных обязанностей, доброжелательное и демократичное общение с детьми, отделение молодой семьи от родительской, равноправное распределение родительской заботы о детях, в том числе после развода, и т. д.) (2013: 45–46).

Таким образом, современное Российское государство стоит перед важнейшим выбором, который определит дальнейший вектор трансформации модели семьи – возврат к патриархальным установлениям или путь к эгалитарному семейному укладу. При этом отмечают, с одной стороны, конституционное установление подлинного равенства мужчин и женщин в семье и обществе, а с другой – рассогласованность декларируемых принципов с реальной ситуацией в семьях.

Список источников:

- Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М., 2010. 352 с.
- Верещагина А.В. Эволюция государственного регулирования семьи и семейно-брачных отношений в России // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 4 (36). С. 101–107.
- Верещагина А.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Проблемы молодой семьи первого года жизни с позиций ее типологической характеристики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 46–50.
- Верещагина А.В., Самыгин С.И. Неоматриархат и перспективы общественной эволюции в условиях кризиса маскулинного мира // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 9. С. 7–15.
- Гурко Т.А. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 33–52.
- Дорская А.А. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г.: соотношение идеологической и юридической составляющих // *Universum Juris*. 2016. № 2. С. 2.
- Курильски-Ожвэн Ш. Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 155–168.

¹ Стенограммы посланий Президента Федеральному собранию РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages> (дата обращения: 01.06.2022).

² О стратегии национальной безопасности РФ [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Верещагина А.В. Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 19.

Лексин В.Н. Обычная русская семья в условиях трансформации института семьи: опыт системной диагностики. М., 2016. 256 с.

Рабжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89–98.

Романов П.В., Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Дискурсивное поле демографической политики // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 151–171.

Santos C.V.M., Campana N.T.C., Gomes I.C. Cuidado Parental Igualitário: revisão de literatura e construção conceitual // Psicologia: Teoria e Pesquisa. 2019. Vol. 35, no. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.1590/0102.3772e35311>.

References:

Bim-Bad, B.M. & Gavrov, S.N. (2010) *The Modernisation of the Family Institution: A Macro-Sociological, Economic and Anthropological-Pedagogical Analysis*. Moscow, Novyi Khronograf. (In Russian)

Dorskaya, A.A. (2016) The 1926 Marriage, Family and Guardianship Code of the RSFSR: Ratio of the Ideological and Legal Components. *Universum Juris*. (2), 2. (In Russian)

Gurko, T.A. (2013) The concept of government family policy of Russian Federation over a period 2025: Suggestions for improvement. *Sociologicheskaja Nauka / Social'naja Praktika*. (3), 33–52. (In Russian)

Kuril'ski-Ozhvehn, Sh. (1995) The Russian Cultural Model and the Evolution of Normative Family Regulation. *Social Sciences and Contemporary World*. (5), 155–168. (In Russian)

Leksin, V.N. (2016) *The Common Russian Family in the Context of Transformation of the Family Institution: Experience of Systemic Diagnostics*. Moscow, Librokom. (In Russian)

Rabzhaeva, E.V. (2004) A historical and sociological analysis of the XX century Russia family policies. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. (6), 89–98. (In Russian)

Romanov, P.V., Yarskaya, V.N. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2005) The discursive field of population policy. *Acta Eurasica*. (3), 151–171. (In Russian)

Santos, C.V.M., Campana, N.T.C. & Gomes, I.C. (2019) Egalitarian parental care: Literature review and conceptual construction. *Psicologia: Teoria e Pesquisa*. 35 (1), 1–12. Available from: [doi:10.1590/0102.3772e35311](https://doi.org/10.1590/0102.3772e35311). (In Portuguese)

Vereshchagina, A.V. & Samygin, S.I. (2015) Neomatriarhat and prospects of social evolution in the crisis masculine world. *Socio-Humanitarian Knowledge*. (9), 7–15. (In Russian)

Vereshchagina, A.V. (2013) Evolution of State Regulation of the Family and Matrimonial Relations in Russia. *Vestnik Instituta Istorii, Arkheologii i Ethnografii*. (4), 101–107. (In Russian)

Vereshchagina, A.V., Kovalev, V.V. & Samygin, S.I. (2016) The problems of the young family's first year of life from the perspective of its typological characteristics. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. (10), 46–50. (In Russian)

Информация об авторе

В.Д. Кортнева – старший преподаватель кафедры политологии и обществознания, аспирант кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Рязань, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=748134.

Information about the author

V.D. Kortneva – Senior Lecturer, Department of Political Science and Social Studies, PhD at the Department of Cultural Studies, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=748134.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.05.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.06.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 240–243.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 240–243.

Научная статья
УДК 304.44:75(594)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.42>

Анализ картины «Продавец домашней птицы» индонезийского художника Хендры Гуавана

Иван Джакония Курниаван

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия,
iwanjaconiah@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4250-1674>

Аннотация. В статье анализируются работы художников «левого крыла» в Индонезии в 1950-х гг., действовавших во время правления Президента Республики Индонезия Сукарно, в частности работы индонезийского художника Хендры Гуавана. Произведен анализ художественного стиля мастера и одной из самых знаменитых его картин – «Продавец домашней птицы». Хендра был одним из художников, который на своих полотнах изображал простую повседневную жизнь, низшее общество, бедность. Он стал фигурой, которой всегда восхищались будущие поколения в Индонезии. Хендра создал картины в стиле индонезийского соцреализма, которые были закрыты для народа Индонезии и всего мира, так как художник был арестован и посажен в тюрьму за работы, считавшиеся противоречащими власти. В статье анализируется феномен искусства соцреализма второй половины XX в. как часть исторического наследия Индонезии.

Ключевые слова: культурная дипломатия, индонезийская живопись, изобразительное искусство, эпоха Сукарно

Для цитирования: Курниаван И.Дж. Анализ картины «Продавец домашней птицы» индонезийского художника Хендры Гуавана // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 240–243. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.42>.

Original article

Analysis of the Painting “Poultry Seller” by the Indonesian Artist Hendra Gunawan

Iwan J. Kurniawan

Russian State Social University, Moscow, Russia,
iwanjaconiah@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4250-1674>

Abstract. The article analyzes the works of the “left wing” artists in Indonesia in the 1950s, who operated during the reign of the President of the Republic of Indonesia Sukarno, in particular the works of the Indonesian artist Hendra Gunawan. The analysis of the artistic style of the master and one of his most famous paintings – “Poultry seller” is made. Hendra was one of the artists who depicted simple everyday life, low society, poverty on his canvases. He became a figure who was always admired by future generations in Indonesia. Hendra created paintings in the style of Indonesian socialist realism, which were closed to the people of Indonesia and the whole world, since the artist was arrested and imprisoned for works considered contrary to the authorities. The article analyzes the phenomenon of the art of socialist realism of the second half of the XX century as part of Indonesia’s historical heritage.

Keywords: cultural diplomacy, Indonesian painting, fine art, the Sukarno era

For citation: Kurniawan, I.J. (2022). Analysis of the Painting “Poultry Vendor” by the Indonesian Artist Hendra Gunawan. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 240–243. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.42](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.42) (In Russian).

Война за независимость Индонезии в 1945 г. дала мощный толчок дальнейшему развитию общеиндонезийской национальной культуры и искусства. В 1950–1965 гг. в Республике Индонезия расцветает объединение деятелей культуры левого направления – Общество народной культуры, или Лекра (аббревиатура образована от индонезийского наименования – *Лембага кебудаян ракят*). С 1959 г. Лекра стала объединением семи обществ: индонезийской литературы, изобразительного искусства, музыки, танца, кинематографии, драматургии и науки¹.

¹ Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М. : Совет. Энциклопедия, 1973–1982. Т. 5. ДВИНСК – ИНДОНЕЗИЯ. 1964.

В 1950-х гг. продажа картин проводилась преимущественно на выставках в Джакарте. Президент Республики Индонезия Сукарно благосклонно относился к художникам и нередко приобретал их картины (Wertheim, 1979). В том числе известно, что Сукарно приобретал картины Хендры Гунавана и других членов Лекры для своей частной коллекции, а также для государственной. Благодаря вниманию Сукарно к картинам, художники приобретали известность и получали возможность продавать все больше своих произведений, а некоторые из них даже могли выезжать за границу с культурными миссиями, в том числе в СССР, страны Восточной Европы и Китайскую Народную Республику (Погадаев, Перминов, 2021: 189).

В 1947 г. индонезийские художники Аффанди и Хендра Гунаван основали объединение «Народный художник». Когда в 1950 г. Коммунистическая партия Индонезии создала Лекру, «Народный художник» установил с данным объединением тесные связи (Кашмадзе, 1987).

Хендра Гунаван (1918–1983) был известным художником в Индонезии в 1950-х гг. Он утверждал, что сострадание к бедным и угнетенным людям мотивировало его искусство. В юности Хендра после ссоры с отцом стал бездомным; он скитался по деревням, где его кормили и давали приют бедные люди. Позже, будучи комиком, он развлекал бедных людей в зондских землях Западной Явы. Это, несомненно, укрепило его непреходящую любовь к написанию обыденной людской жизни.

Повседневная жизнь народа с его радостями и горестями – отличительная черта работ Хендры, который в стиле реализма изображал на своих картинах обремененных женщин, несущих тяжелые грузы, привязанные к их согнутым спинам, продавцов на обочине дороги и их покупателей, женщин и детей. Обремененные женщины, бредущие по дорогам Центральной Явы на рынки и обратно, стали одним из символов бедности и деградации обыденной индонезийской живописи на многих картинах художников «левого крыла» в Индонезии.

Одна из самых знаменитых картин Хендры – «Продавец домашней птицы» (индон. *Penjual ungags*; англ. *The Poultry Vendor*; холст, масло, 155х92 см, 1962 г.) – является наиболее выразительным примером, демонстрирующим художественный стиль Хендры (рис. 1). Большие, неуклюжие ноги продавцов домашней птицы, расположенные вдоль центральной оси холста и выделяющиеся на светлом фоне, являются героями картины. Кудавчущие утки и цыплята образуют плотное, гнетущее облако над наклоненной вперед головой женщины. Краска особенно густая в этой верхней части холста, что усиливает эффект веса. Цвета непрозрачные, линии и формы грубые. Одна из марширующих женщин кладет в рот таблетку бетеля, так похожую на выючное животное, хватающее лист.

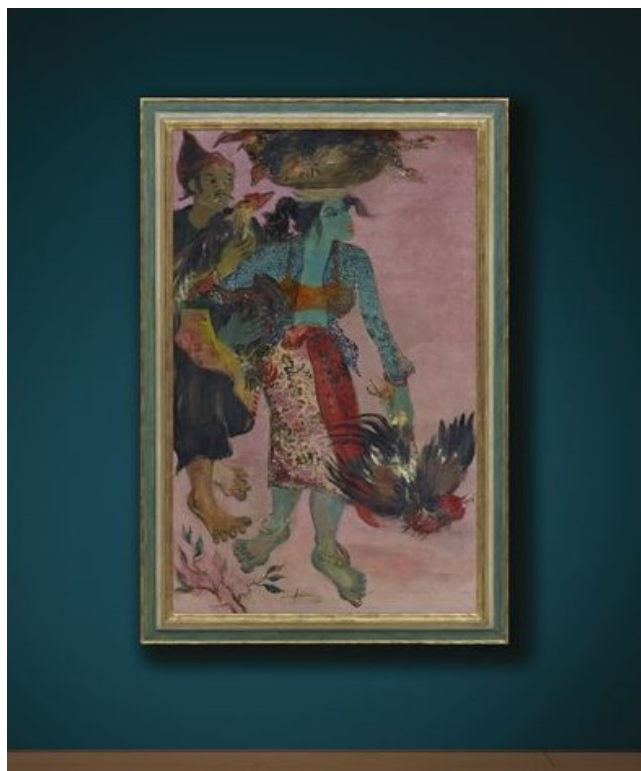

Рисунок 1 – Картина Хендры Гунавана «Продавец домашней птицы»

Трогательная гротескность процессии усиливается ее сопоставлением с непринужденной группой женщин, собравшихся вокруг большого подноса с едой, и случайным взглядом одной из них в сторону проходящих торговцев и их шумной ноши (Holt, 1967: 221).

Глубоко вдохновленный живостью пейзажа и сильным характером своих соотечественников, Хендра со временем постоянно развивал и оттачивал свой художественный язык, который в конечном итоге стал визуальным синонимом региона Юго-Восточной Азии. Созданная в 1962 г. картина «Продавец домашней птицы» была приобретена непосредственно у художника доктором К.Г. Ку, врачом из Бандунга, который увлекался коллекционированием работ выпускников Технологического института Бандунга. Это прекрасное полотно, демонстрирующее мастерство и тонкий юмор Хендры, осталось в личной коллекции выдающегося коллекционера. Вызывающая воспоминания и ярко воплотившая индонезийский рынок картина свежа и фокусируется на хронике повседневных ритмов жизни коренных народов Индонезии – одной из самых знаменитых тем Хендры.

Ранняя и культовая картина «Продавец домашней птицы» представляет собой нечто большее, чем простое описание сцены, поскольку она показывает смелую женственность и откровенное очарование, которыми художник так восхищался в женщинах. Здесь женщина – продавец домашней птицы идет на рынок, держа по цыпленку в каждой руке и неся на голове большую корзину, полную цыплят. Браслеты на ее лодыжках указывают на то, что женщина принадлежит к мадуре, этнической группе, родом с острова Мадера у северо-восточного побережья Явы.

Птица в ее левой руке представляет собой черное пятно движения – ее перья растопырены, когда она пытается вырваться из крепких объятий женщины, что придает сцене пылкое ощущение движения. Позади мужчина балансирует сигаретой во рту, держа на руках курицу. Кажется, он пристально следит за женщиной – продавцом домашней птицы, почти преследуя ее и цыплят, которых она несет на рынок. Раскрывая жизнерадостный дух и веселую натуру Хендры, это взаимодействие одновременно спонтанно, но в то же время тонко наводит на размышления.

Две фигуры изображены на розовом фоне, но именно фигура женщины доминирует на холсте, поскольку она шагает с полной уверенностью и самообладанием, несмотря на свою довольно непосильную ношу. Ее нежные веки, острый нос и алые губы изображены быстрыми, уверенными штрихами, которые передают чувственную, но смелую харизму героини Хендры. Поразительно, что черты этого человека едва ли можно назвать перформативными, сохраняя скромный, но завораживающий вид, поскольку художник представляет их во всей их полноте. На этом простом фоне художник выдвигает на первый план скромную и динамичную натуру титульных фигур, превращая обычных персонажей в сверхъестественных существ. Действительно, Хендра был глубоко тронут скромным, но прирожденно достойным существованием своих собратьев и с готовностью воспевал этот подлинный дух в своем искусстве, которое отдавало дань уважения этим важным забытым темам индонезийского общества (Burhan, 2013).

В этой работе 1962 г. Хендра демонстрирует свою фирменную изобретательность в области цвета на раннем этапе своей карьеры. Чтобы создать высоко стилизованное видение реальности, художник использовал нетрадиционно эклектичную палитру, которую часто сравнивают с цветовыми экспериментами фовистского движения. Кожа женщины – продавца домашней птицы окрашена в бирюзовые тона, что резко контрастирует с натуралистичным цветом лица мужчины и более тусклым черным одеянием, что еще больше делает ее тематическим центром произведения.

Действительно, женщины часто были центральными сюжетами в живописи Хендры. Художник, будучи единственным ребенком матери-одиночки, посвятил себя тому, чтобы запечатлеть всесторонний взгляд на их женственность. Вместо того чтобы строго ограничивать себя позировавшими моделями и портретной съемкой, он предпочел изображать людей в различных состояниях действия, непосредственно взаимодействуя с окружающей средой, будь то работа, отдых или разговор. В результате его работы демонстрируют целый ряд личностей, достойных и ярких, как и женщина на этой картине (Боровский, 2020: 40).

Другие картины Хендры имеют матовую поверхность и массивные, четко очерченные формы, вызывающие воспоминания о Гогене. У Хендры были и другие направления: с одной стороны, любовь к микромирам в природе, маленьким разноцветным цветам, маленькому миру золотых рыбок, которых он с любовью выращивал, а с другой – пристрастие к крупным, героическим работам. Он предпочитал большие полотна всякий раз, когда мог позволить себе их приобрести, и действительно написал несколько масштабных картин. Однако они не входили в число его лучших работ, возможно, потому, что ему приходилось расстилать их на полу своей тесной спальни и ползать вокруг, чтобы написать их.

Пристрастие к размерам часто приводило к тому, что Народные художники (индон. *Пелукиса Ракджата*) под его руководством создавали неуместно большие и неуклюжие работы в неподходящей обстановке. Например, они вырезали серый цементный рельеф размером 8 на 12 футов,

изображающий пятерых крепких рабочих для крошечного вестибюля здания Профсоюза общественных работников в Мадииуне. Также они создали гигантские рельефные портреты для Джакартского музея Корпуса военной полиции, расположенного в старом изящном особняке в колониальном стиле. Вдоль задней стены его центрального выставочного зала выставлена «портретная» голова Гаджи Мада – знаменитого премьер-министра и строителя империи XIV в. – высотой 8 футов, окруженная с обеих сторон двумя 6-футовыми горельефами полковников корпуса военной полиции. Еще одним памятником стремления Народных художников к монументальности был каменный бюст султана Джоджакарты Рустамаджи высотой более 4 футов. Он стоял заброшенным на земле в переулке, ведущем к ашраму Народных художников. Очевидно, ни субъект портрета, ни кто-либо другой не были заинтересованы в том, чтобы выделить ему более достойное место.

В 1965 г. Хендра был арестован и посажен в тюрьму на 13 лет в Кебон Вару, Бандунг (Погадаев, 2020: 58). Многие другие художники, например Прамодья Ананта Тоер, в это время также были арестованы. Находясь в заключении, Хендра все еще продолжал рисовать, однако его стиль резко изменился: от темной цветовой палитры художник перешел к более естественным и светлым цветам.

После освобождения из тюрьмы Хендра решил остаться на Бали, чтобы провести там оставшуюся жизнь. На острове, помимо общения с другими художниками, он много времени проводил поэтом Умбу Ланду Паранги (1943–2021), литератором Сумба, родившимся на Бали. Исследователи полагают, что Умбу ценил Хендру потому, что в дополнение к живописи художник, как оказалось, писал стихи (Holt, 1967: 324).

До сих пор картина Хендры «Продавец домашней птицы» была одним из самых дорогих индонезийских шедевров в азиатском аукционном зале. Он был левым художником, который выбрал живопись как благородную работу на этой земле.

Список источников:

- Боровский А.Д. После Авангарда: От символизма до реализмов. М., 2020. 224 с.
 Кашмадзе И.И. Индонезия: острова и люди. М., 1987. 309 с.
 Погадаев В.А. Загадочный мир Индонезии. М., 2020. 208 с.
 Погадаев В.А., Перминов Н.А. Индонезия: карманная энциклопедия. М., 2021. 270 с.
 Burhan M.A. Seni lukis Indonesia masa Jepang sampai Lekra. Surakarta, 2013. 144 p.
 Holt C. Art in Indonesia: Continuities and Change. Ithaca, N.Y., 1967. 374 p.
 Wertheim V.F. Indonesian Society in Transition. Hyperion Pr; Revised edition. 1979. 394 p.

References:

- Borovsky, A.D. (2020) *Posle Avangarda: Ot simvolizma do realizmov* [After the Avant-Garde: From Symbolism to Realism]. Moscow, Ripol-Klassik. (In Russian)
 Burhan, M.A. (2013) *Seni lukis Indonesia masa Jepang sampai Lekra*. Surakarta, UNS Press.
 Holt, C. (1967) *Art in Indonesia: Continuities and Change*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press.
 Kashmadze, I.I. (1987) *Indoneziya: ostrova i lyudi* [Indonesia: Islands and People]. Moscow, Nauka. (In Russian)
 Pogadaev, V.A. & Perminov, N.A. (2021) *Indoneziya: karmannaya entsiklopediya* [Indonesia: Pocket Encyclopedia]. Moscow, Klyuch-S. (In Russian)
 Pogadaev, V.A. (2020) *Zagadochnyi mir Indonezii* [The Mysterious World of Indonesia]. Moscow, Vostochnaya kniga. (In Russian)
 Wertheim, V.F. (1979) *Indonesian Society in Transition*. Hyperion Pr; Revised edition.

Информация об авторе

И.Дж. Курниаван – аспирант Российского государственного социального университета, Москва, Россия.

Information about the author

I.J. Kurniawan – Postgraduate Student, Russian State Social University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 244–250.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 6. P. 244–250.

Научная статья

УДК 297.1:262

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.43>

Современная российская религиозная мода через призму секулярности и контрсекулярности

Иван Михайлович Федоров

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, project.fedorov@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-4030-3933>

Аннотация. В статье феномен современной российской религиозной моды рассматривается через призму двух динамических процессов – секулярности и контрсекулярности – на примере двух конфессий – православия и ислама. Приводится характеристика одежды рядовых верующих и облачений духовенства, а также представлены примеры из других религий, касающиеся религиозной моды. Исследование показывает, какими путями проходят секуляризация и ее обратный процесс – контрсекуляризация – посредством моды. Дается многоаспектное определение религиозной моды как процесса приобщения социума через моду к религии и рядовых верующих – к светской жизни. Делается вывод, что мода рядовых верующих как в православии, так и в исламе имеет больше общих черт, нежели различий. Это может содействовать гармонизации межнациональных отношений и предупреждению конфликтов на религиозной почве в нашей стране.

Ключевые слова: православие, ислам, секуляризация, контрсекуляризация, мода, религиозная мода, православная мода, исламская мода

Для цитирования: Федоров И.М. Современная российская религиозная мода через призму секулярности и контрсекулярности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 244–250. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.43>.

Original article

Modern Russian Religious Fashion Through the Prism of Secularity and Counter-secularity

Ivan M. Fedorov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, project.fedorov@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-4030-3933>

Abstract. The article examines the phenomenon of modern Russian religious fashion through the prism of two dynamic processes – secularity and counter-secularity – on the example of two confessions – Orthodoxy and Islam. The article describes the clothing of ordinary believers and the vestments of the clergy, as well as examples from other religions concerning religious fashion. The study shows the ways in which secularization and its reverse process – counter-secularization – take place through fashion. A multidimensional definition of religious fashion is given as the process of introducing society through fashion to religion and ordinary believers to secular life. It is concluded that the fashion of ordinary believers in both Orthodoxy and Islam has more common features than differences. This can contribute to the harmonization of interethnic relations and the prevention of conflicts on religious grounds in our country.

Keywords: Orthodoxy, Islam, secularity, counter-secularity, fashion, religious fashion, Orthodox fashion, Islamic fashion

For citation: Fedorov, I.M. (2022) Modern Russian Religious Fashion Through the Prism of Secularity and Counter-secularity. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 244–250. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.6.43](https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.43) (In Russian).

Данное исследование посвящено взаимоотношениям моды и религии, где их взаимное влияние раскрывается через социокультурные процессы и два ключевых фактора, определяющих течение истории религиозной моды как во всем мире, так и в нашей стране:

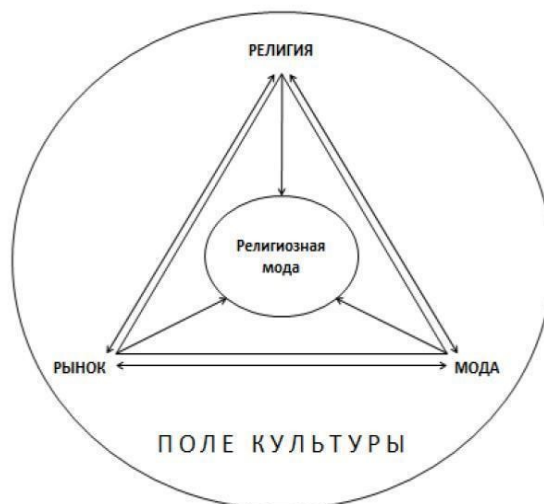
– первый – исторические события, повлекшие за собой смену облачения (*исторический, культурный*);

– второй – доступность сырья для пошива богослужебных облачений (*ресурсный, экономический*).

Проследить влияние богослужебных облачений на православную моду рядовых верующих можно через символизм, который в какой-то мере им свойствен. В одеянии священника каждому

предмету гардероба придается символический, религиозный смысл. В рамках нашего исследования выяснено, что одежды рядовых верующих вызывают у прихожан ассоциации, связанные с отречением от Мира и его агрессии (Федоров, 2021б), такое понимание перекликается с символизмом монашеского облачения. Однако сами богослужебные одеяния не могут быть носимы и используются в быту, запрещено их применение в повседневности рядовыми верующими и светскими людьми. Соответственно, православные дизайнеры не могут их задействовать в модных образах, так как облачения предназначены только для отправления божественных служб. Тем не менее в мировой практике моды есть следующие примеры: французский модельер Кристиан Лакруа в 1988 г. создал черный жакет с вышитым на груди огромным крестом, украшенным разноцветными камнями; на нижнем белье итальянского бренда «Роберто Кавалли» присутствовали изображения богов Вишну и Рамы, что вызвало негодование со стороны индуистской общины; модельер Джон Гальяно в 2001 г. выпустил линию футболок с надписью «Иисус 5»¹. Можно привести и множество других примеров западной моды.

В целом взаимосвязь трех компонентов – религии, моды и рынка – в пространстве культуры можно выразить схемой, представленной на рисунке 1. В центре равностороннего треугольника размещена религиозная мода. Взаимовлияние каждого из элементов лежит в пространстве культуры, которое мы определяем как интегральное понятие, объединяющее в себе такие составляющие, как национальная (или этническая), доминирующая, массовая культура, суб- и контркультура и др. В свою очередь, эти компоненты включают в себя такие структурные элементы, как ценности, убеждения, образцы поведения, символы, принимаемые и разделяемые представителями культуры².

Рисунок 1 – Религиозная мода в пространстве культуры («поле культуры»)

Человек и общество встречаются со всеми компонентами схемы в своей повседневной жизни и нуждаются во взаимодействии с ними в большей или меньшей степени. Для каждого субъекта (человека как представителя конкретной культуры или общества) религиозная мода может означать что-то свое. Важна позиция субъекта в «поле культуры», его взгляд на религиозную моду. Вероятно, религиозная мода есть культурный код в понимании его как языка культуры, который передает опыт прошлого в современность. Здесь для субъекта важно уметь прочесть культурный текст, записанный в костюме, одежде и моде. Моду можно рассматривать как текст культуры, вторичный язык (по Ю.М. Лотману (2000)). Текстом культуры можно назвать обряд, произведение искусства, ритуалы, традиции, обычаи – все это знаковые системы, языки, формирующие этот текст, представляющие собой коды, с помощью которых шифруются культурные смыслы (Павлова, 2011).

Отметим, что субъект, находящийся в «поле культуры», способен сформировать индивидуальную позицию по отношению к религиозной моде. С этой точки зрения можно также дать

¹ Дядькина В. Мода и религия: краткая история сложных взаимоотношений [Электронный ресурс] // L'Officiel Россия. 2017. 7 авг. URL: <https://www.lofficielrussia.ru/moda/moda-i-religiya> (дата обращения: 24.05.2022).

² Флиер А.Я. Культурология для культурологов : учеб. пособ. для магистрантов, аспирантов и соискателей. М., 2015. 672 с.

различные определения религиозной моды. В аспекте каждого компонента рисунка 1 религиозная мода предстает в разном свете. Со стороны рынка – это производство и продажа товаров и услуг религиозного содержания. Со стороны религии – часть процесса десекуляризации (или контр-секуляризации) современного общества посредством религиозной моды. Со стороны моды – это религиозное поведение, фасоны, аксессуары, одежда, костюм, которые выступают традиционной формой культуры, современной адаптацией традиций в новом религиозном формате или предметом использования массовой культурой, суб- и контркультурами в авангардных формах презентации, когда проявляется процесс десакрализации, приводящий к профанации религиозных символов (Федоров, 2020б).

Целесообразно продолжить исследование примерами из мира моды царской России, когда в обиходе священства можно было встретить обрядовую одежду, сшитую из китайского шелка с изображением дракона. Подобный любопытный экспонат хранится в Эрмитаже¹. Также значительное воздействие на русскую моду оказало заимствование Русью культуры византийского православия, привнесшего обрядность и роскошь, которая вызывала почтение и восхищение у прихожан от созерцания облачений священства (Леонтьев, 1992; Лихачев, 1999). Общеизвестен факт, что первосвященники в христианстве и их последователи с Ближнего Востока не отличались пестротой и роскошностью облачений, данная традиция сформировалась под влиянием как византийского двора (восточного христианства), так и западного христианства с его наследием знати народов Европы.

Следующей интересной особенностью одеяний в первые века существования христианства и ислама являлись головные уборы (тюрбаны). Чалмы повязывались одинаково, а их цвет позволял отличить христианина от мусульманина, а последователей Христа и Магомета, в свою очередь, – от огнепоклонников. Голубая чалма была у христиан, черная – у мусульман, красная – у огнепоклонников². Мы не беремся детально рассматривать облачения духовенства, отметим лишь наличие тенденций и моды, только динамика смены предпочтений в одежде и аксессуарах здесь значительно слабее по сравнению с современными переменами в области моды, которые случаются каждый сезон или чаще³.

Перейдем к отношению светских людей и рядовых верующих к религиозной моде. В сознании светского человека мусульманка будет ассоциироваться с «еврохиджабом» (ансамблем мусульманской традиционной одежды, приемлемым для Европы) или современным стилем *modest fashion* (скромная мода), который родился в мире мусульманской моды как ее продолжение (Федоров, 2021а). Гласно и негласно в конфессиях как для рядовых верующих, так и для священнослужителей существует дресс-код для приходской и светской жизни (Головков, 2020; Реутский, 2011). По нашему мнению, в православии требования к священству более строгие, чем в исламе, однако правила для прихожан в исламе более существенны и обсуждаемы российским обществом, чем в православии по отношению к рядовым верующим⁴.

В религиозной моде, в частности у мусульман, на первый план выходит одежда женщин⁵. Как в православии, так и в исламе в России мужчина использует в первую очередь удобную одежду неярких расцветок при посещении святых мест, предпочтительно классику или повседневный стиль, свободный от обтягивающих фасонов. Для мусульманина существует набор одежды для намаза, у женщин состоящий из длинного платья, скрывающего все тело и голову, у мужчин – из хлопковых брюк и рубашки. Также предусмотрен костюмный ансамбль женского или мужского камиса. В православии таким комплектом одежды можно назвать длинное платье или юбку с блузой без оголения тела и обязательное покрытие головы платком. Об этом можно получить подробную информацию, например, как во время посещения храма, так и при обращении к открытым источникам сети Интернет – специализированным сайтам, посвященным вопросам православия (Федоров, 2020а).

¹ Баженова Т. В Эрмитаже представили выставку православных церковных облачений [Электронный ресурс] // Topspb.tv. 2021. URL: <https://topspb.tv/news/2021/05/4/v-ermitazhe-predstavili-vystavku-pravoslavnyh-cerkovnyh-oblacheniij> (дата обращения: 24.05.2022).

² Что такое чалма? [Электронный ресурс] // Ислам и семья : исламский информационный духовно-просветительский портал. 2013. 27 мая. URL: <http://www.islamisemya.com/chto-takoe-chalma.html> (дата обращения: 24.05.2022).

³ Состоялось традиционное чаепитие five o'clock tea в собрании мастеров Гильдии храмоздателей [Электронный ресурс] : интервью художника-модельера Я. Стародубцева от 24 окт. 2019 г. // Youtube. 2019. 25 окт. URL: https://www.youtube.com/watch?v=LrqLmqZf_14&t=239s (дата обращения: 24.05.2022).

⁴ Можно ли христианам заходить в мечеть [Электронный ресурс] // Первая исламская онлайн-академия. URL: <https://medinaschool.org/library/obshchestvo/musulmanskaya-etika/mozhno-li-hristianam-zahodit-v-mechet> (дата обращения: 24.05.2022).

⁵ Карлинер Д. Модная исламизация [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2018. 17 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3548636> (дата обращения: 24.05.2022).

Единый символизм в облачениях как у мусульманского духовенства, так и у православных священнослужителей можно проследить в расцветке ткани. Синий цвет у мусульман и православных является символом небесной чистоты, он был почитаем мусульманами как цвет неба и места пребывания ангелов, поэтому он чист и непорочен. Однако мусульмане не носили синюю чалму в отличие от первых христиан, проживающих бок о бок с ними. У мусульман тюрбан был черный, о чем мы уже упоминали. Отметим, что черный цвет у двух религий схож в значении устремления к Богу и святости. В православии он присущ монашеству, а у мусульман это цвет Пророка. Зеленый цвет знаком каждому гражданину нашей страны независимо от вероисповедания как цвет ислама. Однако и православные священнослужители используют его в своем облачении. Схожесть в символизме православных и мусульман прослеживается в следующем. Этот цвет имеет значение цвета жизни, в большей степени райской и вечной. Желтый цвет – солнца, золота и божественного откровения – в двух религиях ассоциируется с пророками и посланниками божьими. Мы видим обилие желтого и золотого в облачениях православного духовенства, что выражает величественную красоту Царства Божьего на земле. Однако современное облачение православного священства начинает тяготеть к минимализму и монохромности¹, что присуще более мусульманам, чем христианам. Закончим сравнение белым цветом, символизм которого раскрывается через одеяния ангелов и праведников как в христианстве, так и в исламе, что упоминается в писаниях.

Рядовые верующие стремятся подражать священству, учитывая символизм цвета как в повседневной одежде, так и в одежде для посещения службы и молитв. Для верующих рассматриваемых религий характерны общие черты в повседневном стиле. Например, женщина, исповедующая ислам, должна следовать правилам в выборе образа, которые основываются на хараме – требовании закрывать части тела, предписанные шариатом²: открытыми могут быть только кисти рук и стопы, голова должна быть покрыта полностью, крой верхней одежды – свободный, должна наблюдаться сдержанность в расцветке ткани³. Покрытие головы платком является для женщины элементом ее послушания, личного и религиозного воспитания (Бахадори, Расул, 2008), что, в свою очередь, сближает мусульман в предпочтениях с православными женщинами, которые носят длинное платье с длинным рукавом простого прямого силуэта, где нет места открытым вырезам, коротким юбкам с разрезами и низкой талией, обнажающей тело при поклоне. Рядовые верующие описывают православную моду через образы элегантности и нарядности, привлекательности и традиции, современности и натуральности, с большой долей смирения, миссионерства и женственности в фасонах повседневной одежды. Обязательное соответствие одежды полу и возрасту – это то, что объединяет православных и мусульман.

Исходя из этих примеров, можно отметить, что общего в исламе и православии в области моды больше, чем различий. Это может содействовать гармонизации межнациональных отношений и предупреждению конфликтов на религиозной основе в соответствии с приоритетами государственной национальной политики в Российской Федерации⁴. Религия вписана в контексты государственных проектов нацестроительства (Agadjanian, 2015), поэтому налицо созидательный и миротворческий аспекты религиозной моды с общими духовными и культурными основами, которые также могут распространиться и на соседние страны, граничащие с Россией, откуда приезжает множество рядовых верующих, например мусульман.

Однако посредством моды формируются секулярность и контрсекулярность. Процессы секуляризации и контрсекуляризации зависят от общества как верующих, потребляющих моду, так и создателей и продавцов моды. По мнению В. Малахова и Д. Летнякова, секулярность в России обусловлена прежде всего разрушением механизмов передачи культурно-религиозной традиции (2021). М. Вольраб-Сар и М. Бурхардт понимают под секулярностью совокупность культурных смыслов, в основе которых лежит разделение между религиозными и нерелигиозными сферами культурной жизни, а также практики, возникающие вокруг этой культурной жизни в конкретном регионе (Wohlrab-Sahr, Burchardt, 2012).

В связи с этим следует вновь обратиться к рисунку 1, где религиозная мода выступает как практика в рамках религиозной жизни (культурной жизни в целом) под влиянием исторического и экономического факторов, развивающаяся по пути секулярности или наоборот. Важно подробно

¹ Состоялось традиционное чаепитие...

² Аляутдинов Ш. Как одеваться мусульманке [Электронный ресурс] // Умма. URL: <https://umma.ru/kak-odevatsya-musulmanke> (дата обращения: 24.05.2022).

³ Пашуто О. Борода в Исламе: значение. Почему мусульмане носят бороду [Электронный ресурс] // FB.ru. 2017. 4 мая. URL: <http://fb.ru/article/311725/boroda-vislame-znachenie-pochemu-musulmane-nosyat-borodu> (дата обращения: 24.05.2022).

⁴ Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 24.05.2022).

описать соотношение всех компонентов. При встрече религии и моды продуктом их отношений является религиозная одежда и костюм (религия + мода = религиозная одежда и костюм). По аналогии: мода + рынок = индустрия моды; рынок + религия = хозяйственная деятельность.

Каждая религиозная организация имеет потребность в соответствующих одежде, аксессуарах и иных предметах (вещах), используемых в обрядах служителями и рядовыми верующими. В ходе хозяйственной деятельности они самостоятельно выпускают товары (или приобретают их у специализированных производителей церковной утвари и текстиля), оказывают услуги (или получают их), а значит, вступают в рыночные отношения с другими хозяйствующими субъектами религиозного рынка. В итоге последний насыщен рядом предложений в виде товаров и услуг религиозной направленности, в частности религиозной моды. Поэтому понятной представляется ситуация, когда религиозные фасоны одежды, аксессуары и символы продаются на сайтах производств, демонстрируются на подиуме в рамках тематических недель мод и в рекламных сообщениях (например, мусульманская мода на AliExpress – глобальной виртуальной торговой площадке). Мастерские и модные бренды выражают свои концепции, следуя за предпочтениями потребителей, которые считают религиозную моду частью повседневной практики религиозной жизни.

В этом свете интересным представляется мнение аналитика моды Т. Кулахметовой, которая полагает, что мусульманскую моду нельзя считать современной адаптацией одежды к требованиям религиозных канонов, в принципе чуждых моде. Напротив, сегодняшняя мусульманская мода демонстрирует уход от религии и адаптацию под требования актуальной городской моды (это одно из направлений религиозной моды, выраженное в процессах секулярности). При этом сохраняется потребность соблюдать правила религии, однако так, чтобы не выходить за рамки светского общества. Тем не менее можно отметить контрсекулярность в религиозной моде, когда ряд женщин, желающих уйти от открытости и акцентированной сексуальной привлекательности, стремятся быть привлекательными в глазах мусульманской общины, обращаясь к религиозным традициям ислама. Налицо необходимость акцентировать религиозную принадлежность через одежду. Подобная демонстрация религиозной моды и идеологии, как утверждает эксперт, есть «желание подчеркнуть свою инаковость, встать в оппозицию к "плохому" светскому окружению»¹. Сейчас в российском обществе такое поведение может граничить с контркультурным, что противоречит Стратегии государственной национальной политики в ее приоритетном направлении по предупреждению национальных и религиозных конфликтов.

В свою очередь, индустрия моды отвечает на спрос рынка модными товарами и услугами, реализует маркетинговые стратегии, повышающие объемы продаж одежды и аксессуаров религиозного направления. Одновременно с рыночными процессами посредством религиозной моды общество возвращается к сакральному – утверждая традиции в современных социальных условиях на пути к новым формам религиозности. Оппозиционные размышления можно встретить в среде последователей модерна, где приверженность к религии в принципе символизирует отсталость, отказ от нового (Малахов, Летняков, 2021), в то время как мода – наивысшее проявление модерна. В широком смысле модерн – это мода как социальная практика, новое для современности, формирующее будущее. Рядовой верующий может проявить нежелание идти в ногу с прогрессивным секулярным миром, а именно – миром моды. А. Агаджанян отмечает, что за годы советской власти были разрушены механизмы передачи религиозного опыта, в России практически не существовало сглаживающих факторов отсутствия религии в социуме. Ее запрещали в общественном пространстве. Институт религии, который бы придавал секулярности смысл, был подавлен (Agadjanian, 2006).

Исходя из представленного анализа, можно дать определение религиозной моде как компоненту культуры, религиозной и нерелигиозной практики из сферы культурной жизни верующих, который проявляется в процессе взаимодействия трех элементов – религии, моды и рынка – с учетом двух факторов – историзма и экономики. Религиозная мода со стороны религии – это процесс десекуляризации (или контрсекуляризации) современного общества, а со стороны индустрии моды – маркетинговый прием на рынке модной одежды и аксессуаров с тенденцией к секулярности.

Таким образом, во взаимовлиянии религиозной и светской моды можно выделить следующие особенности.

– Светская мода на протяжении всей истории существования тесно соприкасалась с религиозным облачением – в каждую эпоху использовались ткани светской моды для пошива одежды духовенства.

¹ Королева А. Мусульманская мода? [Электронный ресурс] // РИА Мода. 2012. 5 марта. URL: <https://riamoda.ru/article/news-77.html> (дата обращения: 24.05.2022).

– Религиозная мода может выступать как гармонизирующее начало в межнациональных и межрелигиозных конфликтах, когда в процессе поиска нового образного языка, единого для современной религиозной и светской моды в диалоге с культурой, находится общее историческое культурное наследие; или как контркультурное явление, противоречащее целям национальной политики государства.

– Консервативный, обусловленный обрядностью подход к одежде отделяет духовенство от рядовых верующих. Придерживаясь традиционного богослужебного одеяния, религия подчеркивает не только связь с первоисточниками, но и надмирность, устремление в вечность, неизменяемость в отличие от переменчивости моды рядовых верующих и светских людей.

– Как предметы одежды, так и их цвет у православного духовенства и духовной элиты мусульман имеют сходства и различия. Символизм оттенков у мусульман и христиан в большинстве своем схож, что обусловлено исторически, в том числе местом происхождения двух религий.

– Секулярность присуща религиозной моде, пропитанной рыночными отношениями, а контрсекулярность – религиозной моде, которая берет начало в религиозных традициях в рядах верующих, считающих моду частью религиозной практики.

Список источников:

- Бахадори Н., Расул К. Современный хиджаб: сокровенная красота. М.: СПб., 2008. 121 с.
- Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Записки отшельника. М., 1992. С. 19–20.
- Лихачев Д.С. Заметки и наброски // Раздумья о России. СПб., 1999. С. 429–441.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.
- Малахов В., Летняков Д. Постхристианское или постатеистическое общество? Некоторые особенности российского режима секулярности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39, № 1. С. 245–266. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-245-266>.
- Марк (Головков С.А.), митр. Рязанский и Михайловский. Церковный этикет. М., 2020. 707 с.
- Павлова О.Д. Семиосфера как результат и развитие культуры // Язык и культура. 2011. № 3 (15). С. 58–64.
- Реутский А. Православный стиль в современной моде // Церковный вестник. 2011. № 10.
- Федоров И.М. Мусульманская одежда в России: тенденции женской моды // Общество: философия, история, культура. 2021а. № 12. С. 201–206. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.12.32>.
- Федоров И.М. Православная и мусульманская мода: источниковая база в русскоязычной сети Интернет // Инновационная парадигма развития современных гуманитарных и общественных наук : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.В. Посновой. Петрозаводск, 2020а. С. 236–244.
- Федоров И.М. Православная мода в России // Общество: философия, история, культура. 2021б. № 3. С. 98–100. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.3.19>.
- Федоров И.М. Религиозная символика в современной моде // Исследования молодых ученых : материалы XIV Междунар. науч. конф. / под ред. И.Г. Ахметова. Казань, 2020б. С. 37–39.
- Agadjanian A. Vulnerable post-soviet secularities: patterns and dynamics in Russia and beyond // Multiple secularities beyond the West. Religion and modernity in the global age / ed. by M. Burchardt, M. Wohlrab-Sahr, M. Middell. Berlin, 2015. P. 241–260. <https://doi.org/10.1515/9781614514053.241>.
- Agadjanian A. The search for privacy and the return of a grand narrative: Religion in a post-communist society // Social Compass. 2006. Vol. 53, no. 2. P. 169–184. <https://doi.org/10.1177/0037768606064318>.
- Wohlrab-Sahr M., Burchardt M. Multiple secularities. Towards a cultural sociology of secular modernities // Comparative Sociology. 2012. Vol. 11, no. 6. P. 875–909. <https://doi.org/10.1163/15691330-12341249>.

References:

- Agadjanian, A. (2015) Vulnerable post-soviet secularities: patterns and dynamics in Russia and beyond. In: Burchardt, M., Wohlrab-Sahr, M. & Middell, M. (eds.) *Multiple secularities beyond the West. Religion and modernity in the global age*. Berlin, De Gruyter, 241–260. Available from: [doi:10.1515/9781614514053.241](https://doi.org/10.1515/9781614514053.241).
- Agadjanian, A. (2006) The search for privacy and the return of a grand narrative: Religion in a post-communist society. *Social Compass*. 53 (2), 169–184. Available from: [doi:10.1177/0037768606064318](https://doi.org/10.1177/0037768606064318).
- Bahadori, N. & Rasool, K. (2008) Modern hijab: Hidden beauty. Moscow, Saint Petersburg, Dilya. (In Russian)
- Fedorov, I.M. (2020a) Orthodox and Muslim fashion: A source base in the Russian-language Internet. In: Posnova, M.V. (ed.) *Innovative paradigm of development of modern humanities and social sciences: Proceedings of the II International scientific and practical conference*. Petrozavodsk, Novaya Nauka, 236–244. (In Russian)
- Fedorov, I.M. (2020b) Religious symbols in modern fashion. In: Akhmetov, I.G. (ed.) *Studies of young scientists: Proceedings of the XIV International scientific conference*. Kazan, Molodoi Uchenyi, 37–39. (In Russian)
- Fedorov, I.M. (2021a) Muslim clothing in Russia: Women's fashion trends. *Society: Philosophy, History, Culture*. (12), 201–206. Available from: [doi:10.24158/fik.2021.12.32](https://doi.org/10.24158/fik.2021.12.32). (In Russian)
- Fedorov, I.M. (2021b) Orthodox fashion in Russia. *Society: Philosophy, History, Culture*. (3), 98–100. Available from: [doi:10.24158/fik.2021.3.19](https://doi.org/10.24158/fik.2021.3.19). (In Russian)
- Leontiev, K.N. (1992) Byzantism and Slavism. In: Leontiev, K.N. *Notes of a Hermit*. Moscow, Russkaya Kniga, 19–20. (In Russian)
- Likhachev, D.S. (1999) Notes and sketches. In: Likhachev, D.S. *Reflections on Russia*. Saint Petersburg, Logos, 429–441. (In Russian)
- Lotman, Yu.M. (2000) Semiosphere. Saint Petersburg, Iskustvo. (In Russian)
- Malakhov, V. & Letnyakov, D. (2021) Post-Christian or post-atheistic society? some characteristics of the Russian regime of secularity. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 39 (1), 245–266. Available from: [doi:10.22394/2073-7203-2021-39-1-245-266](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-245-266). (In Russian)

- Mark (Golovkov, S.A.) (2020) Church etiquette. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. (In Russian)
- Pavlova, O.D. (2011) Semiosphere as the result and progress of culture. *Language and Culture*. (3), 58–64. (In Russian)
- Reutskii, A. (2011) Orthodox style in modern fashion. *The Church Herald*. (10). (In Russian)
- Wohlrab-Sahr, M. & Burchardt, M. (2012) Multiple secularities. Towards a cultural sociology of secular modernities. *Comparative Sociology*. 11 (6), 875–909. Available from: doi:10.1163/15691330-12341249.

Информация об авторе

И.М. Федоров – аспирант Департамента искусств и дизайна (культурология) Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1063137.

Information about the author

I.M. Fedorov – postgraduate student of the Department of Arts and Design (Cultural Studies) of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1063137.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 07.06.2022.

График выхода журналов

2022

«Теория и практика общественного развития»	выход журнала
№ 1	14 января
№ 2	2 февраля
№ 3	2 марта
№ 4	6 апреля
№ 5	4 мая
№ 6	1 июня
№ 7	6 июля
№ 8	10 августа
№ 9	7 сентября
№ 10	5 октября
№ 11	2 ноября
№ 12	7 декабря

«Общество: философия, история, культура»	выход журнала
№ 1	14 января
№ 2	9 февраля
№ 3	16 марта
№ 4	13 апреля
№ 5	11 мая
№ 6	8 июня
№ 7	13 июля
№ 8	17 августа
№ 9	14 сентября
№ 10	12 октября
№ 11	9 ноября
№ 12	14 декабря

«Общество: политика, экономика, право»	выход журнала
№ 1	19 января
№ 2	16 февраля
№ 3	23 марта
№ 4	20 апреля
№ 5	18 мая
№ 6	15 июня
№ 7	20 июля
№ 8	24 августа
№ 9	21 сентября
№ 10	19 октября
№ 11	16 ноября
№ 12	21 декабря

«Общество: социология, психология, педагогика»	выход журнала
№ 1	26 января
№ 2	24 февраля
№ 3	30 марта
№ 4	27 апреля
№ 5	25 мая
№ 6	22 июня
№ 7	27 июля
№ 8	31 августа
№ 9	28 сентября
№ 10	26 октября
№ 11	23 ноября
№ 12	28 декабря

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Оригинал-макет: К.Г. Угулава
М.П. Дюжева

Сдано в набор 07.06.2022
Подписано в печать 08.06.2022
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная
Печать трафаретная. Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «ПринтТерра»
Заказ №

г. Краснодар, ул. Садовая 161/2, литер 2, оф. 511
тел./факс: 8 (861) 217-75-17
e-mail: printterra@inbox.ru